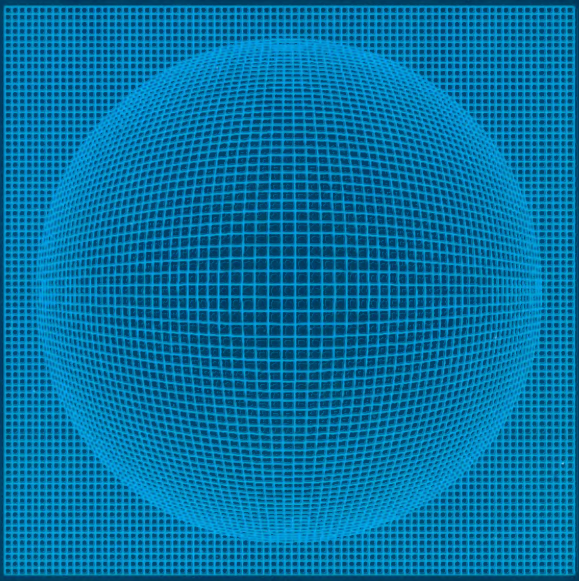
В. Л. Иноземцев

ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ



К КОНЦЕПЦИИ ПОСТЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В.Л.ИНОЗЕМЦЕВ

ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ

К концепции постэкономического общества

Москва
«Academia»
1998

Редакционный совет издательства «Academia»

С.С.Аверинцев, В.И.Васильев, В.Л.Гинзбург, В.А.Кириллин, Д.С.Лихачев, И.М.Макаров *(председатель)*, **В.П.Нерознак, А.М.Панченко, Н.Я.Петраков, Р.В.Петров, Н.А.Платэ, В.А.Попов** *(зам. председателя)*, **К.А.Свясьян, С.О.Шмидт, Е.П.Челышев, О.Г.Юрин**

Иноземцев В.Л.

За десять лет. К концепции постэкономического общества: Научное издание. — М.: «Academia», 1998. — 576 стр.

ISBN 5-87444-077-1

Книга представляет собой сборник статей В.Л.Иноземцева, директора московского Центра исследований постиндустриального общества, опубликованных с 1989 по 1998 год. В него вошли работы автора, непосредственным образом связанные с разработкой концепции, согласно которой современные западные страны эволюционируют в направлении постэкономического общества. Эта теория строится автором на основе творческого переосмысления марксистских взглядов на историю и соединения их с современными западными представлениями о постиндустриальном обществе. Представленные в книге работы разных лет показывают, как совершенствовалась авторская концепция, и обозначают основные направления ее применения к анализу современной экономической и социальной ситуации в развитых странах мира, к оценке возможности вхождения России в ряд постиндустриальных держав. Публикуемые статьи базируются на большом числе источников, мало знакомых российским исследователям. Книга предназначена для студентов и аспирантов экономических факультетов вузов, преподавателей политической экономии.

ISBN 5-87444-077-1

И $\frac{\text{0603000000-33}}{\text{Б76(02)98}}$

© В.Л.Иноземцев, 1998 г.

ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ

К концепции постэкономического общества

аутентичные тексты статей 1989—1998 годов
избранные отрывки книг 1995 и 1998 годов
рецензии 1997—1998 годов

Памяти
Леонида Николаевича Иноземцева
(19.X.1929 — 6.IV.1988)

...В течение лет, когда не постиг я еще смысла жизни, то есть *до двадцать восьмого года жизни моей*, я жил в заблуждении и вводил в заблуждение других, обманывался и обманывал разными увлечениями своими, ...в безмерной суетности своей жадно желая быть изысканным и светским...

St. Augustinus. Confessionum. Lib. IV, I, 1; Lib III, I, 2

ВВЕДЕНИЕ

Этот сборник в равной степени обязан своим появлением логике и эмоциям. Когда в начале этого года подошла к концу работа над новой книгой, вышедшей недавно в Москве и Лондоне[1], мне как никогда раньше захотелось обернуться назад, к тем временам, когда я не мог еще похвастаться сегодняшними достижениями, но когда мне и не приходилось сожалеть о допущенных ошибках. Именно сейчас приходит понимание того, насколько разными были времена, когда в конце 80-х годов я написал первые статьи на эту тему и когда данной концепции посвящались книги и статьи 1995—1998 годов. Теория постэкономического состояния всегда виделась мне как комплексная социологическая доктрина, способная объединить в себе методологический потенциал марксовой философии истории и новейшие тенденции в развитии западных обществ. Таким образом, я считал и считаю эту концепцию современной версией творческого марксизма, восходящего к идеям, изложенным основоположниками этого учения в их ранних философских работах, главным предметом которых были человек и его развитие в

[1] См.: *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. М., 1998; английское издание: *Inozemtsev V.L.* The Constitution of the Post-Economic State. L., 1998.

рамках и за пределами индустриальной цивилизации. Однако как в конце 80-х, когда подобные попытки казались странными на фоне растущей оппозиции марксизму, прокламируемой приверженности рыночной экономике и стремления следовать по западному пути, так и сегодня они не находят заметного отклика в стране, где знакомый силуэт университетского здания на Ленинских горах воспринимается не более чем осколком юности в оправе чуждого ей мира.

Все чаще встречая в российской литературе понятие постэкономического общества, я с сожалением замечаю, что в большинстве публикаций демонстрируется явная неспособность использовать эту теорию как относительно целостную концепцию, все элементы которой связаны и взаимозависимы. И причина тому лежит, по моему убеждению, не в сфере теории, а в мировоззренческих и идеологических предрассудках, которые чрезвычайно сильны и влиятельны в нынешнем отечественном обществоведении. В частности, теория постэкономического общества остается чуждой широкой российской научной общественности, не в последнюю очередь потому что все ее посылки и выводы предполагают *отказ от идеи об исключительной роли России в мире*, свидетельствуют о том, что страна стремительно теряет исторический шанс быстрого «догоняющего» развития. Согласно этой теории, нам следовало бы отказаться от *социального экспериментирования* в пользу до известной степени *ученического восприятия* ценностей современной западной цивилизации. Более подробно эти тезисы я и пытаюсь раскрыть в настоящем Введении.

Но сначала рассмотрим отличия постэкономической концепции от теории постиндустриального общества в том ее виде, в каком она сложилась в современной западной социологии.

Идея постэкономического общества занимает фактически ту же методологическую «нишу», что и кон-

цепция постиндустриализма, определенная в свое время Д.Беллом как теоретическая парадигма для осмысления происходящих в западных обществах перемен. Однако применяемый мною метод существенно отличен от используемого в рамках постиндустриализма. Как отмечают сторонники постиндустриальной теории, многие из них являются «постмарксистами», и это означает, что они вынесли значительную часть своих представлений из критического (а порой и весьма критического) переосмысления идей основоположников марксизма. Но диалог с марксовой концепцией оказался у постиндустриалистов несколько неполным и неадекватным; это обусловлено многими факторами, и сейчас следует отметить не столько природу данного факта, сколько его следствия.

Во-первых, большинство теоретиков постиндустриализма видят в марксизме социальную теорию, нацеленную на объяснение законов движения капиталистического общества и обоснование неизбежности социалистической трансформации. Оценивая содержание первого и третьего томов «Капитала», Д.Белл в своей основополагающей работе «Грядущее постиндустриальное общество»[2] сравнивает марксово исследование технологической стороны процесса производства (третий том) с развертыванием внутренних противоречий капитализма (первый том) и отдает предпочтение изучению технологических закономерностей. В то же время большинство западных социологов, выстраивающих классический ряд «доиндустриальное — индустриальное — постиндустриальное общества», никогда не используют глобальный подход К.Маркса, созданный им ряд исторической преемственности, никогда не обращаются к его анализу становления вторичной общественной формации, экономического общества, а ограничиваются лишь весьма условно выделенным пе-

[2] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1973.

риодом его упадка. Именно это и не позволяет им оценить внутренней логики марксовой схемы и лишает тот диалог, который стремятся вести с нею постиндустриалисты, полноты и достаточной осмысленности.

Во-вторых, современные постиндустриалисты, придавая исключительно большое значение технологическим факторам в социальном прогрессе, задают и рамки восприятия человека как субъекта производства. Главным образом, рассматриваются его место в социальной структуре и его роль в качестве носителя знаний и информации. Воздействие внутреннего мира человека на развитие общества, становление новой, альтернативной системы мотивации его деятельности оказываются за пределами внимания, если современный мир понимать прежде всего как отрицание *индустриальной* системы. Переоценивая роль технологических факторов, сторонники постиндустриализма переоценивают их значение не как *залога прогресса* общества, а как *средства его анализа*. Безусловно, именно технический прогресс последних десятилетий вывел западные страны в положение бесспорных лидеров и сыграл гораздо более важную роль в крахе советской системы, чем отсутствие демократии и контактов с внешним миром. Однако, как это ни странно на первый взгляд, основным движителем технологических преобразований на протяжении всего послевоенного периода до середины 80-х годов (а именно он чаще всего анализируется в западной социологической литературе) были законы и отношения, присущие именно индустриальной цивилизации и буржуазному обществу. Только в последние полтора десятилетия стали формироваться новый менталитет и новые ценности человека, имеющие постматериалистическую природу и конституирующие новый социальный уклад в недрах западного общества. Концентрируясь главным образом на технологических проблемах, невозможно всесторонне оценить эту важнейшую трансформацию.

Именно ее я и рассматриваю в качестве постэкономической революции[3], подчеркивая тем самым, что рождающаяся социальная система противостоит не только индустриальному строю, но и всем историческим эпохам, которые были основаны на самостоятельном существовании частного материального интереса. Такой подход восходит как к идее К.Маркса о существововании трех общественных формаций, центральная из которых именуется им экономической, так и к его трактовке будущего общества — скорее общества свободной индивидуальности, чем невиданного развития услуг и информатики.

На этапе формирования идеи постиндустриализма западные исследователи вплотную подошли к такому пониманию проблемы.

Еще в предвоенные годы ряд немецких авторов, например А.Допш, противопоставляли понятия *Wirtschaft* и *Oekonomie*, соответствующие русским терминам *экономика* и *хозяйство*, для демонстрации того, что эпоха натурального хозяйства не может быть названа экономической[4]. Им вторил величайший историк XX века Ф.Бродель, пытавшийся выразить это различие в рамках менее приемлемой для такой цели французской терминологии и отделявший «материальную жизнь» (vie materielle), которой он обозначал феномен, называвшийся им «примитивной экономикой» (économie très élémentaire), от «экономики» (économie) в привычном для французского читателя смысле[5]. Один из лидеров итальянской исторической школы Дж.Арриги также

---

[3] См.: *Иноземцев В.Л.* Постэкономическая революция: теоретическая конструкция или историческая реальность? // *Вестник Российской Академии наук*. Том 67. 1997. № 8. С. 711-719 [см.: настоящее издание, С. 255-281.]

[4] См.: *Dopsch A.* Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft in der Weltgeschichte. Wien, 1930.

[5] См.: *Braudel F.* Civilisation materielle, économie et capitalisme. P., 1988. T. 2. P. 7.

последовательно называл ранние периоды истории неэкономическими (non-economic)[6].

Этот подход был воспринят исследователями, изучавшими закономерности буржуазного общества. Когда Й.Шумпетер противопоставляет такое общественное устройство феодальному, он в первую очередь обращает внимание на то, что «буржуазное общество выступает в исключительно *экономическом* обличье; как его фундаментальные черты, так и его поверхностные признаки — все они сотканы из *экономического* материала (курсив мой. — *В.И.*)»[7]. Когда Ю.Хабермас говорит о двух основных качествах этого общества, он отмечает, что они опираются на экономические факторы: с одной стороны, на экономический механизм, обеспечивающий постоянное развитие целенаправленных и рациональных действий хозяйствующих индивидов, с другой — на экономическую легитимность[8], становящуюся базой для политической и юридической практики. Подобные примеры можно продолжить.

Соответственно, в период становления постиндустриальной парадигмы попытка рассмотреть возникающее общество как постэкономическое была вполне понятной и объяснимой. Д.Белл, например, характеризуя в своих работах современное общество, неоднократно говорит, что в нем отрицаются прежние экономические закономерности, происходит переход от старой, «экономизированной», модели общества к качественно новой, «социологизированной», его модели[9]. Первым термин «постэкономическое общество» непосредственно применил в научной дискуссии из-

---

[6] См.: *Arrighi G.* The Long Twentieth Century. Money, Power and the Origins of Our Times. L.-N.Y., 1994. P. 10.

[7] *Schumpeter J.A.* Capitalism, Socialism and Democracy. L.-N.Y., 1981. P. 73.

[8] См.: *Habermas J.* Towards a Rational Society. Boston, 1971. P. 97-98.

[9] См.: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. Twentieth Anniversary Edition. N.Y., 1996. P. 147.

вестный футуролог Г.Кан в докладе, с которым он выступил в конце 60-х годов в Гудзоновском институте в Нью-Йорке; доклад позднее был издан тем же институтом[10], но широкого резонанса не получил. Тогда же Г.Кан повторил свое определение в книге, написанной им совместно с А.Винером и посвященной проблеме технологических изменений, ожидаемых в период до 2000 года[11]; обычно считается, что именно эта работа содержала первую попытку ввести термин в научный оборот. Несколько позже Д.Белл использовал его в наиболее известной своей книге[12], однако и это не укоренило новый термин в западном обществоведении. С конца 70-х годов интерес к данному понятию стал снижаться, и сегодня оно не занимает сколь-нибудь видного места в терминологическом аппарате западной социологии.

На мой взгляд, это обусловлено внутренней методологической логикой современных западных концепций. Многим исследователям, сталкивающимся с проблемой постэкономического перехода, оказывается не по силам осмыслить его адекватным образом, как это ни парадоксально, именно в силу неадекватного характера их диалога с марксизмом, который в более четкой форме, чем любая другая историческая теория, утверждает существование начала и конца экономической эпохи. Когда К.Маркс говорит об изменении цели деятельности человека и смещении ее в сторону развития личности, он не предполагает устранения материального производства; он говорит лишь о том, что таковое будет занимать подчиненное место в новом состоянии, и это столь же верно, как и то, что

---

[10] См.: *Kahn H.* Forces for Change in the Final Third of the Twentieth Century. N.Y., Hudson Institute, 1970.

[11] См.: *Kahn H., Wiener A.J.* The Year 2000. N.Y., 1967. P. 186.

[12] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1976. P. 38.

биологическая природа человека сегодня никуда не исчезла, но она существенно трансформирована его социальными характеристиками. На этом фоне совершенно не убедительно звучит аргумент Д.Белла, который обосновывает свою позицию относительно понятия постэкономического общества тем, что «обстоятельством, неизбежным для любого общества.., является невозможность освободиться от экономических критериев», поскольку, хотя «люди постоянно меняют оценки своих потребностей и то, что прежде было их желанием, становится настоятельной необходимостью, ограниченность ресурсов остается весьма существенным фактором»[13].

В отличие от теории постиндустриального общества, концепция постэкономического его состояния акцентирует внимание, во-первых, на обусловленности этого периода истории логикой всего предшествующего развития цивилизации и, во-вторых, на том, что в центре социальных преобразований в формирующейся системе будет стоять человек с его мировоззрением и мироощущением, а не технологические факторы, на основании которых выделить новый период общественного прогресса невозможно.

Как утверждали еще античные философы, ex determinatio negatio est. Наибольшие трудности при усвоении теории *постэкономического* общества возникают оттого, что лишь немногие современные философы и социологи задумываются, какой же, собственно, смысл вкладывается ими в понятие «экономика». Если он заключен в том ограниченном пространстве свободы, которое было порождено зависимостью человека от природы, то не ушел ли в прошлое последний всплеск апокалипсических экологических идей на рубеже 90-х годов? Если это понятие связывается с homo economicus в его традиционном понимании носителя ценностей

[13] *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P. 254.

протестантской этики, то не события ли последних тридцати лет свидетельствуют о становлении нового типа сознания и новой парадигмы поведения современной личности? Если экономика непреодолима до тех пор, пока существует фактор редкости благ, соизмеряемой с их предельной полезностью, то не становление ли информационного общества становится наиболее ярким примером того, что и этот подход может оказаться не вечным? Я полагаю, что оппозиция идее постэкономического общества проистекает из слишком широкого понимания самого понятия «economy». В английском языке, в отличие от немецкого и русского, этот термин изначально обозначал фактически всю сферу продуктивной деятельности человека. Однако в прежние эпохи эта продуктивная деятельность была неотделима от тех объективных обстоятельств, которые я только что отметил, — от узкого пространства свободы, трудовой этики и постоянного соизмерения затрат и результатов. Человек не знал иной системы, кроме экономической, но из этого еще не вытекает, что альтернативы ей не может существовать. Поэтому, говоря о постэкономическом обществе, я имею в виду социальную систему, которая не управляется логикой homo economicus, систему, которая безусловно предполагает *хозяйство*, но не *экономику*, *Wirtschaft*, но не *Oekonomie*, систему, которая не может быть понята без пересмотра двух других, столь же фундаментальных и прочно устоявшихся понятий.

Важнейшим из них является понятие труда. «В труде будешь ты проводить дни жизни своей, в поте лица своего добывать хлеб свой»[14], — сказал Господь Адаму. Христианская традиция, привнесшая в историческое мировоззрение понятие бесконечного прогресса, в то же время породила и глубоко укоренила в сознании человека эту безусловно статическую по своей приро-

[14] Бытие. III, 17-19.

де идею. Однако в данном случае я не пытаюсь изобразить постэкономическое общество как основанное на досуге, противопоставляемом продуктивной деятельности. Напротив, последние десятилетия, несмотря на резкое повышение материальной обеспеченности большинства граждан западных стран, не породили неизбежного, казалось бы, снижения их активности в любой из сфер общественной жизни. Более того. Именно на фундаменте этого беспрецедентного благополучия и возникают элементы новой системы мотивов и ценностей современного человека. Поэтому я считаю возможным утверждать, что необходимо более пристальное внимание к тому, какие перемены происходят сегодня во внутренней структуре человеческой деятельности. В английской терминологии наиболее адекватным приемом анализа этой проблемы я считаю противопоставление понятий *labour* и *creativity*. И то и другое относятся к орудийной сознательной активности, которая может быть в совокупности обозначена как *work*, но первое заключает в себе отношение той несвободы, которая присуща экономическому обществу, тогда как второе может быть использовано для обозначения нового типа активности, преодолевающей такое отношение. Однако и в этом случае, как и при рассмотрении понятия экономики, мы сталкиваемся с некоторой консервативностью понятийного аппарата науки. Очень сложно объяснить, что creativity отличается от labour не по внешним своим проявлениям, а по внутренней структуре, что изменения, обусловливающие становление постэкономического общества, представляются в большей степени изменениями сознания, чем преобразованием материального мира. Поэтому постэкономическое общество возникает не тогда, когда информационный сектор начинает доминировать в структуре производства, и не тогда, когда свободное время человека становится продолжительнее рабочего; оно возникает там и тогда, где и когда человек преодоле-

вает отношение к своей деятельности как к порожденной внешними обстоятельствами. Грань между экономическим и постэкономическим обществами пролегает в сознании человека в той же мере, в какой предел между земным и небесным градами в теории св. Августина существовал в первую очередь «не в мирской реальности, но в предвидении Божием»[15].

Отсюда следует, что постэкономическое общество не трактуется как социум, в котором устранена или преодолена *ограниченность благ.* Идея редкости прочно укоренена сегодня в экономической теории и совершенно справедливо занимает там важное место. Это результат продолжительного развития научной традиции, всей истории утопических и социалистических идей, которые связывали с имущественным неравенством и несправедливым распределением благ все основные пороки общества с самого его возникновения. Между тем огромная роль данной категории не означает, что из невозможности преодоления редкости вытекает невозможность преодоления economy. Целый ряд ведущих западных социологов последних десятилетий, в том числе и наиболее известные представители постиндустриализма, предприняли значительные усилия по развенчанию примитивной утопической (а отчасти и марксистской) трактовки, в которой идеальное общество представляется таким, где «материальные блага польются полным потоком». Однако при этом всегда ускользало из поля зрения, что реальным антиподом редкости не является изобилие, как и антиподом любви не выступает ненависть. Еще моралисты XVIII века совершенно справедливо указали, что действительной противоположностью любви может считаться лишь безразличие. Поэтому не расширение производства материальных благ и не возрастание информационных потоков, а относительное снижение

---

[15] *St. Augustinus.* De civitate Dei. XII, 27.

ти мимо двух фундаментальных аспектов — самого характера этой эволюции и типа взаимодействия отечественной социологии с западными социологическими доктринами. Эти два фактора достаточно четко определяют, на мой взгляд, некоторые особенности дальнейшей эволюции как самой теории, так и нашего общества.

Вторая половина и особенно конец 80-х годов были периодом расцвета советской социологии. Беспрецедентное интеллектуальное брожение, происходившее до определенного момента на фоне оптимистических ожиданий близких, как казалось, желаемых результатов, открытость к восприятию западных философских концепций, огромный выброс новой литературы и невиданный интерес к дискуссиям по политическим и социальным проблемам, — все это имело огромное значение. Однако уже на этом этапе проявились три фундаментальные черты, определившие лицо российской социологии 90-х годов. Во-первых, резкое смещение ориентиров вызвало радикальную смену идеологической парадигмы и привело, если говорить прямо, к тому, что многие влиятельные обществоведы стали заявлять отсутствие сколь-либо определенных убеждений как наиболее удобную и правильную позицию. Во-вторых, огромный поток новых сведений, обрушившийся на экономистов и социологов, сместил акцент на информацию, а не на знание, и изложение самых разнообразных идей и фактов стало преподноситься с не меньшим пафосом, чем их обнаружение или открытие. Наконец, в-третьих, поднявшись на волне массового интереса к соответствующей проблематике, молодая российская социология оказалась не столько направляющим и структурирующим элементом общественного сознания, сколько его побочным продуктом.

В результате мы получили беспрецедентный пример развития интеллектуального потенциала нации: общее движение массового мировоззрения стало до-

минировать над внутренними законами и внутренней логикой развития отдельных философских и экономических школ. Роль социальной науки во все времена заключалась в том, чтобы служить инструментом определения исторического пути того или иного общества, выявлять его проблемы и движущие силы, перспективы и возможные препятствия на пути прогресса; в этом аспекте социальная наука всегда оставалась над обществом, определяя и формируя его мировоззрение. Даже в свои наиболее тяжелые периоды, попранная диктаторскими режимами самого разного толка и превратившаяся в идеологию, социальная теория так или иначе оставалась тем инструментом, который, пусть и с подачи власть имущих, формировал общественное сознание, порой существенно мешая поиску истины. Однако только сегодня и только в России социальная теория не имеет ориентиров, отличных от ориентиров масс; она не ведет вперед, а только обслуживает, по сути дела, интересы нынешнего экономического и политического курса и просто эволюционирует в том же направлении, в каком эволюционирует и массовое сознание, лишь маскируя очередную смену ориентиров сложными и наукообразными формулировками. Профанация социальной теории достигла неправдоподобных масштабов. Сегодня в гораздо большей степени, чем в советское время, заметна относительная изоляция российской социологии, чьи представители, за небольшим исключением, объективно не способны вести на равных диалог с западными исследователями — прежде всего потому, что утрачена сама логика научной дискуссии, замененная поверхностными и примитивными аргументами, апеллирующими к массовому сознанию.

Все эти аспекты ясно прослеживаются и на примере формирования и развития идей постиндустриального и постэкономического общества в российской социальной теории. Хорошо известно, что в эпоху до-

минирования идеологизированного марксизма теория постиндустриального общества рассматривалась как оппозиционная официальной точке зрения и не подвергалась глубокому анализу, оставаясь объектом резкой и не вполне справедливой критики. Как часто случается в подобных ситуациях, критики наказали самих себя, поскольку фактически отворачивались не только от данной теории (какой бы ни была ее истинная ценность), но и от описываемых ею фактов и тенденций (а их значение было и остается неоспоримым).

Ирония истории заключалась в том, что, как и всегда, действие рождает противодействие, столь же примитивное и безапелляционное, как и оно само. Во второй половине 80-х годов, в период наиболее активного творческого развития советской социальной науки, теория постиндустриального общества оставалась на периферии внимания нашего обществоведения. Оно оставалось весьма идеологизированным (несмотря на громкие декларации о деидеологизации науки) и стало, кроме того, ориентироваться на массовое сознание, которому в принципе свойственно оперировать диаметрально противоположными категориями. Советские социологи поспешили избавиться только от одного элемента своей идеологизированной науки — от оценки собственного общества как социалистического. В то же время они продолжали утверждать, что западные страны представляют собой воплощение капиталистического способа производства, может быть, даже не подозревая, что обоснованность такой позиции ничуть не лучше той, от которой они только что и с такой готовностью отказались. Схоластический спор, возникший вокруг казавшейся новаторской статьи В.А.Медведева[17], в котором принял участие и автор, как нельзя лучше иллюстрирует этот факт.

---

[17] См.: *Медведев В.А.* Великий Октябрь и современный мир // Коммунист. 1988. № 2.

В результате дискуссия не только продолжала развиваться в идеологизированном ключе, но и препятствовала трезвому анализу фактически любых точек зрения, за исключением полярных. Так или иначе, до 1992 и даже до 1993 года теория постиндустриального общества не удостоилась заметного внимания в СССР и России; на фоне бума переводной литературы, принадлежавшей перу наиболее убежденных сторонников «свободного рынка», работы основателей и классиков постиндустриальной теории оставались знакомыми российскому читателю в основном по переложению, содержавшемуся в работах известных бойцов идеологического фронта 70-х и начала 80-х годов.

К 1993 году стало очевидно, что идея массированного и быстрого перехода к работающему рыночному механизму оказалась несостоятельной. Первая волна устремлений к безудержному заимствованию наиболее радикальных западных теорий была преодолена. В результате некоторая и, возможно, бóльшая часть социологов и экономистов перешла к более внимательному и непредвзятому изучению западных теорий; восхищение сменилось анализом, стремление слепого следования — глубокими оценками. В большинстве университетов были введены учебные курсы, основанные на западных представлениях об экономической и социологической теории. Не утверждая, что они являются единственно истинными, можно, тем не менее, считать исключительно полезным их систематическое и глубокое изучение. Уже сегодня в России формируется широкий слой хорошо подготовленных молодых специалистов, способных воспринимать западные теории с должным уровнем их критического переосмысления. С развитием этого направления связана наша надежда, что российское обществоведение сможет в обозримом будущем выйти из кризиса и занять достойное место полноправного, но равного (а не мессианского типа) участника мировых научных дискуссий.

Напротив, часть исследователей, ранее придерживавшихся в более или менее жесткой форме марксистских позиций или склонных так или иначе к построению глобальных обобщающих концепций, наблюдая неудовлетворенность рыночной экономической теорией и понимая невозможность быстрого преодоления возникшего кризиса, направилась по пути создания некоей специфической и малоопределенной дисциплины, которая получила название «Экономики переходного периода». Возник целый ряд работ[18] и даже курсов лекций[19], в которых, однако, так и не были достаточно четко определены предмет и задачи новой дисциплины. Однако в контексте этого Введения гораздо больший интерес представляет не столько сам факт формирования хозяйственной теории переходного периода, сколько то, каким образом определяется историческая реальность, которая должна стать результатом этого переходного периода.

Учитывая оппозиционность представителей данного направления идеям капиталистической перспективы, нельзя не признать активизацию поисков альтернативы их главной задачей. Одной из концепций, привлекших их внимание, стала теория постиндустриального общества. На первый взгляд, она могла быть эффективно использована для исследования возникших проблем; более того, я уверен, что постиндустриальная парадигма наиболее естественным и безболезненным образом позволяет инкорпорировать российских интеллектуалов левой ориентации в общее развитие современной социологической теории[20]. Однако

---

[18] См.: Теория переходной экономики. Т. 1. / Под ред. В.В.Герасименко. М., 1997; Т. 2. / Под ред. Е.В.Красниковой. М., 1998; Экономика переходного периода. / Под ред. А.В.Бузгалина и В.В.Радаева. М., 1995.

[19] См.: *Бузгалин А.В.* Переходная экономика. Курс лекций по политической экономии. М., 1994.

[20] См.: *Иноземцев В.Л.* Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 29-44 [см.: настоящее издание, С. 282-315.

проблема заключается в том, что большинство из них не стремилось к объективному исследованию постиндустриальных процессов (заметим, что в статьях и книгах о постиндустриализме, издающихся в России, никогда не рассматриваются реальные хозяйственные процессы, происходящие в западных странах начиная с середины 80-х годов), а нуждалось лишь в идеологическом клише для обоснования своего противостояния рыночным реформам (проводящимся болезненно и не всегда имеющим, а точнее, никогда не имевшим четких ориентиров). В результате сложилась фактически такая же ситуация, как и в случае, когда под флагом марксистской теории общественного прогресса кучка революционеров захватила власть в 1917 году и уже через несколько десятилетий полностью уничтожила творческий потенциал этой концепции.

Российские исследователи старались извлечь из теории постиндустриального общества весьма специфические ее элементы, каждый из которых косвенно использовался ими для достижения вполне определенной тактической теоретическо-идеологической цели. При этом важно отметить два обстоятельства.

С одной стороны, идея постиндустриального общества воспринималась как близкая по духу современным российским «левым» в силу ряда факторов, «роднящих» эту концепцию с, будем откровенными, коммунистическим обществом. Однако такая идентификация порождается не объективным анализом реального хода развития западного общества, не исследованием мира современного человека как субъекта производства и потребления, не анализом мотивов и стимулов деятельности людей в рамках современных форм хозяйственных организаций, а имманентно присущим нашим бывшим и нынешним марксистам стремлением доказать, что все магистральные пути развития цивилизации по-прежнему ведут к коммунизму, а это в нынешних условиях предполагает, что «*коммунизм рож-*

дается как постиндустриальное и постэкономическое общество (курсив авторов. — *В.И.*)»[21]. То, что раньше в учебниках марксизма-ленинизма говорилось о коммунистической общественно-экономической формации, сегодня относится к постиндустриальному обществу, которое, например, должно стать «обществом демократического персонализма, где государство подчинено интересам личности как условие и гарант ее свободного гармоничного развития»[22].

Таким образом, не реальные тенденции определяют перспективы, а создается некий идеал, к которому необходимо стремиться. В отличие от традиционного капитализма, к которому спешат реформаторы, этот идеал реально не существует, а в каждый конкретный момент может быть объявлен еще не достигнутым, в результате чего заведомо оказывается лишен тех очевидных отрицательных характеристик, которыми «отягощен» капиталистический строй (а заодно делает предмет «экономики переходного периода» практически вечным). Кроме того, теория постиндустриального общества подчеркивает решающую роль науки, отмечает возрастание роли личности и так или иначе предполагает, что общество будущего станет социумом, в котором разнообразные способности человека получат широкое развитие. Как настойчиво отмечают сторонники постиндустриализма, это программируемое, относительно планомерно развивающееся общество, где рыночная стихия не доминирует в полной мере над процессом производства, а, напротив, подчинена социальным целям. Все это дополняется еще одним чрезвычайно важным моментом: концепция постиндустриализма, при всех условностях, способна претендовать

---

[21] *Бузгалин А., Колганов А.* Социалистические революции XXI века // Свободная мысль. 1997. № 10. С. 73.

[22] *Мирошник И., Гаврилин Е.* Индивид, личность, постиндустриальное общество // Свободная мысль. 1996. № 7. С. 115.

на статус всеобъемлющей социологической доктрины, весьма близкой классическому марксизму по некоторым своим подходам, ориентирам и методологическим постулатам (что мы отметили еще в 1992 году)[23].

С другой стороны, теория постиндустриализма оказалась объективно близкой многим российским социологам еще по одной причине, на которой следует остановиться особенно подробно. Эта теория попала в России на весьма специфическую почву, питающую сегодня растение не менее «мутантное», чем тот «мутантный» социализм, который, по мнению А.В.Бузгалина[24], был построен в Советском Союзе. Большинство социологов предпочитает не говорить об этом открыто, но так или иначе остается фактом то, что теория постиндустриального общества в современной России приспосабливается для обоснования концепций «догоняющего» социального развития, причем весьма специфическим образом.

В последние два-три года в литературе появились многочисленные упоминания о неких «шансах» России на успешное осуществление подобной модели в современных условиях; в качестве главного обоснования приводятся указания на то, что Россия имеет высококвалифицированные научные кадры, гигантский творческий потенциал и отличается приверженностью научному поиску как важной социальной ценности. Фактически утверждается, что основным инструментом, который может способствовать вхождению России на равных в мировое сообщество, является ее творческий потенциал, сформированный в советский период.

С этой точки зрения идея постиндустриального общества, в котором центральную роль играют кодифи-

---

[23] См.: *Иноземцев В.Л.* Марксистская теория исторического прогресса: истоки и преемники. Репринт доклада. М., ИЭ РАН, 1992. С. 1-47 [см.: настоящее издание, С. 161-211.]

[24] См.: *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Социалистические революции XXI века. С. 75-76.

кация теоретического знания и научные достижения, оказывается весьма привлекательной для апологетов новой всемирно-исторической роли России. Однако зыбкость подобного подхода недопустимо велика. Именно поэтому многие теоретические усилия, предпринимаемые в этом направлении в последние годы, могли бы быть рассмотрены лишь как пример курьеза, если бы сам факт их появления не был столь грустным. Так, например, Э.Кочетов в своей статье в журнале «Мировая экономика и международные отношения» «разводит» понятия постиндустриального и неоиндустриального (информационного) общества как две последовательные стадии социального прогресса, утверждая при этом, что роль информации и возможности России в области ее продуцирования и использования таковы, что хотя «Россия не успела вклиниться в постиндустриальную стадию, так как находится на индустриальной, но имеет исторический шанс — необремененная постиндустриальной моделью, она готова не только гармонично войти в новую модель цивилизационного развития, но и при определенных условиях стать лидером этого процесса»[25] (а разве мы уже не были им в 70-е годы, хочется спросить у автора, не обремененные всеми пороками общества потребления и не способные самообеспечить себя даже самым необходимым?). Так или иначе, сегодня все более заметна тенденция к обоснованию новых возможностей России через апелляцию к постиндустриальной эре и информационной экономике.

Между тем очевидно, что подобный подход чрезвычайно опасен. Даже если и предположить, что роль информации и знаний является в постиндустриальном обществе абсолютно доминирующей (что совсем не

---

[25] *Кочетов Э.* Неоэкономика — новая цивилизационная модель экономического развития — и Россия // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 3. С. 79.

так), то нельзя не признать, что момент «исторического рывка» по Э.Кочетову безвозвратно упущен на этапе второй половины 80-х, когда и следовало бы сосредоточить основные усилия на развитии науки и более широком использовании ее достижений. Последнее же десятилетие прошло под знаком даже не столько широкой дисквалификации научного потенциала страны, сколько, что еще более опасно, становления системы ценностей, в которой доминирует материальное благосостояние, причем в формах, соответствующих скорее временам первоначального накопления капитала (каковые сегодня в России и настали). Однако гораздо более важен другой аспект, связанный с действительно центральным моментом постиндустриального общества — взаимоотношением информационного типа хозяйства и общества.

Даже если предположить, что советские технологические достижения соответствовали западным (что весьма сомнительно[26]), то остается очевидным, что научная и техническая сферы оставались замкнутым самодостаточным образованием, фактически не влиявшим на жизнь большинства людей. Постиндустриальное же общество стало реальностью западной цивилизации не тогда, когда в Пентагоне были применены быстродействующие вычислительные машины, а тогда, когда появились первые персональные компьютеры, породившие как массовый спрос на продукцию высоких технологий, так и массовое производство но-

[26] В беседе со мной в марте этого года у себя дома в Кембридже профессор Д.Белл очень интересно ответил на вопрос о том, когда для большинства американских специалистов по информатике стала очевидной победа США над СССР в этой области. Я ожидал услышать, что это произошло в середине или хотя бы в начале 80-х годов; между тем г-н Белл ответил, что для подобного вывода было достаточно впечатлений американских астронавтов, посетивших советский космический корабль «Союз» во время совместного полета в 1975 году.

вых идей, программных продуктов и технических новшеств. Постиндустриальное общество предполагает не только использование природных возможностей и гениальных прозрений талантливых личностей, оно основано в первую очередь на гигантских инвестициях в человека и его развитие, которые одни только и могут принести подобную отдачу.

В США еще в 1996 году президент Б.Клинтон определил две главные задачи своего правительства как достижение к 2000 году сбалансированного бюджета и обеспечение того, чтобы к этому времени каждый американский ребенок к 11-летнему возрасту умел свободно пользоваться Интернетом; американское руководство прекрасно понимает, что в стране, которая контролирует почти половину мирового рынка информационных услуг, где поступления от экспорта патентов и технологических новшеств в девять раз превосходят затраты на их импорт, а до трети чистых капитальных поступлений из-за рубежа порождается платежами за использование ранее экспортированных технологий, эти две задачи не противоречат друг другу, а обусловливают одна другую. Результатом стало образование бюджетного излишка (профицита) уже в 1998/99 финансовом году. Сегодня совершенно очевидно, что в России бездефицитный бюджет не будет достигнут к 2000 году, однако можно быть уверенным, что расходы на финансирование образования окажутся урезанными в первую очередь, хотя уже сейчас учителя месяцами не получают зарплату, которую их западные коллеги сочли бы унизительной даже в качестве пособия по безработице. Не думаю, что эту тему следует развивать здесь дальше.

Когда я читаю о скачке России в информационный рай, в голову приходит и другая аналогия. Известно, что классификация обществ в рамках постиндустриальной теории различает доиндустриальные общества, общества на ранней стадии индустриализации, инду-

стриальные общества, общества массового потребления, постиндустриальные в начальной фазе и явно постиндустриальные[27]. Так как совершенно очевидно, что советское общество не могло (а российское сегодня тем более не может) быть названо обществом массового потребления, а «информационное» общество в рассматриваемом выше контексте приравнивается к «явно постиндустриальному», то предлагается переход от одной стадии к другой, минуя две предшествующие. Это, конечно, может рассматриваться как пример творческого развития концепции перехода от феодализма к социализму, минуя капитализм, но даже успешно (?) совершившая такой переход Монголия «прыгала» все же не через две ступеньки, а только через одну.

В действительности за этим скрывается обстоятельство, которое с неистребимым упорством не хотят понять современные российские социологи, в своей прошлой жизни работавшие над формулированием новых достижений советского народа в строительстве социализма или создававшие концепцию «ускорения». Стремясь найти что-то подобное своим идеям в западной социологической мысли, российские авторы сильно переоценивают роль некоторых положений о прогнозируемом и планомерном характере развития в рамках постиндустриального общества (доходит до того, что утверждается преодоление всех и всяких противоречий — прямо как при коммунизме[28]), что дает иллюзорную возможность предположить, что становление данного общества может быть *проконтролировано* или *ускорено*.

---

[27] См.: *Kahn H., Wiener A.* The Next Thirty-Three Years: A Framework for Speculation / Toward the Year 2000: Work in Progress // Daedalus. Summer 1967. P. 716-718.

[28] Так, можно встретить указания на то, что «в информационном обществе уменьшается возможность кризисов — как для отдельных фирм, так и для экономики в целом... Невозможность общего кризиса в экономике информационного общества обосновывается большей обозримостью рынка для отдельных фирм и исключением

Между тем социум, построенный на информации и знаниях, отличают два момента. Во-первых, широкое распространение научного труда (и об этом вполне внятно говорил еще Ф.Энгельс) возможно только тогда, когда значительная часть населения может быть отвлечена от нужд материального производства. Этого нет и не может быть в современной России[29]. Во-вторых, знания как ресурс информационного общества не существуют в объективированной форме, кроме как в сознании людей, и потому субъективны и не имеют единой для всех ценности. Вместе эти два обстоятельства показывают, что «постиндустриализацию», в отличие от «индустриализации», нельзя совершить посредством сосредоточения всех ресурсов нации на едином направлении, так как, с одной стороны, высокое материальное благосостояние должно предшествовать становлению такого общества и, с другой, насильственные (экономические, как сегодня, или внеэкономические, как в сталинские времена) действия не могут привести к формированию информационного общества. Таким образом, постиндустриальное общество, в отличие от индустриального, не может быть «построено», а коль так, то и «строительством» его не следует

внезапности изменений рыночной ситуации в условиях быстрого распространения коммерческой информации на основе электронных сетей» (*Пещанская И.* Экономика информационного общества // Российский экономический журнал. 1996. № 5. С. 107).

[29] Между тем у некоторых исследователей уже готов ответ на это возражение. Так, В.Красильщиков полагает, что наиболее существенным отличием новой цивилизации от прежних является то, что «если раньше, чтобы философствовать.., нужно было сначала материально обеспечить всех, кто этим занимался [а если сейчас это не обязательно, то, может быть, и есть некая внутренняя логика в том, что научным работникам нерегулярно платят зарплату? — *В.И.*], то теперь, наоборот.., общество должно все больше и больше внимания уделять духовному производству.., "производству человека" в самом широком смысле слова» (*Красильщиков В.А.* Превращения доктора Фауста. М., 1994. С. 208).

заниматься. Вся логика современного социального прогресса говорит о том, что постиндустриальное общество не «строится» на основе высоких технологических достижений, а формируется тогда, когда в результате естественного технического прогресса человеческие ценности определяются не столько традиционными материальными мотивами, сколько постматериальными, когда идеалы общества массового потребления уже не привлекают значительную часть населения.

Однако сторонники альтернативного подхода не только не готовы отказаться от него, но и становятся все более многочисленными. Если весной 1995 года участники II Международной Кондратьевской конференции, проходившей в Санкт-Петербурге, отмечали лишь, что необходимо обеспечить за Россией «сохранение роли одного из лидеров в общем движении человечества к гуманистической постиндустриальной цивилизации»[30], то через два года некие обстоятельства (может быть, спад производства на четверть и начало естественной депопуляции) позволили Ю.В.Яковцу утверждать, что «эпицентром этого переворота [в становлении новой постиндустриальной парадигмы] окажется, по всей вероятности, Россия... Возрастет мировой авторитет и признание ее научной школы»[31]. К этому прогнозу можно, на наш взгляд, отнестись столь же серьезно, как и к выступлению его автора (с трибуны той же Кондратьевской конференции), в котором всего за два года до разрушительного экономического кризиса в Азии утверждалось, что центр становления постиндустриального общества с неизбежностью смещается в страны Азиатско-Тихоокеанского региона[32] (которые все последние десятилетия строили

---

[30] На пути к постиндустриальной цивилизации / Под ред. Ю.В.Яковца. М., 1996. С. 6.

[31] *Яковец Ю.В.* Формирование постиндустриальной парадигмы: истоки и перспективы // Вопросы философии. 1997. № 1. С. 14.

[32] На пути к постиндустриальной цивилизации. С. 90.

у себя отнюдь не информационное, а именно индустриальное общество весьма примитивного толка).

Невозможно не согласиться с тем, что сегодняшние страдания нашего народа во многом порождены не его внутренними недостатками, не его национальной психологией или менталитетом, а ошибками, совершенными его руководителями в разные годы, неправильным выбором исторических ориентиров. Невозможно не разделять уверенности в том, что история России как в досоветский, так и в советский период представляла собой череду воистину славных страниц. Невозможно поэтому не исходить при любых теоретизированиях и планировании практических действий, что российский народ ни в коей мере не хуже любого другого народа и способен достичь в любой области не меньших успехов. Однако необходимо усвоить один из важнейших уроков мировой и собственной истории: существуют оптимальные пути прогресса и те, что предполагают большие социальные затраты при худших результатах. Вот почему считать, что страна способна идти своим путем, минуя многие этапы, и указывать человечеству правильный путь — значит оценивать свой народ не как «не худший» другого, что вполне естественно для каждого обладающего чувством собственного достоинства человека, а преподносить его в качестве «лучшего» среди прочих; но это означает *перейти ту тончайшую грань, которая лежит между демократическим гуманизмом и фашистской идеологией исключительности.*

Я опасаюсь, что именно к этому только и может привести сегодня очередной «прорыв» России в направлении ее очередной самобытной модели. К сожалению, не часто можно встретить опровержение подобных позиций в выступлениях авторитетных российских обществоведов; нельзя не отметить мнения Ю.П.Филякина, единственного из участников дискуссии в Санкт-Петербурге в декабре 1995 года, который заявил, что

«надо осторожнее подходить к вопросу о реанимации российских национальных, культурных и религиозных ценностей. ...Это ценности доиндустриального периода... Нам не нужно сворачивать со столбовой дороги реформирования, происходящего в мире, не надо выдумывать каких-то особых национальных моделей, которые могут далеко отстоять от объективной реальности»[33].

С другой стороны, многие наши обществоведы, которые не идентифицируют себя столь непосредственно, как современные «левые», с постиндустриализмом как аналогом коммунистического общества, пошли по иному пути. Еще во второй половине 80-х годов его сторонники, опираясь на изложение (а не на первоисточники) достаточно хорошо известных западных научных концепций, создали для самих себя представление о западной социологической теории и на основе напыщенного противопоставления собственной позиции этой иллюзорной сущности[34] стали разрабатывать новую концепцию социального прогресса (опять-таки с российской спецификой).

Основой такого подхода служит, повторим это, исключительно поверхностное знакомство с реальным состоянием западной экономической и социальной теории. Достаточно посмотреть, как отечественные научные журналы и сегодня полнятся статьями, авторы которых совершенно серьезно интерпретируют взгляды М.Вебера и А.Тойнби, причем делают это так, будто сами подобные комментарии могут стать основой новой теории, или же активно и целенаправленно по-

---

[33] Экономическая теория на пороге XXI века / Под редакцией Ю.М.Осипова, В.Т.Пуляева. СПб., 1996. С. 41.

[34] См., например, выступление И.Е.Рудаковой, стремившейся объяснить Ю.М.Осипову в ходе обсуждения его доклада, на каком извращенном понимании самой сути «economics» строится его критика в адрес этой концепции (Экономическая теория на пороге XXI века / Под редакцией Ю.М.Осипова, В.Т.Пуляева. С. 62-64).

лемизируют с работами А.Турена и Зб.Бжезински, написанными в 70-е годы. Зачастую сами эти переложения принимают вид скорее переложения прошлых переложений, чем непосредственного усвоения тех или иных концепций. Характерно, например, что в книге Ю.В.Яковца «История цивилизаций» не процитировано ни одной англоязычной работы.

Соответствующими оказываются и следствия. Первый «звонок» прозвучал в этой области в конце 80-х годов, когда в советской литературе возникла дискуссия по проблемам сравнительных достоинств формационного и цивилизационного подходов. В эти годы и позже автор также стремился показать все несовершенство формационной концепции; однако я считал и считаю, что развенчание теории пяти общественно-экономических формаций, предложенной И.Сталиным в его выступлении на первом съезде колхозников-ударников в 1934 году и вполне соответствовавшей уровню подготовки аудитории, в неидеологизированном обществе должно составить содержание добротной дипломной работы или стать предметом защиты диссертации на заседании, которое вряд ли соберет много публики. Между тем и сегодня встречаются работы, авторы которых обосновывают цивилизационный подход перед лицом формационного с искренним убеждением, что они раскрывают своим читателям глаза на то, какой должна быть современная социальная теория. Более того. Идея цивилизационного подхода в российской социологии сегодня разработана исключительно на уровне А.Тойнби и Н.Гумилева, которые рассматривали цивилизации как ступени социального развития с учетом их особой специфики. Между тем возможности этого подхода настолько очевидны, что давно уже воспринимаются в западном мире как нечто естественное и не требующее никаких комментариев. Напротив, на протяжении последних двадцати лет социологи рассматривают цивилизационный фактор не как историческую

данность, а скорее как важнейшее обстоятельство, определяющее сегодняшнее развитие; мало кто проводит классификацию цивилизаций только затем, чтобы завершить ее воздыханиями о грядущей ноосферной эпохе; гораздо чаще рассматривается цивилизационная основа столкновений в современном мире различных культурологических парадигм, как это делается, например, в последней книге С.Хантингтона[35] или в блестящих работах А.Сена[36], которого многие специалисты прочат в Нобелевские лауреаты по экономике за 1998 или 1999 год.

Зацикленность российского обществоведения на цивилизационной проблематике породила к началу 90-х годов ситуацию, в которой возникла объективная потребность в создании некоей концепции, которая могла бы соединить, пусть и фиктивным образом, цивилизационный подход к истории с наиболее очевидными современными тенденциями и при этом претендовать на полноту охвата соответствующей проблематики. Как говорится, «сон разума рождает чудовищ». Концепция не могла не появиться.

Пионером этого направления выступил Ю.М.Осипов, опубликовавший в 1990 году книгу «Опыт философии хозяйства»[37]. В дальнейшем подобные представления проявились в работах Ю.В.Яковца и ряда других исследователей. Нельзя не признать, что этот подход получил широкое распространение, хотя и сталкивается сегодня с заметным сопротивлением со стороны реалистично настроенных ученых, в первую очередь специалистов в конкретных областях экономической и

---

[35] См.: *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996.

[36] См.: *Sen A.* On Ethics and Economics. Oxford-Cambridge (US), 1988; *Sen A.* Inequality Reexamined. Cambridge (MA), 1992; *Sen A.* On Economic Inequality. Oxford, 1997; *Sen A.* Resources, Values, and Development. Cambridge (US)-London (UK), 1997, и т. д.

[37] См.: *Осипов Ю.М.* Опыт философии хозяйства. М., 1990.

социологической теории и молодых авторов, не понаслышке знакомых с западными теоретическими моделями.

Читая работы Ю.М.Осипова и Ю.В.Яковца, можно легко понять основные предпосылки появления подобных теорий. Первый утверждает, что, «как у всякого уважающего себя ученого, у меня есть собственное представление об экономической реальности»[38]. Второй пытается с помощью созданной теории вдохнуть в «миллионные народные пласты» «выстраданный [Россией] идеал: стать одним из лидеров — по крайней мере в духовной сфере — формирования постиндустриальной гуманистической цивилизации»[39]. Реальность такой задачи рассматривалась нами выше.

Эти подходы различны, возникающие теории также во многом не похожи друг на друга. Единственное, что их роднит, — это отсутствие внутренней логики и развитие концепции в силу саморазвертывания авторских представлений об эволюции общества в гораздо большей мере, чем под воздействием никак не связанной с ними реальности. Если в 1990 году Ю.М.Осипов писал в своей книге о различных видах государственно-монополистического капитализма, анализируя различия между «нео-ГМК», «интеграционным ГМК», «социализированным ГМК» и т.д., и отмечал при этом, что в центре современной экономики находятся ее мирогражданственность и мирообусловленность (?) собственности и хозяйствования[40], то позднее он стал говорить о ноосферной цивилизации, или неоэкономике. С одной стороны, достаточно трудно обнаружить на протяжении 90-х годов в хозяйственном развитии постиндустриальных стран тенденции, которые смогли бы столь сильно сместить основную ось экономи-

---

[38] Экономическая теория на пороге XXI века. С. 13.

[39] *Яковец Ю.В.* История цивилизаций. М., 1995. С. 415.

[40] См.: *Осипов Ю.М.* Опыт философии хозяйства. С. 290-292.

ческого прогресса (разве что экологические проблемы стали за эти годы обсуждаться гораздо *реже* и с *меньшим* надрывом). С другой стороны, непросто вникнуть в такие положения, как, например, тезис, согласно которому в будущем «производство перестанет быть просто производительным, оно станет *оптимально* производительным, а потому хозяйствование окажется деятельностью уже не по оптимальной организации производственного процесса, а по оптимальной организации *оптимального* производственного процесса (курсив автора. — *В.И.*)»[41], что должно, по мнению Ю.М.Осипова, привести к становлению эколого-экономического хозяйства ноосферного типа[42]. Возможно, что так оно и будет, но достаточно странно читать академические работы, написанные коллективами авторов, не основанные на каких бы то ни было данных или оценках реального положения вещей в современных развитых экономиках и не отталкивающиеся от каких-либо принятых в западном мире концепций.

Не менее оригинален подход Ю.В.Яковца. Его работа представляет собой учебник, излагающий очевидные, по мнению автора, истины. Несложные выкладки (в работе, правда, не конкретизированные) приводят автора к выводу, что можно обобщить развитие постиндустриальной цивилизации в виде таблицы, которая дает представление о ее периодизации. Принимая за данность, что «каждая последующая ступень исторического прогресса в 1,5 раза короче предыдущей», он приходит к выводу, что, например, зрелость (!) третьей (!) постиндустриальной цивилизации придется на период с 2281 по 2300 год[43]. Единственное, что мо-

---

[41] Экономическая свобода и социализм / Под ред. Ю.М.Осипова. М., 1991. С. 294.

[42] См.: *Осипов Ю.М.* Основы теории хозяйственного механизма. М., 1994. С. 347.

[43] *Яковец Ю.В.* История цивилизаций. С. 339, 340.

жет это напомнить человеку, немного знакомому с теориями социального прогресса, — это знаменитую «Таблицу хода социального движения» Ш.Фурье. Последний, правда, предлагал и некоторые, с позволения сказать, причинно-следственные связи, полагая, например, что «скачок от хаоса к гармонии» происходит в соответствии с «нарождением Северного венца» и «дезинфицированием и благоуханием морей благодаря северному флюиду», а обратный «скачок от гармонии к хаосу» происходит в связи с «вторым заражением морей южным флюидом» и «изменением намагниченного железа у Южного полюса»[44], при этом он добавлял, что прогресс общества определяется человеческими страстями, причем «свойства дружбы в точности воспроизведены по законам круга.., любви — эллипса.., честолюбия — гиперболы»[45]. Но даже открыв тайну геометрических закономерностей человеческих страстей, Ш.Фурье не смог исчислить хронологические границы периода зрелости третьей постиндустриальной цивилизации.

Перечисление подобных примеров можно продолжать фактически бесконечно. Чтение книг, в которых они содержатся, шокирует — настолько не соответствуют они той глубокой научной традиции, которая ранее была присуща российским ученым. В начале века специалисты во всех странах Европы сверяли свои доктрины по трудам М.Ковалевского и М.Ростовцева; на их фоне блекли работы В.Зомбарта и Н.Д.Фюстель де Куланжа. Но если сегодня Европа воспитывается на книгах Ф.Броделя, а российские исследователи спокойно воспринимают сопоставления с ним Ю.В.Яковца на страницах ведущего философского журнала стра-

---

[44] *Фурье Ш.* Избранные сочинения. Т. 1. М., 1952. Таблица хода социального движения.

[45] *Фурье Ш.* Судьбы мира и человечества // Избранные сочинения. Т. 1. С. 135, прим.

ны, — налицо катастрофическая интеллектуальная деградация национальной научной элиты.

Наконец, остановимся вкратце на использовании самого термина «постэкономическое общество». Один из первых случаев его применения в российской литературе связан с совершенно необъяснимым, с моей точки зрения, названием статьи «Приватизация в постэкономическую эру», опубликованной осенью 1992 года[46]. В ней речь шла о проблемах передачи государственной собственности в частные руки в различных странах Восточной Европы, и ничего «постэкономического» там не обнаруживалось.

Позднее понятие «постэкономическое общество» стали использовать как исследователи, придерживавшиеся «левой» ориентации, так и сторонники построения глобальной теории будущего общества. В первом случае постэкономическое общество понималось как некий аналог коммунизма, и этот аспект наиболее явно представлен в работах А.В.Бузгалина и его последователей. В последние годы А.В.Бузгалин не только часто использует понятие постэкономического общества[47], но даже выносит его в заглавия своих статей и выступлений[48]. Некоторые другие авторы, такие как В.М.Кульков, также применяют это понятие[49]. Ю.М.Осипов говорит о «постэкономическом» состоянии[50], о том, что

---

[46] См.: *Дерябина М.* Приватизация в постэкономическую эру // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 9.

[47] См.: *Бузгалин А., Колганов А.* Социалистические революции XXI века. С. 73.

[48] См.: *Бузгалин А.В.* Рождение постэкономического общества: вызов теории // Экономическая теория на пороге XXI века / Под редакцией Ю.М.Осипова, В.Т.Пуляева. С. 170-182.

[49] См.: *Кульков В.М.* Экономика и неэкономический контекст: методология, теория, российская специфика // Экономическая теория на пороге XXI века. С. 224-225.

[50] См.: *Осипов Ю.М.* Основы теории хозяйственного механизма. С. 299.

можно выделить предэкономическую, экономическую и постэкономическую эпохи всемирной истории[51].

Однако никто из российских исследователей не поместил это понятие в центр своих теоретических представлений и не дал ему достаточно четкого и последовательного определения. Поэтому я с большой признательностью отношусь к Ю.К.Плетникову, в одной из своих недавних статей отметившему мою книгу 1995 года как пример распространения в российском обществоведении постэкономической парадигмы[52].

Я польщен этим замечанием, но хочу заметить, что концепция постэкономического общества даже в том виде, в каком она представлена в моей последней книге, нуждается в таком продолжительном и всестороннем усовершенствовании, которому, скорее всего, не будет конца. Предлагаемый вниманию читателя сборник не может быть назван ступенью на пути подобного совершенствования, так как он представляет собой скорее взгляд не вперед, а назад и оценку пройденного пути.

Задача этой книги проста — оценить сделанное за эти годы и собрать воедино небольшую часть опубликованного за последние десять лет, чтобы показать, каковы были источники концепции, относительно оформившейся сегодня, и как шло ее совершенствование. Когда эти статьи были расположены в том порядке, как они представлены в сборнике, я был немало обескуражен наивностью и некоторой примитивностью первых по сравнению с последними. Однако все публикуемые тексты даны в аутентичном виде, выверенном вплоть до знаков препинания; все немногочисленные исправления, связанные с корректорскими ошибками или правками, внесенными в разные годы в раз-

---

[51] См.: Экономическая теория на пороге XXI века. С. 14.

[52] См.: *Плетников Ю.К.* Формационная и цивилизационная триады // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 106.

ных редакциях, соответствующим образом отмечены в тексте. Мне приятно, что неотработанный стиль первых статей, весьма несовершенный подбор цитированной в них литературы, их излишняя заносчивость и некоторая небрежность перевешиваются их содержанием, тем, что их и сегодня можно поставить рядом с публикациями, вышедшими всего лишь несколько месяцев назад.

Идея постэкономического общества в различных аспектах раскрывается с первой по последнюю страницу этой книги. Я старался подчеркивать как близость этой концепции и теории постиндустриального общества, так и их отличия; как обусловленность ее марксистской методологией, так и оппозиционность советской идеологизированной доктрине; я пытался показать ее значение для современного российского обществоведения и наметить конкретные применения для анализа отдельных сторон хозяйственной реальности.

Постэкономическое общество становится реальностью наступающего тысячелетия. Это формирующееся общество будет не менее противоречивым, нежели существующее сегодня. Скорее всего, оно окажется даже более сложным для понимания, так как человечество, выходя за рамки экономической цивилизации, покидает пределы, вне которых оно никогда не пыталось себя осознать.

Поэтому задачи социальных наук сегодня и усложняются, и упрощаются в одно и то же время. С одной стороны, кажется, что новый объект исследования настоятельно требует усовершенствованной парадигмы. С другой, — следует побороть собственную гордыню и согласиться с тем, что время для таковой еще не пришло. Мой оптимизм связан в первую очередь с тем, что во всем мире (а сегодня и в России) активизируется кропотливая работа по исследованию реальных процессов, происходящих в экономике развитых стран. Начавшееся в нашей стране усвоение западной экономической культуры, я убежден, уже через непродол-

жительное время даст российским исследователям реальные инструменты анализа как эволюции западного сообщества, так и собственной хозяйственной реальности. И это будут не демагогические оценки тех, кто не может расстаться с жонглированием категориями, считая таковое главным инструментом научного поиска; это будут основательные выводы, подкрепленные знанием современной реальности и современных методов ее исследования.

Когда настает эпоха великих перемен, самое лучшее, что может сделать мир, — это на время затаить дыхание и внимательнее прислушаться к происходящему. Если сделать это, можно услышать много интересного. Я позволю себе закончить это предисловие пассажем, которым завершил свою новую книгу известный английский социолог и специалист по проблемам менеджмента Ч.Хэнди: «Вспомним, — писал он, — слова Эдмунда Берка, сказанные им двести лет назад: "Лишь потому, что полдюжины кузнечиков под кустом папоротника наполняют поле несносным стрекотанием, тогда как тысячи коров, отдыхающих в тени британского дуба, жуют жвачку и молчат, прошу вас, не думайте, что те, кто шумит, — единственные обитатели поля и что их очень много; в конце концов они не более чем маленькие, жалкие, тощие, скачущие, пусть крикливые и назойливые, но всего лишь насекомые-однодневки"»[53].

Обычно я завершаю вступительные статьи к своим книгам словами благодарности всем, кто так или иначе способствовал их созданию. В данном случае сделать это сложно, так как публикуемые тексты охватывают слишком большой период. Вместе с тем именно эта книга впервые дает возможность (в том числе и мне самому) увидеть роль моего друга и главного помощ-

[53] *Handy Ch.* The Hungry Spirit. Beyond Capitalism — A Quest for Purpose in the Modern World. L., 1997. P. 103.

ника Алексея И. Антипова в ее полной мере. Нигде ранее нельзя было увидеть результаты его работ так, как здесь, — достаточно лишь сравнить стиль и аргументированность текстов до и после 1991 года.

Эти статьи были помещены в различных изданиях, и поэтому их компоновка и подача в сборнике требуют некоторых дополнительных замечаний. Я выбрал 13 статей (из более чем 140, опубликованных на сей день), текст доклада, сделанного мною в Институте экономики Российской Академии наук в 1992 году, три рецензии и отрывки из двух книг — «К теории постэкономической общественной формации» (1995 год) и «За пределами экономического общества» (1998 год). В статьи и рецензии при их первой публикации в редакциях вносились неизбежные правки. В большинстве случаев, хотя всякий раз опубликованные тексты сверялись с сохранившимися оригиналами, здесь воспроизводятся тексты, как они были напечатаны в том или ином издании. Однако в некоторых случаях, когда в результате правки были утрачены значимые части текста, они были восстановлены. Все восстановленные фрагменты, включая библиографические ссылки и примечания, а также выходные данные упоминающихся источников, обозначены в книге квадратными скобками [...] Все заключенное в них публикуется впервые. Правка, которая возникала в редакциях в ходе работы над статьями, была, как правило, принята и учтена; между тем иногда редакторы неправильно понимали суть изложенного или делали пояснения, которые казались им необходимыми, но не содержались в оригинальном тексте. В этих случаях фрагмент, появившийся после окончания моей собственной работы над статьей, заключен в фигурные скобки {...}.

Кроме того, я счел необходимым отметить постраничное расположение материала, соответствующее его первым публикациям. Для этого в книге помещены специальные маркеры, которые обозначают конец и

начало страниц в тех журналах или книгах, где впервые были опубликованы воспроизводимые здесь тексты. Таким образом, цитирование может осуществляться как по настоящему изданию, так и по предшествующим. Надеюсь, что эти усложняющие восприятие текста детали не станут значительным препятствием и читатель извинит меня за это. Мною двигало лишь стремление с максимальной аккуратностью обращаться с публикуемым текстом, вполне естественное для любого автора.

Владислав Иноземцев

Лондон, 26 июня 1998 года

СТАТЬИ И ТЕКСТЫ
1989—1993 годов

ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ СЛОВА*

В.Л.Иноземцев

[4] Вопрос о политической экономии в широком смысле слова стал в последнее время весьма актуальным в связи с дискуссией, которая в настоящее время ведется по так или иначе связанным с ним проблемам. Однако для полного и глубокого понимания теоретических основ построения политической экономии в широком смысле слова необходимо рассмотреть некоторые фундаментальные проблемы, относящиеся к историческому материализму, причем использовать в таком анализе не отдельные положения, выдвинутые К.Марксом и Ф.Энгельсом, а опираться на всю совокупность идей, составляющих бесценное наследие основоположников марксизма. Само время, характеризующееся решительным совершенствованием советской обществоведческой науки, требует от исследователей подобного подхода. Начавшийся на наших глазах пересмотр некоторых положений, ранее считавшихся общепризнанными, свидетельствует, безусловно, об определенном кризисе обществоведения, но этот последний есть не столько кризис теории К.Маркса и Ф.Энгельса, сколько кризис нашего понимания этой

---

* Впервые опубликована в сборнике *Эффективность общественного производства и проблемы социально-экономического развития СССР.* М., Изд-во МГУ, 1989. С. 4-20.

теории. И поэтому мы твердо убеждены, что в развитии общественных наук успех будет определяться мерой овладения подлинной марксовой методологией.

Ныне в основе теории исторического материализма, излагаемой во многих научных работах и учебных пособиях, лежит концепция, представляющая процесс общественного развития как поступательную смену пяти общественно-экономических формаций[1]. Данная концепция, истоками которой обычно считают работы К.Маркса и Ф.Энгельса, в действительности восходит к середине 90-х г[одов] прошлого века, к первым ленинским работам. Термин [«]общественно-экономическая формация[»] также был введен В.И.Лениным. Впервые он встречается в его известной работе «Что такое 'друзья народа' и как они воюют против социал-демократов?»[2]. Но формирование господствующей сегодня концепции в основном происходило значительно позже, [4//5] уже в 30-е г[оды], в ходе дискуссий, проходивших на страницах журналов «Историк-марксист», «Под знаменем марксизма» и «Вестник Коммунистической академии»[3]. Концепция, в становлении которой приняли участие С.Дубровский, Л.Мадьяр, А.Малышев, О.Трахтенберг, А.Пригожин и многие другие, получила свое концентрированное выражение в труде И.В.Сталина «О диалектическом и историческом материализме». Несмотря на наличие иных точек зрения[4], было признано, что основой формации является способ производства, что каждому способу про-

---

См., напр.: *Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.* Курс исторического материализма. М., 1969. С. 35-36; Основы марксистско-ленинской философии / Под ред. Ф.В.Константинова. М., 1982. С. 218; Краткий политический словарь. М., 1983. С. 226.

[2] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 136.

[3] См.: Вестник Коммунистической академии. 1934. № 3, 5, 6; Историк-марксист. 1930. № 16; Под знаменем марксизма. 1930. № 7, 8; 1932. № 1, 2; 1934. № 3.

[4] См., напр.: *Таксер А.* Проблема общественно-экономической формации // Под знаменем марксизма. 1932. № 1-2. С. 186-190.

изводства соответствует своя общественно-экономическая формация и что смена этих формаций происходит через посредство социальных революций.

Гносеологически созданная в эти годы теория пяти общественно-экономических формаций была, видимо, в значительной мере оправданна, так как явилась своеобразной «защитной реакцией» на теории общественного развития, чьи авторы не стояли на марксистских позициях. Нельзя отрицать, что она способствовала упрочению материалистических взглядов на развитие общества. Однако в дальнейшем оказалось, что эта схема служит упрощению реального хода исторического развития, например, превращаясь в изложении некоторых авторов[5] в прямое отрицание тезиса К.Маркса, гласящего, что «при образовании различных экономических общественных формаций не следует верить во внезапно появившиеся, резко отделенные друг от друга периоды»[6].

В последующие годы под воздействием появления новых исторических данных, поставивших под сомнение представления, господствовавшие в 30-е г[оды], а также вследствие опубликования некоторых важных для понимания проблем исторического материализма трудов К.Маркса и Ф.Энгельса концепция пяти общественно-экономических формаций значительно усовершенствовалась, преодолев многие явно не соответствующие действительному ходу исторического процесса догмы. Это, однако, не устранило существенные недостатки названной теории и серьезные отступления от истинной трактовки К.Марксом и Ф.Энгельсом ряда проблем. Надо отметить, что эти отступления не могут с достаточной обоснованностью быть объяснены изменившейся исторической ситуацией и обогащением

---

[5] См., напр.: *Теряев Г.В.* Общественно-экономическая формация. М., 1963.

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения]. 2-е изд. Т. 47. С. 460.

нашего исторического знания. Концепция пяти экономических формаций имеет целый ряд недостатков, однако в соответствии с темой нашей статьи [5//6] нам хотелось бы остановиться на проповедующейся этой теорией жесткой связи общественно-экономической формации со способом производства. В соответствии с подобным подходом политическая экономия в широком смысле данного понятия рассматривается в качестве суммы экономических теорий отдельных способов производства. Такой подход кажется нам не в полной мере соответствующим представлениям основоположников марксизма.

Если мы обратимся к работам К.Маркса, то увидим принципиально отличную от ныне признающейся теорию общественного развития; многие общепринятые сейчас теоретические положения мы не сможем найти в работах основоположников марксизма. Важно подчеркнуть, что в трудах К.Маркса и Ф.Энгельса термин «общественно-экономическая формация» вообще отсутствует; в оригинале работ К.Маркса применяются в основном понятия «Gesellschaftsformation» («общественная формация») и «ökonomische Gesellschaftsformation» («экономическая общественная формация»), а также многие другие. Рассматривая только те произведения основоположников марксизма, которые вошли в текст второго издания Собрания сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса на русском языке, мы можем обнаружить, что термин «общественная формация» («Gesellschaftsformation») употребляется 20 раз, или в 43 процентах случаев; термин «экономическая общественная формация» («ökonomische Gesellschaftsformation») — 12 раз, или в 20 процентах случаев; на остальные одиннадцать терминов приходится только 14 случаев употребления, или 31 процент. Среди них такие понятия, как «историческая формация общества», «экономическая формация», «формация общественного производства», «исторический период», «общественные формы про-

изводства», «экономико-исторический тип общества», «экономическая эпоха», «экономическая эпоха общественного строя», «экономические формы общества», «общественно-экономический период» и «исторические фазы общества».

Однако главное место в терминологическом аппарате основоположников марксизма занимают понятия «общественная формация» и «экономическая общественная формация». Последний термин, однако, трактуется в русских переводах двояко. В шести случаях он переводится как «экономическая общественная формация», т.е. в соответствии с представлениями К.Маркса, а в шести других — как «общественно-экономическая формация», что, как будет показано ниже, значительно искажает истинные представления основоположников марксизма. В двух из тех шести случаев, где имеет место правиль[6//7]ный перевод, в него вкладывается приблизительно такой же смысл, как и в понятие «общественно-экономическая формация»[7].

Однако, что нужно особо отметить, во втором русском издании Собрания сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса наблюдается значительное пренебрежение к правильному и корректному переводу важнейших понятий, составляющих терминологический аппарат основоположников марксизма. Мы уже говорили о том, что термин «ökonomische Gesellschaftsformation» далеко не во всех случаях переводится как «экономическая общественная формация». Но некоторые исследователи,

---

[7] Нельзя, однако, не отдать переводчикам должного. Они пытались, и это хорошо видно при сравнении переводов с оригиналами, уловить проставленные К.Марксом акценты, но сложность, а во многих местах и противоречивость применяемых К.Марксом терминов и понятий вызвали искусственное введение термина «общественно-экономическая формация» в значительном количестве рассматриваемых случаев. Безусловно, появление в переводах работ К.Маркса этого термина было отчасти данью традиции, сложившейся и укрепившейся в советской философской науке.

например в 20-е г[оды] С.М.Дубровский, в 60-е — С.Гановски, в 70-е г[оды] — В.Н.Никифоров[8], пытаются представить термин «ökonomische Gesellshaftsformation» как процесс «экономического формирования общества». Эта точка зрения не кажется нам обоснованной. Свои истоки она имеет в интерпретации указанного марксова термина К.Каутским[9], интерпретации, которая была использована им для обоснования извращения марксова учения по различным направлениям.

Нужно отметить в качестве безусловно негативного момента и то обстоятельство, что не уделяется должного внимания соподчинению понятий «Gesellschaftsformation» и «ökonomische Gesellschaftsformation», а именно тому моменту, что К.Маркс не применял по отношению к доклассовому и бесклассовому обществу термин «ökonomische Gesellschaftsformation». В то же время нынешние исследователи вполне однозначно оценивают как первобытный строй, так и коммунистическое общество в качестве «общественно-экономических формаций»[10].

Если следовать учению К.Маркса об общественном развитии, то [7//8] можно увидеть, что он выделяет три большие формации, называемые им общественными формациями [(]«Gesellschaftsformationen»[)]: пер-

---

[8] См. соответственно: *Дубровский С.М.* К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929. С. 16; *Гановски С.* Общественно-экономическая формация и мирное сосуществование. М., 1964. С. 64; *Никифоров В.Н.* Восток и всемирная история. М., 1977. С. 126.

[9] См.: *Kautsky K.* Die materialistische Geschichtsauffassung. Berlin, 1929. Bd. I. S. 810, 864; Bd. 2. S. 4.

[10] См.: Марксистско-ленинская теория социального развития. М., 1978. С. 148; *Афанасьев В.Г.* История как движение к высшему типу целостности // Вопр[осы] философии. 1980. № 2. С. 19; *Плетников Ю.К.* Специфика законов развития социалистического общества // Вопр[осы] философии. 1980. № 2. С. 25; *Кузьмин В.П.* Становление коммунистической общественной формации: развитие общекоммунистических начал // Вопр[осы] философии. 1986. № 6. С. 10.

вичную, вторичную и третичную[11]. Их же К.Маркс называл архаической, экономической и коммунистической соответственно. Экономическая общественная формация не должна уподобляться понятию «общественно-экономическая формация», так как четко ограничена рамками антагонистических обществ. Экономическая общественная формация разделена К.Марксом на способы производства[12], которые не имеют той жесткой связи с формацией, понимание которой весьма распространено сегодня во многих работах. Такая интерпретация одна только может объяснить тот факт, что К.Маркс не называет капитализм формацией[13]. Такое представление об общественном развитии вносит серьезные коррективы в теоретические основания политической экономии в широком смысле слова. Его следствием является то, что правомерным является рассмотрение в качестве единой экономической теории политической экономии всех обществ, входящих в экономическую общественную формацию, на чем мы подробнее остановимся в дальнейшем изложении.

Нельзя не отметить, что К.Маркс не ограничивается одним только понятием «экономическая общественная формация» по поводу всех антагонистичес-

---

[11] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения]. 2-е изд. Т. 19. С. 419; Marx-Engels Gesamtausgabe. Berlin. Abt.I. Bd. 25. S. 238; также по этому поводу см.: *Поршнев Б.Ф.* Периодизация всемирно-исторического процесса у Гегеля и Маркса // Философские науки. 1969. № 2. С. 60.

[12] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения]. 2-е изд. Т. 13. С. 7; Marx-Engels Werke. Bd. 13. S. 9.

[13] Термин «буржуазная общественная формация», встречающийся в русском переводе Предисловия к «К критике политической экономии» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения]. 2-е изд. Т. 13. С. 8), есть лишь элементарная ошибка переводчика. Там К.Маркс ведет речь об экономической общественной формации. Но больше нигде термин «буржуазная общественная формация» в работах К.Маркса и Ф.Энгельса, даже на русском языке, не встречается. Это делает еще более основательной теорию экономической общественной формации как единого целого.

ких обществ. Суть вопроса заключается в том, что к этим обществам, и ни к каким иным, он применяет понятие «экономическая» форма общества. Между тем встречаются случаи, ког[8//9]да экономическую общественную формацию К.Маркс делит на ряд этапов, которые он также называет экономическими общественными формациями. Важно иметь в виду, что подобное использование понятия «экономическая общественная формация» возможно только в том случае, когда К.Маркс говорит о всех этапах экономической общественной формации, вместе взятых; отдельно он никогда не называет подобные этапы «экономическими общественными формациями».

Пример этому можно обнаружить в «Капитале». К.Маркс пишет: «Насколько важно для познания стоимости вообще рассматривать ее просто как застывшее рабочее время, просто как овеществленный труд, настолько же важно для познания прибавочной стоимости рассматривать ее просто как застывшее прибавочное время, просто как овеществленный прибавочный труд. Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя... отличает экономические формации общества, например, общество, основанное на рабстве, от общества наемного труда»[14]. Данное положение подтверждает наше предположение о том, что экономическая общественная формация представляет собой нечто единое, характеризуемое эксплуатацией и частной собственностью. Если попытаться представить данное положение в качестве определенного рода доказательства признания К.Марксом пятичленного деления исторического развития, то это даст обратный эффект, так как отнюдь не только экономическая общественная формация делилась К.Марксом на отдельные составляющие ее формации. В работах К.Маркса мы встреча-

[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения]. 2-е изд. Т. 23. С. 229-229.

ем, например, высказывания о тех общественных формациях, которые предшествовали возникновению эксплуатации и классов. Поэтому, если на основе приведенного высказывания пытаться отстаивать пятиформационное деление общественного развития, можно, если быть «последовательным», удариться в противоположную крайность; при этом справедливость трехчленного деления не будет оспорена.

Однако советские философы предпринимают подобные попытки. Основанием для этого служит высказывание Ф.Энгельса: «Прибавочная стоимость есть застывший прибавочный труд, и различные общественные формации отличаются только *формой выжимания* прибавочного труда»[15]. Этот отрывок часто упоминается в литературе. Однако при этом не оговаривается, что он взят из конспекта I тома «Капитала», составленного Ф.Энгельсом, и ни в коем случае не может служить опровержением концепции формационного де[9//10]ления, созданной К.Марксом, а является лишь неточностью, допущенной Ф.Энгельсом. В связи с этим можно упомянуть, что один из исследователей текстов К.Маркса и Ф.Энгельса, Г.А.Багатурия, рассматривая созданную К.Марксом формационную теорию, специально подчеркивал исключительный приоритет К.Маркса в соответствующих вопросах. Он показал, что Ф.Энгельс вряд ли может считаться теоретиком формационного деления общества и сам термин «общественная формация» является во всех отношениях исключительным достоянием К.Маркса. Автор обнаружил, что Ф.Энгельс только три раза в течение всего своего творчества использовал данное понятие, и ни в одном случае оно не применялось в строго терминологическом смысле[16]. Поэтому ни само высказывание К.Маркса из «Ка-

---

[15] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения]. 2-е изд. Т. 16. С. 274.

[16] См.: *Багатурия Г.А.* Первое великое открытие Карла Маркса // Маркс-историк. М., 1967. С. 155.

питала», ни его трактовка Ф.Энгельсом не изменили нашего подхода к пониманию трехформационного членения общества. Однако теперь необходимо рассмотреть другую сторону проблемы, не менее важную — комплекс вопросов, связанных с трактовкой основоположниками марксизма вопросов смены общественных формаций.

Существенным упрощением, на наш взгляд, подверглась и марксова концепция смены общественных формаций. Необходимо подчеркнуть, что, так же как и в теории формаций основой для понимания марксовой концепции являлось соподчинение понятий «общественная формация» и «экономическая общественная формация», так же и в теории революции основой являлась диалектика терминов «социальная» и «политическая» революция. Часто указывают, что оба этих термина неразделимы, так как в каждом революционном изменении, происходящем в обществе, есть как политическая, так и социальная сторона. По существу это, конечно, верно, но подобное понимание вопроса, находящееся в полном соответствии с логикой, опять-таки затрудняет проникновение в марксову терминологию. Сторонники указанного подхода обычно ссылаются на известное положение К.Маркса: «Каждая революция разрушает *старое общество*, и постольку она *социальна*. Каждая революция низвергает *старую* власть, и постольку она имеет *политический* характер»[17].

Однако ссылка на этот источник, как нам кажется, не может служить полноценным доказательством указанной позиции. Работа, из которой взято данное положение К.Маркса, написана им в ранние годы творчества, в 1844 г[оду], и при апелляции к подобным трудам нужно быть твердо уверенным в том, что впоследствии взгляды основоположника марксизма не изменились. Поэтому в данном случае необходимо [10//11]

---

[17] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения]. 2-е изд. Т. 1. С. 448.

основываться на более зрелых работах К.Маркса и Ф.Энгельса, так как уже через год после написания указанной работы К.Маркса Ф.Энгельс выступил с принципиально иной трактовкой данного вопроса. Он писал: «Социальная революция есть нечто совершенно иное, чем происходившие до сих пор политические революции; в отличие от них она направлена не против собственности монополии, а против монополии собственности; социальная революция — это *открытая война бедных против богатых*»[18]. Здесь мы видим, что Ф.Энгельс, говоря о коммунистической революции, четко противопоставляет ее как революцию социальную всем прошлым революционным изменениям как революциям политическим.

Важно отметить, что К.Маркс не считал, что противоречие между производительными силами и производственными отношениями является причиной всех прочих, не коммунистических, революций. Рассматривая весь ход предшествовавшего исторического развития, он писал по поводу данного противоречия: «...противоречие между производительными силами и формой общения... уже неоднократно имело место в предшествующей истории, не угрожая, однако, ее основам...»[19] К.Маркс, утверждая данное положение, считал, что противоречие между производительными силами и производственными отношениями существует постоянно, но как диалектическое противоречие, а не как несоответствие производительных сил производственным отношениям. Он не придерживался мнения о том, что производственные отношения, в отличие от производительных сил, развиваются дискретно, скачкообразно. К.Маркс писал: «...всякое изменение производительных сил людей необходимо ведет за собой изменение в их производственных отношениях»[20]. Поэтому причиной буржуазной, например,

---

[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения]. 2-е изд. Т. 2. С. 552.

[19] Там же. Т. 3. С. 75.

[20] Там же. Т. 4. С. 144.

революции К.Маркс и Ф.Энгельс не считали противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Вот что писали они относительно источника, свергающего феодальный строй и являющегося причиной буржуазной революции: «...ранний интерес, когда соответствующая ему форма общения уже вытеснена формой общения, соответствующей более позднему интересу, еще долго продолжает по традиции обладать властью в лице обособившейся от индивидов иллюзорной общности (государство, право), — властью, которая в конечном счете может быть сломлена только посредством революции»[21].

Таким образом, в качестве причины политической революции, каковой является революция буржуазного типа, основоположники маркси[11//12]зма называли противоречие между новым экономическим «интересом» и законодательной формой выражения «интереса» отжившего, т.е. противоречие между развившимся экономическим базисом и закоснелой политической надстройкой. Ф.Энгельс еще в более решительной форме выразил данное положение, указав: «Английская революция осуществила как религиозные, так и политические принципы, борьба против которых со стороны Карла I вызвала эту революцию; французская буржуазия добилась в своей борьбе против дворянства и старой монархии всего, к чему она стремилась, уничтожила все злоупотребления, побудившие ее к восстанию»[22]. Итак, точка зрения Ф.Энгельса, которая к 1848-1850 г[одам] стала и точкой зрения К.Маркса, сводилась к тому, что социальной является только коммунистическая революция. В работах основоположников марксизма этому имеется огромное множество подтверждений[23].

---

[21] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения]. 2-е изд. Т. 3. С. 73; Marx-Engels Werke. Bd. 3. S. 72f.

[22] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения]. 2-е изд. Т. 2. С. 553.

[23] Там же. С. 553; Т. 7. С. 242-243; Т. 16. С. 435, 436, 594; Т. 18. С. 208, 214-215; Т. 20. С. 96 и др.

Положения К.Маркса и Ф.Энгельса о причинах буржуазной революции вполне основательны, так как базируются на огромном фактическом материале и подтверждены практикой. Например, накануне Французской буржуазной революции 1789 г[ода] фактически вся промышленность Франции развивалась по капиталистическому пути, подтверждая выдвинутое основоположниками марксизма положение о том, что фабричная организация производства неизбежно порождает общество с капиталистом во главе его. Некоторые отрасли французской промышленности с 1744 по 1789 г[од] показали рост объемов производства на 400 — 600, а в некоторых случаях на 700 — 800 процентов[24]. При этом развитие промышленности происходило столь высокими темпами отнюдь не только в новых отраслях: столь быстро увеличивалась продукция суконной и шелковой промышленности, развивалась горнодобыча и металлургия. В то же самое время дворянская земельная собственность в стране составляла лишь около 30 процентов, причем часто была лишь номинальной. Феодалы фактически не владели сельскохозяйственным инвентарем и средствами производства: в их собственности находилось в двадцать с лишним раз меньше сельскохозяйственных орудий, чем в руках крестьян[25], которые владели в целом по Франции приблизительно 35 процентами общего земельного фонда страны. При этом потребление класса феодалов перед революцией, достигавшее не более чем 100 млн. ливров в год, было весьма не[12//13]значительно по сравнению с величиной совокупного общественного продукта, составлявшего более 3 млрд. ливров.

---

[24] См.: *Жорес Ж.* Социалистическая история Французской революции. М., 1979—1981. Т. 1. Ч. 1. С. 80-88, 199-203.

[25] См.: *Блан Л.* История Французской революции. Т. 1. С. 114-115, 119, 185; *Жорес Ж.* Социалистическая история Французской революции. Т. 1. Ч. 1. С. 86-88.

Это вполне дает основания для предположения о том, что производительные силы развивались, во-первых, достаточно динамично, а во-вторых, они не были слишком скованы старыми производственными отношениями, которые оставались в большинстве случаев лишь правовыми нормами. Зато в подобных условиях существовало решительное противоречие между той степенью экономического влияния, которое имел класс феодалов и [которое] было весьма и весьма незначительно, и той огромной политической властью, которую этот класс мог осуществлять через принципы абсолютной монархии[26]. Это противоречие и привело к буржуазной революции, что дало возможность К.Марксу и Ф.Энгельсу охарактеризовать происшедший переворот как политическую революцию.

К.Маркс проводит анализ революций, имевших место в общественном развитии, в полном соответствии со своей теорией общественных формаций. Это приводит к тому, что, по сравнению с первоначальной концепцией Ф.Энгельса, К.Маркс вносит в теорию социальной революции ряд важных дополнительных моментов. Не будучи в состоянии в данной статье остановиться на всех направлениях развития данной теории, мы выделим лишь один заслуживающий внимания аспект.

Так как социальная революция, которая идентифицировалась в ранних трудах основоположников марксизма с революцией коммунистического типа, низвергает экономическую общественную формацию, то К.Маркс предположил, что социальная революция должна и положить начало экономической общественной формации. В соответствии с этим он в ряде случаев применил понятие социальной революции для обозначения того общественного переворота, который привел

---

[26] См.: *Кропоткин П.А.* Собр[ание] соч[инений]. [Издание, проверенное автором и рекомендованное им для России]. М., 1919. Т. 2. С. 8.

к разрушению общинного устройства и торжеству принципов экономической формации. Можно встретить подобные указания К.Маркса применительно к анализу разрушения индийской общины под воздействием английских колонизаторов, а также в других контекстах. Здесь уже Ф.Энгельс перенял у К.Маркса развившийся подход и использовал его при описании с помощью термина «социальная революция» преобразований, происходивших в Риме в период царского правления, когда протекал процесс разложения и разрушения общинных порядков.

Таким образом, термин «социальная революция» применяется для обозначения того революционного перехода, который ограничивает [13//14] временной период господства экономической общественной формации. Термин «социальная революция» встречается в трудах основоположников марксизма, составляющих второе издание Собрания сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса на русском языке, около 150 раз. При этом около 140 раз данное понятие применяется для обозначения коммунистической революции, несколько раз — для обозначения процесса распада общины, и считанное число случаев, приходящихся в основном на ранние работы основоположников марксизма, свидетельствует о том, что под социальными революциями в начале своего творческого пути К.Маркс и Ф.Энгельс понимали и революции коммунистического типа.

Таким образом, мы увидели, что теория общественного развития основоположников марксизма значительно отличается от распространенных сегодня представлений. Во-первых, у К.Маркса существует понятие единой экономической общественной формации, которая делится на ряд способов производства. Во-вторых, противоречие между производительными силами и производственными отношениями не всегда приводило к революционным скачкам в историческом процессе, и сами производительные силы и производственные отно-

шения развивались если не в гармонии, то, по крайней мере, в соответствии друг с другом. В-третьих, К.Маркс и Ф.Энгельс делят революционные скачки на социальные и политические революции, вкладывая в эти понятия весьма различное содержание. Соответственно и экономическая теория, базирующаяся на истинном видении К.Марксом и Ф.Энгельсом вопросов общественного развития, неизбежно должна отличаться от экономической теории, построенной на основе преобладающей ныне теории пяти общественно-экономических формаций.

В соответствии с вышеизложенным нам кажется, что изображение политической экономии в широком смысле данного понятия как ряда экономических теорий, описывающих отношения того или иного способа производства, не является в полной мере корректным. Мы не утверждаем, что такой взгляд на политическую экономию в широком смысле слова как на ряд экономических теорий является сейчас абсолютно признанным, но нельзя не отметить, что степень его распространенности весьма велика. Мы полагаем, что К.Маркс своим учением об экономической общественной формации дал ключ к несколько иной интерпретации политической экономии в широком смысле слова. Основой такой теории, видимо, должна стать не политическая экономия отдельных способов производства, а политическая экономия общественных формаций в их марксовом понимании. Тогда, в соответст[14//15]вии с учением К.Маркса, мы будем иметь дело с тремя большими комплексами производственных отношений, складывающимися в архаической, экономической и коммунистической общественных формациях, которые будут, естественно, предметом трех больших структурных элементов, из которых сложится политическая экономия в широком смысле этого понятия.

Подобный подход, на наш взгляд, обнаруживает ряд преимуществ.

Во-первых, все классовые эксплуататорские общества имеют специфические для них закономерности. Деление же на способы производства, хотя оно проводится в значительной мере по классовому признаку, существенно подрывает, на наш взгляд, целостность представления о классовых обществах в их совокупности и об общих им всем чертах экономического устройства. В этом случае закономерности, связывающие отдельные классовые «общественно-экономические формации» в их современном понимании, объявляются законами, общими для нескольких формаций, и на этом основании фактически полностью переходят в рамки предмета исторического материализма, хотя среди них есть и такие характеристики, как, например, общие принципы эволюции товарного хозяйства, которые по праву принадлежат только политической экономии.

Из этого следует, во-вторых, что в случае объединения экономических теорий эксплуататорских способов производства в политическую экономию единой экономической общественной формации можно будет более последовательно проводить в жизнь принцип единства исторического и логического методов исследования, так как окажется возможным исследовать зародыши новых отношений в рамках тех способов производства, в которых они не являются господствующими.

В-третьих, и этот момент вытекает из предыдущего, в случае реализации предлагаемого подхода появится возможность в полной мере наблюдать единство прерывности и преемственности в развитии экономических форм. Мы полагаем, что ныне глубокое понимание этого единства объективно затрудняется указаниями на различия основных законов и основных противоречий отдельных способов производства. Не отрицая значения исследования основных законов отдельных способов производства, мы хотим подчеркнуть необходимость их исторического изучения, вместо того чтобы рассматривать их в качестве чего-то объективно заданного, им-

манентно присущего той или [15//16] иной общественно-экономической формации, тому или иному способу производства. При всех стараниях исследователей производственных отношений различных способов производства следовать принципу историзма его применение определенным образом затруднено, ибо поступательный и непрерывный процесс исторического развития оказывается разбит на отдельные стадии.

В-четвертых, важнейшим преимуществом данного подхода является его методологическая строгость. Мы хотим обратить особое внимание на то, что современная теория общественно-экономических формаций объективно представляет развитие таким образом, что коммунистическое общество, как общественно-экономическая формация, ставится на одну доску, по крайней мере терминологически, с другими общественно-экономическими формациями, например, с рабовладельческой или феодальной. Такое представление не соответствует историческому месту коммунистического общества, а кроме того, из него логически вытекает, что социализм, который является не формацией, а лишь первой фазой коммунистической общественной формации, представляет собой быстропреходящий исторический период. Хотя само такое понимание уже фактически преодолено, его теоретические основы, заложенные в структуре общественной периодизации еще в 30-е г[оды], продолжают существовать. В случае же, если коммунизм представляется как общественная формация и противопоставляется всему эксплуататорскому обществу как общественной же формации, удается избежать многих противоречий.

Таковы некоторые преимущества политической экономии экономической общественной формации, рассматриваемой как единое целое. Однако мы считаем, что весь процесс общественного развития, который является сложным непрерывным процессом, не может быть исчерпан описанием трех его выделенных

стадий. Наряду с архаической, экономической и коммунистической общественными формациями существуют и эпохи перехода одной формации в другую. Эти эпохи, если следовать за К.Марксом, можно назвать эпохами социальных революций. Данные переходные состояния общества не могут быть отнесены к какой-либо общественной формации. Именно такое понимание вопроса мы видим у К.Маркса и Ф.Энгельса.

Политическая экономия в широком смысле этого понятия, как нам кажется, должна состоять из пяти элементов. Тремя основными составными частями явятся экономические теории архаической, экономической и коммунистической общественных формаций; наряду с ни[16//17]ми двумя другими, не менее существенными и важными элементами явятся теоретические описания систем производственных отношений, свойственных двум периодам социальной революции: периоду разложения архаической формации и генезиса экономической и периоду падения и гибели экономической формации и генезиса коммунистической. Второй из этих элементов является политической экономией социализма.

В заключение нам хотелось бы кратко сказать о предмете каждой из структурных единиц политической экономии в широком смысле. Политическая экономия архаической общественной формации, видимо, будет иметь предметом своего исследования отношения, возникающие в условиях совместного хозяйства, общинной собственности, отсутствия эксплуатации и наличия других признаков архаической формации. Она должна также вскрывать те противоречия, которые обусловили процесс разложения этого типа общества. Политическая экономия экономической общественной формации изучает развитие производственных отношений экономической общественной формации, рассматривая в первую очередь механизм такого развития, механизм вызревания новых форм общественного производства. Целью ее является более глубокое изучение

внутреннего единства комплексов производственных отношений данной формации, рассмотрение их как единого и взаимосвязанного целого. В центре внимания должны находиться причины прогрессивной смены форм эксплуатации, механизм развития в рамках экономической общественной формации товарных отношений, изучение их динамики и роли в историческом развитии. Политическая экономия коммунистической общественной формации имеет своим предметом комплекс производственных отношений коммунизма, общества, основанного на общественной собственности на средства производства, члены которого связаны между собой отношениями коллективизма, в котором преодолено товарное производство, обеспечено распределение по потребностям.

Политическая экономия периода разложения архаической формации, или политическая экономия первого переходного периода, должна изучать факторы возникновения имущественного неравенства, зарождение отношений обмена, возникновение частной собственности и экспансию товарных отношений до того их состояния, когда они приводят к полной победе принципа частной собственности и возникновению эксплуатации в ее зрелом виде, в виде эксплуатации класса классом. Важнейшим же моментом является определение политической [17//18] экономии социализма, или второго переходного периода. Оно вытекает из понимания исторического места социалистического общества. Эпохальное значение социализма заключается в том, что он должен не просто разрушить капиталистические отношения, а постепенно изжить все наследие экономической общественной формации, в каких бы оно формах ни проявлялось.

Коммунистическая общественная формация предполагает наличие общественной собственности; экономическая формация, напротив, основана на собственности частной. В этом аспекте задачей политической

экономии социализма является изучение путей становления общественной собственности. Коммунистическая формация предполагает распределение по потребностям; экономическая формация основывается на возмездном распределении. В этом аспекте политическая экономия социализма должна найти формы, которые бы обеспечили возможность перерастания возмездного распределения в распределение по потребностям. Коммунистическая формация отрицает товарное хозяйство; экономическая формация имеет его в качестве одного из наиболее принципиальных источников своей эволюции. В этом аспекте политическая экономия социализма должна найти формы и пути такой модификации отношений обмена, которые привели бы к постепенному исчезновению его возмездного содержания.

Кроме этого, политическая экономия социализма должна вбирать в себя и те отношения, которые не являются сущностными ни для экономической, ни для коммунистической общественной формации. Это, например, переходные виды собственности, такие, как собственность кооперативная, переходные формы распределения, как, например, распределение по труду, переходные формы обмена, как, например, обмен труда на предметы потребления[27] с учетом общественной полезности тех или иных изделий[28]. Такие специфические черты социалистических производственных отношений, наряду с исследованием общих закономерностей перехода всей хозяйственной системы от экономической к коммунистической общественной формации, также должны явиться предметом политической экономии социализма, причем именно на них необходимо сосредоточивать при нынешнем состоянии социалистического общества и описывающей его науки наиболее пристальное внимание. [18]

---

[27] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения]. 2-е изд. Т. 19. С. 18-20.

[28] См.: Там же. Т. 4. С. 97.

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА*

В.Л.Иноземцев

[19] В последнее время новый взгляд на реалии современного мира, который столь необходим сейчас советским обществоведам, все в большей и большей мере сочетается с пересмотром некоторых казавшихся фундаментальными и неоспоримыми положений марксистского учения. Данный процесс нельзя не признать вполне объективным: новые явления в экономической жизни, рассматриваемые во всей полноте их проявлений, отнюдь не всегда могут быть объяснены простым применением к ним положений, содержащихся в трудах классиков марксизма-ленинизма, а в некоторых случаях на первый взгляд даже противоречат данным положениям. Развертывание процесса совершенствования теоретических воззрений на широкий круг проблем, который сейчас составляет саму суть развития марксистского учения, предполагает необходимость выработки парадигмы, определяющей отношение современных исследователей к гигантскому классическому наследию, оставленному нам основателями марксизма. К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин оставили своим пос-

---

* Впервые опубликовано в сборнике *Некоторые проблемы исследования современного капитализма.* / Под редакцией В.А.Бирюкова. М., 1989. Депонировано в ИНИОН АН СССР 14 ноября 1989 года за № 40078. С. 19-51.

ледователям гениальные научные труды, в которых изложены элементы учения, впервые адекватно объяснившего ход и механизм исторического развития человечества. Эта концепция была создана в результате глубокого теоретического осмысления исторического материала и не менее глубокого анализа современной основателям марксизма ситуации. Целью создания столь глобальной теории являлось обнаружение закономерностей, которые могли бы дать возможность проникнуть в будущее исторического развития цивилизации.

Стоявшие на прочной основе диалектического учения, хоро[19//20]шо понимавшие неоднозначность и многовариантность хода исторического развития, основоположники марксизма были весьма осторожны в своих предсказаниях относительно тех будущих путей развития, обнаружение которых было их непосредственной целью. Марксистское учение обнаруживает всю степень своего величия в первую очередь в том, насколько верно были указаны его создателями наиболее общие направления всемирно-исторического процесса, насколько глубоко вскрыты действующие в нем закономерности и насколько четко уловлены тенденции развития, в первую очередь в экономической области. Безусловно, сегодняшняя действительность очень не похожа на то состояние общества, которое во второй половине XIX века было описано К.Марксом и Ф.Энгельсом и в начале XX века — В.И.Лениным. Именно это обстоятельство и вынуждает нас обратиться к вопросу о том, можно ли считать все марксистское учение или его составные части устаревшими и следует ли совершенствовать это учение путем радикальной замены отдельных «блоков», признающихся устаревшими, на новые, адекватно отражающие сегодняшнее положение дел.

Мы полагаем, что отрицательный ответ на первую часть вопроса можно считать совершенно однозначным. Ни марксистское учение в целом, ни значительные его составные части не устарели: марксистская диалекти-

ческая философия и научный коммунизм как распространение принципов этой философии на ход будущего развития, видимо, в принципе не могут быть признаны устаревшими; политическая же экономия, созданная К.Марксом применительно ко второй половине XIX века, навсегда останется верной, так как правильно отражала экономические явления того периода, а на описание экономической жизни конца XX века отнюдь не претендовала. Однако вопрос о том, не лишились ли актуальности отдельные блоки марксистского учения, вызывает серьезные споры. Споры эти идут по различным направлениям.

Так как мы избрали темой нашей статьи вопрос о современной стадии развития капиталистического способа производства, основное наше внимание будет сосредоточено на анализе учения об империализме как о новейшей, высшей, стадии капитализма, созданного в начале XX века В.И.Лениным. Как можем мы в общем плане охарактеризовать эту теорию? Ленинская трактовка монополистического развития была в начале XX века наиболее глубо[20//21]кой концепцией, отражающей новейшие изменения в производственных отношениях капиталистического способа производства. В этот период большинство ведущих марксистских теоретиков так или иначе обращались к проблеме монополистического капитализма, но решали ее в целом с гораздо меньшим успехом, чем В.И.Ленин. И хотя положение, например, Г.Кунова о том, что результатом того кризиса капитализма, который нарастал с развертыванием первой мировой войны, «может быть осуществление отдельных социалистических мероприятий, но в существенном последствия войны в империалистических государствах будут заключаться в усилении империализма и финансового капитализма, в наступлении новой эры финансового капитала»[1] звучит как

[1] Цит. по кн.: *Кунов Г.* Марксова теория исторического процесса, общества и государства. М.-Л., 1930. С. 293.

вполне реалистичное, ленинская мысль о том, что империализм является кануном социалистической революции[2], которая свершится в странах, являющихся слабыми звеньями цепи империалистических государств, мысль, подтвержденная затем практикой, ставит В.И.Ленина гораздо выше других исследователей империализма. Таким образом, только ленинское исследование монополистического капитализма начала XX века, исследование, в полной мере марксистское по духу и характеру, может быть признано адекватным использованием марксизма как методологии для анализа качественно новой экономической ситуации. Опять-таки В.И.Ленину принадлежит честь творческого использования марксистского учения в ходе начального периода строительства социализма в СССР. Именно в трудах В.И.Ленина мы находим блестящее использование марксистской методологии, пожалуй, самого актуального для любого исторического периода элемента учения основоположников марксизма. Это отличает Владимира Ильича как от представителей правого крыла социал-демократии — К.Каутского, Г.Кунова и др[угих], — так и от сторонников левого течения, рупором идей которых выступал Л.Д.Троцкий, а проводником этих идей в жизнь — И.В.Сталин. Таким образом, совершенно очевидным является вывод о том, что в [21//22] случае, если мы откажемся от ленинского анализа империализма как от правильного и подвергнем сомнению все основные положения его концепции, мы откажемся от чего-то гораздо большего — от фактически единственного в истории правильного и плодотворного применения марксистской методологии исследования к новым формам капиталистического способа производства.

Между тем сама жизнь показывает нам, что нынешнее состояние западных обществ вряд ли было бы

---

[2] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 301.

правильно ставить на одну доску с состоянием этих обществ в начале века. Поэтому вполне закономерно возникают вопросы о том, «не является ли эпоха свободной конкуренции предшественницей монополистического капитализма, а последний — адекватной формой капиталистического способа производства»[3]. Однако данное положение самым непосредственным образом, предполагая капитализм свободной конкуренции определенным подготовительным этапом к достижению капитализмом своих адекватных форм, неким «предкапитализмом», противоречит тезису В.И.Ленина о том, что «свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще»[4], тезису, в котором В.И.Ленин непосредственно следует за К.Марксом и Ф.Энгельсом. Мы ни в коем случае не выступаем против попыток найти новые определения современных западных обществ, но мы решительно отвергаем любые попытки сделать это, подвергнув при этом пересмотру ленинскую теорию монополистического капитализма. В связи с этим мы должны указать, что методология, которая в ходе своего применения приводит к возникновению утверждений, явно противоречащих положениям, явившимся плодами подлинно творческого развития марксистской теории, не есть методология марксизма. Мы понимаем и принимаем тезис, гласящий, что В.И.Ленин не мог предвидеть ход развития капитализма конца XX века, но менее всего мы готовы согласиться с тем, что для объяснения капитализма конца XX столетия необходимо отказываться от положений В.И.Ленина, относящихся к его началу. [22//23]

Таким образом, мы полагаем, что концепция, описывающая современное капиталистическое общество,

---

[3] *Медведев В.А.* Великий Октябрь и современный мир // Коммунист. 1988. № 2. С. 6.

[4] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 385.

не должна приходить в противоречие с положениями марксистской теории, отбрасывая часть из них как устаревшие, а должна являться формой развития марксистского учения, рассматриваемого в совокупности всех его теоретических положений, равно как должна быть основана на марксистской методологии. На более конкретном уровне рассмотрения это общее требование трансформируется в следующие, более частные. Во-первых, современная теория западных обществ должна признавать фундаментальнейшее положение марксистской политической экономии о том, что наиболее присущей, единственно адекватной капитализму формой хозяйственных связей является товарное хозяйство в условиях действия механизма свободной конкуренции. Во-вторых, нужно признать положение В.И.Ленина о том, что империализм, как фаза капиталистического способа производства, характеризующаяся господством монополий и вытекающими из этого признаками, не является адекватной капитализму формой, а являет собой в той или иной степени форму деградации этого способа производства. В-третьих, новая теория не должна противоречить гениальному положению В.И.Ленина о том, что империализм есть канун социальной революции пролетариата. В-четвертых, создаваемая теория должна согласовываться и не противоречить созданной К.Марксом теории трех общественных формаций.

Таковы четыре основных требования, которые мы считаем возможными предпослать исследованию современной стадии развития капиталистического общества. Возникает вопрос: а много ли можно сказать нового, действительно ценного, если ограничить себя такими, весьма строгими, рамками? Ответом на этот вопрос и является предлагаемое исследование.

Конкретно-теоретические подходы к анализу современного капитализма

Современные капиталистические общества разительным образом отличаются от капитализма начала XX века. И отличие это связано отнюдь не только с неизмеримо выросшими производительными силами буржуазного общества, но и с серьезнейшей модификацией всей системы производственных отношений. Вспомним, как [23//24] В.И.Ленин характеризовал империализм начала XX века. Давая определение империализма, при этом отмечая необходимость «не забывать условного и относительного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии», он писал: «Следует дать такое определение империализма, которое включало бы следующие пять основных его признаков: 1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банковского капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир; 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами»[5]. Эта ленинская характеристика империализма хорошо известна. Подчеркнем дополнительно, что именно первый признак В.И.Ленин считал наиболее существенным. Он специально подчеркивал: «По своей экономической сущности империализм есть монополистический капитализм»[6]. Основываясь на

---

[5] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 386-387.

[6] Там же. С. 420.

этой характеристике, в определенной мере, конечно, упрощенной, рассмотрим сегодняшнее положение вещей.

На первый взгляд, все признаки продолжают «действовать», и с этой точки зрения мы не можем заметить радикальных изменений. Концентрация производства и капитала, которая при В.И.Ленине значительно превосходила аналогичные показатели второй половины XIX века, возросла за истекшие 70 лет неимоверно. Гигантские промышленные компании и банки продолжают контролировать значительную часть рынка товаров и капиталов и определять экономическую жизнь. Финансовый капитал, образовавшийся в начале века как результат слияния банковского капитала с промышленным, отнюдь не утратил свою власть, а, напротив, укрепил свои позиции. Вывоз капитала возрос неимоверно, причем во всех своих формах; это привело к невиданной доселе интернационализации капиталистического производства. Продолжают существовать гигантские международные монополистические объединения, а крах колониальной системы империализма не ослабил в значительной мере его могущества, в определенной мере заменив один механизм эксплуатации государств Афри[24//25]ки, Азии и Латинской Америки другим, даже более приемлемым для капиталистического мира. Таким образом, на первый взгляд, все сохраняется в том же виде, в каком оно было в начале XX века. Однако наряду с этой кажущейся идентичностью существуют и принципиальные изменения в самых, пожалуй, важных для понимания развития капитализма отношениях.

Начало XX века породило ряд оригинальных теоретических схем, авторы которых стремились доказать, что развитие капиталистических монополий приведет к столь высокому уровню обобществления, что создастся единая капиталистическая монополия, уничтожившая всех своих конкурентов; это состояние должно было, по мнению авторов, дополняться наиболее чет-

ким противостоянием класса капиталистов и рабочего класса. Такой ультраимпериализм, видимо, должен был возникнуть в мировом масштабе. Заметим, что подобные теории составляют детище исключительно начала XX века. Уже во второй половине его подобные концепции оказались совершенно несостоятельными. Ускоряющаяся концентрация производства и капитала оказалась не всеобъемлющей; монополии не сумели полностью подчинить своей власти производство фактически ни в одной отрасли обрабатывающей промышленности. Помимо этого, в каждой отрасли во второй половине XX века оказались господствующими не одна, а целый ряд крупных компаний. Тенденции к дальнейшей монополизации, вполне справедливые для начала века, во многом исчерпались или приобрели принципиально отличный механизм своего проявления.

Более того. Вытесняемый (и довольно успешно) в течение первой половины XX века мелкий бизнес, судьба которого уже, казалось, была предрешена, испытал в последние десятилетия подлинный ренессанс, значительно укрепив свои позиции в наиболее важных для современной экономики отраслях. Доля его в валовом национальном продукте фактически всех капиталистических стран прекратила падать и стала довольно ощутимо расти. Данная тенденция также не бралась в расчет в исследованиях начала XX века, в том числе и в работах В.И.Ленина.

Да и сами крупные капиталистические компании подверг[25//26]лись существенным изменениям. Если в начале века монополистические объединения получали быстрое развитие за счет того, что обретали возможность полного контроля над рынками сбыта или над регулированием цен, т.е. извлекали сверхприбыли либо за счет реализации своих товаров по монопольно высоким ценам, либо за счет покупки сырья, материалов и рабочей силы по искусственно заниженным ценам, то ныне подобная система уже не жизнеспособна.

Монополии могли извлекать сверхприбыль подобным образом только до тех пор, пока они контролировали лишь незначительную часть всего общественного производства. В противном случае, не говоря уже о невозможности уверенного воспроизводства рабочей силы в условиях, когда она приобретается капиталистами систематически ниже стоимости, а предметы потребления реализуются рабочим с монопольными наценками, необходимо было объяснять монопольные прибыли за счет взаимных обсчетов капиталистов, так как общая величина прибылей монополий оказывалась намного большей, чем та, которая потенциально могла бы быть извлечена из-за давления на немонополизированный сектор. Таким образом, возникла фактически необъяснимая ситуация, если рассматривать ее с точки зрения признания капитализма монополистическим. Если монополия уже не получает сверхприбыли, то она фактически не реализует себя как монополия; следовательно, необходимо искать объяснение отсутствия тенденции нормы прибыли к падению вне монополистических отношений. Сохранение высокой нормы прибыли у ведущих компаний должно объясняться в первую очередь из деятельности самих этих компаний, а не из отношений, связанных с реализацией продукции[7]. Корпорации в новых условиях, поставленные перед лицом невозможности извлечения сверхприбыли, стали не столько присваивать эту до-

---

[7] С технической стороны данное обстоятельство проанализировано Э.А.Крайневой (см.: *Крайнева Э.А.* Диалектика экстенсивного и интенсивного в развитии капитализма // Некоторые проблемы исследования современного капитализма. / Под редакцией В.А.Бирюкова. М., 1989. Депонировано в ИНИОН АН СССР 14 ноября 1989 года за № 40078. С. 95-96), с точки зрения изменения отношений внутри корпорации — О.Е.Кузиной (см.: *Кузина О.Е.* Эволюция стоимостного механизма регулирования общественных пропорций при капитализме // Некоторые проблемы исследования современного капитализма. / Под редакцией В.А.Бирюкова. М., 1989. С. 102).

полнительную прибыль, как это было раньше, сколько производить ее сами. В этом принципиальном изменении мы видим одно [26//27] из важнейших отличий современного положения от той ситуации, которая имела место в начале XX века. Нынешние монополии в гораздо большей степени монополии по форме, чем по существу. Это отмечается как в иностранной, так и в советской литературе; специалисты все чаще называют современную капиталистическую экономику не монополистической, а олигополистической[8].

Таким образом, тот фактор, который В.И.Ленин рассматривал как решающий в анализе империализма, — фактор монополии — сегодня уже далеко не тот, каким он был в начале столетия. Монополии не сумели уничтожить мелкий и средний бизнес, они не обеспечили себе полного господства фактически ни в одной отрасли, они не сумели уничтожить весь механизм свободной конкуренции и рыночного регулирования, модификации действия закона стоимости оказались менее значительными, чем это можно было первоначально предположить, и, наконец, крупные корпорации сами стали обеспечивать высокие прибыли «из внутренних резервов», что во многом адекватно тому, что они потеряли возможность реализовываться как монополии. На основании всего вышеизложенного мы приходим к выводу, что современный капитализм (мы не применяем пока по отношению к нему термин «олигополистический») является новой фазой, которая выросла из монополистического капитализма, так же как и он сам вырос из капитализма свободной конкуренции. Как и империализм, современный капитализм далеко не адекватная капиталистическому способу производства форма; на этом мы остановимся ниже.

---

[8] См., напр.: *Кузнецов В.* Регулирование капиталистической экономики в 80-е годы // Мировая экономика и международные отношения. 1986. № 8.

Однако данный подход, на первый взгляд, опровергает одно из ранее поставленных нами условий, а именно третье, согласно которому тезис В.И.Ленина о том, что империализм может расцениваться как преддверие социальной революции пролетариата, признается неоспоримым. По нашей же схеме выходит, что за империализмом следует новая стадия, и, следова[27// 28]тельно, не империализм оказывается той фазой развития капитализма, между которой и социализмом уже нет никаких промежуточных звеньев. Однако мы возьмемся утверждать, что такая трактовка не противоречит положению В.И.Ленина. Тогда, если логически проанализировать оба утверждения, можно прийти к выводу, что признается возможность социалистической революции только на империалистической фазе развития капитализма. Именно это и утверждается в нашей статье. Мы считаем, что ни до возникновения монополистического капитализма, ни после его трансформации в пост-монополистический социалистические революции в капиталистических странах невозможны. Сейчас мы попытаемся доказать это положение.

Для этого придется обратиться к истории развития капиталистического способа производства. Попытка Р.Ф.Волкова в данном направлении[9] весьма оригинальна, но выводы автора в наиболее принципиальных моментах кардинально расходятся с нашими, и поэтому мы предпримем иное исследование. Капиталистическое производство зародилось в странах Западной Европы в условиях феодального средневековья. Возникновение не только отдельных групп работающих по найму, но и относительно значительной по численности прослойки, которой в будущем суждено было стать рабочим

---

[9] См.: *Волков Р.Ф.* К вопросу о критерии периодизации капиталистического способа производства // Некоторые проблемы исследования современного капитализма. / Под редакцией В.А.Бирюкова. М., 1989. С. 62.

классом в общепринятом смысле этого понятия, относится большинством исследователей в Италии — к XIII, в Англии — к XIV, в Германии — к XV веку[10]. Мы, не модифицируя, а точнее, не извращая фактов, не можем в силу этих обстоятельств признать, что капитализм свободной конкуренции был первой исторической формой капиталистического производства. В условиях господства феодального строя мы имеем налицо элементы этого производства, развивающиеся «в порах» чуждого ему общества. Но так как при феодализме пра[28//29]во монополии было основной формой всякого хозяйственного права, то и мелкие капиталистические предприятия вынуждены были фактически быть монополистами. Под такой формой монополии мы имеем в виду только то обстоятельство, что результаты производства сбывались на рынке, на котором у производителя не имелось конкурентов, иногда же изготавливались непосредственно на заказ; столь же мал был выбор у капиталиста при покупке сырья, да и продавцы сырья фактически не могли сбыть его никому другому. Таким образом, возникающие капиталистические предприятия либо являлись монополистами на весьма ограниченном местном рынке, либо же возникали в отраслях, производящих предметы роскоши для экспорта. В данном случае их положение монополиста тем более очевидно. Подобный подход оставляет открытым вопрос о разграничении понятий средневекового капиталистического предприятия и промышленного производства в рамках цеховой системы; разграничение это в принципиальном плане может быть проведено с использова-

---

[10] См.: *Ковалевский М.М.* Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. 2. СПб., 1899. С. 390, 394, 406, 460-461. Т. 3. СПб., 1900. С. 4, 169; *Каутский К.* Наемные рабочие в средние века и в эпоху Реформации. СПб., 1905. С. 56-87; *Каутский К.* Возникновение рабочего класса и образование ремесленных цехов. СПб., 1905. С. 6; *Ashley G.* An Introduction to English Economic History. L. 1882. V[ol]. 2. P. 101.

нием в качестве критерия регулярного применения научного труда, а также некоторых других отличительных черт, подробное исследование которых является прерогативой специалистов по истории экономики.

Приблизительно к XVII веку положение изменилось. Капиталистические предприятия подорвали цеховую систему и оказались доминирующими в области промышленного производства. Нет необходимости связывать реальное начало капитализма свободной конкуренции с волной буржуазных революций, прокатившейся по Европе. В действительности капитализм свободной конкуренции в своей основе становился еще в ходе упадка феодальной системы производства. Капиталистические отношения даже в дореволюционной Франции полностью подчинили себе промышленность, оттеснив феодальные пережитки в область отсталого сельскохозяйственного производства. Капитализм показывал огромные успехи: в угольной промышленности Франции рост производства с 1744 по 1789 г[од] оценивается в 700—800 процентов, производство мюлузских ситцев, отражающее общее состояние легкой про[29//30]мышленности, выросло с 1758 по 1786 г[од] на 738 процентов, производство шелка в Дофинэ поднялось за 1730—1767 г[оды] на 400 процентов. Почти в три раза вырос с 1716 по 1787 г[од] экспорт товаров из Франции, причем доля промышленных товаров в экспорте также выросла втрое[11]. Капитализм свободной кон-

---

[11] См.: *Жорес Ж.* Социалистическая история Французской революции. М., 1978. Т. I. Кн. I. С. 52, 61, 208, 210, 211; *Блан Л.* История Французской революции. Спб., 1907. Т. I. С. 114-115, 119, 185, 252, 254-257; *Каутский К.* Противоречия классовых интересов в 1789 г. М., 1923. С. 46-47; *Кропоткин П.А.* Собр[ание] соч[инений]. [Издание, проверенное автором и рекомендованное им для России]. М., 1919. Т. 2. С. 7-10; *Люблинская А.Д.* Французские крестьяне в XVI—XVIII веках. Л., 1960. С. 225; *Лотте С.А.* Республиканское сословие (из истории французского предпролетариата XVIII века) // Французский ежегодник 1960. М., 1961. С. 360-365, а также некоторые другие работы.

куренции на мануфактурной его стадии, однако, как мы уже отметили, был относительно ограничен, он сковывался господствовавшими в обществе отношениями феодального права. После уничтожения этих отношений в результате буржуазных революций он получил полное развитие.

Дальнейший ход эволюции капитализма всем хорошо известен. Господство свободной конкуренции привело к концентрации и централизации производства и капитала; возникли условия для возникновения монополистических объединений, а вскоре появились и они сами. Господство монополий, пик которого пришелся на начало XX века, привело к весьма решительной модификации производственных отношений. Однако эта модификация, наряду с рядом положительных моментов, безусловно несла в себе и отрицательные, которые угрожали самому существованию капитализма. Потребовалась новая перестройка хозяйственного механизма, и в результате строгая монополистическая структура начала века оказалась во многом разрушена, и возникла новая фаза, которая в определенной мере является воспроизведением на более высоком уровне черт домонополистического капитализма.

Итак, капиталистическое производство, если рассматривать его по состоянию на сегодняшний день и не пытаться по[30//31]ка заглянуть в его будущее, прошло, на наш взгляд, четыре этапа своего развития. На первом этапе, который охватывает период с XIV—XV до второй половины XVIII века, капиталистические отношения развивались внутри феодального строя и несли на себе отпечаток феодальных, монополистических, отношений. В этот период свободная конкуренция только еще становилась. Технический базис такого производства представляли простая капиталистическая кооперация или мануфактура. На втором этапе, начавшемся в конце XVIII века и закончившемся, видимо, на грани XIX и XX веков, торжествовали законы свободной конкурен-

ции, которые развивались в условиях достаточно полного соответствия буржуазных производственных отношений наличным производительным силам. Это был период господства отношений, наиболее полно отражавших суть капиталистической системы производства, адекватных ей. Затем заступил третий этап, когда образование монополий, представлявшее собой решительное отрицание свободной конкуренции, придало капитализму значительно отличный от общества XIX века вид. Однако этап империализма, и мы еще вернемся к этому, породил опасные для капиталистического строя социальные коллизии; его наступление объективно обусловливалось необходимостью замены анархии капиталистического производства определенными чертами планомерного типа ведения хозяйства, пусть даже и весьма ограниченно. Однако в целом империализм не сумел выполнить эту задачу. Причиной тому был в первую очередь низкий уровень производительных сил, недостаточный для использования планомерных рычагов хозяйствования, предполагающих наличие обобществления в масштабах всего общества. Четвертый этап, наступивший в начале второй половины XX в[ека], можно назвать этапом «великого синтеза», когда возникла на первый взгляд парадоксальная ситуация, характеризовавшаяся тем, что, хотя монополии потеряли ту роль, которую они имели в начале столетия, обобществление производства в значительной мере возросло, и даже при ренессансе конкуренции производство обрело гораздо более обобществленный характер, чем раньше. Возникла ситуация, когда конкуренция в условиях высокообобществленного производства, основывающе[31//32]гося на фантастически развившихся производительных силах, а также на самых передовых типах электронной техники, информатики, систем коммуникации и контроля, похоже, не несет с собой той анархии общественного производства, которой с необходимостью сопровождалось действие ее законов в условиях капитализма XIX века.

Теперь рассмотрим, насколько стабильными структурами являлись экономические системы каждого из этих этапов и как развивались классовые конфликты в условиях той или другой стадии развития капиталистического общества.

Первый период развития капитализма, когда новый тип производства медленно становился в условиях ему противостоящего и враждебного феодального окружения, вряд ли может быть назван периодом «спокойного» и стабильного развития. Напротив, уже к XVII, а тем более к XVIII веку зародившиеся в феодальной структуре элементы буржуазного производства стали главным «фактором риска» для существования этой структуры. С развитием капиталистических отношений в промышленности, которая по темпам прироста продукции оставила далеко позади сельское хозяйство, реальная власть буржуазии стала быстро расти. Буржуазия рвалась в первую очередь не к власти, как это иногда изображают; она жаждала увеличения своего богатства, а для этого необходимо было уничтожить проявления феодального права, которое препятствовало развертыванию предпринимательской деятельности буржуазии, препятствовало созданию реального механизма свободной конкуренции. Борьба становящегося типа производства, ориентированного именно на использование законов свободной конкуренции, с отжившими системами, основанными на принципах монополизма, и привела к жестоким социальным потрясениям конца XVIII — начала XIX века. Период развития капитализма второй половины XVIII века, период борьбы свободной конкуренции и монополии, был первым периодом нестабильности, порожденной существованием в обществе буржуазных отношений.

Добившись, наконец, своей полной победы, буржуазия получила в обществе абсолютную — как экономическую, так и политическую — власть. XIX век оказался веком наивысшего подъ[32//33]ема буржуазных от-

ношений. Нельзя, разумеется, отрицать того очевидного обстоятельства, что это был период, когда буржуазия приобрела мощного врага в лице пролетариата, класса, который, начиная с середины XIX века, объявил буржуазии решительную войну. Однако господство буржуазных отношений в этот период было настолько полным, а предпосылки для реального переустройства общества на социалистический лад столь иллюзорными, что классовая борьба пролетариата XIX века, хотя имела огромное значение для сплочения трудящихся классов, вряд ли могла увенчаться успехом. В течение этого века буржуазия распространила свою власть фактически на весь земной шар, создала гигантские колониальные империи, многократно умножила производительные силы, на которых основывалось ее могущество, а вместе с ними и свое богатство. Этот период был периодом стабильности данного строя. Капитализм развивался на адекватной ему базе, и можно утверждать, что ему ничто реально не угрожало. Экономическая структура должна сама изжить себя и войти в период кризиса, для того чтобы оказаться свергнутой. Ничего этого нельзя отметить на протяжении XIX века.

Однако в начале нового столетия капиталистические отношения изменились. Создание монополий, являвшееся объективным и необратимым ходом развития процессов концентрации и централизации производства и капитала, привело к резкому обострению противоречий капиталистического общества. Общеизвестно обострение противоречия между капиталом и трудом в начале XX века, но, кроме этого противоречия, возникли и новые. Важнейшим из них, на наш взгляд, было противоречие внутри господствующего класса, между монополистической и немонополистической буржуазией. Капитализм не мог идти по пути иному, чем по пройденному им. Он не мог избежать в своей эволюции монополистической стадии. Но при этом такая стадия объективно являлась стадией разрушения

принципиальнейших основ капитализма, периодом, в течение которого капиталистический способ производства подвергался самым жестоким испытаниям. Монополии были объективно необходимы для того, чтобы обуздать рыночную стихию с ее страшными кризисами, чтобы заложить фундамент новому типу регулирования [33//34] общественного производства. Однако данная мера использовалась в условиях, когда не было выработано адекватной формы реализации новых экономических закономерностей. Монополистический капитализм начала века уподобился пациенту, которому при тяжелом заболевании, скажем, дыхательных путей необходимо принимать препараты, губительно воздействующие на сердечно-сосудистую систему. В таком случае пациент либо скончается от сердечного приступа при долгом употреблении снадобья, либо от заболевания дыхательных путей при отказе от лечения. Единственный выход заключается в том, чтобы добиться успеха в лечении заболевания дыхательных путей до того, как препарат окажет серьезное воздействие на сердечно-сосудистую систему. То же самое можно сказать и относительно империализма. Либо он должен уничтожиться в результате социальных коллизий, вызванных возникновением монополий, которое само по себе было неизбежно, либо необходимо было отказаться от монополий, что в принципе было невозможно. Оставался единственный выход: с помощью элементов монополистического регулирования добиться перехода к более сбалансированной системе, которая бы сумела объединить положительные черты как капитализма свободной конкуренции, так и монополистического капитализма, при этом не допуская развития содержащихся в каждой из систем отрицательных черт. На наш взгляд, не нуждается в доказательстве, после всего вышеизложенного, положение о том, что подобная система также не могла быть стабильна. В силу этого В.И.Ленин был прав, когда называл империализм кануном социали-

стической революции: это, действительно, был единственный период в развитии капиталистического способа производства, когда социальная революция пролетариата была всесторонне подготовлена и имела для своего свершения все необходимые предпосылки.

Так оно и произошло в тех странах, где монополистический капитализм в наибольшей степени обострил противоречия между отдельными слоями общества. Социалистические революции произошли в России, Германии, Венгрии, в большинстве западноевропейских стран сложилась революционная ситуация. Возник социализм. Несмотря на поражение германской и венгер[34//35]ской революций, Советская Россия начала в одиночестве строительство основ нового общества. Причем, нельзя не отметить, начальные этапы этого строительства обнаружили значительные возможности нового строя. Между тем империалистические государства показывали гораздо менее высокие темпы экономического роста и после непродолжительного подъема середины 20-х годов оказались поражены всемирным кризисом 1929 г[ода] и последовавшей за ним депрессией. Фашизм, распространившийся в эти годы по Европе, стал весьма специфической реакцией на развитие по империалистическому пути, когда идеи расового превосходства использовались правящими классами для шовинистического сплочения нации, раздираемой социальными конфликтами. Поражение фашистских режимов во второй мировой войне, распад колониальной системы и возникновение мировой системы социализма, что в совокупности явилось явным успехом социалистических сил, показали, что в противоборстве сил социализма и сил империализма последние терпят явное поражение.

Это было действительно так. Однако в течение первой половины XX века классический монополистический капитализм уже выполнил в целом свою роль целебного, но опасного лекарства капиталистической си-

стемы. Преобразовав производительные силы, заложив основы для решительного ускорения научно-технического прогресса, трансформировав механизм реализации потенциала крупных корпораций и т.д., империалистический механизм в его виде, сложившемся в начале века, оказался излишним. Вновь начала развиваться конкурентная борьба, имманентно присущая рыночному хозяйству, вмешательство государства в экономическую жизнь с целью ее регулирования приняло новые, менее директивные, формы, произошла значительная демократизация западных обществ. Изменились формы эксплуатации, модифицировались системы организации труда и заработной платы; решительно повысился уровень жизни масс. На смену периоду ожесточенных классовых битв неумолимо приходила эпоха классового мира. Соединив преимущества системы конкуренции и монополистических систем регулирования, установив достаточно четкий и эффективный контроль за экономикой, капиталистичес[35//36]кие общества сумели воссоздать себя в своем прежнем качестве стабильных экономических систем.

Таким образом, в истории развития капиталистических отношений, как мы уже говорили, мы выделили четыре периода. Соответственно первый и третий периоды являлись периодами, в условиях которых, пожалуй, главной характеристикой общества была его нестабильность. Оба эти этапа носили характер переходных. С другой стороны, второй и четвертый периоды, в отличие от первого и третьего, были периодами устойчивости капиталистической системы. В ходе этих периодов данная система, если можно так выразиться, приобретала иммунитет от разрушительного воздействия социальных коллизий на основу своих производственных отношений.

Применительно к сегодняшнему состоянию дел подобная периодизация развития капиталистической системы показывает, почему, начиная с 60-х годов ны-

нешнего столетия противоборство двух систем, в первую очередь в экономической области, приняло совершенно новый характер и капитализм начал показывать все более и более существенные преимущества над социализмом в экономической области. Это объясняется тем, что социализм успешно противостоял именно империализму, как переходному состоянию капиталистического общества; между тем с возникновением новой стадии, постимпериализма, стабильность капиталистической системы повысилась, возможности совершенствования и развития ее экономического потенциала в значительной мере возросли. Социалистическая же система, напротив, не уделяла должного внимания совершенствованию производственных отношений, которые, безусловно, должны постоянно приспосабливаться к объективно происходящим изменениям, и в силу этого темпы роста ее экономики снизились, пока не дошли до показателей, отражающих предкризисное состояние экономики. Социализм, довольно успешно противостоявший империализму, оказался неспособен к эффективному экономическому соревнованию, имея противником постимпериалистическое западное общество.

Мы, таким образом, показали, что за последние столетия в развитии западных обществ период примитивномонополистического капитализма сменился капитализмом свободной конкуренции, [36//37] затем последний уступил место империализму, а тот, в свою очередь, оказался замещен постимпериализмом. Однако здесь неизбежно возникает вопрос, который больше относится к историческому материализму или к научному коммунизму, чем к политической экономии. В случае традиционной трактовки, в которой современный капитализм изображался как фаза внутри самого империализма, не возникало сомнений в том, что современные западные общества являются обществами капиталистического типа. При нашей же трактовке для

подобного сомнения появляются довольно веские основания. В самом деле, капиталистический способ производства проходит в своем развитии четыре прогрессивные стадии; закон отрицания отрицания, который по специфике своей имеет три звена: тезис — антитезис — синтез, в данном случае как бы начинает обусловливать второй виток развития. Решительно отрицая это обстоятельство, Р.Ф.Волков впадает в противоречие с самим собой, т.к. рассматривает в качестве первой стадии капитализма капитализм свободной конкуренции, но в то же время не может не признать, что развитие капиталистических отношений началось гораздо раньше становления такой системы[12]. Может ли способ производства появляться в столь разнообразных формах, может ли он объединять столь разнообразные состояния общества, может ли, наконец, один способ производства фактически исчерпывать содержание уже почти что половины тысячелетия, и причем в условиях ускорения общественного прогресса, то есть может ли он исчерпывать те пятьсот лет, которые создали и развили до нынешнего уровня всю современную цивилизацию?

Вопрос этот очень непростой. В рамках политической экономии, равно как и посредством рассмотрения и анализа только самого капиталистического способа производства, он не может быть решен. Для того чтобы дать ответ на вопрос, являются ли современные западные общества капиталистическими, каково направление их развития и какое место занимают они во всемирно-историческом процессе, необходимо обратить[37//38]ся к созданной К.Марксом теории общественных формаций, к выявленным им закономерностям исторического развития человечества.

---

[12] *Волков Р.Ф.* К вопросу о критериях периодизации капиталистического способа производства. С. 64, 69.

Проблема современного западного строя в свете всемирно-исторического развития

Теория общественных формаций составляет одну из важнейших составных частей системы исторического материализма. Честь создания этой гениальной теории, адекватно отражающей ход исторического развития человечества, по праву принадлежит одному К.Марксу[13]. В результате продолжительных научных поисков[14] основоположнику марксизма удалось найти ту систему, которая наиболее полно отражала ход общественного развития. По мнению К.Маркса, вся история человечества может быть представлена в виде трех общественных формаций (Gesellschaftsformationen), которые могут быть отмечены как во всей истории цивилизации, так и в истории отдельных составляющих ее народов.

Впоследствии, однако, данная теория, созданная К.Марксом, подверглась значительным видоизменениям, большинство из которых серьезным образом примитивизировали гениальную концепцию. В результате возникновения сначала в ранних работах В.И.Ленина[15], а затем и в других исследованиях термина «общественно-экономическая формация», который подменил собой все богатство сложной системы терминологии, применявшейся К.Марксом, а затем в результате распространившегося отождествления понятия формации во временном аспекте с понятием «способ производства» формационная теория марксизма бы[38//39]ла догма-

---

[13] См.: *Багатурия Г.А.* Первое великое открытие Карла Маркса // Маркс-историк. С. 155.

[14] См.: *Попов В.Г.* Философско-терминологические проблемы генезиса теории общественно-экономической формации // Вестник Московского университета. Серия 8: Философия. 1975. № 3; *Поршнев Б.Ф.* Периодизация всемирно-исторического процесса у Гегеля и Маркса // Философские науки. 1969. № 2, и др.

[15] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. I. С. 136.

тизирована, причем не как таковая, а в весьма уродливом виде, в каком она была изложена в работах И.В.Сталина[16]. Так возникла концепция пяти общественно-экономических формаций, на которой мы сейчас не будем подробно останавливаться — она общеизвестна.

В действительности, как мы уже отметили, К.Маркс различал три формации, которые он называл общественными. Формацию, которая предшествовала образованию классов и возникновению эксплуатации, К.Маркс именовал формацией первичной, или архаической. Формацию, которая основывалась на частной собственности и характеризовалась наличием классового общества и эксплуатации, К.Маркс называл вторичной, или экономической[17]. При этом, разумеется, вторичная, или экономическая, формация не могла рассматриваться как единое целое, так как складывалась из различных способов производства. Но данное обстоятельство, которое вполне может смутить современных авторов, не смущало К.Маркса, когда он отмечал, что «в общих чертах можно обозначить азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»[18]. К.Маркс никогда не называл формацией капитализм; это прекрасно может быть подтверждено тем, что такое понятие встречается в русских текстах К.Маркса только один раз и то лишь благодаря элементарной ошибке переводчика[19], равно как и тем, что

---

[16] См.: *Сталин И.В.* Речь на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников // Соч[инения]. Т. 13. С. 239; *Сталин И.В.* О диалектическом и историческом материализме. М., 1938. С. 25; История ВКП/б/. Краткий курс. М., 1938. С. 118-119.

[17] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения]. 2-е изд. Т. 19. С. 413-419.

[18] В оригинале: «in grossen Umrissen können asiatische, antike, feudale und modern bürgerlische Produktionsweisen als progressive Epochen der ökonomische Gesellschaftsformation bezeichnet werden» (*Marx K.* Zur Kritik der politischen Ökonomie // Marx-Engels Werke. Bd. 13. S. 9).

[19] Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения]. 2-е изд. Т. 13. С. 8 и *Marx K.* Zur Kritik der politischen Ökonomie // Marx-Engels Werke. Bd. 13. S. 9.

[39//40] К.Маркс, говоря о капиталистическом обществе, всегда избегает понятия «капиталистическая формация», исправно используя для его обозначения другие терминологические обороты. Он пишет, например: «Капиталистическое отношение развивается на такой ступени развития экономической общественной формации, которая сама уже есть результат целого ряда предшествующих этапов развития»[20], или отмечает: «...такова тенденция развития в той общественной формации, в которой преобладает капиталистический способ производства»[21]. Таким образом, можно быть твердо уверенным в том, что К.Маркс не называет формацией ни капитализм, ни феодализм и уж тем более не употребляет этого термина по отношению к обществам древности, а последовательно придерживается своего трехчленного деления, третьим звеном которого объективно выступает третичная, или коммунистическая, формация.

По мнению К.Маркса, основ[ой] деления общества на три формации представляются типы отношений собственности. В условиях первичной, или архаической, формации, господствовала общинная собственность, которая затем была вытеснена частной собственностью. Вот что говорит К.Маркс об этом: «Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же самое время и переходной фазой ко вторичной формации, т.е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности»[22]. Это же подтверждается и марксовым подхо-

---

[20] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения]. 2-е изд. Т. 48. С. 281.

[21] Там же. Т. 26. Ч. I. С. 419.

[22] В оригинале: «comme dernière phase de la formation primitive de la société, la commune agricole est un même temps phase de transition à la formation secondaire, donc transition de la société, fondée sur la propriété commune, à la société, fondée sur la propriété privée» (*Marx K.* Troisième projet de la lettre à V.I.Zassoulitch // Marx-Engels Gesamtausgabe. Abt. 1. Bd. 25. S. 238).

дом к анализу перехода от капитализма к коммунизму, как от высшей фазы развития экономической фор[40//41]мации к коммунистической формации. Здесь К.Маркс также акцентирует внимание на радикальном преобразовании отношений собственности. Рассматривая развитие капиталистического способа производства, он отмечает, что совершенствование производительных сил буржуазного общества порождает возможность «заменить капиталистическую собственность высшей формой архаического типа собственности, т.е. собственностью коммунистической»[23]. Таковы три формации, как они показаны К. Марксом в самой, пожалуй, зрелой работе по проблемам исторического развития.

Обратимся же теперь к более подробному рассмотрению учения К.Маркса об экономической общественной формации, в которую, как мы уже выяснили, входит целый ряд способов производства, характерными признаками которых является частная собственность, деление общества на противоположные классы и эксплуатация одним из этих классов других. Завершение экономической общественной формации, по мнению К.Маркса, совпадет с периодом становления формации коммунистической. Этот переход должен явиться самым эпохальным в истории человечества. Для специального указания на это обстоятельство К.Маркс обращается к терминам «царство необходимости», под которым он понимает ту эпоху истории, в течение которой деятельность человека диктовалась нуждой и внешней целесообразностью, и «царство свободы», под которым он понимает будущее коммунистическое общество, в котором развитие человеческой индивидуальности окажется единственной задачей общества. Это

---

[23] В оригинале: «... en remplaçant la propriété capitaliste par une forme supérieure du type archaïque de la propriété, c.à.d. la propriété communiste» (*Marx K.* Deuxième projet de la lettre à V.I.Zassoulitch // Marx-Engels Gesamtausgabe. Abt. 1. Bd. 25. S. 232).

общеизвестно. А теперь рассмотрим не менее известное высказывание К.Маркса на сей счет. К.Маркс отмечает, что царство свободы лежит «по ту сторону сферы собственно материального производства», а пока материальное производство в полной мере определяет существование человечества, господствует царство необходи[41//42]мости. Он признает при этом, что в рамках царства необходимости может осуществляться определенный прогресс свободы, в первую очередь за счет прогресса производительных сил. Обратимся непосредственно к высказыванию К.Маркса, которое цитируется довольно редко. К.Маркс пишет: «Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители, рационально регулируют свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости как на своем базисе»[24].

Это положение мы считаем исключительно важным. К.Маркс описывает определенную систему производства, которую он не считает возможным отнести к царству свободы, т.е. к коммунистической общественной формации. Рассмотрим черты этого типа производства. К.Маркс говорит о рационализировании производственного процесса, следовательно, подразумевается сбалансированное и планомерное его развитие; это же предполагается и при указании на то, что производство более не господствует как слепая сила. Кроме того,

---

[24] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения]. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 386-387.

речь идет о том, что люди трудятся в условиях, адекватных их человеческой природе. Если вспомнить все, что говорилось в трудах К.Маркса и Ф.Энгельса о капиталистическом способе производства, останется признать, что описанная система не является капитализмом; в то же время коммунизмом она также не названа. Реализм мысли К.Маркса сказался в данном случае в том, что он отметил необходимость того продолжительного периода перехода, который последует за современным ему капитализмом, но будет предшествовать созданию коммунизма. Во многом нечто подобное можно встретить и у В.И.Ленина, когда он рассматривает экономический строй империализма. По словам В.И.Ленина, «мо[42//43]нополия есть переход от капитализма к более высокому строю,... к более высокому общественно-экономическому укладу»[25]. Эти положения могут быть истолкованы различным образом, но в любом случае необходимо признать, что, по мнению классиков марксизма-ленинизма, развитие капиталистического общества ни во второй половине XIX, ни в начале XX века непосредственно к зарождению коммунизма не приводит.

Однако вернемся сейчас к марксовой теории о трех общественных формациях. Мы видели, что К.Маркс в «Предисловии» к «К критике политической экономии» относит азиатский способ производства к экономической общественной формации; в то же время он в набросках ответа на письмо В.И.Засулич определяет земледельческую общину, то есть фактическую ячейку такого способа производства, как переходное явление, образующееся в период смены одной общественной формации другой. К.Маркс и Ф.Энгельс, рассматривая процесс становления экономической формации, обращаются к анализу проблем классообразования и приходят к выводу о том, что пути этого процесса были

---

[25] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 386, 420-421.

весьма и весьма разнообразны. Теория трех общественных формаций, созданная К.Марксом, тем и отличается от концепции пяти общественно-экономических формаций, получившей законченное выражение в трудах И.В.Сталина, что не предполагает монолинейности и однонаправленности протекания всемирно-исторического процесса, а выявляет наиболее общие его закономерности. Идея экономической общественной формации трактуется некоторыми авторами как идея экономического формирования общества[26][43//44]; сторонники такого подхода считают, что положение К.Маркса о том, что азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства представляются как эпохи экономической общественной формации, необходимо трактовать в том смысле, что эти способы производства суть эпохи «экономического формирования общества». Спор между данным лагерем и приверженцами традиционной формулировки тянется уже десятки лет; мы же хотим отметить, что сторонники указанного подхода правильно подметили ту немаловажную деталь, что данные способы производства действительно являются формами становления капитализма как способа производства, наиболее адекватного принципам экономической общественной формации. Именно понимание капитализма, современного К.Марксу, как адекватной формы выражения принципов экономической общественной формации, на наш взгляд, и дает возможность приступить к «разгадыва-

---

[26] См.: *Kautsky K.* Die materialistische Geschichtsauffassung. Berlin. 1929. Bd. 1. S. 810, 864; Bd. 2. S. 4; *Дубровский С.М.* К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М.-Л., 1929. С. 16; *Гановски С.* Общественно-экономическая формация и мирное сосуществование. М., 1964. С. 64; *Тер-Акопян Н.Б.* Об одном случае перевода термина «Gesellschaftsformation» // Научно-информационный бюллетень сектора произведений К.Маркса и Ф.Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС. Вып. XII. М. 1965. С. 74; *Никифоров В.Н.* Восток и всемирная история. М., 1977. С. 126.

нию» загадки об историческом месте современных западных обществ.

Когда мы задаемся вопросом о том, являются ли современные западные общества формой капиталистического общества или лежат уже не только за пределами империалистической стадии капитализма, но и за пределами самого капитализма, мы имеем два варианта категорического ответа: да или нет. Рассмотрим возможную аргументацию в пользу каждого варианта.

Если мы предполагаем правильным ответ «да», то внимание наше в первую очередь обращается на довольно очевидные или уже твердо устоявшиеся в сознании моменты. Во-первых, и сейчас на Западе продолжается эксплуатация пролетариата, причем с помощью тех же приемов и методов, которые, будучи основаны на купле-продаже рабочей силы, возникли с появлением капитализма. Во-вторых, сохраняется фактически в неизменном виде само капиталистическое отношение. В-третьих, хотя и с оговорками, но в целом осталась неизменной цель способа производства. Продолжает господствовать экономический тип принуждения к труду. Список этот можно продолжить.

Однако рассмотрим теперь доказательства, которые могут быть найдены, если мы предположим ответ «нет». Действи[44//45]тельно, и поныне продолжается эксплуатация пролетариата, основанная на извлечении прибавочной стоимости. Однако почему мы так склонны полагать, что такая эксплуатация является характерной чертой только одного способа производства? Почему мы разделяем азиатский способ производства, рабовладение и феодализм, хотя при всех этих способах производства господствовавшим было производство прибавочного продукта? И если извлечение прибавочного продукта имело столь разнообразные формы, что характеризует три различных способа производства, то почему не может быть столь же разнообразно производство прибавочной стоимости? Мы согласны, что

сейчас сохраняется отношение капитала, основанное на экономическом принуждении к труду. Однако во всех докапиталистических обществах существовало отношение внеэкономического принуждения к труду[27], и мы взялись бы даже утверждать, что методы этого внеэкономического принуждения изменились со времен азиатского деспотизма до эпохи просвещенного абсолютизма в Европе в гораздо меньшей степени, чем модифицировались формы извлечения прибавочной стоимости с XVII века по сегодняшний день. Цель способа производства также осталась в целом такой же, какой она была при его зарождении. Но разве можем мы констатировать кардинальное изменение цели производства в течение всех докапиталистических способов производства? Как в Древнем Египте, так и в феодальных государствах Европы максимизация прибавочного продукта была единой целью так же, как максимизация прибавочной стоимости является единой целью предпринимателей XVI века и сегодняшнего дня. Но если мы, да и не столько мы, сколько основатели марксистского учения видели достаточно поводов для того, чтобы выделить внутри докапиталистических обществ различные способы производства, то что мешает нам, оказавшимся перед лицом фантастических изменений в западном мире, отказаться от догмы о единстве буржуазного способа производства? [45//46] Мы полагаем в связи с этим, что фактически на каждый аргумент, приводимый в пользу того, что современное состояние западных обществ является состоянием капиталистическим, могут быть найдены весьма серьезные контраргументы. Положение о капиталистическом характере современных западных обществ, вне всякого сомнения, имеет под собой значительное основание; но

[27] Некоторые авторы на основе этого выдвигают гипотезу о наличии некоего единого «рентного» способа эксплуатации во всех докапиталистических обществах (см.: *Илюшечкин В.П.* Проблемы формационной характеристики сословно-классовых обществ. М., 1986).

и обратное предположение, на наш взгляд, не менее правильно и может быть аргументировано не с меньшим успехом. Мы полагаем, что в данном случае исследователи современного капитализма, современного западного общества оказываются в затруднительном положении потому, что, блестяще используя в своих работах принцип историзма применительно к прошлому историческому развитию, обнаруживают неспособность руководствоваться этим принципом применительно к сегодняшнему положению вещей. Кроме того, весьма серьезное негативное воздействие на подобные исследования оказывает недостаточно всестороннее исследование со стороны специалистов в области исторического материализма проблем, касающихся определения отдельных способов производства. Успокоившись на повторении избитого положения о том, что способ производства представляет собой единство производительных сил и производственных отношений, многие наши философы не утруждают себя четкими определениями критериев разграничения отдельных способов производства. Дискуссия по поводу природы восточных обществ древности, продолжающаяся уже около шестидесяти лет, прекрасно это показывает.

Мы полагаем, что на современном этапе развития нашей обществоведческой науки мы не готовы к ответу на вопрос о том, являются современные западные общества капиталистическими или нет. В связи с этим однозначно можно утверждать только одно: мы разучились в ходе исследования абстрактных категорий исторического материализма применять их к конкретной действительности; наш теоретический аппарат не способен адекватно отразить происшедшие в последние десятилетия изменения в структуре западных обществ.

Однако, оставляя этот вопрос открытым, мы можем достаточно четко определить историческое место современных западных обществ. Для этого нам необходимо снова обратиться к [46//47] анализу хода исто-

рического развития, предпринятому К.Марксом, а именно к пониманию им экономической общественной формации. Здесь необходимо отметить два обстоятельства. Во-первых, процесс становления экономической общественной формации, вершиной которой явился буржуазный способ производства, протекал в разнообразных формах. Первобытный строй, основа архаической формации, в принципе был един для всех народов Земли; все же докапиталистические способы производства, причисляемые к экономической общественной формации, не были обязательным атрибутом исторического развития отдельных стран и народов. В этом проявляется многовариантность общественного развития. Многовариантность, как мы полагаем, есть обязательный атрибут исторического развития, и максимальное значение она приобретает в эпохи перехода от классических форм одной общественной формации к классическим формам другой общественной формации. Поэтому возникновение социалистической системы фактически немедленно после того, как капитализм свободной конкуренции — высшая фаза экономической общественной формации — уступил место новым формам общественного производства, является не зигзагом истории, а подтверждением открытых К.Марксом всеобщих законов развития человечества. При этом историческое развитие объективно, и, как, например, азиатский и античный способы производства, возникшие по-разному, привели в конечном счете к торжеству принципов экономической формации, так же социализм и сосуществующие с ним западные общества есть два различных пути перехода человечества к третичной формации, к высшему типу целостности, доступному цивилизации. В силу этого вряд ли правильным было бы определять эти системы как противоборствующие. В их сотрудничестве — залог прогрессивного развития человечества. Во-вторых, и этот вывод также следует из формаци-

онной теории, восходящей к основоположникам марксизма, экономическая формация, процесс становления которой протекал в течение веков и тысячелетий, не может быть разрушена мгновенно. Предположение обратного есть непростительное заблуждение, пренебрежение всеми законами, которые открыла людям их собственная история. Поэтому нельзя не предположить, что после поступательного и прогрессивного развития экономи[47//48]ческой общественной формации, после ее «прогрессивных эпох», должны в обязательном порядке наступить фазы упадка, или «регрессивные эпохи» формации. Предполагать, что становление системы продолжалось тысячелетия, а разрушение ее произойдет за считанные годы, было бы неразумно. Регресс экономической формации не должен представляться в виде упадка и «загнивания». Необходимо акцентировать внимание на том, что постепенно изменяется механизм хозяйствования, адекватные экономической формации методы отходят на задний план; сама деятельность человека подвергается принципиальным изменениям, постепенно устраняются рутинные операции и человечество все более и более приближается к тому состоянию, когда единственным видом человеческой активности станет уже не труд, к которому людей вынуждают внешние обстоятельства, а творчество как свободная реализация собственной индивидуальности. Каждый новый шаг развития современного общества — как социалистического, так и другого, по привычке называемого капитализмом, — есть шаг в направлении удаления от тех законов, которые в течение столетий навязывала людям природа. С каждым шагом такого развития человечество все более оставляет позади себя царство необходимости, приближаясь к возвещенному К.Марксом царству свободы.

Таким образом, останавливаясь на анализе исторического места современного западного общества, мы

можем отметить, во-первых, что таковое является, наряду с современным социализмом, одним из путей перехода от классических форм экономической к коммунистической общественной формации. Необходимо отказаться от предрассудка, что черты нового общества не могут развиваться из старого эволюционным путем. Таково место современных западных обществ, если соотносить их с социалистической системой. Если же рассматривать их обособленно, то, и это во-вторых, западные общества могут быть представлены как первые регрессивные эпохи экономической общественной формации. Это, на первый взгляд, дает возможность представить их как новый способ производства в рамках экономической общественной формации, но мы уже отметили, что данный вопрос весьма дискуссионен, и возвращаться к нему сейчас не будем. [48//49]

Мы рассмотрели тот круг вопросов, который должен был явиться предметом нашего исследования; теперь пора подвести некоторые итоги.

1) В историческом аспекте отношение эксплуатации наемного труда, дополняемое экономическим принуждением работника к труду, т.е. отношение, традиционно называемое капиталистической эксплуатацией, прошло четыре стадии своего развития. Эти стадии принципиально отличались друг от друга по ряду существенных признаков. Рассматривая их, мы пришли к выводу о том, что фазы нестабильности, которую приобретала система в определенные периоды своего существования, чередовались с фазами относительной стабильности системы. Стабильное или же нестабильное состояние системы обуславливается степенью соответствия производительных сил и производственных отношений, с одной стороны, и степенью соответствия последствия и хода развития капиталистических элементов и общих закономерностей развития той общественной структуры, в которой это развитие протекало. Стабильный или нестабильный характер, который

принимает экономическая система, напрямую связан с глубиной и последствиями социальных коллизий, могущих возникнуть в обществе.

2) Современные западные общества представляют собой четвертую фазу развития указанного выше отношения. Эта фаза в своих весьма существенных чертах, относящихся в первую очередь к методам реализации основной цели производства, формам эксплуатации наемного труда и т.д., значительно отличается от предшествующей стадии, обычно называемой империалистической. В условиях современной стадии серьезным образом модифицируется вся система управления общественным производством, что дает возможность данному типу общества, которое традиционно воспринималось исключительно как стихийно развивающееся, использовать преимущества пропорционального ведения хозяйства; элементы планомерной организации общественного производства, возникающие в данном обществе на его современной стадии, базируются на реально соответствующих такому типу регулирования производительных силах [49//50] и адекватны уровню реального обобществления общественного производства.

3) Современные западные общества в точки зрения процесса мирового развития представляют собой сложную структуру, историческое место которой сейчас невозможно определить однозначно. Терминологический и теоретический аппарат нашей обществоведческой науки сейчас не готов к тому, чтобы однозначно определить, являются ли эти общества проявлением нового способа производства или могут все же быть представлены как модификация капиталистического способа производства. Однако, несмотря на трудность данного вопроса, можно утверждать, что современные западные общества, принадлежащие к экономической общественной формации, могут быть представлены как такие ее фазы, которые хронологически

следуют за периодом наиболее полного проявления всех черт этой формации. Таким образом, определяя историческое место современных западных обществ, на наш взгляд, было бы наиболее приемлемым определить их как одну из первых регрессивных эпох экономической общественной формации; при этом предпочтительнее не утверждать, какое количество эпох регресса этой формации последует еще в будущем, и не опережать события, называя эту фазу «высшей», «последней», и т.д.

4) Путь, по которому развиваются ныне современные западные общества, представляется нам как путь эволюционного преодоления закономерностей, свойственных развитым формам экономической общественной формации. Наряду с этим путем социалистический путь развития представляет собой революционное направление в отрицании закономерностей этой общественной формации. Таким образом, в параллельном существовании современных западных обществ и современного социализма отражается одна из фундаментальных закономерностей всемирно-исторического процесса, связанная с тем, что в эпохи перехода от зрелого состояния одной общественной формации к зрелому состоянию другой общественной формации главным свойством общественного развития становится его альтернативный характер, его многовариантность. В данном случае, как мы полагаем, можно видеть оп[50//51]ределенное «повторение» процесса генезиса экономической формации, становление которой также происходило различными путями, как эволюционным (развитие азиатских обществ), так и революционным (античный способ производства). В целом же исторический опыт параллельного развития двух систем, которые представляют собой эволюционный и революционный пути становления новой общественной формации, показывает, что та система, развитие которой происходит по революционному пути, в конечном счете

оказывается более динамичной; кроме того, только революционным образом развивающаяся из предшествующей общественной формации система может заложить в ходе своего развития реальную основу новой, более высокой, общественной формации. Однако для этого данная система должна быть не застывшей, а должна постоянно совершенствоваться, постоянно изменяться. И поэтому сейчас в начинающемся радикальном обновлении социализма, в совершенствовании его производственных отношений, которое, мы надеемся, окажется не кратковременным, а станет имманентной чертой социалистической системы, мы видим залог прогрессивного развития социализма в соответствии с теми революционными принципами, которые опосредовали возникновение этой системы. В этом гарантия будущих успехов социалистической системы, основа нашего исторического оптимизма. [51]

АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ*

В.Л.Иноземцев

[3] В последнее время процесс общественного развития ставит перед марксистами ряд вопросов, ранее не поднимавшихся, и время радикального изменения казавшихся стабильными экономических систем неизбежно становится временем не менее бурного совершенствования теоретических концепций, описывающих эти системы и их эволюцию. В свете этого проблема анализа альтернативных путей развития современного общества становится одной из наиболее существенных для политической экономии в широком смысле этого слова, оставаясь при этом разработанной явно недостаточно.

Политическая экономия в широком смысле слова рассматривается в большинстве советских исследований как экономическая теория первобытной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической общественно-экономических формаций. Между тем деление общественного развития на эти общественно-экономические формации принадлежит во вполне законченном виде И.В.Сталину[1], тогда как само поня-

---

* Впервые опубликована в журнале *Вестник Московского университета.* Серия 6: Экономика. 1991. № 2. с. 3-10.

[1] См.: *Сталин И.В.* [Сочинения]. Т. 13. С. 239.

тие общественно-экономической формации было введено В.И.Лениным[2] в одной из его ранних работ — в переводе отрывка из работы К.Маркса «К критике политической экономии», в переводе, от которого позднее сам В.И.Ленин отказался как от неправильного[3]. В работах же основоположников марксизма мы не встречаем понятия «общественно-экономическая формация», которое вообще не может быть выражено на немецком языке, на котором написано большинство работ К.Маркса и Ф.Энгельса. К.Маркс и Ф.Энгельс оперируют понятием «общественная формация» («Gesellschaftsformation»); данное понятие расширяется в ряде случаев прилагательными «архаическая», «экономическая» и «коммунистическая». В результате возникает концепция, согласно которой развитие общества проходит через архаическую, экономическую и коммунистическую общественные формации[4]. Особенно подробно эта концепция изложена в одной из самых поздних и зрелых работ К.Маркса по теории исторического процесса — набросках ответа на письмо В.Засулич (1881 г[од]).

Теория трех общественных формаций не получила значительного распространения в советской литературе. Однако имеются примеры аргументированной критики применения понятия «общественно-экономическая формация» как к коммунистическому[5], так и к первобытнообщинному способу производства[6], когда авторы выступают за использование марксова термина «общественная формация». Некоторые авторы подверга-

---

[2] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 136.

[3] См.: Там же Т. 26. С. 57.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 19. С. 404-419; Т. 26. Ч. I. С. 404-419; Т. 49. С. 110.

[5] См.: *Кузьмин В.П.* Становление коммунистической общественной формации // Вопросы философии. 1986. № 6. С. 4.

[6] См.: *Тер-Акопян Н.Б.* Маркс и Энгельс о характере первичной общественной формации // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 86.

ют критике сам термин «общественно-экономиче[3//4]ская формация» и открыто выступают в защиту трехчленного деления общественного развития[7].

Рассматривая концепцию основоположников марксизма по этому вопросу, мы должны отметить, что они использовали термин «экономическая общественная формация» («ökonomische Gesellschaftsformation») лишь применительно к эксплуататорскому (экономическому) обществу. Это термин много раз извращенно переводился на русский язык как «общественно-экономическая формация»[8], хотя реально для этого не существовало основания[9]. При этом необходимо отметить, что экономическая общественная формация рассматривалась основоположниками марксизма как целостность, состоящая из различных способов производства. К.Маркс прямо отмечал, что «в общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»[10], не употребляя понятия «капиталистической общественной формации», что часто допускается советскими исследователями. К.Маркс не называл капитализм формацией; говоря о законах капиталистического общества, он отмечал: «Такова тенденция развития в той общественной формации, в которой *пре-*

---

[7] См.: *Бородай Ю.М, Келле В.Ж., Плимак Е.Г* Наследие К.Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М., 1974. С. 61-65; *Нуреев Р.М.* Предмет политической экономии и основные черты ее метода. М., 1986. С. 23-26.

[8] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 23. С. 191, 228-229, 247, 372, 611, 759; Т. 25. Ч. II. С. 142, 337.

[9] См.: *Иноземцев В.Л.* Теория общественного развития основоположников марксизма и проблемы политической экономии в широком смысле слова //Эффективность общественного производства и проблемы социально-экономического развития СССР. М., 1989. С. 6-9.

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 13. С. 7.

обладает (курсив мой. — *В.И.*) капиталистический способ производства»[11]. Положение о том, что «буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»[12], не принадлежит К.Марксу, а представляет собой неточность русского перевода, так как К.Маркс перед этим говорит об экономической общественной формации: «*этой* (курсив мой. — *В.И.*) общественной формацией (...mit *dieser* Gesellschaftsformation) завершается предыстория человеческого общества»[13]. Таким образом, мы полагаем возможным рассматривать марксову теорию общественного развития как концепцию трех общественных формаций и отказаться от взгляда на политическую экономию в широком смысле слова как на сумму экономических теорий отдельных общественно-экономических формаций[14].

В рамках данной концепции капитализм оказывается одним из способов производства в рамках экономической общественной формации, а социализм — одним из способов производства в рамках формации коммунистической. Последняя точка зрения начинает получать распространение в советской литературе[15]. Преимущество данного подхода, на наш взгляд, состоит в том, что, с одной стороны, отрицается положение о возможности перехода от капитализма только к комму[4//5]низму и, с другой стороны, социализм рассматривается как общество, не основанное непосредственно на коммунистических принципах в их нераз-

---

[11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 26. Ч. I. С. 419.

[12] Там же. Т. 13. С. 8

[13] См. предисловие к нем. изданию «К критике политической экономии» (Marx-Engels Werke. In 20 Bd. Bd. 13. S. 9).

[14] См.: *Иноземцев В.Л.* Указ. соч. С. 15-18.

[15] См.: *Бутенко А.П.* Теоретические проблемы совершенствования нового строя: о социально-экономической природе социализма // Вопросы философии. 1987. № 2. С. 28; *Шкредов В.* Социализм и собственность // Коммунист. 1988. № 12. С. 32.

витом виде, а лишь как ступень движения к коммунистическому обществу. Сохраняя тезис о том, что экономическая общественная формация не может развиться ни в какую иную общественную формацию, кроме коммунистической, мы не можем утверждать, что капиталистический способ производства не может преобразоваться в способ производства, отличный от коммунистического или социалистического. Подход к экономической общественной формации как к совокупности способов производства, в которой ряд их представлял собой прогрессивные фазы развития экономической общественной формации, предполагает выделение в рамках этой же общественной формации возможных фаз регресса, т.е. таких периодов, в течение которых преодолеваются основные закономерности, присущие данной общественной формации. Возникает гипотетическая возможность выделения некоего «посткапиталистического» способа производства в рамках экономической общественной формации. Однако для такого положения необходима серьезная аргументация.

Мы полагаем, что в основу ее должно быть положено определение способа производства. Обычно капиталистический характер современных обществ Запада аргументируется тем, что сохранены цель капиталистического производства — максимизация прибавочной стоимости, — наемный труд и экономический тип принуждения к труду. Однако, если остановиться на этом вопросе, то стоит констатировать, что одновременное существование или отсутствие этих признаков не конституирует способа производства. Например, если производство имеет своей целью прибавочный продукт, в производстве эксплуатируется подневольный труд и принуждение работника к деятельности носит неэкономический характер, то данные признаки одинаково применимы как к азиатскому, так и к античному и феодальному способам производства, т.е. ко всему периоду прогрессивного развития экономической обще-

ственной формации. На основании этих трех признаков, на наш взгляд, нельзя определить способ производства, а можно выделить только восходящую и нисходящую фазы развития экономической общественной формации как целого[;] признаки фаз экономической общественной формации и способов производства внутри нее должны быть различны и составлять три группы. В качестве гипотезы предлагаются следующие критерии.

Группа 1. Выделение самой экономической общественной формации: наличие экономической обособленности производителей и товарного обмена между ними; наличие частной собственности; наличие эксплуатации человека человеком.

Группа 2. Выделение прогрессивной и регрессивной фаз развития в рамках экономической общественной формации: отсутствие или наличие наемного труда; внеэкономический или экономический тип принуждения к труду; прибавочный продукт или прибавочная стоимость как цель процесса производства.

Группа 3. Выделение отдельных способов производства в рамках экономической общественной формации: форма классовой и сословной структуры общества; тип отношения работника к средствам производства; механизм согласования индивидуальных интересов и характер возникающего общественного интереса; форма принуждения работника к труду; уровень развития производительных сил; методы установления общественных пропорций производства, характер воздействия общества на экономические процессы, протекающие в нем. [5//6]

Если мы примем подобные группы критериев, то определение капиталистического способа производства будет в целом следующим: капитализм есть способ производства, отражающий высшую точку развития экономической общественной формации, основанный на наемном труде, товарном характере производства и извлечении прибавочной стоимости как основной цели

производственного процесса и характеризующийся полным отделением непосредственного производителя от средств производства, в полной мере экономическим типом принуждения работников к труду, уровнем производительных сил, соответствующим крупному машинному производству, предельно поляризированной классовой структурой и стихийным механизмом образования общественных пропорций производства.

Капиталистический способ производства прошел ряд фаз в своем развитии. К.Маркс, рассматривая в основном капитализм свободной конкуренции, отмечал, что исторически исходной точкой развития капитализма была феодальная монополия, в условиях которой возникали капиталистические отношения. Говоря о том, что развитие капитализма «на самом деле начинается впервые в XVI и XVII столетиях»[16], К.Маркс отмечает, что в развитии капитализма феодальная монополия является тезисом, свободная конкуренция — антитезисом, а капиталистическая монополия — синтезом[17], что является, на наш взгляд, вполне достаточным основанием для вывода о том, что империализм как монополистический капитализм есть высшая и последняя фаза развития капитализма. Логика исторического развития подсказывает, что, когда способ производства проходит фазу становления, расцвета и упадка, он не может вновь приобрести целостность в рамках старого качества; исключено, что «монополистический капитализм... является адекватной формой капиталистического способа производства»[18]. Затруднение, в котором оказалась политическая экономия современных западных обществ, заключается в том, что она не

---

[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 48. С. 115.

[17] См.: Там же. Т. 4. С. 165.

[18] *Медведев В.А.* Великий Октябрь и современный мир // Коммунист. 1988. № 2. С. 6.

имеет методологического основания отказаться от догмы, что между капитализмом и социализмом ничего нет. Эта догма проистекает из широкого распространения концепции пяти общественно-экономических формаций и немедленно исчезает в случае отказа от нее.

Капиталистический способ производства прошел в своем развитии три исторических периода. Первый простирается от зарождения капиталистических отношений до конца XVIII века, когда монопольные отношения в производстве и торговле были подорваны и распространилась система свободной конкуренции. Эта система сама была модифицирована и в определенной мере устранена в начале XX века, с возникновением империализма. Оба периода, когда конкуренция и монополия вели друг с другом борьбу, характеризуются нестабильностью экономической и политической системы соответствующего общества. К.Маркс и Ф.Энгельс в соответствии со своей теорией общественных формаций создали теорию социальных революций. Социальными революциями К.Маркс и Ф.Энгельс называли только те революции, которые отделяют друг от друга общественные формации, т.е. революционные изменения, приведшие к возникновению классового общества, и коммунистическую революцию. Из 150 случаев использования в работах, составивших второе издание Собрания сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса, термина «социальная революция» более 140 [6//7] приходится на обозначение революции коммунистического типа[19], и только отдельные положения, встречающиеся в первую очередь в ранних работах основоположников марксизма, трактуют революцию буржуазного типа как социальную[20]. Переход от феодализма к капитализму К.Маркс и Ф.Энгельс рассматривают как револю-

---

[19] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 2. С. 552, 553; Т. 7. С. 242-243; Т. 16. С. 435, 436, 594; Т. 18. С. 208-215; Т. 20. С. 96.

[20] Там же. Т. 1. С. 448.

цию политического типа[21], справедливо подчеркивая, что ее причиной явилось противоречие между новой формой общения и отжившими формами законодательного закрепления старого интереса, т.е. фактически противоречие между базисом и надстройкой[22], но не между производственными отношениями и производительными силами[23]. И коль скоро социальная революция не есть необходимое условие для измерения способа производства внутри экономической общественной формации, то последнее логическое препятствие к признанию потенциальной возможности смены капитализма посткапитализмом может быть снято.

В связи с этим мы хотим предложить далеко не совершенное и во многих аспектах гипотетическое определение посткапиализма как способа производства, соответствующего нисходящему периоду развития экономической общественной формации, основанного на наемном труде, товарном характере производства и извлечении прибавочной стоимости как основной цели производственного процесса, но при этом характеризующегося частичным преодолением отчуждения непосредственных производителей от средств производства, социальным типом принуждения непосредственного производителя к труду, уровнем производительных сил, приближающимся к автоматическому производству, стратификацией общества по различным социально-сословным группам при отсутствии поляризованной классовой структуры, и находящимся под контролем всего общества в целом в лице его определенных институтов механизмом образования общественных пропорций производства, сознательным регулированием производства в масштабах всего общества.

---

[21] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 2. С. 553.
[22] Там же. Т. 3. С. 73.
[23] Там же. С. 75.

Данное определение, подчеркнем еще раз, является гипотетическим. Мы стремились достичь двух целей. С одной стороны, мы пытались учесть в определении современных обществ Запада те изменения, которые настолько существенны, что заставляют многих исследователей говорить «о качественно новом этапе развития капитализма во второй половине нынешнего века»[24]. С другой стороны, мы пытались введением термина «посткапиталистический способ производства» показать, что из того кризиса капитализма, который очевидно прослеживался в начале XX века, вышла не коммунистическая система, которая пришла на смену капитализму, а две альтернативные системы — социалистическая, явившаяся осуществлением революционного пути развития, и посткапиалистическая, которая представляет собой олицетворение пути эволюционного. В связи с этим мы непосредственно становимся перед лицом проблемы многовариантности общественного развития и рассмотрения этой проблемы в общественной теории марксизма.

И здесь мы видим противоположные позиции, которые занимают приверженцы пятиформационной и трехформационной схем деления [7//8] общественного процесса. С точки зрения сторонника пятиформационной схемы, общественное развитие является процессом монолинейным, что и доказывалось в свое время исходя в первую очередь из потребностей идеологии. В случае же признания справедливости трехформационного членения истории столь жесткой схемы не возникает. Еще К.Маркс отмечал, что «в историческом движении Западной Европы, *древней* и *современной* (курсив мой. — *В.И.*), период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной, от первичной формации к формации вторичной»[25].

---

[24] Коммунист. 1988. № 15. С. 113.

[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т 19. С. 404.

Здесь понятие формации оказывается лишенным своей исторической детерминированности, к которой все мы привыкли, изучая марксистские исследования в соответствующей области. К.Маркс не дает хронологических границ общественной формации и непосредственным образом предполагает, что в данный период происходило сосуществование различных общественных формаций, притом на одной и той же территории. С точки зрения сторонников пятиформационной трактовки, подобная ситуация необъяснима. Более того, рассматривая таким образом становление экономической общественной формации, К.Маркс применяет подобный же подход для изучения формации коммунистической, что можно видеть на примере его двойственной оценки социализма. С одной стороны, К.Маркс совершенно однозначно называет социализм первой фазой коммунизма[26]; с другой стороны, когда он описывает основные экономические принципы социалистического общества в области организации труда и производства, он отмечает, что этот тип производства все равно остается еще «царством необходимости»[27], т.е. непосредственно не является основой коммунистического общества. Подобная неоднозначность оценок исторического места отдельных периодов, ознаменовывающих переход от одной общественной формации к другой, характерна для К.Маркса и показывает то, что основоположник марксизма не задавался целью упростить общественное развитие ради соответствия его априорно созданной схеме.

Таким образом, мы полагаем, что в трехформационном учении К.Маркса понятие общественной формации, являясь, безусловно, понятием историческим, непосредственно не может быть применено для исследования конкретно-исторических явлений, а служит лишь методологическим инструментом такого исследования. Для само-

---

[26] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т 19. С. 18-20.
[27] Там же. Т. 25. Ч. II. С. 386-387.

го исследования исторически определенного этапа развития общества может быть с успехом использовано понятие способа производства, не индентифицирующееся с понятием общественной формации в хронологическом аспекте.

В связи с этим трехформационная теория более адекватно отражает неоднозначный исторический процесс, чем пятиформационная. Она предполагает, что человечество прошло через классические формы всех трех формаций, а именно: через первобытный строй, который был распространен повсюду на Земле, через общество, основанное на всеобщности товарного обмена и эксплуатации посредством такового обмена, которое также распространилось чрезвычайно широко, и через такое состояние, когда человек выйдет за пределы собственно материального производства и целью развития окажется личность каждого индивидуума. Последнее состояние является объективным звеном в развитии человечества, и в современных условиях процесс его станов[8//9]ления является характерным для нашей эпохи, вне зависимости от той социальной формы, в которой он происходит. Такая схема развития, основанная на вполне справедливом положении о том, что указанные фазы в развитии человечества были общими для подавляющего большинства стран и народов и попытки обойти одну из фаз не имели реального успеха, предполагает, что переход от одной фазы к другой, от зрелой формы одной общественной формации к зрелой форме другой общественной формации не является унифицированным, а может быть многовариантным.

Последнее предположение основано на использовании положения о том, что любая система, достигая высшей точки развития, подготавливает свое собственное отрицание[, применительно] к процессу общественного развития. Этот последний процесс прокладывает себе дорогу через действия общественных индивидов, через столкновение и борьбу социальных сил. Поэто-

му, на наш взгляд, было бы довольно логичным предположить как возможность радикального изменения общественной структуры, так и возможность медленных изменений, которые оставляют систему в рамках старого качества, серьезно меняя при этом ее отдельные черты и элементы. Данные два пути развития представляются нам как путь революционный и как путь эволюционный; начало их обособления возможно только тогда, когда общественная форма, являющаяся классической для определенной общественной формации, достигает своей зрелости. Зрелость общественной формации и начало нового периода возрастания многовариантности общественного развития являются, на наш взгляд, понятиями почти идентичными. Это подтверждается историческими примерами: в условиях архаической общественной формации становление соседской общины как законченной формы данной формации породило возникновение классового общества в эволюционном (азиатском) и революционном (античном) варианте, а высшая точка развития капитализма, совпадающая с высшей точкой развития экономической общественной формации, неся в себе элементы неустойчивости и многочисленные внутренние противоречия, направила дальнейшее развитие как по эволюционному («западному»), так и по революционному («восточному») пути.

Таким образом, мы имеем сегодня ситуацию, когда на место единого фактически для всего мира типа общества пришли два новых пути дальнейшего развития, два альтернативных способа производства. При этом один из них, развивавшийся эволюционным образом, остался в рамках старой, экономической, общественной формации, представляя собой форму ее регресса[28], другой же,

---

[28] В данном случае понятие «регресс» не следует рассматривать в качестве эквивалента понятию упадка или «загнивания». Современные западные общества являются фазой регресса экономической

в результате радикального революционного изменения, вышел за рамки старой формации и положил начало новой. Мы уже отмечали, что тенденция к возрастанию многовариантности хорошо прослеживается на примере перехода от одной общественной формации к другой, является объективной тенденцией, быть может, даже одним из основных законов всемирно-исторического развития. Однако мы должны отметить также и сущест[9/ /10]венные черты различия, отличающие становление коммунистической общественной формации от становления формации экономической.

Мы имеем в виду такой немаловажный аспект, как степень взаимодействия общественных систем. Как известно, К.Маркс отмечал, что только с торжеством принципов капиталистического способа производства, т.е. со времени становления зрелых форм экономической общественной формации, история стала всемирной историей, оставаясь до этого историей отдельных стран и народов. В связи с этим необходимо отметить, что в условиях перехода от архаической к экономической общественной формации (в отличие от перехода от экономической формации к коммунистической) фактически не имел места процесс активного сосуществования и взаимодействия альтернативных общественных структур[29],

---

общественной формации в силу того, что в их рамках происходит отрицание ряда существенных закономерностей, развитие которых составляло в значительной мере прогресс данной формации. К таким можно отнести постепенное преодоление неконтролируемых рыночных отношений, анархии производства, процессов отчуждения и т.д. Регресс формации не означает регресса ее производства, но лишь изменение существующих отношений в направлении, не свойственном предшествующему периоду развития данной общественной формации.

[29] Попытка доказать взаимодействие античного и азиатского обществ и объяснить таким образом возникновение римского колоната в начале нашей эры, предпринятая и разработанная М.И.Ростовцевым (см., напр., *Ростовцев М.И.* Происхождение колоната // Фило-

которые развивались, отчасти в силу своего территориального положения, отчасти в силу низкого уровня экономического развития, достаточно замкнуто. В отличие от этого в условиях XX века, когда капиталистический способ производства предварительно установил свое господство на значительной части земного шара, революционизировав при этом все общественное производство, мировое сообщество так или иначе оказалось целиком вовлеченным в опосредование процесса сосуществования двух новых способов производства. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, и стало одним из наиболее существенных факторов, обусловивших столь явное проявление на современном этапе закона ускоряющего[ся] социального развития. [10]

логическое обозрение. 1901. Т. XIX. Кн. 2) и являющаяся единственным существенным прецедентом объяснения важных экономических процессов того времени из взаимодействия общественных систем, не получила поддержки.

КАПИТАЛИЗМ, СОЦИАЛИЗМ ИЛИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА?*

В.Л.Иноземцев

[32] Сегодня марксистская наука, как ни банально это звучит, находится на критическом рубеже. Еще не так давно дружными аплодисментами встречались слова Ю.В.Андропова: «Дело здесь, однако, совсем не в мнимом "кризисе" марксизма. Дело в другом — в неспособности иных теоретиков, называющих себя марксистами, подняться до истинных масштабов теоретического мышления Маркса, Энгельса, Ленина...»[1]. События последних лет позволяют усомниться в правильности этого положения, тем более что иные из теоретиков, ранее называвших себя марксистами, в нынешнем отмежевании от марксизма видят верный залог собственной популярности. Безусловно, борьба идей представляет собой естественный процесс, однако отнюдь не способствует прогрессу науки наблюдаемая сейчас конфронтация между идеями, в большинстве случаев скорее декларируемыми, нежели доказываемыми.

С учетом вышеизложенного вполне понятно то внимание, которое уделяется проблеме определения сущности и исторического места современных обществ Запада. С одной стороны, ряд авторов пытается остать-

---

* Впервые опубликована в журнале *Коммунист*. 1991. № 4. с. 32-40.

[1] *Андропов Ю.* Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // Коммунист. 1983. № 3. С. 22.

ся в рамках тезиса о капиталистическом характере этих обществ, выдвигая понятия олигополистического, транснационального, интеграционного капитализма и т.д. Эта позиция предполагает признание сохранения ряда фундаментальных черт капиталистического способа производства, но как следствие снижается внимание к наиболее глубинным процессам, происходящим в западных обществах. С другой стороны, на этом фоне подкупающей оказывается концепция, изображающая современные западные общества как такие, в которых больше элементов социализма, чем в странах, традиционно называемых социалистическими. Усиливающаяся экспансия западных ценностей, переход стран Восточной Европы на западный путь развития — все это укрепляет позиции ряда немарксистских, либеральных теоретических направлений. При этом невозможность адекватного ответа со стороны исследователей, считающих признаком марксистского подхода обязательное признание капиталистического характера западных обществ, объективно дискредитирует их как неспособных развивать марксизм на его собственной основе.

Поэтому сейчас необходимо ради сохранения марксизма как серьезного научного учения проанализировать наиболее существенные изменения, происшедшие в западных обществах в последние десятилетия. Отвлекаясь от анализа изменений в поверхностных формах производства, распределения и обмена, а также в политических структурах, мне хотелось бы обратиться к тем явлениям, которые часто оказываются вне поля зрения многих советских авторов.

Прежде всего следует отметить, что принципиальным изменениям в последние десятилетия подвергалось не только само материальное производство в его разнообразных формах, но и сам человеческий труд как его глубинная основа. [32//33]

Во-первых, быстро изменяется система мотивации человеческой деятельности. Одним из важнейших по-

ложений, выдвинутых К.Марксом применительно к капитализму, является положение о существовании в этом обществе *экономического* принуждения работника к труду. Это означает, что главным стимулом является получение необходимых жизненных средств, материального вознаграждения. К.Маркс в связи с этим справедливо отмечал, что при капитализме трудящийся «даже не считает труд частью своей жизни; напротив, трудиться значит для него жертвовать своей жизнью»[2].

Однако ныне это положение далеко не в полной мере соответствует действительности. Несмотря на то, что покупка и продажа рабочей силы сохраняются в системе отношений западного общества, мотивация деятельности более не сводится к утилитарной цели получения материального вознаграждения. В шкале ценностей работника этот момент постепенно смещается с доминирующих позиций на относительно малозначимые; по данным буржуазных социологов, материальное вознаграждение сегодня занимает среди факторов мотивации труда шестое — десятое место. Уже традиционно стали наиболее значимыми такие факторы мотивации, как удовлетворение, получаемое непосредственно от самой деятельности, связанные с ней возможности самовыражения и самосовершенствования, а также общественное признание.

Все эти обстоятельства позволяют говорить о замене экономического принуждения к деятельности неким более комплексным *социальным* типом принуждения, когда вся совокупность общественных условий жизни человека вызывает необходимость деятельности как обязательного условия его существования в качестве полноправного члена общества. Определяя вслед за А.Маршаллом труд как «всякое умственное или физическое усилие, предпринимаемое частично или целиком с целью достичь какого-либо результата, не счи-

---

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 6. С. 432.

тая удовлетворения, получаемого непосредственно от самой проделанной работы»[3], западные философы и социологи отмечают, что новый, надутилитарно мотивированный тип деятельности следует рассматривать уже не как труд, а как творчество. Такой подход в последнее время находит определенную поддержку и у советских исследователей.

Во-вторых, изменяется не только мотивация, но и цели деятельности. Этот аспект проблемы особенно широко комментируется на Западе сторонниками теории постиндустриального общества. Отмечается противопоставление целей общения целям производства (Д.Белл), целей самосовершенствования совершенствованию материальных благ (Ф.Нюрнбергер), целей удовлетворения внутренних потребностей стремлению к материальному вознаграждению (М.Элвессон) и так далее.

Современная деятельность действительно серьезно отличается от труда в XIX веке, и не следует недооценивать ту роль, которую играют самосовершенствование и самореализация личности в качестве как мотива, так и цели деятельности на Западе. Творческий характер современной деятельности имеет огромное, если не основное, значение для объяснения современного уровня производства и уровня жизни в наиболее развитых странах. Творческий характер деятельности не следует ставить на одну доску с развитием производительных сил, ибо именно он сам определяет технический и всякий другой прогресс как его основная предпосылка. И К.Маркс был, безусловно, прав, когда, описывая будущее общество, говорил о нем как о таком, где «*вместе* (кур[33//34]сив мой. — *В.И.*) с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы...»[4] принципиально иного порядка.

---

[3] *Маршалл А.* Принципы политической экономии. М., 1983. Т. 1. С. 124

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 19. С. 20.

В-третьих, в последние годы время труда как деятельности по внешнему принуждению и время отдыха как деятельности, обусловленной внутренними мотивами, оказывается в отношении, обратном привычному. Не говоря о том, что по своим характеристикам труд и деятельность в свободное время (leisure activity) сближаются, нужно отметить, что продолжительность рабочего времени в развитых странах Европы составляет не более двух тысяч часов в год, тогда как свободное время превышает две тысячи сто часов в год[5]. На основании этого обстоятельства и многих других факторов западные социологи нередко делают вывод, что общество, основанное на труде, трансформируется в общество принципиально иного типа.

В данном случае нельзя не вспомнить очень редко цитируемые в советской литературе слова К.Маркса: «"Труд" по своей сущности есть несвободная, нечеловеческая, необщественная, обусловленная частной собственностью и создающая частную собственность деятельность. ...Частная собственность есть не что иное, как *овеществленный* труд. Если частной собственности хотят нанести смертельный удар, то нужно повести наступление на частную собственность не только как на *вещественное состояние*, но и как на *деятельность*, как на *труд*»[6]. На мой взгляд, не следует ни замалчивать, ни отрицать данное положение К.Маркса, так как многие явления, происходящие сегодня в наиболее развитых обществах, показывают соответствие марксовых идей тенденциям, разворачивающимся в современном мире.

Кроме модификации самого процесса деятельности, ее внутренней организации, происходят весьма существенные изменения и в том, где и как прилагается совокупный труд общества. Этот вопрос не может быть

---

[5] См.: *Glaser H.* Das Verschwinden der Arbeit. Die Chancen der neuen Tätigkeitsgesellschaft. Düsseldorf, 1988. S. 176.

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 42. С. 242.

сведен к проблеме технических и технологических сдвигов и отнесен к более общему вопросу о производительных силах, так как он имеет исключительно важные следствия для развития производственных отношений современного западного общества. Все большее количество работников занято в сфере, производящей не материальный продукт, а различного рода услуги. Еще в начале 80-х годов только 12 процентов рабочей силы США было занято непосредственно в производственных операциях[7], а к концу этого десятилетия одна только сфера оптово-розничной торговли по количеству занятых в ней опередила все отрасли материального производства, вместе взятые.

Снижение доли материального производства в структуре занятости и национального дохода составляет весьма характерное явление для экономики наиболее развитых стран. Если за последние 40 лет прирост занятых в материальном производстве в США составил 35 процентов, то прирост занятых в сфере услуг за тот же период составил 500 процентов. За последние 20 лет темпы роста занятости в сфере собственно услуг превышали таковые в материальном производстве в 24 раза; между тем в последние годы всякие сравнения такого рода становятся иррациональными на фоне абсолютного снижения числа занятых в материальном производстве. С 1977 по 1990 год в США количество лиц, работающих в материальном производстве, сократилось на 580 тысяч человек, тогда как их число в сфере услуг возросло в це[34//35]лом на 24,5 миллиона человек[8]. В 1988 году темпы роста производства в десяти наиболее преуспевающих компаниях по производству услуг в США составили от 41 до 170 процентов, а чистая прибыль в некото-

---

[7] См.: *Naisbitt J.* Megatrends. The New Directions, Transforming Our Lives. N.Y., 1984. P. 5.

[8] Рассчитано по: «Employment and Earnings». U.S. Bureau of Labor Statistics. Wash., 1990. № 9. September. Table B-1. P. 73.

рых из них превысила 1 миллион долларов на одного занятого. Таким образом, указанные тенденции нарастают. Однако сами по себе они не были бы столь значимы, если бы не еще один момент.

Важнейшим фактором, воздействующим на современные производственные отношения и отражаемым развитием сферы услуг, является невоспроизводимость создаваемого продукта. В данном случае речь идет не столько о замене крупномасштабного производства мелкосерийным и индивидуальным, сколько о том, что ряд продуктов является уникальным как в аспекте их производства, так и в аспекте их потребления. В сфере услуг можно выделить сферу субъект-субъектных взаимодействий, куда входят образование, здравоохранение, культура, наука и в которой результат деятельности формируется вследствие взаимодействия производителя и потребителя, обладает уникальными свойствами, заранее неизвестен и впоследствии не воспроизводим. Эти отрасли сферы услуг демонстрируют сейчас наиболее быстрое развитие в западном мире. Невоспроизводимость продукта обусловливает и степень развития той или иной отрасли материального производства: отмечено сокращение производства и занятости в отраслях, создающих наименее индивидуализированный продукт, — в добывающей промышленности и сельском хозяйстве, и быстрый рост производства в строительстве, использующем преимущественно индивидуальные проекты.

В данном случае можно отметить по крайней мере два обстоятельства, опровергающих представления о западном обществе как о чисто капиталистическом. Нужно отметить — и это первое, — что «стоимость всякого товара... определяется не тем необходимым рабочим временем, которое заключается в нем самом, а рабочим временем, *общественно* необходимым для его воспроизводства»[9]. Это важнейшее положение марксо-

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 153.

вой теории стоимости. Поэтому на основе марксовых методологических принципов не может быть исчислена стоимость продукта или услуги, само воспроизводство которых не представляется возможным. Помимо этого значительная часть продуктов в современном обществе несопоставима еще и потому, что создателем их в большей мере является творчество, нежели труд. И поэтому несколько поверхностными кажутся утверждения, что изменения в действии закона стоимости в условиях современного капитализма заключаются прежде всего в том, что цены колеблются не вокруг обычных, а вокруг модифицированных, «монопольных», цен производства.

Второе обстоятельство связано с тем, что согласно традиционной марксовой методологии большинство работников в странах Запада следует признать непроизводительными. Если, как это зачастую предпринимается в советской экономической литературе, предположить, что эти работники не создают стоимости, то степень эксплуатации в материальном производстве должна составлять многие сотни процентов. Между тем начиная с конца 70-х годов, когда она не превышала 90 процентов для развитых стран Европы (исключение — Нидерланды), данная величина имеет устойчивую тенденцию к снижению. Степень эксплуатации труда, создающего невоспроизводимый продукт, не может быть исчислена, как неисчисляема сама стоимость этого продукта; если же мы имеем дело не с трудом, а с творчеством как с деятель[35//36]ностью ради самореализации личности, то эти категории тем более являются анахронизмами. Таким образом, теория стоимости, основанная на труде, отражает сегодняшнее положение вещей лишь в той мере, в какой труд, создающий воспроизводимый продукт, еще является формой деятельности в западном мире, но не более того.

На мой взгляд, не следует перечислять далее новые черты современного западного общества. Нашей целью

является определение его исторического места в рамках марксовой методологии. Поэтому мы должны обратиться к теории исторического прогресса, тем более что здесь немало еще серьезных упрощений марксовой концепции.

В работах К.Маркса для обозначения основных ступеней развития цивилизации используется термин «общественная формация» («Gesellschaftsformation»). К.Маркс говорит о трех общественных формациях: первичной, вторичной и третичной, которые также обозначены им как архаическая, экономическая и коммунистическая соответственно. Такова марксова терминология. Основными критериями выделения трех формаций являются наличие или отсутствие частной собственности, классов и товарного производства. При наличии этих признаков мы имеем дело с *экономической общественной формацией* («ökonomische Gesellschaftsformation», «formation économique de la société»), а при отсутствии их — с архаической, как предшествующей экономической, или же с коммунистической, как следующей за экономической, общественными формациями. Понятие общественной формации не совпадает в хронологическом аспекте с понятием способа производства в противоположность тому, как это принято в советских исследованиях по историческому материализму.

Соподчинение этих понятий мы можем в классическом виде наблюдать на примере известного высказывания К.Маркса о том, что «в общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»[10]. Нетождественность понятий общественной формации и способа производства здесь достигает высшей ступени: внутри экономической общественной формации, по теории К.Маркса, сменяются по мень-

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 13. С. 7.

шей мере четыре способа производства. К.Маркс и Ф.Энгельс выделяют несколько способов производства не только в экономической, но и в архаической и коммунистической общественных формациях. Марксова теория рассматривает общественное развитие как смену трех универсальных для всех народов общественных формаций и значительно большего числа способов производства, большинство которых не обладает свойством универсальности. Впоследствии, когда В.И.Ленин предпринял неправильный перевод только что цитированного отрывка из работы К.Маркса, трактуя его следующим образом: «Рассматриваемые в общих чертах азиатские, античные, феодальные и новейшие, буржуазные, производственные порядки могут быть рассматриваемы как прогрессивные эпохи в истории экономических формаций (курсив мой. — *В.И.*) общества»[11], возник термин «общественно-экономическая формация». В работе «Карл Маркс» В.И.Ленин исправил неточность перевода, но возникший в 1894 году термин «общественно-экономическая формация» был подхвачен советскими исследователями, наполнен теоретическим содержанием в дискуссиях 30-х годов и закреплен в работах И.В.Сталина в виде деления общества на пять «общественно-экономических» формаций, существующего и по сей день. Истинно марксистское видение данной проблемы только начинает возрождаться. [36//37]

Соответственно оказалась искаженной и теория революции. В той же степени, в какой К.Маркс различал общественные формации и способы производства, он различал также революции социальные и политические. Согласно К.Марксу, социальная революция порождается противоречиями между производительными силами и производственными отношениями и опосредует смену общественных формаций. Этот термин

---

[11] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 136.

используется либо для обозначения распада общинных связей и образования классов, либо для описания революции коммунистического типа. Между тем в рамках определенной общественной формации не возникает решительного противоречия между производительными силами и производственными отношениями. В этот период «*всякое* (курсив мой. — *В.И.*) изменение производительных сил людей необходимо ведет за собой изменение в их производственных отношениях»[12]. Революции, происходящие внутри экономической общественной формации, как, например, буржуазная революция, вызываются противоречиями между базисом, то есть развивающимися в относительном соответствии производительными силами и производственными отношениями, и надстройкой.

Это обстоятельство непосредственно отмечается К.Марксом и имеет серьезные практические подтверждения. Например, за последние 50 лет перед Великой французской буржуазной революцией рост производства во Франции составил: в угольной промышленности — 700 — 800 процентов, общий рост экспорта — в 3 раза[13].

Развитие промышленности, сопоставимое по темпам с ее развитием в XX веке, не дает основания говорить об обостренном в этот период противоречии между производительными силами и производственными отношениями, «сковывавшем» развитие экономики. И К.Маркс был, несомненно, прав, объясняя причины буржуазной революции указанием на противоречие между базисом и надстройкой. Это подтверждается и тем, что после революции имело место не возникновение качественно новых отношений, а лишь экспансия вширь уже существующих. В марксовой теории, та-

---

[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 4. С. 144.

[13] См.: *Жорес Ж.* Социалистическая история Французской революции. М., 1976. Т. I. Кн. 1. С. 210, 211.

ким образом, социальные революции отделяют друг от друга общественные формации, а политические революции разделяют способы производства внутри единой экономической общественной формации.

Основоположники марксизма создали также оригинальную концепцию генезиса классов. Данная теория предполагала два пути образования классов — путь революционный, когда община разрушается изнутри, и путь эволюционный, когда над общиной возвышается слой управляющих ею лиц, постепенно становящийся господствующим классом. Суть данной концепции классообразования может быть сведена к тому, что пути движения отдельных народов различны тогда, когда осуществляется *переход от зрелого состояния одной общественной формации*, какой для архаической формации является позднеродовая община, *к зрелому состоянию другой формации*, каким для экономической формации является капитализм. Только зрелые формы выражения закономерностей той или иной общественной формации суть исторические типы обществ, свойственные всему человечеству. Поэтому марксова концепция, не отождествляющая способ производства и общественную формацию, политическую революцию и революцию социальную, является концепцией *полилинейной*, в основах своих признающей многовариантность общественного развития. В нашей идеологии, начиная с И.В.Сталина, утвердилась *монолинейная* картина исто[37//38]рического прогресса, что сделало ее несопоставимой с реальными представлениями К.Маркса.

Переходим теперь к выводам. К.Маркс создал концепцию исторического прогресса, отличающуюся от сегодняшних представлений по ряду направлений. Во-первых, она не монолинейна. Во-вторых, способы производства не отождествляются с общественными формациями. В-третьих, социальные революции отличаются от политических как по своим предпосылкам, так и по следствиям. В-четвертых, терминологический ап-

парат К.Маркса был более совершенен, чем нынешний, так как он показывает, что деление на архаическую, экономическую и коммунистическую формации является делением совершенно другого уровня, чем выделение античности, феодализма и капитализма.

Поэтому настало время отвергнуть догмат, возникший однажды из сказанных применительно к конкретным условиям слов В.И.Ленина о том, что нельзя идти от капитализма вперед, не идя к социализму. Это положение, воспринимаемое как общий, фундаментальный тезис, противоречит логике марксизма, так как он, с одной стороны, отрицает полилинейность прогресса и, с другой стороны, опровергает возможность постепенного преодоления закономерностей экономической общественной формации, иллюзорно обещая ее быстрый крах. Согласно теории К.Маркса, капитализм есть расцвет экономической общественной формации, и что же должно убеждать нас в том, что незамедлительный крах должен последовать именно в этом наиболее развитом состоянии? Кто из сторонников подобного тезиса может привести пример самостоятельного уничтожения общественной формы в период ее полного расцвета?

Между тем именно фаза преодоления, отрицания закономерностей экономической общественной формации, фаза регресса этой формации и есть отражение того, что мы видим на примере современных западных обществ. Регресс этот воплощается в ряде моментов. Во-первых, экономическая общественная формация в своем прогрессивном развитии соответствовала развитию разделения деятельности; сегодня наметились противоположные тенденции. Во-вторых, экономическая формация характеризовалась в своем развитии нарастанием процессов отчуждения, вплоть до отчуждения труда; сегодня преодоление подобных тенденций очевидно. В-третьих, экономическая формация основывалась на постоянном развитии форм товарного обмена

на основе закона стоимости, который сегодня резко сужает сферу своего действия. В-четвертых, экономическая общественная формация устраняла все классовые перегородки, пока не поставила друг против друга буржуазию и пролетариат; сегодня классовая структура западных обществ начинает усложняться. На мой взгляд, даже этого достаточно, чтобы отчетливо увидеть попятную тенденцию, обусловливающую регресс экономической общественной формации, регресс, предполагающий не упадок общества и производства, а лишь преодоление наиболее характерных для этой общественной формации отношений и закономерностей.

Итак, положение о том, что за капитализмом не может следовать ничего, кроме социализма, не является доказанным. Поэтому даже если предположить, что сейчас на Западе нет капитализма, то из этого не вытекает признание наличия там социалистического общества. На Западе выход из такого положения многие исследователи находят на пути создания теории постиндустриального общества. В рамках такой концепции западные социологи и футурологи сумели сделать большой рывок в осмыслении современной ситуации, и трудно переоценить значение этой теории как инструмента научного познания. Однако [38//39] само деление истории на периоды аграрного, индустриального и постиндустриального общества слишком условно и не может быть сопоставлено по своей глубине с марксистской исторической концепцией. И поэтому, на мой взгляд, необходимо, в полной мере осознавая превосходство теории постиндустриального общества над утверждениями о существовании на Западе традиционных «-измов»: капитализма или социализма, отдать предпочтение новой концепции, которая может быть создана на основании марксовых представлений.

Исходными пунктами для определения природы современного западного общества будут следующие. Во-первых, само его существование закономерно, так как

после достижения экономической общественной формацией своей высшей точки многовариантность общественного развития объективно возрастает. Поэтому современные западные общества суть не пережиток прошлого, а принципиально новая система, сосуществующая с обществами, называемыми социалистическими. Во-вторых, западные общества обнаруживают тенденции, обратные тем, которые имелись на восходящей фазе экономической общественной формации, и, следовательно, представляют собой ее нисходящую фазу. Как элемент таковой, они не могут быть включены в капиталистический способ производства, который есть последняя фаза прогресса экономической общественной формации. В-третьих, данные общества возникли из капиталистического способа производства эволюционным путем и, следовательно, не являются элементами новой общественной формации, а входят в экономическую общественную формацию; поэтому они не могут быть названы социалистическими.

Следовательно, единственным теоретическим объяснением природы современных западных обществ с марксистских позиций является утверждение о том, что они составляют особый, *посткапиталистический способ производства, первый из представляющих регрессивную фазу экономической общественной формации и пятый из входящих в эту общественную формацию.*

Здесь необходимо сделать еще одно замечание. Нельзя отрицать того, что в западных обществах сохраняются в качестве существенных моментов наемный труд, товарное производство и извлечение прибавочной стоимости как цель производства. Однако эти три признака никогда не могли [определить*] и не определяли капитализм. При их отсутствии мы получаем другой набор призна-

* Слово пропущено в тексте статьи. — Примечание к изданию 1998 года.

ков: отсутствие наемного труда, нетоварный характер производства и прибавочный продукт как его непосредственную цель. Эти признаки не дают основания для выделения *одного*, строго определенного *способа производства;* они равно применимы и к античному, и к азиатскому, и к феодальному способам производства. Данные признаки определяют только то, *к какой фазе экономической общественной формации* — восходящей или нисходящей, прогрессивной или регрессивной — относится тот или иной способ производства. Поэтому сохранение этих признаков не противоречит предположению о существовании посткапиталистического способа производства.

Одно из возможных определений посткапитализма представляется мне следующим. *Посткапиталистический способ производства есть способ производства, принадлежащий к регрессивной фазе экономической общественной формации и поэтому основывающийся на товарном производстве, наемном труде и экономической эксплуатации. Он характеризуется относительным преодолением отчуждения труда, возникновением социального принуждения к деятельности, доминированием производства невоспроизводимых благ и услуг, заменой многих видов труда творческой деятельностью, смягчением классового противостояния в обществе и распространением контроля общества* [39//40] *над производством с учетом общественной полезности создаваемых благ и услуг.* Данное определение не является системным и комплексным. Сам посткапиталистический способ производства находится пока в стадии своего становления, а не развивается как самостоятельная комплексная система. Поэтому его закономерности, в частности его основной экономический закон, основное производственное отношение и некоторые другие моменты, не могут быть выделены в чистом виде. Само название «посткапиталистический способ производства» также отчасти условно, потому что оно не несет позитивного

оттенка, а акцентирует внимание на отличиях данного общества от традиционного капитализма. На мой взгляд, лишь формулирование основ новой концепции, а не ее полное построение не только является насущной задачей сегодняшнего дня, но и исчерпывает нынешние теоретические возможности. Принципиально невозможно создание завершенной теории объекта, который продолжает еще свое собственное развитие.

В заключение следует отметить, что представление о посткапиталистическом способе производства существенным образом изменяет наше понимание не только современного западного общества, но и того общества, в котором живем мы сами. Современная эпоха характеризуется возрастанием многовариантности общественного развития, столь характерной для переходных между общественными формациями периодов. В нынешней ситуации возможна реализация различных путей исторического развития, и нет оснований считать одни из них заведомо предпочтительнее других. Все они имеют сегодня перспективу, за исключением тех, которые ориентированы на копирование способов прогресса с ранее имевших место в других условиях. И это обстоятельство, вытекающее из марксовой теории общественных формаций, вызывает значительную обеспокоенность перспективами перестройки, которая нередко обнаруживает склонность к слепому подражательству при отсутствии четких ориентиров. Образцом же для подражательства выступают представления о капиталистическом способе производства как о естественной форме организации производительных сил в условиях рыночной стихии. Но этот способ производства, к которому мы сегодня объективно движемся и которого, быть может, достигнем, не есть то, что видим мы сегодня на примере развитых стран Запада. Последняя система не создается в результате слепого действия стихийных рыночных сил. Она порождается длительным историческим процессом, в ходе которого сознатель-

ным путем совершенствуются не только и не столько производительные силы и производственные отношения, сколько создаются возможности прогресса самого человека как уникальной и самосовершенствующейся личности. Именно человек отчетливо ставится сейчас в центр всей общественной системы, что делает современный процесс развития протекающим в направлении, противоположном тому, который указывает стихийно-рыночная система. [40]

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ФОРМАЦИЯ: ГРАНИЦЫ ПОНЯТИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ*

В.Л.Иноземцев

[35] За долгую историю развития философии социального прогресса человечество выработало множество концептуальных подходов к периодизации своей собственной истории. Критерии для такой периодизации всегда обнаруживались в избытке и относились к самым разным сторонам жизни человека и общества. Спектр их простирается от форм государственного устройства у Аристотеля, событий библейской хроники у св. Августина, этапов внутреннего совершенствования человека у св. Фомы Аквинского и ступеней воплощения абсолютной идеи [Г.В.Ф.]Гегеля до стадий прогресса человеческого разума у [Ж.-А. де]Кондорсе, развития форм общественного производства у [А.]Фергюсона, [А.]Смита и [К.]Маркса и технократических составляющих прогресса, попавших в центр внимания западной общественной науки в XX в[еке].

В последнее время основным направлением, по которому наметилось противостояние этих доктрин, каждая из которых претендует на универсальность, явилось направление, обусловливаемое признанием общественных либо технократических факторов развития в качестве наиболее существенных. На этом «фронте»

---

* Впервые опубликована в журнале *ПОЛИС (Политические исследования)*. 1991. № 4. С. 35-46.

столкнулись марксистская историческая доктрина и современные технократические концепции прогресса. Новые подходы к осмыслению современного мира, однако, приводят к снижению активности такого противоборства. С одной стороны, сама марксистская теория постепенно, и это можно только приветствовать, возвращается к марксовым теоретическим положениям, обычно более диалектичным и менее категоричным, чем выдвигающиеся советскими философами. С другой стороны, западные исследователи уверенно [35//36] расширяют круг рассматриваемых проблем, анализируя основные социальные явления сегодняшнего дня. На основе восстановленного марксова понимания теории общественных формаций[1] возникает возможность комплексной оценки современного мира, корреспондирующей с оценками западных авторов, но кажущейся нам даже более непротиворечивой[2].

Между тем в последние годы в условиях того теоретического кризиса, который охватил вульгаризированную марксистскую науку, многие исследователи, работавшие в русле марксистской традиции, подвергли критике формационную схему как претендующую на охват слишком большого числа явлений и отличающуюся излишней категоричностью. Справедливо отмечая тенденцию к изображению исторического прогресса в

---

[1] [См.:] *Бородай Ю.М, Келле В.Ж., Плимак Е.Г.* Наследие К.Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М., 1974. С. 61-65; *Нуреев Р.М.* Предмет политической экономии и основные черты ее метода. М., 1986. С. 23-26; *Иноземцев В.Л.* Теория общественного развития основоположников марксизма и проблемы политической экономии в широком смысле слова // Эффективность общественного производства и проблемы социально-экономического развития СССР. М., МГУ, 1989. С. 4-19.

[2] [См.: *Иноземцев В.Л.* Альтернативность общественного развития //] Вестник МГУ Сер[ия] 6: Экономика. 1991. № 2. С. 3-9; [*Иноземцев В.Л.* Капитализм, социализм или постиндустриальные общества? //] Коммунист. 1991. № 4. С. 32-40.

искусственно примитивизированном виде, эти авторы выступили в поддержку так называемой цивилизационной теории. Цивилизационная концепция, бурно развивающаяся сегодня, действительно способна привлечь внимание к таким сторонам общественной жизни, которые нередко игнорировались в формационной концепции, особенно в ее советском изложении.

Сторонники цивилизационного подхода акцентируют внимание не только на анализе общественного производства, но рассматривают активную роль надстроечных явлений, культуры, не обходят вниманием ценностные установки личностей, поведенческие стереотипы, складывающиеся в ходе развития отдельных наций и народов. Все это делает их теорию более совершенной, нежели часто переоценивающую роль производственных факторов теорию «общественно-экономических формаций». В рамках цивилизационного подхода выдвигается тезис о развитии [от] локальных цивилизаций, которые были наиболее характерны для древнего мира, через особенные цивилизации к универсальной всемирной цивилизации. Всемирная же цивилизация в более или менее полной форме сложилась уже несколько столетий назад, и поэтому в современных условиях, какое бы значение ни имели особенности исторического пути того или иного народа, факторы, связанные с общими закономерностями такого развития, не должны упускаться из виду. По сути дела, в последние столетия теории формаций и цивилизаций имеют один и тот же объект своего приложения — всемирную цивилизацию, связанную воедино экономическими закономерностями.

И сегодня теория цивилизаций оказывается способной анализировать как специфические для отдельных народов, так и общие для всего человечества явления. Значит ли это, что формационная теория должна отойти на второй план и прекратить свое существование? На наш взгляд, нет. И для того, чтобы теория

формаций получила новые возможности для своего применения, необходимо вернуться к марксовой теоретической схеме, которая, в отличие от созданной начиная с В.И.Ленина концепции, оперировала понятиями гораздо большей степени общности, нежели те, которые встречаются и господствуют в учебниках исторического материализма. Среди этого ряда понятий существует и термин «экономическая общественная формация», значение которого огромно и который был полностью исключен из терминологического аппарата марксистской теории, будучи заменен понятием «общественно-экономическая формация», что нанесло трудноценимый ущерб формационной концепции анализа истории в целом.

Сам термин «общественно-экономическая формация» был введен Г.В.Плехановым и В.И.Лениным, причем последний при использовании данного термина допускал явные расхождения с марксовыми представлениями[3]. Окончательно же теория «общественно-экономических формаций» была разработана в ходе продолжительной дискуссии, ведшейся в советской обществоведческой науке в 30-е годы[4], и получила свое идеологическое закрепление в работах И.В.Сталина[5]. Отметим несколько характерных для данной концепции недостатков. [36//37]

---

[3] [См.: *Иноземцев В.Л.* Капитализм, социализм или постиндустриальные общества? //] Коммунист. 1991. № 4. С. 36.

[4] [См.:] *Дубровский С.М.* К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929; Историк-марксист. 1930. Т. 16; *Пригожин А.* Проблемы общественных формаций // Под знаменем марксизма. 1930. № 7-8; Против механистических тенденций в исторической науке. М.-Л., 1930, и др.

[5] [См.:] *Сталин И.В.* Соч[инения]. Т. 13. С. 239; *Сталин И.В.* О диалектическом и историческом материализме. М., 1954. С. 25; История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 119.

Во-первых, в ее рамках полностью стирается то различие, которое, безусловно, существует между отдельными антагонистическими типами общественных структур, с одной стороны, и первобытнообщинным строем и коммунистическим обществом — с другой. Отдельные виды классовых обществ рассматриваются как сопоставимые с доклассовой и бесклассовой эпохами общественного развития.

Во-вторых, принципиально уравнивается значимость переходов как от одного классового общества к другому, так и от классового общества к бесклассовому.

В-третьих, данная схема, претендуя на всеобщность, порождает большое количество исключений, представляемых реально встречающимися в историческом развитии феноменами, и, таким образом, не отвечает поставленной перед ней задаче служить общей методологией исторического исследования.

В-четвертых, в рамках данной теории оказывается, что структуры различных «общественно-экономических формаций» сходны, коль скоро все они обозначаются одним и тем же понятием. Между тем у советских исследователей уже вызрело мнение, что некоторые формации, в том числе первобытную и коммунистическую, нельзя в той же мере называть «экономическими», как, например, капитализм. Перечень недостатков можно продолжать еще долго, но даже указанные достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что концепция далеко не безгрешна.

Анализируя марксову теорию общественных формаций, мы пришли к ряду выводов, которые постараемся изложить здесь максимально кратко, даже пожертвовав доказательствами, которые были изложены нами ранее.

Согласно теории, созданной К.Марксом, существуют три общественные формации. Они квалифицируются им как первичная, или архаическая, вторичная, или экономическая, и третичная. Тождественность первич-

ной и архаической общественных формаций подчеркивается К.Марксом в набросках ответа на письмо В.Засулич, написанных им в 1881 г[оду][6]; тождественность вторичной формации и формации экономической мы наблюдаем, сравнивая этот отрывок с положениями работы «К критике политической экономии»[7]. Тождественность третичной и коммунистической формации непосредственно не утверждается К.Марксом, но достаточно убедительно доказана уже в советский период Б.Ф.Поршневым[8]. Эти три формации суть в марксовой схеме три состояния, через которые в ходе своей истории проходит любой из народов, составляющих человечество.

Соответственно, в марксовой теоретической системе имеется и инструмент констатации различий между переходами от одной общественной формации к другой и изменениями внутри отдельной, экономической, общественной формации. И те и другие могут опосредоваться революциями. Советские авторы обычно говорят о социальной революции и считают политическую революцию одной из ее сторон, поддерживая при этом то понимание вопроса, которое разделялось основоположниками марксизма только до конца 40-х годов прошлого века[9]. Между тем впоследствии К.Маркс и Ф.Энгельс развели понятия социальной и политической революции. Социальной революцией обозначается в их теории изменение, приводящее к смене общественных формаций и порождаемое противоречием между производительными силами и производственными отношениями; революции же внутри экономической общественной формации порождаются проти-

---

[6] [См.:] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 19. С. 404-419.

[7] [См.:] Там же. Т. 13. С. 7.

[8] [См.: *Поршнев Б.Ф.* Периодизация всемирно-исторического процесса у Гегеля и Маркса //] Философские науки. 1969. № 2. С. 60.

[9] [См.:] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 1. С. 448.

воречием между базисом и надстройкой[10] и рассматриваются основоположниками марксизма как политические[11]. В теории К.Маркса, таким образом, строго подчеркиваются границы трех общественных формаций.

Понятием, которое дополняет и завершает марксову теорию общественных формаций, является понятие способа производства. В экономической общественной формации К.Маркс насчитывает несколько способов производства, [37//38] чем опровергает установившееся, начиная с В.И.Ленина, представление о хронологической тождественности понятий способа производства и «общественно-экономической» формации. Подтверждением этому служит известное высказывание К.Маркса: «...в общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»[12]. Как в архаической, так и в коммунистической общественных формациях также выделяются отдельные способы производства.

Таким образом, марксова концепция складывается из рассмотрения общественных явлений на двух уровнях абстракции. Первым из них является формационный уровень: существуют три большие общественные формации — архаическая, экономическая и коммунистическая, смена которых опосредуется социальными революциями и которые свойственны каждому народу. Вторым уровнем является уровень анализа способов производства: существует ряд способов производства, по несколько способов производства в каждой общественной формации: в рамках экономической форма-

---

[10] [См.:] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 3. С. 73.

[11] [См.: *Иноземцев В.Л.* Теория общественного развития основоположников марксизма... //] Эффективность общественного производства и проблемы социально-экономического развития СССР. М., МГУ, 1989. С. 10-13.

[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 13. С. 7.

ции их смена опосредуется политическими революциями. При этом, что обязательно следует подчеркнуть, теория формаций не имеет четкой хронологической детерминированности. К.Маркс, анализируя, например, смену архаической формации экономической, отмечал, что формой такой смены является разрушение соседской общины, и процесс этот характеризует достаточно продолжительный период в истории Западной Европы, — древней и современной[13]. Как видим, формационная теория является не инструментом политической борьбы, как это представлялось теоретикам, смело разменивавшим марксову «догму» на «руководства к действию», но методом философского осмысления целостной по своей природе всемирной истории.

Однако никакая философская теория не может претендовать на звание совершенной теоретической концепции, если она не описывает адекватным образом существующее положение и не способствует правильной оценке реальности, ее непротиворечивому объяснению. Поэтому наиболее актуальной является сегодня оценка не формационной теории в целом, а возможностей ее применения для анализа сегодняшнего положения вещей.

Сейчас, когда огромное количество авторов, придерживающихся самых различных теоретических взглядов, едины в своем отрицании «коммунистического» характера нашего общества и необходимости стремиться к его созданию в будущем, следует акцентировать внимание на теории экономической общественной формации. Затем мы вкратце рассмотрим и проблему коммунистической перспективы.

Экономическая общественная формация («ökonomische Gesellschaftsformation») является центральной эпохой общественного развития в марксовой теоретической схеме. Она, как мы уже сказали, объединяет

---

[13] [См.:] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 19. С. 413.

целый ряд способов производства. При этом временные границы экономической общественной формации отсутствуют. Известно, что К.Маркс, когда рассматривал перспективы коммунистического преобразования общества и анализировал такие признаки общественного устройства, которые смело можно назвать социалистическими, не утверждал, что подобный строй относится к «царству свободы», или к коммунистической общественной формации, а отмечал, что он остается в рамках «царства необходимости»[14]. Одновременно К.Маркс рассматривает и переходное положение соседской общины, которая, с одной стороны, относится им к высшей фазе архаической общественной формации, но основанный, в принципе, на ней же азиатский способ производства фактически без колебаний причисляется к формации экономической[15]. Поэтому мы можем однозначно утверждать, что экономическая общественная формация не имеет четких хронологических пределов и значительная часть истории [38//39] человечества, сохранившей памятники, свидетельствующие о самосознании человеческого рода, прошла именно в рамках данной формации.

Определяя эту величайшую эпоху человеческой истории, следует отметить следующее: экономическая общественная формация — это такая форма организации человеческого общества, которая основана на труде как сознательной, но порожденной внешней материальной необходимостью, деятельности человека и характеризующейся частной собственностью, эксплуатацией и обменом продуктами труда между членами общества.

В данном случае мы непосредственно следуем К.Марксу в том, что труд есть несвободная деятельность, порожденная извне. Переход к высшей общественной формации, по К.Марксу, должен совершиться

---

[14] [См.:] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 25. Ч. II. С. 386 — 387.

[15] [См.:] Там же. Т. 13. С. 7.

не через освобождение, но через уничтожение труда[16]; в то же время труд рассматривается им в качестве причины и живого источника частной собственности[17], порождающей эксплуатацию. Товарный обмен представляется единственной формой связи в данных условиях. Таким образом, следует еще раз подчеркнуть, что частная собственность, товарный обмен и эксплуатация суть понятия, характеризующие единую по сути своей форму общества; одна из указанных черт не может быть уничтожена без уничтожения другой, ибо все они имеют единую основу. Этой основой является труд как сознательная, но отчужденная деятельность человека, которая производится под воздействием давящей на человека внешней материальной необходимости.

Определив экономическую общественную формацию в целом, мы должны обратиться к выяснению ее структуры, ибо столь общее описание данной формации мало что дает для осмысления современной ситуации. Наш анализ вновь начинается с цитировавшейся уже формулировки К.Маркса: «...в общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»[18]. В данном случае экономическая общественная формация рассматривается К.Марксом именно в том смысле, в котором пытаемся анализировать ее и мы; совершенно безосновательными выглядят начатые еще К.Каутским и продолжающиеся по сей день попытки представить термин «ökonomische Gesellschaftsformation» в качестве понятия, обозначающего «экономическое формирование общества»[19].

---

[16] [См.:] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 3. С. 192.

[17] [См.:] Там же. Т. 42. С. 242.

[18] Там же. Т. 13. С. 7.

[19] [См.:] *Kautsky K.* Die materialistische Geschichtsauffassung. Berlin, 1929. Bd. 1. S. 810, 864; Bd. 2. S. 4; *Дубровский С.М.* К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. С. 16.

Итак, К.Маркс предполагает, что несколько способов производства составляют восходящую фазу данной общественной формации. Это тесно связано с признаками, отмеченными нами в определении экономической общественной формации: частной собственностью, эксплуатацией и товарным обменом. Нет необходимости доказывать прогресс частной собственности: от принимавшей обличье государственной в азиатском обществе через формально общинную в античном и иерархическую в феодальном до ее полного торжества в капиталистическом. Столь же очевидно можно увидеть и прогресс форм эксплуатации: от различных форм государственного принуждения к «чистой» эксплуатации человека человеком в условиях классического капитализма. Развитие товарного обмена четко демонстрирует аналогичную же тенденцию.

Более того, если применительно, например, к античному обществу можно утверждать, что частная собственность, эксплуатация и товарный обмен порождены и сосуществуют таким образом, что любые их переплетения не могут рассматриваться как тождество, то для капитализма их полная слитность очевидна. Если в докапиталистических обществах частная собственность не всегда была порождена чисто экономическими процессами и принуждение к труду в большинстве случаев оставалось внеэкономическим, то в условиях капиталистического способа производства основное экономическое отношение, в котором в концентрированной форме заключено понятие эксплуатации, является частным случаем проявления товарного обмена, ставшего в данном [39//40] обществе всеобщим. Степень взаимозависимости трех фундаментальных признаков, конституирующих экономическую формацию, повышается с каждым шагом, который приближает человечество от низших стадий этой формации, представленных в первую очередь азиатским и античным обществами, к стадии ее зрелости — капиталистическому

способу производства. Таким образом, мы видим однозначно поступательное движение в развитии основных характеристик формации. Указанный период является периодом несомненного прогресса данной общественной формации.

Но ни одна общественная система не разрушается в эпоху ее полной зрелости, до наступления периода закономерного упадка. Вот для чего ультрареволюционеры объективно стремились в теории «расколоть» единую экономическую формацию и выделить капитализм в отдельную «общественно-экономическую» эпоху! Только при таком допущении, немарксистском по своей сути, сторонники В.И.Ленина могли рассматривать «империализм» как последнюю ступень капиталистической «общественно-экономической» формации, полнейшую материальную подготовку[20] социализма, от которого уже нельзя идти вперед, не идя к социализму[21]. Только при подобном допущении слова одного из наиболее оригинальных марксистов начала века, Г.Кунова, о том, что последствием империалистической войны должна стать прежде всего эпоха принципиально новой системы господства финансового капитала[22], но не социалистическая революция, могли встречаться критикой и издевательством советских официальных идеологов.

Но история расставляет все по своим местам. Ценой небывалых жертв она продемонстрировала человечеству правоту марксовой теории и более общих законов диалектического развития. Она показала, что не волюнтаристский слом существующих закономерностей, а объективное, эволюционное преодоление основных черт экономической общественной формации есть

---

[20] [См.:] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 192.

[21] [См.:] Там же. С. 193.

[22] [См.:] *Кунов Г.* Марксова теория исторического процесса, общества и государства. М.-Л., 1930. С. 293.

магистральный путь развития человечества, хотя в то же время сам факт выделения социалистической системы не менее объективен, так как в периоды регресса формации возникает возможность многовариантного протекания общественного прогресса[23]; на этом мы подробнее остановимся ниже.

Ни о каком крахе экономической общественной формации в наше время не идет и речи. Принципиальной причиной этого является, как и ранее, существование труда как основного вида человеческой деятельности и внешнего материального продукта как его стимула. Устранение частной собственности, эксплуатации и товарного обмена при сохранении труда есть признак некомплексного подхода к проблеме, чисто утопического мышления. Это отмечено многими западными исследователями. Прав был, например, Р.Тиболд, когда указывал в качестве недостатка утопического мышления, в том числе и применительно к последователям К.Маркса, то, что эти авторы судили о будущем лишь по шаблонам настоящего[24]. Этот упрек справедлив. «Уничтожение труда» осталось в марксистской теории прокламацией, коммунистическое общество предполагалось построить на основе незначительно модифицированных общественных отношений прошлого.

Но вернемся к предмету нашего исследования. Когда экономическая общественная формация достигла предела своего прогрессивного развития, обрела высшую степень комплексности, какой только может обладать социальная система, возникли предпосылки ее разложения и упадка. Если принять в качестве высшей точки развития экономической общественной формации рас-

---

[23] [См.: *Иноземцев В.Л.* Альтернативность общественного развития //] Вестник МГУ. Сер[ия] 6: Экономика. 1991. № 2. С. 4-7.

[24] [См.:] *Чесноков Г.Д.* От концепций «исторического круговорота» к теориям «постиндустриального общества». М., 1978. С. 123.

цвет классического капитализма, т.е. середину прошлого века, то можно констатировать, что восходящая фаза данной формации характеризовалась в целом нетоварным характером рабочей силы, внеэкономическим принуждением к труду и стремлением к получению прибавочного продукта в качестве цели производства. Эти три аспекта отражают три основные характеристики [40/ /41] экономической общественной формации — товарный тип производства, эксплуатацию и частную собственность.

Мы отчетливо видим сегодня, что в обществах Запада существуют, как и ранее, наемный труд, формально экономическое принуждение к труду и погоня за прибылью, в которой выражается для агентов производства цель их деятельности. Но все эти три обстоятельства уже не должны убеждать нас в том, что в западных обществах существует капиталистический тип производства. Замена трех признаков восходящего периода в развитии экономической общественной формации на им противоположные свидетельствует о начале регрессивного периода развития этой общественной формации, но ничего не говорит о том, какой способ производства в настоящее время лежит в основе экономической структуры западных обществ.

Так же как существование внеэкономического принуждения к труду, преимущественно нетоварного производства, нацеленного на извлечение прибавочного продукта, не определяет какой-то отдельный способ производства, так и сегодня мы не можем говорить о капитализме, с уверенностью утверждая присутствие на Западе нисходящей фазы экономической общественной формации.

Человечество в лице наиболее развитых обществ вступило в последние десятилетия в период регресса экономической общественной формации. Период этот характеризуется рядом признаков. Экономическое принуждение работника к труду, сохраняясь в снятом виде,

фактически заменяется социальным, когда альтернативой общественно полезной деятельности работника является не смерть в нищете, как это часто случалось ранее, а утрата сколь-либо значимого положения в обществе. Экономика постепенно перестает подчиняться одним только стихийным законам рынка. Превалирует тенденция к превращению ранее бывших рыночными экономик в так называемую «нерыночную экономику благосостояния»[25], когда не только экономические, но и социальные и даже не столько экономические, сколько социальные факторы выступают на первый план в определении приоритетов. При сохранении товарного характера рабочей силы существенным образом изменяется система мотивации общественно полезной деятельности, и на первый план выдвигаются внутренние мотивы, связанные с возможностями самореализации и самосовершенствования в процессе деятельности. Существуют многие другие явления, кардинально отличающие сегодняшние общества Запада от периода прогрессивного развития экономической общественной формации.

Говоря о регрессе экономической общественной формации, мы должны подчеркнуть, что понятие регресса не следует трактовать упрощенно, сводя его лишь к деградации и разрушению. Мы всегда определяем регресс, как и прогресс, применительно к выбранной нами самими системе координат. Например, если рассматривать в качестве единственного критерия прогресса производительность труда, то регресс обнаруживается, как только последняя начинает снижаться. Между тем в этот период может наблюдаться важный позитивный сдвиг в какой-нибудь другой области общественной жизни. Поэтому даже в данном случае нельзя трактовать регрессивное изменение как вредное, как антипод развития.

---

[25] [См.:] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1973. P 118; *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y 1978. P. 147

Между тем мы рассматриваем гораздо более комплексную систему критериев, куда входят характер принуждения к деятельности, степень развития товарного производства, цели производственного процесса и некоторые другие элементы. И в данном случае, говоря о регрессе экономической общественной формации, мы ни в коем случае не пытаемся утверждать, что она стала анахронизмом и тормозом для мирового развития, как это иногда отмечалось в марксистской науке. Регресс формации означает для нас только то, что основные тенденции, имевшие определенное направление на этапе все[41//42]стороннего прогресса данной формации, достигли своего полного воплощения и изменились на противоположные.

Соответственно, открывается и определенная перспектива. В ее оценке мы должны исходить из основополагающего обстоятельства: из характера человеческой деятельности и ее развития. В перспективе, и это сейчас, на наш взгляд, является единственно возможным сценарием событий, преодоление частной собственности, эксплуатации и товарного производства — трех фундаментальных черт экономической общественной формации — возможно только в ходе преодоления самого труда как основного вида человеческой деятельности, порождаемого внешней материальной необходимостью.

Сегодня мы видим начало этого процесса. В экономической области происходят два явления исключительной важности.

С одной стороны, идет постепенное размывание отношений частной собственности. Устраняется та черта, по разные стороны которой в период генезиса и расцвета экономической общественной формации стояли общественные классы, а деятельность теперь воистину «является наиболее существенной определяющей чертой классового состава и социальной стратификации общества»[26].

---

[26] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 15.

В результате полезность деятельности того или иного индивида для общества, а не его имущественное и сословное положение становятся главными факторами его благополучия и общественной значимости. Происходит подготовка перехода к новому типу распределения, которое не столь тесно связано с отношениями частной собственности на условия производства, как это было ранее.

С другой стороны, часто подчеркивается «недостаток адекватных механизмов оценки общественных благ, ибо как по техническим, так и по теоретическим причинам невозможно измерить их стоимость в понятиях рынка»[27]. Товарное производство, основанное на трудовой стоимости, как высшее отражение отчужденности труда работника, как отражение того, что труд, извне мотивированная деятельность, стала всеобщей для всех членов общества, постепенно уходит в небытие. Новые характеристики заменяют стоимостные отношения. Мы не будем говорить сейчас, какие именно и правы ли сторонники «интеллектуальной»[28] или «информационной»[29] теорий стоимости, но не видеть происходящих изменений сегодня мы не имеем права. Постепенно вырастают основы нового типа производства. Не подвергая сомнению частную собственность и товарное производство как таковые, этот тип производства устраняет классово-антагонистический характер частной собственности и стоимостной характер товарного обмена.

В социальной области принципиальным изменением оказывается постепенный переход от чисто экономического принуждения к труду к его социальному типу.

---

[27] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 118.

[28] [См.:] *Naisbitt J.* Megatrends. The New Directions, Transforming Our Lives. N.Y., 1984. P. 8.

[29] [См.:] *Stonier T.* The Wealth of Information. A Profile of Post-Industrial Economy. L., 1983.

В данном случае опять-таки не следует считать, что материальное вознаграждение потеряло всякое значение, но при этом нужно помнить, что перелом в развитии экономической общественной формации совершился менее чем столетие назад, и все новые явления, которые могут быть обнаружены в современном мире, должны рассматриваться не более чем в виде тенденций. Конечным пунктом развития этой характеристики, на наш взгляд, должно стать фактически полное вытеснение материального фактора из числа основных стимулов человеческой деятельности. Анализируя эту тенденцию как объективную реальность современного общества, западные исследователи разработали теорию творчества как типа социальной активности, сменяющего труд. Большинство определений творчества[30], разделяющихся в последнее время и в советской науке[31], основываются на констатации серьезно изменившейся мотивации современной деятельности, акценты которой смещаются в сторону учета внутренних потребностей человека в самореализации и самосовершенствовании. Общество же, основанное не на труде, а на творчестве, является обществом, [42//43] в значительной мере соответствующим марксовому представлению о коммунизме.

В политической области нисходящий период экономической общественной формации характеризуется прежде всего ростом степени свободы личности. Если в период прогресса данной формации совершается известный каждому марксисту переход от личной зависимости к вещной, то в эпоху ее регресса происходит становление системы свободных индивидуальностей. При этом, однако, поступательное развитие экономи-

---

[30] [См.:] *Jaques E.* Work, Creativity and Social Justice. N.Y., 1970. P. 64 — 65; *Schwalbe M.L.* The Psychological Consequences of Natural and Alienated Labor. Albany, 1986. P 161-163.

[31] [См.:] *Лысов Г.В.* О понятии «коммунистический труд» // Эффективность общественного производства и проблемы социально-экономического развития СССР. М., 1989. С. 27-29.

ческой общественной формации, как естественный и объективный процесс, пусть и отрицающий закономерности своей же собственной высшей фазы, отличается от развития коммунистической общественной формации в ее социалистическом облике. Совершенно справедливо полагая, что только вместе с всесторонним развитием личности смогут в полной мере развиться производительные силы нового общества[32], марксисты склонились к положению о том, что обеспечение этого всестороннего и гармоничного развития личности и является задачей социалистического общества. Однако политическая практика развития социалистических стран продемонстрировала, на наш взгляд, порочность тезиса, гласящего, что развитие личности должно становиться задачей общества. Развитие личности есть объективный внутренний процесс ее роста, и он представляется нам первичным по отношению к изменению политических форм. Развитие личности, становящееся на нисходящей фазе экономической общественной формации столь же мощным фактором перестройки, каким на ее восходящей фазе выступало всестороннее закабаление производителя, в наши дни более чем когда-либо ранее должно протекать естественным образом в условиях политической свободы. И это также в определенной мере можно наблюдать сегодня на примере наиболее развитых постиндустриальных обществ.

Таким образом, мы видим, что в современных условиях развитие обществ, остающихся в рамках экономической общественной формации, протекает более комплексно, нежели прогресс обществ, ставящих своей задачей построение коммунистического строя. Обращаясь к рассмотрению социалистических обществ, о которых мы так или иначе уже говорили, следует отметить, что свойственное теории общественных фор-

---

[32] [См.:] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 19. С. 20.

маций признание многовариантности социального развития обусловливает рассмотрение как современных западных обществ, вышедших за пределы капиталистического типа производства в строгом значении последнего понятия, так и стран, называемых социалистическими, в качестве таких общественных систем, которые имеют равные права на существование. В той же мере, в какой экономическая общественная формация возникла в период наивысшего прогресса архаических форм, развиваясь в определенной части мира и оставляя архаическую общественную формацию переживать упадок в его остальной части, так же и элементы коммунистического общества не могли не возникнуть именно тогда, когда экономическая формация достигла своей высшей фазы. Этим же объясняется и то, что период социалистических революций завершился именно тогда, когда критический перелом в истории экономической общественной формации был пройден и четко обозначились новые тенденции, тенденции нисходящего периода ее развития. С этого момента сосуществование различных общественных формаций, объективно развивающихся в одном направлении, становится реальностью, определяющей судьбы нашего мира.

Социалистические общества представляют собой структуры, выделившиеся из экономической общественной формации в исторический период, когда целостность, которая составляла прогрессивную эпоху данной общественной формации, сменялась целостностью, представляющей ее регрессивную эпоху. В этот исторический период перехода от одной фазы экономической [43//44] общественной формации к другой в тех странах, где прогрессивное развитие экономической общественной формации не демонстрировало той присущей ему эволюционности и происходило посредством резких изменений, где вследствие этого дальнейшее движение в рамках этой формации не могло не

оказаться весьма болезненным, произошли социалистические революции. Эти изменения вывели часть мира из сферы влияния экономической общественной формации. Так же как наиболее быстрое развитие экономической общественной формации произошло не в тех странах, где общинная система, унаследованная от архаической общественной формации, достигла своего наиболее завершенного выражения, так и развитие коммунистической общественной формации, революционно выделившейся из формации экономической, началось не в тех странах, где эта последняя обнаруживала наиболее свойственное ей эволюционное развитие. Социализм возник в условиях, когда собственные противоречия экономической общественной формации, вполне поддающиеся эволюционному разрешению, были дополнены другими социальными и политическими противоречиями, вытекающими из специфики развития каждой отдельной страны. Таким образом, сам факт достижения экономической общественной формацией своей высшей фазы был необходимым условием возникновения коммунистической формации, но достаточным условием он назван быть не может. В период перехода от восходящего этапа развития экономической общественной формации к нисходящему его этапу существовала потенциальная возможность возникновения социалистических обществ, так как система функционировала в условиях нестабильности. Эта возможность реализовалась в различных условиях, начиная с 1917 — 1918 г[одов] и кончая попытками построения социализма в развивающихся странах в 50-е — 60-е годы XX века. Когда же четко оформилось сохранившее комплексность нисходящее направление в развитии экономической формации, возможности революционного перехода к коммунизму оказались полностью исчерпанными. В последние годы происходит обратный процесс, кульминацией которого в 1989 г[оду] стал фактический распад «мировой системы социализма».

Таковы некоторые моменты, касающиеся становления социалистического общества. Что же касается определения этого строя, то его можно, как это делалось и ранее, отнести к коммунистической общественной формации. Последнее не должно вызывать критики, основывающейся на серьезной дискредитированности идеи социализма и коммунизма в последние десятилетия.

Не следует отождествлять социалистический и коммунистический строй, что было повсеместно распространено в работах советских авторов. Отождествление понятий «общественно-экономической» формации и способа производства приводило к пониманию социализма как этапа развития единого коммунистического способа производства, являющегося основой коммунистической общественной формации. Между тем марксово понимание принципиальных отличий между формацией и способом производства может применяться не только по отношению к экономической, но и по отношению к коммунистической общественной формации. Последняя состоит из нескольких способов производства, причем социализм не должен рассматриваться как один из двух способов производства, составляющих коммунистическую формацию, — этих способов производства может быть гораздо больше. Говоря о социализме, К.Маркс обычно подчеркивал свое понимание его как стадии коммунистической формации, но не способа производства внутри нее.

То, что социализм является именно способом производства, имеющим самостоятельную структуру, а не некоей переходной ступенью к коммунистическому обществу, уже несколько лет назад было довольно широко признано в советской науке[33], и эта точка зрения

---

[33] [См.: *Бутенко А.П.* Теоретические проблемы совершенствования нового строя: о социально-экономической природе социализма //] Вопросы философии. 1987. № 2. С. 28; [см.: *Шкредов В.* Социализм и собственность //] Коммунист. 1988. № 12. С. 32.

сегодня доминирует. Но она не должна сводиться к пониманию социализма «как самостоятельной социально-экономической формации»[34], что происходит иногда в последнее время. [44//45]

Марксова теория формаций и способов производства полностью применима к коммунистической общественной формации. Выйдя из высшей точки развития экономической общественной формации революционным образом, социалистический способ производства характеризуется как занимающий в коммунистической формации такое место, которое в формации экономической было занято античным обществом — первым типом социального устройства, решительно преодолевшим архаическую общинную структуру. Таким образом, социалистический способ производства по характеру своего возникновения и по логике вызревания его предпосылок вполне относим к коммунистической общественной формации, но это не дает права искать в его экономической и политической структуре черты, непосредственно свойственные коммунистическому обществу. Признаки социалистического способа производства не схожи с признаками высшей фазы коммунистической общественной формации в той же мере, в какой признаки, характеризующие, например, уже упоминавшийся античный способ производства и дающие основание для его включения в рамки экономической общественной формации, не схожи с основными чертами этой формации, раскрывающимися в полной мере в капиталистическую эпоху.

Завершая наше рассуждение о социализме, следует отметить: во-первых, его возникновение было объективно обусловлено переплетением общеисторических тенденций и социальных процессов, происходящих в

---

[34] [См.: *Амбарцумов Е.А.* в материале «Проблемы разработки концепции современного социализма» //] Вопросы философии. 1988. № 11. С. 46.

отдельных странах в период нестабильности экономической формации; во-вторых, современный социализм есть комплексная система, самостоятельный способ производства, входящий в коммунистическую общественную формацию; в-третьих, рассматривать его как непосредственный прообраз коммунистического завтра у нас нет достаточных оснований; в-четвертых, обе сосуществующие сегодня системы: нисходящая фаза экономической формации и восходящая фаза коммунистической — имеют равные права на развитие и совершенствование.

Обратимся же к выводам. Рассмотрение марксовой теории экономической общественной формации и некоторых связанных с ней сторон его концепции исторического развития убеждает нас в двух истинах. Во-первых, вряд ли существует настоятельная необходимость решительного отрицания и критики марксовой теории формаций. Эта теория комплексно и завершенно описывает развитие цивилизации. При этом она обеспечивает теоретический инструментарий для вполне корректных и обоснованных оценок существующего положения вещей. Дело заключается лишь в том, чтобы, с одной стороны, не принимать за марксову теорию ее последующие примитивные интерпретации, и, с другой — рассматривать марксизм как единственно верную теорию среди бесчисленного множества разного рода заблуждений. Марксова теория общественных формаций вполне может быть непротиворечиво соединена с современными социологическими и футурологическими концепциями Запада, что серьезно обогатит и ее и эти последние.

Во-вторых, и это также весьма важно, необходимо избавиться от вообще свойственного любому человеку излишнего внимания к уникальности и всемирно-исторической значимости развертывающихся именно сегодня процессов и явлений. Перелом в развитии экономической общественной формации остался в про-

шлом, как и эпоха связанных с этим потрясений. Это обстоятельство, однако, дает нам огромные возможности в области осмысления как происшедшего ранее, так и открывающихся перспектив. Остались в прошлом те условия, применительно к которым известный русский исследователь В.Базаров писал: «в переходные эпохи, когда предпосылки нового общества находятся еще в процессе зарождения... немыслимо дать полную и законченную формулировку законов этой новой едва возникающей эволюции, нельзя оценить значение тех сторон "старого порядка", роль которых в процессе общественного новообразования еще не выяснена самой жизнью»[35]. Сегодня сама жизнь дает [45//46] возможность проанализировать те черты экономической формации, которые в процессе своего собственного отмирания определяют наиболее характерные признаки современной эпохи, осмыслить открывающиеся на этапе регресса экономической формации закономерности. И уже одно только это должно служить достаточным основанием для того, чтобы теория экономической общественной формации в том ее виде, в каком она была создана основоположниками макрсизма, оставалась краеугольным камнем совершенствующейся обществоведческой теории. [46]

[35] *Базаров В.* Труд производительный и труд, образующий ценность. СПб., 1899. С. 51.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ: ОБЪЕКТИВНАЯ ДАННОСТЬ И ФЕНОМЕН СОЗНАНИЯ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПЕРСПЕКТИВАХ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА**

В.Л.Иноземцев

[8] Мечта об идеальном обществе живет в человеческом сознании столько же времени, сколько существует на Земле угнетение и насилие. Равенство и свобода, справедливость и братство, сотрудничество и взаимопомощь — вот лишь некоторые черты того совершенного строя, к которому люди стремились в течение столетий. И в этих помыслах концентрировалось главное стремление человека — стремление к освобождению от различных форм принуждения и подавления. Между тем на протяжении целой эпохи всемирной истории эти пороки тесно связываются с понятием эксплуатации, и общество, свободное от нее, мыслится в качестве высшего предела развития цивилизации.

Долгие века люди самоотверженно боролись за устранение социальной несправедливости, и каждый новый акт разрушения основ казался последним на пути утверждения принципов всеобщего гуманизма. Однако пророки социального переустройства редко достаточно конкретным образом определяли, с чем же именно они борются. Сражаясь против эксплуатации, люди вступали в схватку с таким фетишем, в который каждый

---

* Впервые опубликована в журнале *Коммунист*. 1991. № 10. С. 8-17.

волен был вложить только ему одному близкое и понятное содержание. Поэтому ни одно другое движение не могло собрать большего числа сторонников. По той же причине оно не могло достичь реального успеха, ибо мало кто из его приверженцев считал успехом то же самое, что и его соратники. Этим же обусловлено и то обстоятельство, что ни одна идея не стоила человечеству больше крови и жертв, так как к самой борьбе с эксплуатацией нередко примешивались внутренние конфликты в объединенных столь иллюзорной целью ассоциациях. Иногда они во много крат превосходили то насилие, от которого гуманисты призывали избавить человеческий род.

Такой ход событий не в последнюю очередь обусловливался искусственным упрощением того явления, ниспровержению которого посвятили свои жизни многие пламенные революционеры. Еще в начале двадцатого столетия, когда неумолимо поднимался наиболее значительный вал революционного движения, естественным наукам открылась ложность догмата, считавшего возможным одномерное описание какого бы то ни было явления. Стало ясно, что любой феномен не един и неделим, но воплощает в себе, в самом своем существе, разные, зачастую противоположные, стороны и тенденции. Классическим примером этого явилось объяснение природы света с позиций квантовой механики, объединившее одинаковые в их односторонности взгляды на свет как на волновое движение и как на поток частиц. Последнее явилось настоящим триумфом диалектики: никогда ранее закон единства противоположностей не получал столь разительного подтверждения. [8//9]

Диалектика, являющаяся всеобщим методом научного познания, не признает установленных человеком искусственных границ своего применения. Если именно с таких позиций подходить к проблеме эксплуатации, то становится ясно, что этот феномен вряд ли следует

оценивать с какой-то одной стороны, и выявляются существенные преимущества его комплексного анализа. Безусловно, в обществе существуют объективные отношения, вызывающие к жизни процессы эксплуатации. Но можем ли мы выделить нечто противостоящее этой объективной данности, то есть другую сторону сложного объекта? На наш взгляд, ответ на этот вопрос предполагает необходимость рассмотрения субъективных характеристик внутреннего мира человека.

1

Данное обстоятельство, пусть и не вполне осознанно, но отражается сегодня в настроениях многих ученых, публицистов, политиков. «Если человек получает в кооперативе или в совместном предприятии вознаграждение в десять раз большее, чем в государственном секторе, разве подвергается он там эксплуатации?» — взывает к народу масса публикаций последнего времени, авторы которых, призывая людей смело отказаться от движения по социалистическому пути, не жалеют красок для описания достоинств такого рода поворота. Это понимание является, разумеется, несколько упрощенным, но, как и в любом другом упрощении, здесь содержится зерно истины, ускользающее иногда от глаз и маститого теоретика. Для обнаружения эксплуатации, на наш взгляд, необходима не только констатация изъятия части созданного трудом работника продукта, но и осознание им самим того, что данный акт противоречит достижению основных целей, которые ставит перед собой индивид.

Последний аспект проблемы продолжительное время не рассматривался в должной мере советской наукой, которая предпочитала исследовать массовые явления и процессы. К сожалению, немногие авторы «опускались» до оценки мотивов деятельности, безус-

ловно различных для разных людей, а также системы стимулов, специфической у каждого отдельного производителя. На практике это приводило к тому, что в качестве результата экономической активности рассматривались в первую очередь вещные блага. Развитие и совершенствование самого человека, которое является одним из главных условий прогресса современного производства, лишь декларировалось.

Между тем сугубо экономический, и в значительной степени чисто количественный, аспект проблемы оказывается недостаточным, когда процесс начинает рассматриваться не в массовом масштабе, а в своих конкретных проявлениях. Однако, на наш взгляд, предпочтительнее анализировать проблему именно с этой ее стороны, так как в противном случае мы рискуем получить лишь чрезмерно общие тезисы. Когда же мы начинаем исследование на этом уровне, эксплуатация предстает перед нами как сложный и противоречивый феномен.

Следует отметить, что она имеет два важных признака, ни один из которых не является при этом достаточным для того, чтобы безоговорочно утверждать ее существование. Во-первых: изъятие в пользу эксплуататора, не участвующего в производственном процессе или обеспечении его условий, части продукта, созданного трудом пролетария. Во-вторых: постановка работника в такие условия, когда он осознает противоречие такого изъятия удовлетворению своих жизненно необходимых потребностей, начиная в результате этого явственно ощущать давящую волю другого индивида, группы лиц или государства. [9//10]

Рабочие в США или Западной Европе, хотя они не присваивают мифический лассалевский «неурезанный трудовой доход», отнюдь не всегда считают себя эксплуатируемыми. Это происходит скорее всего потому, что они живут в условиях системы, предоставляющей им, с одной стороны, работу, которая приносит значительное удовлетворение и предполагает возможность

как личностного, так и профессионального роста и, с другой стороны, достаточно широкий круг разнообразных материальных благ. В данном случае материальная обеспеченность, осознание собственной значимости для коллектива и общества, реализация потребности человека в творческой деятельности перевешивают в сознании работника фактор безусловно существующего изъятия как производимого продукта, так и части создаваемой стоимости. Последнее уже не рассматривается трудящимися как противоестественное, что и отражается, пусть и косвенно, на нынешней степени влияния коммунистических и рабочих партий в развитых странах Запада.

Возьмем теперь нашу страну. Наивно считать, что так называемая номенклатура живет у нас лучше, чем верхушка общества в индустриальных странах. Вряд ли ее жизни позавидует даже западный предприниматель средней руки. Но при этом на страницах многих печатных изданий, на митингах и с некоторых высоких трибун раздаются призывы к национализации имущества партии, к отмене привилегий, призывы в той же мере популярные, в какой не могущие дать реальных изменений в уровне жизни большинства наших граждан. Однако вполне понятно настроение народа, который, не имея подчас самого необходимого и находясь под жестким и почти всеобщим давлением управленческих структур, считает себя нещадно эксплуатируемым и фактически готов подняться на новую революцию, целью которой открыто прокламируется экспроприация очередных эксплуататоров. Не говорит ли это о том, что одномерное, чисто количественное, понимание эксплуатации следовало бы признать анахронизмом?

Комплексное понимание феномена связывается нами с двумя условиями, о которых мы говорили выше. Первым из них выступает отчуждение и изъятие у человека части продукта его труда. Вторым является непосредственная заинтересованность трудящегося в личном присвоении отчуждаемых у него благ. Противопо-

ложность, приводящая к возникновению эксплуатации, есть не только количественная противоположность между продуктом необходимым и прибавочным, присваиваемым и отчуждаемым, но *противоположность интересов*, что было отмечено задолго до выхода в свет «Капитала». Лучше всего ее охарактеризовал А.Смит, отметивший, что в рыночной системе, где главной целью является присвоение максимальной величины стоимости, интересы рабочих и капиталистов отнюдь не тождественны. «Рабочие хотят получать возможно больше, а хозяева хотят давать возможно меньше»[1]. Приведенное высказывание вполне отражает существо социального конфликта, лежащего в основе эксплуатации. Последняя возникает как результат столкновения интересов, направленных как бы в противоположные стороны, но при этом вполне соизмеримых, более того, единых по своей сути, которой является присвоение материального богатства. И так как она невозможна без отчуждения продукта, встает вопрос об определении той его части, которая переходит в руки эксплуататора, то есть о степени эксплуатации. Возникающая здесь проблема связана с тем, что количественное измерение эксплуатации возможно только в том случае, если стоимость продукта может быть легко определена. В свою очередь, это [10//11] обстоятельство обусловлено однородностью и воспроизводимостью создаваемого блага.

Указанный тезис достаточно распространен, и он признавался предшественниками К.Маркса и Ф.Энгельса. Сам же К.Маркс, справедливо считая данную проблему одной из наиболее фундаментальных и рассматривая ее в первом томе «Капитала», проводил свой анализ при множестве допущений. Используемые им примеры показывают, что за основу исследований было принято положение в отраслях массового производства.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1. М.-Л., 1931. С. 74.

Если рабочий в течение дня изготовил холст, который может быть продан за тридцать долларов, тогда как стоимость материалов и амортизация оборудования составляют лишь десять долларов, то созданная трудом рабочего новая стоимость составит двадцать долларов. Если же при этом в виде заработной платы работник получает только десять долларов, то норма эксплуатации легко может быть подсчитана и составляет сто процентов. В данном случае налицо отчуждение продукта у работника и изъятие у него части созданной им стоимости, то есть первое условие эксплуатации. Во времена К.Маркса не приходилось также доказывать, что пролетарий трудился именно для заработка, а не для собственного удовольствия. Основоположники марксизма однозначно полагали, что при капитализме рабочий «даже не считает труд частью своей жизни; напротив, трудиться значит для него жертвовать своей жизнью»[2], и в этом они были безусловно правы. Таким образом, соблюдалось и второе необходимое условие. Отрицать существование эксплуатации было невозможно, и вполне понятно то значение, которое приобрела эта проблема в марксистской экономической и политической теории.

Но попробуем смоделировать более сложную ситуацию. Когда исследователь создает новый информационный продукт, использование его обществом не ограничивает возможности применения данного открытия самим автором и тем более не устраняет хранящийся в его сознании алгоритм открытия, не снижает творческий потенциал ученого. Информационный продукт оказывается как бы неотчуждаемым. Какого бы уровня потребления информации ни достигло общество, это не приводит к ее исчерпанию или дефициту, скорее наоборот. При этом большинство научных открытий, произведений искусства, сокровища культу-

---

Маркс К., Энгельс Ф. Соч[инения. 2-е изд]. Т. 6. С. 432.

ры, многие услуги в области образования и здравоохранения суть результаты индивидуального таланта, не повторимого ни в прошлом, ни в будущем. Между тем, согласно теории К.Маркса, «стоимость всякого товара... определяется не тем необходимым рабочим временем, которое заключается в нем самом, а рабочим временем, общественно необходимым для его воспроизводства»[3]. Следовательно, в соответствии с марксовыми методологическими принципами является затруднительным или даже невозможным исчисление стоимости продуктов человеческой деятельности, находящихся за пределами массового производства[4].

Данное обстоятельство показывает, что теория стоимости К.Маркса не в равной степени применима для анализа различных исторических этапов развития общественного производства. Существует объективный исторический предел, за которым ее использование оказывается ограниченным. Последнее не должно восприниматься как ее недостаток, так как существенные изменения в экономике западных стран привели к тому, что нынешнее общество серьезно отличается от капитализма времен К.Маркса. Именно эти изменения, но не изъяны теории затрудняют сегодня ее применение. [11//12]

Несовершенство стоимостных показателей отмечено уже давно. Еще около двадцати лет назад Д.Белл говорил о растущем недостатке инструментов адекватной оценки общественных благ[5]; в 80-е годы Дж.Нэсбитт и Т.Стоуньер[6] подчеркивали, что в современных

---

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 25. С. 153.

[4] См.: *Солодков М.В., Крылов Л.С.* Методология исследования производительного труда при капитализме. М., 1974. С. 142.

[5] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973. P. 118.

[6] См. *Naisbitt J.* Megatrends. The New Directions, Transforming Our Lives. N.Y., 1984; *Stonier T.* The Wealth of Information: Profile of a Post-Industrial Economy. L., 1983.

условиях стоимость не может являться универсальным средством их соизмерения. Степень эксплуатации, связывающаяся основоположниками марксизма со стоимостью создаваемых продуктов, становится фактически неисчислимой, коль скоро воспроизводство (которое не следует смешивать с тиражированием) многих из них затруднено, а их стоимостная оценка условна и иллюзорна.

Постараемся сформулировать это более кратко: *с того момента, когда значительная часть продуктов, производимых в обществе, оказывается уникальными благами, возможности количественного определения степени эксплуатации в соответствии с марксовой методологией резко сужаются.* В данном случае, на наш взгляд, мы сталкиваемся с естественным историческим пределом марксовой теории стоимости и прибавочной стоимости.

Однако сказанное не означает отсутствие эксплуатации. Создатели оригинальных и уникальных продуктов, в большей своей части являющиеся наемными работниками, вряд ли получат полный эквивалент своих трудовых затрат. Но последнее связано не только с тем, что часть создаваемого ими продукта отчуждается в пользу эксплуататорских слоев общества, но также и с тем, что размер «справедливого» вознаграждения деятельности такого рода не поддается четкому определению.

На этой границе применимости традиционных методов, традиционной терминологии и традиционной логики очень велик соблазн остановиться в нерешительности. Здесь ощущается необходимость переворота, подобного осуществленному в естественных науках еще в первой четверти нашего столетия. Тогда физики вынуждены были отказаться от абсолютизации единообразных законов механики и перейти к широкому использованию вероятностных методов изучения движения внутриатомных частиц ради проникновения в сокровенные тайны мироздания. Вполне возможно, что

сегодня обществоведам также стоит отказаться от абсолютизации «фундаментальных» и «всеобщих» экономических, философских, политических законов и обратить внимание на преимущественно стохастические закономерности не только социальной, но и индивидуальной психологии. В обществе, перешагивающем узкие рамки индустриального строя, соответственным образом меняются все основные понятия, цели и приоритеты социальных теорий.

2

Содержание одного из важнейших процессов, характеризующих современные развитые общества, заключается в изменении основной «производительной силы» — человека. В предшествующие исторические эпохи люди были ориентированы прежде всего на то, чтобы в суровой схватке с природой вырвать у нее минимум средств для обеспечения своего существования. Материальные блага являлись хотя не единственной, но главной целью их деятельности, и именно в силу данного обстоятельства отчуждение этих продуктов неизбежно вступало в явное противоречие с жизненными интересами личности. [12//13]

В этот период объективная сторона эксплуатации господствовала над субъективной стороной и всецело определяла ее. Во времена, когда человек стремился добыть самое необходимое, даже незначительное покушение на его собственность вызывало резкую ответную реакцию. Подтверждением может служить тот общеизвестный факт, что именно первые формы эксплуатации вызывали наибольшее сопротивление со стороны угнетенных и его подавление со стороны господствующих классов являлось наиболее жестоким. Призыв к созданию условий, позволяющих работнику использовать все созданное его трудом в собственных

интересах, был лейтмотивом большинства антиэксплуататорских движений прошлого.

Сегодня в наиболее развитых странах положение кардинально изменилось. Граждане этих государств в подавляющем своем большинстве обладают высоким уровнем обеспеченности материальными благами. Последнее приводит к возникновению у личности стремления самовыразиться за пределами мира материальных объектов.

При высокой степени удовлетворения насущных потребностей важное значение приобретают стимулы творческой деятельности, становящейся массовым явлением. Только тогда, когда желание накапливать материальные богатства заменяется желанием совершенствовать свою внутреннюю природу, стремление к творчеству оказывается одним из основных, воздействующих на социальные ориентиры. В этой ситуации эксплуатация, понимаемая как изъятие у производителя его прибавочного продукта, может существовать, не оказывая значимого воздействия ни на все общество в целом, ни даже на самого эксплуатируемого индивида, если только для него присвоение создаваемых им материальных благ не является единственной целью деятельности.

Таким образом, *эксплуатация* представляет собой *явление, имманентно присущее любому социуму, основанному на утилитарной мотивации деятельности большинства его членов.* Там, где материальные блага являются абсолютно доминирующим фактором в системе человеческих ценностей, интересы отдельных лиц по поводу их производства, распределения, обмена и потребления обязательно будут приходить в противоречие друг с другом, и общественная система будет основываться на отношениях, имеющих антагонистический характер. Как бы ни распределяло общество в лице определенных его представителей произведенные блага, сам этот факт обязательно предполагает, во-первых, их

изъятие у непосредственных производителей и, во-вторых, осознание фактически каждым членом общества того, что жизненно необходимый ему продукт, на который он, как создатель, имеет полное право, используется для удовлетворения не его собственных, а неких абстрактных общественных потребностей.

Здесь мы подходим к серьезному противоречию, существующему между теорией К.Маркса и концепцией, которая обычно считается марксистской. Сам основоположник научного коммунизма, как известно, предполагал, что «"труд" по своей сущности есть несвободная, нечеловеческая, необщественная, обусловленная частной собственностью и создающая частную собственность деятельность»[7]. Сейчас же труд нередко рассматривается как любая целенаправленная сознательная деятельность, при которой используются орудия труда.

Именно поэтому основное внимание исследователей, как правило, сосредоточивается не на исторических перспективах труда, представляющегося вечным спутником рода человеческого, а на распределении созданных им результатов, которое кажется при определенном реформировании последнего залогом «освобождения» труда работников от [13//14] использования его плодов эксплуататорами. Но этот подход, несмотря на его широкую распространенность, вряд ли можно считать в полной мере соответствующим подлинной марксистской методологии, так как сам ее основатель еще почти сто пятьдесят лет назад довольно категорично утверждал, что не следует мечтать о более совершенной организации труда, так как «*той* наилучшей организацией, которую может получить труд, является его теперешняя организация, свободная конкуренция, разложение всех его прежних мнимо "общественных" организаций»[8]. По мнению

---

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т 42. С. 242.

[8] Там же.

К.Маркса и Ф.Энгельса, не стоит также стремиться к мифическому «освобождению» труда, так как «труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах»[9]. В чем же заключается перспектива исторического развития, в чем суть социального прогресса в этом его аспекте? Существует вполне определенный ответ на данный вопрос: «Дело теперь не в том, чтобы освободить труд, — пишут они, — а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить»[10]. Отождествляя в определенной мере уничтожение труда с выходом человека за рамки сферы собственно материального производства, основоположники марксизма относили эти изменения к тому периоду, когда развитие личности станет основной целью индивидов, что представлялось одной из важнейших черт коммунистической общественной формации.

Мы стремимся не отклоняться от марксова понимания вопроса. Труд как деятельность, обусловленная определенными социальными условиями, специфическими задачами, стоящими перед обществом в целом и его отдельными членами, не вечен. Он устраняется там, где устраняется сугубо утилитарная, устремленная на присвоение материальных благ мотивация деятельности личности. Когда это становится реальностью, возникает совершенно новая ступень развития человеческой цивилизации. Стремящиеся познать ее закономерности исходя из анализа традиционных форм общества, из уже обнаруженных законов их функционирования заранее обречены на неудачу. Изменившееся качество общества, основные черты нового социального порядка навсегда останутся для таких исследователей terra incognita.

Достойно глубокого сожаления то обстоятельство, что не в рамках марксистской общественной науки,

---

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 3. С. 192.

[10] Там же.

которая, казалось бы, должна воспринять соответствующие положения как естественное развитие собственных основных тезисов, а на Западе, в среде немарксистских концепций, возникли первые элементы новой теории. Даже применяемая западными философами и социологами терминология показывает, что противоречия, с которыми только сегодня начинает сталкиваться советское обществоведение, уже во многом преодолены в рамках немарксистских представлений. Понятие «труд» (английское labour, немецкое Arbeit) крайне редко, почти никогда не ставится в один ряд с понятием более высокого типа деятельности — творчества (английское creativity, немецкое Kreativität). Вполне допустимы и широко используются формулировки, эквивалентные русскому термину «творческая деятельность» (английские creative work и creative activity, немецкая kreative Tätigkeit), но при этом фактически невозможно встретить употребление терминов типа «creative labour» или «kreative Arbeit». Между тем советские авторы в своих работах широко оперируют понятием «творческий труд», и последнее практически не подвергается аргументированной критике.

Необходимость совершенствования понятийного аппарата, отражающего в значительной мере степень и глубину разработанности той или иной проблемы, была подчеркнута известным советским историком, философом и психологом Б.Ф.Поршневым более тридцати лет [14//15] назад[11]. Мы хотели бы несколько подробнее рассмотреть этот вопрос.

На наш взгляд, *труд* есть человеческая активность, характеризуемая двумя основными чертами. Во-первых, что подчеркивалось в работах основоположников марксизма, это деятельность, направленная на приспо-

---

[11] См.: [*Поршнев Б.Ф.* Материализм и идеализм в вопросах возникновения человека //] Вопросы философии. 1955. № 5. С. 143-156.

собление вещества природы к потребностям человека. Уже из данного обстоятельства в неявной форме следует, что основным его стимулом является потребность человека в вещных благах, и, таким образом, цель, побуждающая последнего к труду, находится во внешней по отношению к индивиду среде. Во-вторых, труд носит сознательный характер, что детально проанализировано представителями различных областей знания и на чем мы подробно останавливаться не будем. Итак, труд является осознанной орудийной деятельностью по преобразованию внешней природы под воздействием необходимости удовлетворения материальных потребностей человека. Именно материальное благо является, как правило, результатом труда. Этот продукт может быть отчужден в пользу другого человека и может быть при наличии условий, аналогичных условиям его создания, воспроизведен вновь.

Переход от животнообразных форм активности к подлинному человеческому труду охватывает в истории цивилизации период продолжительностью в десятки и даже сотни тысяч лет. Как отмечает большинство антропологов, у нас нет реальной возможности квалифицировать деятельность человека как труд до тех пор, пока не были созданы первые орудия, составленные из нескольких простых элементов. Примитивная активность человека на этих ступенях прогресса названа в советской литературе *предтрудовой инстинктивной деятельностью.* На этом этапе человек не выделяет себя из природы и действует не столько под влиянием осознаваемой им необходимости удовлетворения своих материальных потребностей, сколько в силу инстинкта, присущего ему как представителю животного мира. Мотивация деятельности скрыта внутри человеческого существа, не выделяющего себя из природы. Деятельность неосознанна. Мы имеем в данном случае две черты, противоположные характеристикам труда: система мотивации является сугубо внутренней, и сама дея-

тельность не характеризуется осознанностью. Следовательно, если инстинктивная предтрудовая деятельность является тезисом в диалектической триаде, то труд, выступая в качестве его полной противоположности, играет роль антитезиса, и можно предположить в исторической перспективе возможность генезиса более высокого, синтетического, типа человеческой деятельности.

Им и является *творчество*. Оно объединяет в себе на новом, высшем уровне некоторые элементы как предтрудовой активности, так и труда. Осознание целей является той чертой, которую творчество заимствует у труда; сугубо внутренняя мотивационная система напоминает черту той активности, которая господствовала еще в предтрудовую эпоху. Творчество, на наш взгляд, может быть определено как осознанная деятельность, направленная преимущественно на саморазвитие и самореализацию личности. Материальные блага вполне могут становиться результатами творчества, но представляются скорее его побочными продуктами, нежели основной целью. В этом заключено, на наш взгляд, главное отличие творчества от труда. Первое ориентировано прежде всего на нематериальные цели, связанные с процессом личностного роста индивида. Труд же в таком случае является переходным типом активности от низших, чисто биологических форм, из которых он проистекает, к высшим, надутилитарно мотивированным формам, к которым он устремлен. [15//16]

Следует отметить, что только в последние десятилетия в наиболее развитых социумах творчество становится таким видом деятельности, который оказывает существенное влияние на все стороны жизни общества, превращаясь в один из основных видов человеческой активности. При этом, однако, остается весьма сложным практическое отделение творчества от труда; проблематичным является также однозначное определение той или иной деятельности в качестве труда или творчества. Такие трудности представляются совершенно

объективными и вытекают в первую очередь из того, что процесс замены труда творчеством делает пока только первые шаги даже в наиболее развитых странах, и мы сегодня решительно не способны однозначно описать дальнейшие пути развития данного явления, равно как и оценить масштабы, которые оно примет.

Со значительной долей уверенности можно отметить лишь, что в масштабах всего человечества ориентиры и цели деятельности постепенно смещаются от традиционных материальных стимулов, достаточно легко поддающихся оценке, к иным видам мотивов, такой оценке, как правило, не поддающимся. Нельзя, конечно, категорично утверждать, что сегодня совершенствование собственной личности оказывается не только единственной, но даже основной целью большинства людей. Последнее может быть достигнуто только в рамках системы, целиком основанной на творчестве. Но фактор общественной значимости того или иного вида деятельности, признание ее результативности становятся важными элементами современной мотивации человеческой активности. Это показывает не только возрастание роли субъективного фактора в развитии общества, но и роли оценок деятельности каждого конкретного индивида со стороны других людей. Роль этих межсубъектных оценок, которая сегодня весьма велика, будет расти и в будущем.

Поэтому в нынешних условиях проблема эксплуатации, как никогда ранее, несводима только к одной, объективистской ее стороне. Будучи тесно связана с целью, которую ставит перед собой человек в процессе деятельности, она не может быть обнаружена только на основе анализа вещных результатов таковой. Говоря уже о целеполагании, мы сразу оказываемся в кругу проблем индивидуальной психологии. Эксплуатация, чисто количественное определение которой усложняется в соответствии со степенью развитости экономики, подрывается окончательно только тогда, ког-

да исчезает субъективное восприятие постоянно воспроизводящегося противоречия между материальными интересами отдельных личностей.

Если же все их потребности отражены целями разного уровня, если объект, являющийся для одного человека вожделенной мечтой, для другого оказывается мимолетным, побочным результатом его самосовершенствования, то самого факта отчуждения произведенного блага становится недостаточно для фиксации отношения эксплуатации. На наш взгляд, именно этот путь его преодоления может стать наиболее приемлемым для человечества, входящего в двадцать первый век. Определенное отчуждение продукта всегда имело и всегда будет иметь место в обществе, как абсолютно необходимое для обеспечения его нормального функционирования. Поэтому более предпочтительным кажется стремление преодолеть эксплуатацию не в ее объективно-экономическом, а в субъективно-нравственном аспекте. Это совпадает с магистральным направлением общественного развития в сторону возрастания роли и возможностей человеческой личности, причем одного такого преодоления было бы достаточно для того, чтобы впредь изъятие части продукта у его создателей не оказывало его прежнего воздействия на общественные отношения. [16//17]

Двести лет назад идеологи Великой французской революции говорили: властители и короли кажутся великими только потому, что мы сами стоим на коленях; поднимемся же! Эксплуатация воздействует на общественные отношения до тех пор, пока большинство людей с их утилитарными потребностями являются винтиками единой машины, всецело зависимыми от воли другого человека, организации или государства. Так же, как в условиях массового производства материальных благ действуют в полной мере открытые К.Марксом закономерности стоимостных пропорций обмена, так и феномен эксплуатации имеет благодат-

ную почву лишь в условиях массового производства человека, в условиях неиндивидуализированного сознания.

Человек не может стать свободным раньше, чем он почувствует себя способным им стать; эксплуатация не может быть преодолена раньше, чем в индивидуальном сознании не будут преодолены в качестве основных и единственных цели обретения материального благосостояния, имманентным атрибутом достижения которых она является. Последнее не есть проповедь нищеты и морального совершенствования, так как реальное, а не мнимое освобождение сознания от факторов, связанных с ролью материального производства и его результатов, может произойти только в том случае, если эти факторы в ходе естественного экономического прогресса превратятся из основных во второстепенные.

Заканчивая нашу статью, хотелось бы обратиться к христианству, причем это ни в коей мере не является данью распространившейся сегодня моде. Ортодоксальная церковная традиция не разграничивает на Земле «царство Бога» и «царство дьявола», «царство добра» и «царство зла», понимая зло лишь как отсутствие блага, но не как противостоящую этому последнему данность. Не во внешнем мире материальных предметов, и даже не в мире людей, но внутри каждого человека проходит водораздел между силами добра и зла. Это говорилось отцами церкви в течение долгих столетий, и ведущие христианские идеологи призывали сменяющие друг друга поколения к отказу от деления человечества на противоположные лагери, стремясь оценить противоборство божественных и дьявольских сил в отдельной личности. Многие века пронеслись над миром, но и сегодня способны ли мы в полной мере осознать все величие этой идеи? Кто знает... [17]

ПОНЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ*

В.Л.Иноземцев

[178] Сегодня наша страна охвачена тяжелейшим экономическим кризисом, последствия которого никто не возьмется определить. Те явления, которые происходят на территории, бывшей некогда Советским Союзом, заставляют думать прежде всего не о проблемах высокой теории, а об элементарном выживании народа. Являются ли в таких условиях рассуждения о творчестве, о возможностях человеческого самосовершенствования хоть сколько-нибудь актуальными? Между тем эти вопросы неизбежно встают перед любым обществом, перешагивающим рамки жесткой индустриальной системы и ищущим пути дальнейшего совершенствования. Сейчас мы стремимся освободиться от нашего тоталитарного наследия прежде всего в политической сфере, провозглашая [пр]имат общечеловеческих ценностей. Мы пытаемся утвердить свободу личности также в сфере потребления и обмена, используя традиционные рыночные рычаги. Но при этом не обращается внимание на то, что подлинной свободой человека является его свобода внутри самого производственного процесса. Именно эта свобода и превращает индустриальное общество, описанное неког-

* Впервые опубликована в журнале *ПОЛИС (Политические исследования)*, 1992. № 1-2. С. 178-186.

да [К.]Марксом, в постиндустриальный социум сегодняшнего дня. И если даже такая задача не стоит перед нами сегодня, то это означает лишь то, что завтра она окажется одной из самых насущных.

Политическая экономия марксизма, как экономические теории XVIII — XIX веков, берет за основу понятие труда. По сути дела, с изучением этого феномена начинается марксов анализ хозяйственных процессов. На признании ведущей роли трудовой деятельности построена и марксистская теория стоимости. Между тем ныне возникают явления, которые не позволяют удовольствоваться общепринятыми теоретическими постулатами.

Во-первых, понятие труда в марксизме является внеисторичным. Определяя его как «процесс, совершающийся между человеком и природой, в котором человек своей собственной деятельностью опосредует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»[1], К.Маркс указывает, что труд есть «вечное условие человеческой жизни, и поэтому он не зависим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам»[2]. Возможно, что такая трактовка и корректна при рассмотрении труда как физиологического процесса, но вряд ли такой подход является единственно возможным.

Во-вторых, деятельность, присущая «всем общественным формам» существования человеческих индивидов, вряд ли может «создать самого человека», как это предполагал Ф.Энгельс. В марксизме человек определяется через способность к труду, тогда как труд предполагает человека в качестве своего субъекта. Таким образом, возникает логический круг. Понятия определяются через самих себя. Это противоречие уже было отмечено[3] и оказалось предметом широкого обсуждения.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т 23. С. 188.

[2] Там же. С. 195.

[3] [См.: *Поршнев Б.Ф.* Материализм и идеализм в вопросах возникновения человека //] Вопросы философии. 1955. № 5. С. 143-156.

Какой же вывод следует из сказанного? Можно утверждать, что фактически всю совокупность действий человека [К.]Маркс и [Ф.]Энгельс определяют понятием труда. Сама универсальность этого термина уже вызывает серьезные сомнения в правомерности его использования в строгом научном исследовании. Разнородность объединяемых им явлений настоятельно требует уточнения терминологии. Необходимость этого можно видеть на примере работ самого [К.]Маркса, который различал труд в относительно широком и узком смысле слова, отмечая, что последний с развитием обще[178//179]ства уступит место более высокому типу деятельности. Указывая, например, на то, что в условиях коммунизма «непосредственный труд как таковой перестанет быть базисом производства», что человек станет «рядом с процессом производства, вместо того, чтобы быть его главным агентом»[4], [К.]Маркс неоднократно, особенно в своих ранних работах, говорил об уничтожении[5] или устранении[6] труда в будущем социуме.

Таким образом, понятие труда, скорее всего, не исчерпывает всего богатства видов человеческой деятельности. Именно сегодня, когда человек начинает выходить за пределы собственно материального производства в результате научно-технической и информационной революций и когда начинают складываться новые системы жизненных ценностей и взаимоотношений между людьми, вопрос о том, какой тип активности приходит на смену труду и как этот новый процесс и его результаты могут быть описаны в экономической науке, становится весьма актуальным.

Понятие творчества в советском обществоведении анализировалось фактически исключительно филосо-

---

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 46. Ч. II. С. 213, 218.

[5] [См.:] Там же. Т. 3. С. 191.

[6] [См.:] Там же. С. 70; Т. 42. С. 242.

фами и социологами, лишь изредка попадая в сферу внимания экономистов. При этом трактовка термина оказывается весьма неоднозначной, и каждый автор вкладывает в него специфический смысл. На примере исследований советских ученых можно выделить, на наш взгляд, не менее пяти основных определений творчества, некоторые из них встречаются и в западной литературе. Обозначим их максимально кратко.

Во-первых, творчество рассматривается некоторыми философами как внеисторическая категория, обозначающая всеобщую форму развития материального мира через создание, возникновение нового. «Творчество, — отмечает Я.Пономарев, — есть необходимое условие для развития материи, образования ее новых форм, вместе с возникновением которых меняются и сами формы творчества. Творчество человека — лишь одна из таких форм»[7]. Данная точка зрения восходит к гегелевской философии, где понятие творческой самодеятельности обладает универсальными характеристиками.

Во-вторых, творчеством называют форму трудовой деятельности. Сторонники такого подхода считают, что элемент творчества присутствует в любом трудовом процессе, совершаемом человеком, а исторические формы творчества зависят прежде всего от исторических форм труда. Большинство исследователей, придерживающихся соответствующего определения, склоняются к более или менее категоричному отождествлению творчества и труда, к «растворению» творчества в труде. Подобная позиция, несмотря на всю ее уязвимость, является на сегодняшний день наиболее распространенной среди советских философов и социологов.

В-третьих, существует точка зрения, сторонники которой рассматривают творчество как форму созда-

---

[7] *Пономарев Я.А.* Психология творчества и педагогика. М., 1976. С. 43.

ния нового безотносительно к материальной форме такого объекта — будь то продукт или знание[8]. Некоторые авторы, в том числе и западные, отмечают, что результат творчества отличается от результата, скажем, нововведения принципиальным характером своей новизны[9]. Рассматриваемая позиция имеет множество оттенков, но все же остается неясным, чем именно определяется новизна результата и представляется ли он качественно новым для самого творящего субъекта, для его непосредственного окружения или же для всего человечества. Четкое определение границ творческого процесса остается в такой ситуации достаточно сложным.

В-четвертых, творчество трактуется как процесс, в котором получает свою реализацию внутренний побудительный мотив деятельности. Данная точка зрения предполагает, что его главным моментом является не столько вещный результат, сколько совершенствование человеческих способностей[10], а основные отличия творчества от труда наблюдаются во внутренних мотивах и структуре деятельности, но не в ее результатах[11]. Такое понимание творческого процесса предполагает, что для его анализа могут применяться лишь субъективные оценки, в то время как труд и его результаты в большинстве случаев оцениваются объективным образом. Сторонники подобной позиции считают, что творческий процесс мотивирован надутилитарно, что субъективный характер самореализации человека является основным моментом определения творческого

---

[8] [См.:] Труд как первая жизненная потребность. Минск, 1987. С. 37; *Вахтомин Н.К.* Генезис научного знания. М., 1974. С. 17.

[9] [См.:] *Rosenfeld R., Servo J.* Business and Creativity // The Futurist. 1984. No 4. P. 21.

[10] [См.:] *Межуев В.М.* Культура как объект познания // Философские проблемы культуры. М., 1984. С. 63.

[11] [См.:] *Bailin Sh.* Achieving Extraordinary Ends. An Essay on Creativity. Dordrecht, 1988.

характера деятельности[12]. Как отме[179//180]чает известный советский исследователь Г.Батищев, «межсубъектность есть ключ к креативности»[13]. Такой подход кажется нам менее противоречивым и более конкретизированным, нежели предшествующие.

В-пятых, существует понимание творчества как мировоззрения, как «нестандартного отношения человека к действительности»[14], причем в таком аспекте творчество чаще всего рассматривается как познавательное творчество.

Таким образом, понимание творческого процесса неоднозначно. На наш взгляд, наиболее комплексной и наименее противоречивой является точка зрения, рассмотренная нами четвертой. В данном случае творчество отождествляется с деятельностью, мотивированной надутилитарным образом, с такой активностью, которая для человека представляется самоцелью, а вещный результат ее оказывается не более чем побочным эффектом. Такая деятельность сугубо индивидуальна как по ее мотивации и средствам воплощения, так и по результатам. Понятие несет здесь очень важную нагрузку: творчество воспринимается как феномен, определяемый прежде всего не материальными условиями существования индивидов, как труд, а более высокими побудительными мотивами. Мы уже имели возможность подробно изложить этот подход, сводящийся к тому, что открытая Б.Поршневым предтрудовая инстинктивная деятельность, труд и творчество представляют собой завершенную диалектическую триаду. Творчество наследует от труда осознанный характер деятельнос-

---

[12] [См.:] См. *Argyle M.* The Social Psychology of Work. N.Y., 1972. P. 259; *Jaques E.* Work, Creativity and Social Justice. N.Y., 1970. P. 64.

[13] *Батищев Г.С.* Диалектический характер творческого отношения человека к миру. Дисс. на соискание ученой степени доктора филос. наук. М., ИФ АН СССР, 1989. С. 25.

[14] *Бушуев А.М., Слепцов Н.С.* Диалектика творческой деятельности и развитие человека. М., 1989. С. 20.

ти, а от предтрудовой активности — внутренний, имманентный человеку тип мотивации, являясь, таким образом, синтезом в диалектической триаде и представляя собой наиболее совершенный из известных сегодня типов человеческой деятельности[15].

Разумеется, что переход от труда в собственном смысле этого понятия к творчеству, особенно если он происходит в широких масштабах, не может не изменить всю систему общественных отношений, в том числе и экономических. Между тем данная проблема, активно обсуждающаяся на Западе, пока не получила в нашей науке адекватного отражения.

В условиях постепенного расширения сферы творчества и вытеснения последним труда, рассматриваемого как деятельность ради достижения определенного материального результата, в экономике возникают два явления, которые нельзя игнорировать при анализе современного хозяйства.

Во-первых, продукты, являющиеся результатами творческой деятельности, оказываются, как правило, *невоспроизводимыми*. Под невоспроизводимостью мы в данном случае понимаем не только то, что творение художника или композитора уникально, но также и то, что продукт творческой активности оказывает на разных людей весьма неодинаковое воздействие. Вряд ли театральная постановка вызывает у каждого зрителя похожие чувства, вряд ли все студенты в аудитории одинаково воспринимают лекции профессора. Кроме того, творческая деятельность в отличие от труда не признает четкой зависимости между затратами и результатами. Создание новой теории в гораздо большей степени зависит от оригинальности мышления теоретиков, чем от количества поставленных опытов и использованных научных приборов. Между тем, согласно

---

[15] [См.: *Иноземцев В.Л.* Эксплуатация: объективная данность и феномен сознания //] Коммунист. 1991. № 10. С. 8-17.

марксовой теории, «стоимость каждого товара определяется не тем необходимым рабочим временем, которое заключается в нем самом, а рабочим временем, общественно необходимым для его воспроизводства»[16]. Поэтому вряд ли можно говорить об адекватности стоимостных оценок результатов творческой деятельности.

Во-вторых, *творчество*, как бы подталкивающее само себя и имеющее источник саморазвития внутри уникального индивида, *не вписывается в привычную систему категорий*, справедливую для «экономического человека» А.Смита. Даже изъятие части продукта человеческой деятельности может не рассматриваться самим субъектом как эксплуатация, если только данный продукт не выступал главной целью производителя. Между тем именно такая ситуация возникает всякий раз, когда мы имеем дело с творческой активностью; известны многочисленные случаи, когда (особенно в современных развитых обществах) «вознаграждением за упорную работу становится сама возможность продолжать работу»[17]. В этой обстановке вся марксистская концепция эксплуатации, применимая прежде всего к условиям [180//181] массового производства и основанная, по сути дела, на смитовском положении, гласящем, что «рабочие хотят получать возможно больше, а хозяева хотят давать возможно меньше»[18], в силу чего предполагающая, что обе стороны стремятся к получению максимально возможного материального блага, распадается, ибо устраняется та традиционная система мотивации, для которой только данная теория и является справедливой.

Рассмотрим вначале первое обстоятельство. Само по себе понимание того, что целый ряд благ, созданных

---

[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 25. Ч. I. С. 153.

[17] *Fallows J.* More Like Us. N.Y., 1989. P. 47.

[18] *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1. М.-Л., 1931. С. 74.

уникальной деятельностью, в основе которой лежит творчество, не подчиняется общим закономерностям стоимостного обмена, распространилось довольно давно. Еще в 70-е годы советские исследователи отмечали, что «трудовая теория стоимости применима только к товарам, производство которых не может быть ограничено никакими обстоятельствами. К таким товарам относятся товары, производимые в отраслях материального производства»[19]. Они указывали, что «невоспроизводимость, отсутствие "эластичности вверх" на стороне предложения»[20] выводит ценообразование на ряд специфических благ из сферы действия стоимостных отношений. Прямо говорилось и о том, что значительная часть продуктов человеческой деятельности «не имеет стоимости, потому что вложенный в них индивидуальный труд является творческим, несравнимым и неповторимым трудом. Такой труд не воплощается в общественно-необходимый труд и не уравнивается с трудом других товаропроизводителей»[21].

Подобные замечания весьма многочисленны, поэтому не следует говорить о том, что проблема вообще не возникала. Однако попытки ее решения были обычно весьма осторожными. Постановка вопроса сводилась прежде всего к констатации проблемы редукции труда, а это предполагало, что творческая деятельность оценивалась исключительно сквозь призму своего результата, рассматривалась просто как более сложный труд и исследователи сосредоточивали внимание на приведении ее к «простому труду», который обычно представляется субстанцией стоимости. «Значимость духовного продукта, — отмечали, например, И.Прохоренко и

---

[19] *Солодков М.В., Крылов Л.С.* Методология исследования производительного труда при капитализме. М., 1974. С. 142.

[20] *Певзнер Я.А.* Государственно-монополистический капитализм и теория трудовой стоимости. М., 1978. С. 132.

[21] *Николов И.* Кибернетика и экономика. М., 1974. С. 110.

С.Курегян, — не находится в прямой зависимости от количества затраченного труда или рабочего времени»[22]. При подобном подходе могут иметь место два решения. Либо изменяется терминологическое обозначение того явления, которое и создает стоимость (по этому пути пошел известный английский ученый Т.Стоуньер[23], объявивший о возникновении так называемой информационной теории стоимости, которая, однако, предполагает существование, увеличение и даже самовозрастание информационной стоимости в соответствии фактически с теми же закономерностями, которые были сформулированы [К.]Марксом для стоимости трудовой). Либо следуют оговорки относительно того, что же создается новым видом деятельности, если не стоимость. Так, только что упоминавшиеся авторы утверждают, что «материальный труд» создает стоимость, а «духовный труд» — ценность[24]. Все эти подходы, хотя и имеют право на существование, являются паллиативными и проблему не решают. В информационной стоимости фактически невозможно разделить информационную и трудовую ее составляющие; когда же речь заходит о стоимости и ценности, столь же сложно отделить «труд материальный» от «труда духовного».

Безусловно, выделить творческую деятельность в ее «чистом» виде сегодня представляется решительно невозможным. Но между тем определенное представление о сфере творчества могут дать те сектора экономики, где преобладают субъект-субъектные взаимодействия. Межсубъектность того или иного вида активности отражает ту качественную определенность творче-

---

[22] *Прохоренко И.Д., Курегян С.В.* Духовное производство при социализме: политэкономический аспект. Минск, 1987. С. 140-141.

[23] [См.:] *Stonier T.* The Wealth of Information. A Profile of Post-Industrial Economy. L., 1983.

[24] [См.:] *Прохоренко И.Д., Курегян С.В.* Духовное производство при социализме. С. 139.

ства, которая может быть достигнута в современных условиях. Под субъект-субъектными взаимодействиями мы понимаем такие, в которых и производитель, и потребитель блага определяют процесс его использования в сопоставимой степени, когда усилия по производству бессмысленны без усилий по потреблению и предполагают эти последние. Результат подобного взаимодействия носит, как правило, предельно индивидуальный характер. Если рассмотреть реальную экономическую жизнь, то к сфере субъект-субъектных взаимодействий можно отнести прежде всего науку, производство, накопление и распространение информации, образование, культуру и искусство, конструкторские и [181//182] опытные разработки, отчасти здравоохранение. Все эти сектора хозяйства в их совокупности не тождественны с традиционно понимаемой сферой услуг, или, как ее часто называют, нематериальным производством. Например, общественный транспорт относится к сфере услуг, не будучи при этом включенным в сферу субъект-субъектных взаимодействий, ибо предполагает воздействие на человека не как на субъект (изменение его внутреннего мира), а как на объект (перемещение в пространстве). Подобные отрасли экономики могут быть отнесены к материальному производству. Отмечая, что деятельность в условиях современного западного общества во всевозрастающей степени приобретает черты «взаимодействия между индивидами (game between persons)»[25], Д.Белл указывает также, что такие отношения распространяются прежде всего в сфере межличностных услуг (human services)[26].

Характерной чертой современной экономики является быстрый рост производства уникальных продук-

---

[25] *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1978. P. 147.

[26] [См.:] *Bell D.* The Third Technological Revolution and Its Possible Socio-Economic Consequences // Dissent. Vol. XXXVI. Spring 1989. No 2. P. 168.

тов и услуг. Нельзя однозначно утверждать, что этот процесс тождественен замещению труда творчеством или адекватно отражает его, но не видеть в нем повышения роли творческой деятельности, сужения сферы деятельности сугубо стоимостных отношений невозможно. Рост доли невоспроизводимых благ не должен ассоциироваться лишь с опережающим развитием сферы услуг, и только. Всем хорошо известно, что третичный сектор в экономике всех передовых государств прогрессирует куда быстрее, чем материальное производство; приводятся красноречивые данные, неопровержимо о том свидетельствующие. Однако нам хотелось бы обратить особое внимание на процесс изменения занятости в основных отраслях экономики, который наводит на мысль о несомненной связи между скоростью развития той или иной отрасли и степенью невоспроизводимости создаваемого в ней продукта. В качестве примера мы рассмотрим данные по основным отраслям хозяйства США, страны, уже вступившей, по мнению западных экономистов и социологов, в стадию постиндустриализма (см. табл).

Здесь приведены данные по укрупненным отраслям, которые позволяют проследить неоспоримую связь между динамикой отдельных секторов экономики со степенью невоспроизводимости и индивидуализированным характером создаваемых в них благ. Основная производительная сила — человек — вытесняется из отраслей, где доминирует примитивный труд, и перемещается в отрасли, прогресс которых [182//183] связан с творческими процессами. Та же тенденция прослеживается и при рассмотрении собственно сферы услуг. В период с 1983 по 1990 г[од] в США наиболее быстрыми темпами росла занятость в таких отраслях, как производство информации и программного обеспечения (на 95,7%), услуги в сфере бизнеса и экономическое консультирование (65,9), юридические (53,8) и социальные (52,8) услуги, образование и здравоохранение (37,6 и 35,5 соответственно).

Таблица

Изменение численности занятых в отраслях экономики США, 1948—1990 г[оды], в тыс. человек

Годы	Добывающая промышленность	Обрабатывающая промышленность	Транспорт и коммунальное хозяйство	Строительство	Торговля	Финансы	Услуги
	994	15 582	4 189	2 198	9 271	1 800	5 181
1953	866	17 549	4 290	2 659	10 247	2 111	5 835
1958	751	15 945	3 976	2 717	10 750	2 481	6 765
1963	635	16 995	3 903	3 010	11 778	2 830	8 277
1968	606	19 781	4 318	3 350	14 099	3 337	10 567
1973	642	20 154	4 656	4 097	16 606	4 046	12 857
1978	851	20 505	4 923	4 229	19 514	4 724	16 252
1983	952	18 434	4 954	3 958	20 881	5 468	19 699
1988	713	19 350	5 527	5 110	25 132	6 649	25 669
1989	700	19 426	5 648	5 200	25 851	6 734	27 096
1990	735	19 081	5 849	5 196	26 214	6 853	28 356
Общий прирост	−25,96%	+22,45%	+39,62%	+136,35%	+182,75%	+280,66%	+447,30%
Темпы прироста	−0,61%	+0,53%	+0,94%	+3,24%	+4,33%	+6,68%	+10,64%

Источник: Employment and Earnings, Washington, US Bureau of Labor Statistics. 1990. No 9. Table b — l. P. 73

В указанных отраслях к лету 1990 г[ода] было занято в общей сложности около 20 млн. чел.[27]

Подобное положение дел, когда значительная, если не абсолютная, доля производимого обществом продукта является уникальными, не поддающимися воссозданию благами и может быть рассмотрена как продукт индивидуальных усилий творческих личностей в большей степени, чем как продукт общественного труда, предполагает: стоимостные оценки, учитывающие прежде всего затраты усредненного человеческого труда на воспроизводство того или иного блага, оказываются подорванными, если не потому, что исчезает сам труд, то по крайней мере в силу устранения объективной основы количественного соизмерения ценности товаров. Последнее все чаще признается экономистами и социологами развитых стран Запада. Как отмечает неоспоримый классик теории постиндустриального общества Д.Белл, «важными проблемами постиндустриального социума являются... развитие нерыночной экономики благосостояния и недостаток адекватных механизмов оценки общественных благ»[28]. В значительной степени это обстоятельство обусловлено тем, что «не существует стандартов, по которым могут быть оценены продукты творчества; оценка их всецело субъективна, и творчество не может характеризоваться производством четко оцениваемого продукта»[29].

Таковы вопросы, возникающие в связи с первой стороной творческого процесса, — с несоизмеримостью тех благ, которые оказываются результатом индивидуализированной деятельности. Это поверхностный

---

[27] [См.:] Supplement to «Employment and Earnings». 1988. No 8. P. 222-224, 226, 228-231, 234-237; Employment and Earnings. 1989. No 3. P. 53; 1990. No 7. P. 91-92.

[28] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973. P. 18.

[29] *Bailin Sh.* Achieving Extraordinary Ends. An Essay on Creativity. P. 3.

уровень проблемы: невоспроизводимость продукта, вне зависимости от того, является ли последний результатом труда или творчества, сама по себе серьезно подрывает стоимостные отношения. Но существует и более глубинный уровень: превращение творчества, деятельности, не мотивированной утилитарным образом, в основной вид человеческой активности в принципе устраняет стоимостные оценки, так как в данном случае перестает существовать сама основа стоимости, которой является труд. Поэтому сейчас следует перейти к анализу последствий для экономики и социальных отношений, связанных с таким изменением форм человеческой деятельности.

Индикатором начала процесса становления творческой деятельности можно считать кардинальное изменение шкалы жизненных ценностей человека. Для наиболее развитых стран это прослеживается с конца 60-х годов. При этом указанные сдвиги в системе мотивации деятельности нашли отражение в теории постиндустриального общества с самого ее зарождения. Уже к середине 60-х годов, как было отмечено, возможность самореализации в профессиональной деятельности выходит на первую позицию в шкале ценностей типичного американца, тогда как фактор величины заработной платы передвигается на пятое место. Исследования, проведенные в начале 70-х годов, показали явное усиление данной тенденции.

С этого периода пристальное изучение проблем творческой деятельности, в первую очередь в контексте изменений в экономической сфере, находится в центре внимания многих западных философов и социологов. На первом этапе, в 70-х — первой половине 80-х годов, анализировались прежде всего отдельные аспекты творческого самовыражения личности: подчеркивалась автономность деятельности, рассматривавшаяся как одно из наиболее сильных устремлений современного работника, говорилось о тесной связи между индиви-

дуализированной деятельностью и ее высококвалифицированным характером, о возникновении комплексной системы мотиваций, в которой самореализация и повышение своей компетенции взаимно воздействуют друг на друга[30]. Американский исследователь Д.Янкелович и его соавторы предложили интересную схему, которая отражает взгляды многих выдающихся социологов на трансформацию целей современного индивида: каждый стремился описать этот процесс в рамках созданной им самим системы терминов. П.Сорокин, например, полагал, что предметные цели уступают место непредметным, [183//184] Р.Инглхарт считает, что материалистические ориентиры замещаются постматериалистическими, У.Митчелл констатирует замену «внешних» целей и задач «внутренними». Сам [Д.]Янкелович предпочитает противопоставление материального успеха, материальных достижений самовыражению в деятельности как высшей цели человека в современном мире[31].

На новом уровне исследования начиная с середины 80-х годов была предпринята попытка обобщить ранее высказанные теоретические положения. К.Бецольд и его сторонники ввели понятие «экспрессивизма», которое было определено ими следующим образом: «экспрессивизм включает в себя такие ценности, как творчество, автономность, отсутствие контроля (authority), постановку самовыражения в деятельности выше социального статуса, поиск внутреннего удовлетворения, голод по новому опыту (for new experiences), стремление к общности, участие в процессе выработки решений, жажда поиска, близость к природе, самосовер-

---

[30] [См.:] *Faunce W.A.* Problems of an Industrial Society. San Francisco, 1968. P. 148; *Kahn H., Wiener A.* The Year 2000. A Framework for Speculation on the Next 33 Years. L., 1967. P. 199.

[31] [См.:] *Yankelovich D., et al.* Work and Human Values: An International Report on Jobs in the 1980s and 1990s. N.Y., 1983. P. 52.

шенствование и внутренний рост»[32]. В советской литературе высказывались подобные же положения; наиболее полно такая точка зрения отражена в выдвинутом в начале 60-х годов утверждении Г.Батищева, что «деятельность целостной личности — это деятельность, социальная необходимость которой обнаруживается в ее собственном свободном творческом устремлении и уже не может выступать как извне диктуемая целесообразность»[33]. Сегодня же многие западные авторы, приводя аналогичные положения и отмечая существенное изменение мотивационной системы современной деятельности, констатируют быстро протекающее уничтожение, преодоление труда как вида человеческой активности[34].

На наш взгляд, данные обстоятельства, уже вполне привычные для западного социолога, до сих пор не получили адекватного отражения в советской экономической теории. Между тем проблема мотивации имеет самое непосредственное отношение к основным положениям марксистской экономической концепции. Если распространение индивидуализированных и невоспроизводимых благ, сопровождающееся невозможностью их адекватной стоимостной оценки, лишь модифицирует марксову теорию стоимости и несколько ограничивает возможности ее применения, то замещение труда творческой деятельностью вообще кладет конец использованию данной теории. Более того, с этого же момента оказывается весьма сомнительной и марксистская концепция эксплуатации. Последняя в ее традиционном понимании базируется на уже приводившемся нами

---

[32] *Bezold C., Carlson R., Peck J.* The Future of Work and Health. Dover-L., 1986. P. 60-61.

[33] [*Батищев Г.С.* Методологические проблемы формирования целостной личности //] Доклады Академии педагогических наук РСФСР. 1962. № 1. С. 30.

[34] [См.:] *Glaser H.* Das Verschwinden der Arbeit. Die Chancen der neuen Tätigleitsgesellschaft. Düsseldorf, 1988. S. 176.

выше тезисе А.Смита[35], т.е. на том, что мотив деятельности как эксплуатируемого, так и эксплуататора одинаков и заключается в максимизации присваиваемого им материального богатства. Между тем, как только мотивация одного из субъектов оказывается связанной с возможностями его самовыражения в деятельности и перспективами личного роста, то оказывается сильно подорванным если не сам факт эксплуатации, то по крайней мере ее субъективное восприятие. Коль скоро результаты творческой деятельности не могут быть оценены в соответствии с марксовыми методологическими принципами, то степень эксплуатации такой активности (т.е. объективная сторона процесса эксплуатации) вряд ли может оказаться исчисленной. Изъятие же части *результата* деятельности, если таковой не совпадает с ее *целью*, вряд ли может восприниматься как ущемление интересов индивида (т.е. как эксплуатация в субъективном смысле). Таким образом, фундаментальные открытия [К.]Маркса и [Ф.]Энгельса — закон стоимости и концепция прибавочной стоимости — не только серьезно подрываются, но и могут оказаться вовсе не применимыми по отношению к сегодняшней ситуации. Строго говоря, сейчас, как никогда раньше, легко заметить, что *марксова экономическая модель справедлива только в тех пределах, в каких сегодня человеческая деятельность выступает как труд, а производство — как создание массового, неиндивидуализированного продукта.*

Теперь, когда творческая деятельность способна оказаться одним из основных видов человеческой активности и изменить фундаментальные закономерности в экономической и социальной сферах, необходим кардинальный пересмотр многих важных положений марксистской экономической теории. Прежде всего это касается теории стоимости. Известно, например, что в концепциях

---

[35] [См.:] *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1. С. 74.

маржиналистов [изложена] теория «субъективной ценности», т.е. оценки тех или иных благ [отдельными индивидами]*. [184//185] Приходится признать, что марксизм был всецело поглощен масштабными явлениями и сосредоточил свое внимание только на теории объективной ценности, рассматривая преимущественно процессы, происходящие в рамках целого общества. Сомнительность такого подхода сегодня проявилась весьма отчетливо. Следует, на наш взгляд, обратиться к возможностям учета в экономическом анализе полезностных характеристик, к которым наша наука пренебрежительно относилась многие десятилетия. Между тем, как отмечал подвергавшийся не всегда справедливой критике со стороны К.Маркса классик утилитаризма И.Бентам, «принцип полезности не знает и не признает никакого иного регулятора, кроме самого себя»[36], и в современных условиях использование подобного измерителя ценности могло бы стать выходом из большого числа вряд ли разрешимых на иных основах противоречий и заблуждений, с которыми столкнулась марксова концепция, ныне находящаяся у своего объективного исторического предела.

Последнее относится и к проблеме эксплуатации, на которой теоретики марксистского направления спекулировали в течение десятилетий. Настало время четко оговорить, какая именно деятельность может являться объектом эксплуатации. На наш взгляд, таковой может быть только труд, т.е. утилитарно мотивированная деятельность, направленная в конечном счете на удовлетворение материальных потребностей экономических индивидов и обусловливаемая ими. Одновременно активность, которая не определяется стремле-

---

* В данном случае в тексте 1992 года при наборе допущено искажение. Текст восстановлен по рукописи статьи, переданной в редакцию. — Примечание к изданию 1998 года.

[36] *Bentham J.* Principles of Morals and Legislation. L., 1789. Ch.2.

нием к достижению материального богатства, т.е. мотивирована надутилитарным образом, не может быть объектом экономической эксплуатации. Само это обстоятельство как таковое не противоречит марксовой методологии, ибо коммунистический строй, общество, где отсутствует подавление человека человеком, определяется основоположниками марксизма прежде всего как социум, основанный на всестороннем развитии личности. В марксизме в неявной форме признается связь между устранением эксплуатации и преодолением труда, его «уничтожением». Но политическая теория [К.]Маркса и [Ф.]Энгельса, воспринятая советскими обществоведами и вульгаризированная ими, трактовала и трактует преодоление эксплуатации фактически исключительно в контексте установления «справедливой» системы распределения общественного продукта. Это мнение, на наш взгляд, весьма поверхностно. Советские политэкономы в течение десятилетий также полагали, что преодоление товарных отношений и закона стоимости становится возможным только в результате сознательного планомерного регулирования экономики, установления оптимальных народнохозяйственных пропорций, в то время как гораздо более серьезный удар по стоимостным отношениям наносит реально происходящая сегодня в западных странах индивидуализация производства и переход от примитивного труда к творческим процессам.

Сегодня, когда в нашей стране происходит неимоверно сложный процесс становления основ демократического общества, постоянно говорится о значимости и ценности личности. Постепенно в политологии и социологии прокладывает себе дорогу представление о примате прав индивида, прав личности над правами любой социальной группы или класса. Это постулат, по которому живут ныне все цивилизованные общества. Но, принимая его на словах, наше обществоведение пока еще далеко от его применения, и в частности от распространения данного тезиса на область эконо-

мических исследований. Между тем не только в современной политике, но и в современной экономике, являющейся ее основой и предпосылкой[37], существует примат личного над общественным, примат индивидуального над массовым. И подобное обстоятельство нельзя более не учитывать.

В современную эпоху деятельность человека уже не может однозначно оцениваться ни с точки зрения результата, ни с точки зрения самого ее процесса. Такие характеристики, безусловно, важны и лежат на поверхности явлений. Между тем существует еще один аспект, не проявляющийся непосредственно, но чрезвычайно важный: это внутренний мир человека, система мотиваций, обусловливающая его деятельность и ее формы. И мы предприняли попытку на примере анализа изменений в мотивационной структуре деятельности показать то значение, которое имеет [185//186] данный ее аспект для совершенствования современной экономической теории. Он все более полно учитывается западными исследователями, и нам вряд ли нужно в очередной раз стремиться не замечать то, что становится все более очевидным. [186]

[37] В определенных условиях и политика является предпосылкой экономики.

МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА: ИСТОКИ И ПРЕЕМНИКИ*

В.Л.Иноземцев

Введение

[4] В контексте событий последнего времени особенно отчетливо ощущается как то, что возведение марксизма в ранг единственно верной и завершенной научной теории было во многом искусственным, так и то, что его значение как методологии социального познания не оценено еще адекватным образом, будучи заслоненным трактовкой марксистского учения исключительно как «руководства к действию». Между тем марксов подход к изучению истории, марксова теория экономического развития серьезнейшим образом отличаются от положений, обосновывавших ту практику исторического действия, которая в течение десятилетий считалась многими марксистской. С той же неизбежностью, с какой марксова историческая теория предопределила 25 октября 1917 года, «марксистская» деятельность по волюнтаристски форсированному построению нового общества предопределила 19—21 августа 1991 года. Последнее в очередной раз доказало, что идеологизированная теория не может быть теорией научной.

---

* Текст доклада, прочитанного на заседании Центра проблем демократии и социализма Института экономики РАН в марте 1992 года. Впервые опубликован в виде брошюры *Иноземцев В.Л. Марксистская теория исторического прогресса: истоки и преемники.* Репринт доклада. М., ИЭ РАН, 1992. С. 1-47.

Но концепция, развивавшаяся [К.]Марксом и [Ф.]Энгельсом, не была той суммой застывших догм, с помощью которых доказывали свое право на существование порочные политические режимы в различных уголках земного шара. Эта концепция экономического прогресса, вопреки складывающимся у нас представлениям, не была создана основоположниками марксизма как бы на пустом месте, и тем более после их кончины она получила свое развитие отнюдь не только в трудах В.И.Ленина, И.В.Сталина, Л.И.Брежнева, документах съездов КПСС и других братских партий. Возникшая не столько как преемница идей коммунистов-утопистов, а как законная наследница стройных теорий и подчас гениальных прозрений золотого века европейского Просвещения, века Реализма, она вобрала в себя многие важные положения, разработанные западной исторической и философской традицией, которые впоследствии развивались исследователями самых разных направлений, и причем отнюдь не всегда менее удачно, чем марксистскими теоретиками. И сегодня пришла пора оценить как степень подготовленности много[4//5]кратно уже описанных советскими исследователями гениальных открытий [К.]Маркса и [Ф.]Энгельса, так и возможности западной экономической и исторической мысли адекватно воспринять восходящие к восемнадцатому веку элементы этого учения и развить их в современной ситуации.

Широко известен тезис [В.И.]Ленина о том, что тремя основными теоретическими источниками марксизма выступили классическая немецкая философия, английская политическая экономия и французский утопический социализм. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что эти научные направления с равной силой воздействовали на формирующиеся основы марксова учения, и уж тем более сложно утверждать, что марксистская концепция структурирована соответствующим образом. Марксизм, как мы полагаем, был под-

готовлен многими интеллектуальными течениями того времени, если только не всей их совокупностью, и на процесс его формирования в большей или меньшей мере, положительно или отрицательно, воздействовали представители различных научных школ. Последнее обстоятельство долгое время не слишком подчеркивалось в советских исследованиях, но именно оно обеспечило ту преемственность западной исторической и экономической традиции, последствием которой оказалось широкое использование многих восходящих к [К.]Марксу теоретических положений исследователями, далекими от марксистской идеологии.

Истоки

Марксистская теория возникла как вид гуманистической философии, склонной к принятию ряда элементов коммунистического учения. Некоторые положения, тесно связанные с подобными представлениями, содержались еще в основополагающих постулатах христианской доктрины. Из виднейших представителей христианской теологии, пожалуй, св. Фома Аквинский был первым, кто предположил, что в будущем человечество достигнет формы ассоциации, когда каждый член общества будет отдавать социуму то, что он может ему отдать, тогда как общество будет предоставлять всем своим членам блага, необходимые для нормальной жизни[1], а экономический, социальный и культурный прогресс человечества будет обес[5//6]печиваться посредством коллективных институтов[2]. В дальней-

[1] См.: *Dougherty G.V.* The Moral Basis of Social Order According to St. Thomas Aquinas. Wash., Catholic Univ. of America Press, 1941. P. 26.

[2] См.: *Benkert G.F.* The Thomistic Conception of an International Society. Wash., Catholic Univ. of America Press, 1942. P. 93-94.

шем же такое представление о перспективах человечества стало если не привычным, то весьма распространенным. Имена Мора и Кампанеллы являются наиболее известными, но вряд ли именно с ними был связан расцвет коммунистической традиции во времена позднего средневековья; между тем уже здесь стали заметны те черты теоретической конструкции будущего общества, которые появились у нас на практике в последние десятилетия, — всеобщая уравниловка, система контроля и надзора за каждым членом общества, примитивность и даже убогость производства.

Однако большинство утопических доктрин позднего средневековья в принципе не касались процесса перехода к новому обществу и его связанности с предшествующей историей человечества. Те же исследователи, которые рассматривали преимущественно исторические проблемы, редко распространяли свои искания на описание общества будущего. По сути дела, задачей марксизма стало соединение коммунистической идеологии, идей свободы, равенства, братства, с исторической теорией, которая убедительно доказывала бы наступление такого состояния. Поэтому марксистская концепция складывалась не столько из отмеченных [В.И.]Лениным трех источников, сколько из двух блоков положений, первые из которых можно назвать «философско-гипотетическими», а вторые — «объективно-историческими». Нас сейчас, разумеется, больше интересует второй блок. Поэтому, видимо, придется пройти мимо социальных воззрений французских коммунистов, нередко примитивных, а также мимо гегелевской философии истории, при всех ее достоинствах отчасти спекулятивной. Двумя идейными течениями, которые более всего подготовили теоретические основания марксизма, в таком случае окажутся философия истории и философия хозяйства времен английского Просвещения, а также труды немецких философов-рационалистов.

На наш взгляд, многочисленные труды представителей английского Просвещения имели совершенно особое значение для становления научной доктрины марксизма. В работах этих авторов, а среди них такие, как А.Фергюсон, А.Смит и Д.Юм, мы видим ряд положений, полностью перекочевавших позднее в арсенал марксо[6//7]ва учения.

А.Фергюсон прекрасно описал зарождение общества и его первобытные формы, заложил принципиальные основы периодизации истории человечества, задолго до Г.Моргана проанализировав причины, способствовавшие сохранению общинной собственности и препятствовавшие возникновению имущественного неравенства[3]. Исследуя историю становления и прогресса общественных форм, он раскрыл причины, обусловившие переход к системе частной собственности, рассмотрел важные характеристики товарного типа хозяйства, и, подчеркнув огромное значение разделения труда для обеспечения прогресса общества, отметил, что «способности мастера развиваются здесь наряду с тем отуплением, от которого страдает чернорабочий»[4]. Считая, что экономические закономерности являются в обществе доминирующими, он писал, что «обстоятельства толкают человечество, взятое в массе, на те или иные установления или мероприятия, и редко когда все это может происходить в соответствии с умыслом одного зачинателя»[5]. Значение такого подхода А.Фергюсона особенно заметно на фоне интеллектуальной атмосферы того времени, когда А.-Р.Тюрго, выступая в Сорбонне, обращал внимание своих слушателей отнюдь не на объективные закономерности прогресса, а лишь на бесконечное многообразие случайностей, всецело определяющих исторический путь человечества[6].

---

[3] См.: *Ferguson Ad.* Essay on the History of Civil Society. Basil, 1789. P. 125.

[4] См.: Ibid. P. 277.

[5] См.: Ibid. P. 359.

[6] См.: Родоначальники позитивизма. Вып. I. М., 1910. С. 31-32.

Гораздо дальше А.Фергюсона пошел его великий соотечественник А.Смит. Его обычно считают предшественником экономических исследований основоположников марксизма, однако такое мнение представляется нам весьма односторонним. В советский период так и не были изданы две первые книги той трилогии А.Смита, заключительной частью которой явилось его прославленное сочинение о богатстве народов — «Теория нравственных чувств» и «Лекции о законодательстве, политике, доходах и армии»[7]. А.Смит является автором таких впоследствии использованных в марксистской теории положений, как признание изначальности общественного существования человека в противовес отрицавшейся им теории «общественного договора»[8], понимание основных функций и эксплуататорской сущности государства, которое, по его мнению, «уч[7//8]реждено для защиты собственности.. для защиты богатых от бедных, или для защиты тех, кто имеет какую-либо собственность, от тех, которые совсем ее не имеют»[9]. А.Смиту принадлежит наиболее совершенный в домарксовый период очерк исторического прогресса, прослеживающий историю первобытного, античного и феодального общества. Ему удалось проанализировать причины и последствия перехода от кочевого типа жизни к оседлому, от охоты и собирательства к скотоводству и земледелию, рассмотреть основные пути возникновения рабовладельческого хозяйства, причем, в отличие от [Ф.]Энгельса, он весьма реалистично определил место и значение рабского труда в

---

[7] См.: *Smith Ad.* Theory of Moral Sentiments. L., 1911. Idem. Lectures on Justise, Police, Revenue and Arms. L.-Oxford, 1896.

[8] См.: *Hoffmann G.K.* Ad.Smith's Philosophie in ihrem Verhältnis zu Naturrecht und Volkswirtschaft. Berlin, 1930. S. 43.

[9] *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 515.

античных обществах[10]. А.Смит рассмотрел также изменение форм эксплуатации от античного строя до капиталистического; показал роль и значение разделения труда и товарного производства для прогресса народного хозяйства. Говоря о том, что капиталист не имел бы стимула нанимать рабочих, если бы он не рассчитывал получить от продажи изготовленных ими товаров большую стоимость, чем была затрачена на приобретение элементов производства[11], А.Смит вплотную приблизился к пониманию капиталистической эксплуатации, а своим анализом интересов рабочих и капиталистов показал существующую между ними полную противоположность[12]. Он не ставил своей целью прогнозировать развитие общества, но фундаментальным его положением, относящимся к данной проблеме, была мысль о том, что новое общество должно посредством максимальной активизации интересов своих членов направить усилия всех граждан на службу социуму[13].

Однако ближе всех к основам марксовой исторической теории подошел Д.Юм. Он, также как и [К.]Маркс, в полном соответствии с воззрениями своего времени, считал общественные отношения определяющими сущность человеческого существа, отмечая, что принципы морали, а также все политические и правовые отношения представляют собой результат длительного процесса развития, движущей силой которого является экономический прогресс. Но важнейшим его достижением было выделение основных способов производства, по сути дела тех же, которые за-

---

[10] См.: *Smith Ad.* Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms. P. 23, 27, 35, 37, etc.

[11] См.: *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 52.

[12] См.: Там же. С. 69.

[13] См.: *Hoffmann G.K.* Op. cit., S. 51; *Smith Ad.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. L., 1894. P. 129, 419.

тем были отмечены и основоположниками марксизма. В качестве первого этапа раз[8//9]вития человечества [Д.]Юм называет примитивное общество, в котором господствует общинное владение, хозяйство медленно эволюционирует от собирательства к земледелию и скотоводству, но при этом отсутствуют неравенство и эксплуатация. Затем он рассматривает античные общества, причем отмечает, что они не могут быть названы в полном смысле слова рабовладельческими, подчеркивая при этом обусловленность их прогресса существованием независимых земледельцев, являвшихся собственниками земли и орудий труда (independent property-owning farmers). Одновременно он отмечал большое значение торговли для хозяйства античных обществ. Выделяя в качестве третьей ступени развития человечества феодальное общество, Д.Юм отмечал его прогрессивный характер. Для его времени это обстоятельство очень примечательно, так как тогда было весьма распространено представление о наступившем после блистательной античной эпохи периоде варварства, а те немногие, кто полагал иначе, исходили из того, что античное общество целиком было обществом рабов и рабовладельцев. Отмечая прогрессивность феодализма, Д.Юм, однако, не обошел вниманием возрастание степени эксплуатации в этот период. В качестве последней, четвертой, стадии эволюции он называл капитализм, общество, в котором начинает господствовать свободная торговля и частное предпринимательство. Отмечая как достоинства, так и недостатки этого периода, он воспринимает их, что весьма важно, исключительно в контексте предшествующего развития[14]. Таким образом, была впервые создана модель, весьма напоминающая марксову периодизацию истории; ее автор только не строил прогнозов на будущее, ограни-

---

[14] Подробнее см.: *Miller D.* Philosophy and Ideology in Hume's Political Thought. Oxford, 1981. P. 122-124.

чиваясь замечаниями о том, что в идеальном социуме не будет «ничего подобного правительству или политическому обществу, а каждый человек, следуя собственной свободе, будет жить в полном мире и согласии со всеми другими»[15], и не создавал философской теории истории, ограничиваясь лишь частичным обобщением большого количества первичных наблюдений, основанных на фактах.

Учитывая значение английских исследователей для формирования марксовой теории, не следует забывать и о том, что важные ее элементы были заимствованы и из работ выдающихся представи[9//10]телей немецкой философии этого же периода. Например, идея о том, что история человеческого общества представляет собой «всеобъемлющий, ступенчатым образом разворачивающийся процесс, включающий в себя эволюцию и революцию»[16], принадлежит И.Гердеру. Он же высказал и мысль о том, что результатом истории должно стать такое состояние, когда человек преодолеет те качества, которые связаны с вынужденным подчинением его материальной необходимости[17]; по сути дела, здесь имеется связь с высказываниями [К.]Маркса о «царстве свободы», начинающемся «по ту сторону сферы собственно материального производства». Другой выдающийся мыслитель, И.Кант, предположил, что развитие человечества движется к такому состоянию, когда свобода каждого из людей станет залогом свободы других и условием непрекращающегося прогресса социума; причем, по его мнению, человечество само должно осуществить преобразования, ведущие к такому состоянию. Он писал: «только в обществе — и именно в таком, в котором всем членам предоставляется наибольшая сво-

---

[15] *Юм Д.* Сочинения. Т. 2. М., 1965. С. 247.

[16] *Dietze W.* Johann Gottfried Herder. Abriss seines Lebens und Schaffens. Berlin-Weimar, 1983. S. 60.

[17] [См.:]*Rathmann J.* Zur Geschichtsphilosophie J.G.Herders. Budapest, 1978. S. 70-73.

бода, а следовательно, не создается препятствий развитию всепроникающего антагонизма и в котором в то же время границы этой свободы определены и обеспечены наиболее точно и полно, дабы она могла сосуществовать со свободой других, — только в таком обществе может быть достигнуто высшее предначертание природы — развитие всех ее дарований, заложенных в человечестве, — и природа хочет, чтобы и эту цель, как и все другие предназначенные ему цели, оно само осуществило»[18]. Принцип же развертывания истории человечества в соответствии с законом отрицания отрицания безусловно принят [К.]Марксом из гегелевской философии.

Все эти, равно как и многие другие, элементы научной мысли оказали позитивное воздействие на творчество [К.]Маркса и [Ф.]Энгельса, на становление их теории. По сути дела, это были идеи либерализма. Нам кажется неправильной точка зрения, в рамках которой производится резкое противопоставление социализма и либерализма. Социализм, принимая либеральные представления о свободе, выступает не против свободы, а за регулирование отношений между человеком и обществом по поводу осуществления сво[10//11]боды. И в развитии последовательно научной теории этого вопроса значение [К.]Маркса весьма велико. Но при этом важно отметить, что революционные концепции начала девятнадцатого века были в гораздо большей мере чужды марксизму, нежели идеи указанных выше авторов. Описательный характер примитивных исторических построений [О.]Бланки и [В.]Вейтлинга, их исключительно поверхностные представления о будущем обществе безусловно не могли непротиворечиво инкорпорироваться в теорию истории, созданную основоположниками марксизма, а схематизм теории [Ш.]Фурье

---

[18] *Кант И.* Идея всеобщей истории // Родоначальники позитивизма. Вып. I. С. 7.

подобен схематизму построений советских сторонников теории «общественно-экономических формаций» в худшем ее виде. Даже сам путь марксова исследования показывает, что перед нами сторонник не уравнительно-коммунистической, а либеральной традиции. Он не идет, как шел [Ш.]Фурье, от постулирования общих законов развития природы к исследованию общественной жизни. Напротив, он следует [А.]Смиту, начавшему свое творчество с «Теории нравственных чувств» и закончившему его «Исследованием о природе и причинах богатства народов». [К.]Маркс также начинает свой анализ с проблемы человека, его положения в обществе, характеристик его личности, и недаром именно проблема отчуждения в 40-е годы является для него доминирующей. Лишь позже, пройдя через период политических и исторических исследований, [К.]Маркс обращается собственно к экономике, сквозь призму которой предпринимает своего рода переосмысление обнаруженных им ранее исторических закономерностей. И такое развитие философской доктрины основоположников марксизма должно, на наш взгляд, лучше всяких иных факторов, весьма однозначно указывать на их основных предшественников.

Ввиду того что теория марксизма включила в себя множество положений, восходящих к выдающимся представителям либерализма восемнадцатого века, в ней возникало неизбежное противоречие между элементами, заимствованными из глубоких исследований этих авторов, и теми ее частями, которые оказались связанными с примитивными и идеологизированными представлениями утопистов. Академический характер теории многократно вступал в острые противоречия с ее революционным предназначением, причем эти противоречия не затухали, а становились со временем все решительнее. При жизни ос[11//12]новоположников марксизма они не ощущались столь отчетливо, как позже, хотя некоторые из них прослеживались довольно ясно, что будет далее

рассмотрено на примере анализа [К.]Марксом и [Ф.]Энгельсом процесса возникновения и процесса преодоления классовых различий.

Впоследствии же, когда на арену выступили ученики [К.]Маркса и [Ф.]Энгельса, данные противоречия быстро дали начало конфликтам между личностями, мгновенно нараставшим в условиях, когда большинство марксистов стали на путь революционной борьбы. При этом следует отметить, что последователи основоположников марксизма в большинстве своем довольно поверхностно понимали это учение, абсолютизируя заключенные в нем революционные моменты. Последнее обстоятельство привело к быстрой вульгаризации и примитивизации теории, которая стала постепенно отставать от потребностей практики, а затем и к действиям по преобразованию общества, принципиально несовместимым с марксистским гуманистическим идеалом и ведшим в конечном счете к историческому тупику. Но в то же время крен в сторону революционности как бы оттенил те элементы марксова учения, которые имели не идеологический, а сугубо научный характер, что в значительной степени спасло их от забвения. Большие прогностические возможности марксовой теории привели к тому, что многие ее положения были плодотворно использованы и развиты совсем не теми, на кого они были рассчитаны. Однако об этом мы поговорим несколько позже.

Основы марксистской методологии

Марксистское учение, образовавшееся под влиянием и на основе развития прогрессивной научной мысли в разных областях знания, не является, на наш взгляд, столь комплексным, как это было принято счи-

тать еще совсем недавно. Марксизм, как мы уже говорили, несет в себе самом трудноразрешимое противоречие между своей научной и идеологизированной частями. Возникнув как идеологическая конструкция, основанная на примате гуманистических принципов, он в ходе своего развития был обогащен огромным количеством фактов и аргументов, однако последнее не изменило, а еще более обострило его двойственную структуру. С одной стороны, [12//13] он остался идеологией, в рамках которой превыше всего ставится дело пролетариата и стремление к построению коммунистического общества; с другой стороны, данная теория представляет собой научное описание исторических, экономических и социальных процессов. В первом случае имеются предпосылки для преобладания идеологии над объективным знанием, во втором — условия доминирования научного видения над идеологией. Специфика [К.]Маркса как аналитика заключалась, на наш взгляд, также и в том, что ему удалось относительно непротиворечиво сочетать в своей концепции эти два подхода, не абсолютизируя одного из них. Между тем это же обстоятельство определило и дальнейшее развитие марксизма: почти сразу же после смерти его основателя различные школы последователей абсолютизировали каждый свою сторону концепции и произошло известное разделение на «революционных марксистов» и «ревизионистов».

Там, где марксистская теория выступает как свободное от идеологии научное построение, все его составные части объединены глубоко присущим им принципом историзма. Поэтому можно утверждать, что теория истории является центральным звеном в марксизме; из исторических процессов [К.]Маркс и [Ф.]Энгельс черпали факты для обоснования своей философской доктрины, утверждению представлений о неизбежности определенной исторической перспективы посвящали они свои экономические исследования, для

приближения коммунистического будущего совершенствовали стратегию и тактику классовой борьбы. Но при том, что по сути дела каждый элемент марксова учения в той или иной мере связан с изучением исторических процессов, [К.]Марксом была специально разработана исключительно стройная теория прогресса человечества, и именно она сейчас находится в центре нашего внимания.

Основой этой теории явилось созданное [К.]Марксом учение о трех общественных формациях (Gesellschaftsformationen) в истории человечества. Методология создания формационной теории кажется нам относящейся больше к области философской, нежели собственно исторической; представляется вполне убедительным положение, согласно которому три общественные формации выделены в соответствии с законом отрицания отрицания, составляя класси[13// 14]ческое диалектическое триединство. Основоположник марксизма называл открытые им ступени общественного прогресса по-разному; говорилось, например, о первичной[19], вторичной и третичной формациях, однако более распространенным стало их обозначение как архаической[20], экономической[21] и коммунистической[22]. Хронологические границы общественных формаций [К.]Маркс не пытался строго определить, что лишний раз подчеркивает понимание им сложности и неоднозначности исторического процесса. Можно только говорить о том, что основными критериями для определения границ данных общественных формаций для него являлись отсутствие или наличие частной собственности, эксплуатации и классов. Нельзя не заме-

---

[19] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 19. С. 404-419.

[20] См.: Там же.

[21] См.: Там же. Т. 13. С. 7.

[22] См.: *Поршнев Б.Ф.* Периодизация всемирно-исторического процесса у Гегеля и Маркса // Филос[офские] науки. 1969. № 2. С. 60.

тить, что указанные три признака конституируют не всегда совпадающие границы между формациями, и общество, которое по одному признаку может относиться, скажем, к архаической общественной формации, согласно другому принципу классификации может быть причислено к экономической. [К.]Маркс видит это затруднение; касаясь теории развития земледельческой общины, он пишет: «земледельческая община повсюду представляет собой новейший тип архаической общественной формации, и поэтому же в историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от первичной формации к формации вторичной»[23], подчеркивает, что «земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации...»[24]. Поэтому можно утверждать, что в условиях архаической и коммунистической формаций не существует указанных выше трех черт общественного состояния, в то время как экономическая общественная формация основана на классовом делении общества, эксплуатации человека человеком и частной собственности; сама задача, стоящая перед формационной теорией, не требует, на наш взгляд, большей конкретизации определений и большей однозначности концепции.

Выделяя в истории человечества три большие формации, основоположник марксизма, как мы уже говорили, следует закону отрицания отрицания, показывая, каким поступательным, хотя и [14//15] противоречивым, было развитие общества. Основное значение марксовой теории формаций заключается, на наш взгляд, в том, что она отмечает те великие эпохи в развитии человечества, которые с неизбежностью про-

---

[23] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 19. С. 404.

[24] Там же. С. 419.

ходит каждый народ из составляющих земную цивилизацию. Эта часть марксистской теории отражает общие черты исторического процесса, представляет фактически философию истории. Но и здесь важно подчеркнуть, что [К.]Маркс двинулся гораздо дальше своих предшественников, в частности что он поднялся к философии истории от исследования самого исторического процесса, а не попытался создать ее априорную картину. В восемнадцатом веке собственно история и философия истории оставались фактически разными науками: философы строили свои концепции исходя из философских же постулатов, вплоть до аппеляций к имманентным чертам человеческой природы, историки же, как правило, не поднимались до глобальных обобщений. Поэтому создание цельной философской картины исторического процесса заметно выделяет [К.]Маркса на фоне ученых его времени. Сам же историзм, пронизывающий все его исследования, основывается скорее не на формационной теории, с которой его обычно связывают, а на концепции способа производства.

Понятие общественной формации и понятие способа производства не должны отождествляться в хронологическом аспекте. Последний термин используется основоположниками марксизма для анализа абстракций совершенно иного уровня, для исследования реального исторического процесса, и именно поэтому на первый план здесь выходят проблемы хозяйственной организации. [К.]Маркс выделял способы производства, в качестве которых принимались достаточно завершенные социально-экономические системы, внутри каждой общественной формации. Известно, например, его высказывание о том, что «в общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»[25].

---

[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 13. С. 7.

Кроме того, не следует смешивать термины «общественная формация» и «общественно-экономическая формация». Если первый представляет собой естественную единицу марксовой терминологии, являясь в немецком языке единым неделимым существительным «Gesell[15// 16]schaftsformation», то второй есть именно результат отождествления формации и способа производства, проведенного, причем совершенно безосновательно, советскими исследователями.

Корни такого отождествления восходят к известным ленинским положениям, основанным на неправильной трактовке им указанной выше марксовой цитаты в 1894 г[оду]. Тогда [В.И.]Ленин предложил следующий перевод данного отрывка: «рассматриваемые в общих чертах азиатские, античные, феодальные и новейшие буржуазные производственные порядки могут быть рассматриваемы как прогрессивные эпохи в истории экономических формаций общества»[26]. В данном случае текст перевода несет многочисленные неточности и двусмысленности, не говоря уже о чисто редакционных погрешностях; сам [В.И.]Ленин в 1914 г[оду] признал его ошибочность и привел отрывок в ныне известной редакции[27] Однако понимание им множественности «экономических формаций общества» и множественности «способов производства» привело [В.И.]Ленина к введению понятия «общественно-экономическая формация» как термина, сочетающего разные стороны общественной жизни. Это его понимание, вполне, возможно, здравое, было, однако, приписано им [К.]Марксу, когда он ставит последнему в заслугу то, что он ввел в социологию понятие общественно-экономической формации[28]. Таким образом [В.И.]Ленин нарушил марксову терминологию.

---

[26] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 136.

[27] Там же. Т. 14. С. 57.

[28] Там же. Т. 1. С. 136.

Позднее, когда книга «Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов» стала настольным изданием многих советских марксистов, неверный ленинский перевод и связанный с ним новый термин были узаконены и стали предметом бурных обсуждений. Начиная с 1929 г[ода], по формационной тематике развернулась широкая дискуссия, участники которой, однако, постепенно эволюционировали не к диалектической марксовой концепции, а к примитивному пониманию общественного развития как процесса смены пяти «общественно-экономических» формаций. Данная точка зрения, развивавшаяся в рамках школы академика М.И.Покровского, получила свое идеологическое закрепление в середине 30-х годов в работах И.В.Сталина[29].

Реально же, повторим еще раз, мы наблюдаем у [К.]Маркса фи[16//17]лософское осмысление общественного прогресса, выраженное в теории трех общественных формаций, и анализ конкретного развертывания исторических событий на фоне хозяйственного развития, что воплощено в концепции способов производства. Двухуровневость построения исторического исследования является важным элементом новизны марксизма по отношению к теориям его предшественников.

Динамичность марксовой исторической доктрине придает выполненная в соответствии с ней концепция смены общественных формаций и способов производства. Долгое время среди советских исследователей доминировало мнение о том, что смена «общественно-экономических формаций» обязательно опосредуется социальной революцией. При этом, как утверждалось,

---

[29] См.: *Сталин И.В.* Речь на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников // Соч. Т. 13. С. 239; *Сталин И.В.* О диалектическом и историческом материализме. М., 1938. С. 25; История Всесоюзной коммунистической партии /большевиков/. Краткий курс. М., 1938. С. 118-119.

такая революция имеет и политическую сторону. Единственным аргументом в пользу такого подхода, однако, выступали лишь слова [К.]Маркса «каждая революция разрушает старое общество, и постольку она социальна. Каждая революция низвергает старую власть, и постольку она имеет политический характер»[30]. Между тем этот тезис, относящийся к 1844 г[оду], был кардинально пересмотрен [К.]Марксом и [Ф.]Энгельсом уже через несколько лет, когда [Ф.]Энгельс указал, что «социальная революция есть нечто совершенно иное, чем происходившие до сих пор политические революции: в отличие от них она направлена не против собственности монополии, а против монополии собственности»[31], с чего началась традиция использования термина «социальная революция» фактически исключительно для обозначения коммунистического преобразования общества. Если обратиться к переводам работ [К.]Маркса и [Ф.]Энгельса, составившим второе издание собрания их сочинений на русском языке, то можно увидеть, что термин «социальная революция» применяется именно в таком контексте более 140 раз, встречаясь в текстах в общей сложности около 150 раз[32]. Позднее [К.]Маркс, приняв позицию [Ф.]Энгельса, распространил применение данного термина и на обозначение перехода от первичной общественной формации к вторичной. Он называл социальной революцией разрушение общинных структур в Индии эпохи английской колонизации, а [Ф.]Энгельс, в свою

---

[30] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 1. С. 448.

[31] Там же. Т. 2. С. 552.

[32] Подробнее см.: *Иноземцев В.Л.* Теория общественного развития основоположников марксизма и проблемы политической экономии в широком смысле слова // Эффективность общественного производства и проблемы социально-экономического развития СССР. М., МГУ 1989. С. 11-15; *Иноземцев В.Л.*. Альтернативность общественного развития // Вестник Московского университета. Сер[ия] 6: Экономика. 1991. № 2. С. 6-7.

очередь принявший марксову позицию, обозначал этим же термином подрыв отношений родовой общины в Древнем Риме. Теория соци[17//18]альной революции, таким образом, являлась имманентным элементом марксовой теории истории, а не дополнением к теории классовой борьбы и порождена концепцией общественных формаций, ибо социальными революциями основоположники марксизма называли исключительно переходы от одной общественной формации к другой[33].

В отличие от смены общественных формаций, переходы от способа производства к способу производства рассматриваются в марксизме в качестве политических революций. В данном случае [К.]Маркс как историк находится безусловно выше своих предшественников, которые анализировали революционные изменения в первую очередь со стороны их формы. Он же, вводя понятия социальной и политической революций, подчеркивает, что различия заключаются не только в их значении для исторического процесса, но также и в порождающих те или иные революционные изменения причинах. Если социальная революция вызывается противоречием между производительными силами и производственными отношениями[34], то революция политического типа обусловлена скорее противоречием между развивающимся экономическим базисом и противодействующей такому развитию политической над-

---

[33] Подобная позиция не является широко признанной в советской литературе. На сегодняшний день отмечается лишь, что причины, которые вызывают социальную и политическую революции, существенно отличаются, однако сами эти революции по-прежнему рассматриваются как составные части единого революционного изменения или, в лучшем случае, как протекающие параллельно процессы, как это сделано Н.А.Симония, но не как революционные изменения разных типов — переходы от формации к формации или от способа производства к способу производства внутри экономической общественной формации. Подробнее см.: *Иноземцев В.Л.* Время трезвых оценок // Свободная мысль. 1992. № 3.

[34] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т 13. С. 8.

стройкой[35]. Вот как описывает [К.]Маркс ситуацию, приводящую к развертыванию политической революции: «...ранний интерес, когда соответствующая ему форма общения уже вытеснена формой общения, соответствующей более позднему интересу, еще долго продолжает по традиции обладать властью в лице обособившейся от индивидов иллюзорной общности (государство, право), — властью, которая в конечном счете может быть сломлена только посредством революции»[36]. Мы также видим в работах [К.]Маркса указания на то, что в рамках экономической общественной формации между производительными силами и производственными отношениями серьезное противоречие «уже неоднократно имело место.. не угрожая, однако, ее основам»[37], так как в этих условиях «всякое изменение производительных сил людей ведет за собой изменение в их производственных отношениях»[38]. Существенным моментом, которого недоставало многим советским исследователям исторического процесса, является понимание тес[18//19]ной взаимосвязи производительных сил и производственных отношений не только в рамках отдельного способа производства, но и в экономической общественной формации в целом. Только при выходе за пределы общественной формации эта связь разрывается и тогда наступает эпоха гигантских изменений, эпоха социальной революции.

На наш взгляд, марксова теория социальной и политической революций, концепция двухуровневости происходящих исторических процессов может дать для

---

[35] Подробнее см.: *Иноземцев В.Л.* Капитализм, социализм или постиндустриальные общества? // Коммунист. 1991. № 4. С. 36-37; *Иноземцев В.Л.* Экономическая общественная формация: границы понятия и значение теории // ПОЛИС. Политические исследования. 1991. № 4. С. 37.

[36] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 3. С. 73.

[37] Там же. С. 75.

[38] Там же. Т. 4. С. 144.

исторической науки столь же много, как выделение абстрактного и конкретного труда дало для политической экономии. Величайшим шагом вперед Маркса-историка по сравнению с его предшественниками было вычленение уровней развития исторического процесса. Но в то же время, если рассмотреть исторические теории домарксова периода, всегда каким-то образом субординировавшие события, но редко дававшие концептуальную картину прогресса, в качестве тезиса диалектической триады, то исследование [К.]Маркса представляется антитезисом: здесь был сделан решительный шаг от самой истории к философии истории, к ее теории, и эта последняя достигла высокой степени совершенства, но новая концепция не была при жизни [К.]Маркса достаточно последовательно и полно применена для анализа всех многообразных сторон общественной жизни. Поэтому необходимость синтеза теории истории и конкретных оценок социальной жизни по-прежнему сохранялась.

Марксова историческая доктрина, однако, позволяет иначе, чем это у нас обычно предпринималось, взглянуть на три важные проблемы, которые до сих пор стоят перед советскими экономистами, социологами и философами истории. Во-первых, это так называемая проблема нестандартных обществ; во-вторых, вопрос об определении исторического места современных западных социумов; и, в-третьих, анализ исторической перспективы прогресса человечества.

Марксова теория общественного развития принципиально не предполагает самого вопроса о нестандартных обществах. Историческая концепция марксизма трактует о том, что каждый народ в своем развитии проходит как бы высшие формы каждой общественной [19//20] формации: родовую общину как отражение закономерностей архаической формации, капиталистический способ производства как олицетворение экономической, и высшую фазу коммунистического

общества. Эти три состояния неизбежны на историческом пути каждого народа, несмотря на любое ускорение или замедление межформационных переходов. События последнего времени в «социалистических» странах лишний раз демонстрируют невозможность создания социалистического, а тем более коммунистического общества в социумах, не прошедших естественного пути развития экономической общественной формации. В то же самое время [К.]Маркс и [Ф.]Энгельс отмечают, что даже при такой «заданности» исторического прогресса, в эпохи, ознаменовывающие переход от зрелого состояния одной общественной формации к зрелому состоянию другой общественной формации, возможны различные пути исторического развития. Подробный анализ таковых основоположникам марксизма удалось провести только на примере перехода от архаической общественной формации к экономической, и он воплотился в концепции двух различных путей образования классов. Как известно, с одной стороны существовала возможность перехода к классовому обществу через разрушение общинных структур и эксплуатацию одного члена бывшей общины другим; с другой стороны, при наличии необходимых условий могла произойти консервация общины и возвышение ее правителей, присваивающих себе верховную власть над общинниками и начинающих эксплуатировать всю систему как единое целое[39].

[К.]Маркс и [Ф.]Энгельс, однако, оказались непоследовательными в воплощении этого открытого ими универсального принципа многовариантности в своей теории истории. Политические факторы в данном случае решительно возобладали над теоретическими, и, как известно, основоположники марксизма абсолютизировали революционный путь уничтожения капита-

---

[39] Подробнее см.: *Иноземцев В.Л.* Альтернативность общественного развития. С. 3-10.

листического способа производства. Между тем, согласно их теории, этот тип общества являлся высшей точкой развития экономической общественной формации, и у них, на наш взгляд, не было достаточных оснований утверждать, что именно вслед за этой высшей точкой последует автоматический крах данной формации. Именно это и подтвердила ис[20//21]тория. С достижением экономической общественной формацией своего высшего предела в виде капиталистического типа производства выявились два альтернативных пути развития — социалистический и новый, эволюционно вырастающий из капитализма, но существенно от него отличающийся. Согласно методологии марксовой теории истории, и мы подробно это уже рассматривали, данный новый способ производства можно считать посткапиталистическим обществом, существующим в исторических рамках экономической общественной формации[40]. Возникновение данного нового качества относится, скорее всего, к периоду после второй мировой войны, и кризис социалистического лагеря, потеря им своих позиций, а впоследствии распад и крах коммунистических режимов могут быть объяснены не в последнюю очередь и тем, что социалистические страны получили на этом этапе развития в качестве своего «противника» не старый, «умирающий» капитализм, с которым они одно время успешно соперничали, а новое, успешно саморазвивающееся общество.

Между тем такая трактовка вопроса, как известно, не получила распространения среди советских марксистов. Напротив, еще совсем недавно была предпринята весьма спорная попытка определить современное состояние западного общества как своего рода «реальный капитализм», как комплексное буржуазное уст-

---

[40] Некоторые черты этого общества мы рассмотрели в: *Иноземцев В.Л.* Капитализм, социализм или постиндустриальные общества? С. 37-40.

ройство, объявив при этом все прежние формы западных социумов лишь переходным периодом, предшествовавшим становлению подобного зрелого капитализма. Данная точка зрения, выдвинутая в 1988 г[оду] В.А.Медведевым[41], получила определенную поддержку несмотря на то, что недвусмысленно предполагала ошибочность всех прежних политико-экономических построений: от «Капитала», основанного на предположении капитализма девятнадцатого века зрелым способом производства, до работ [В.И.]Ленина, в основу которых было положено представление об империализме как фазе заката капиталистического строя. Более того, у высказанной гипотезы появились и противники, которые подвергли ее критике с еще более ортодоксальных позиций и трактовали современные западные общества как новый этап в эволюции загнивающего империализма, принципиально не замечая большинства явлений, которые без сомнения свидетель[21//22]ствуют о качественном изменении самих основ современных западных обществ.

Нельзя не сказать несколько слов и о марксовом видении исторической перспективы. Известно, что таковой он считал коммунистическое общество. Чаще всего советские исследователи говорили о таких принципиальных чертах этого строя, как господство отношений свободы, равенства и братства, распределение по потребностям и изобилие материальных и духовных благ. Однако все эти характеристики коммунизма не являются научной заслугой [К.]Маркса и [Ф.]Энгельса; напротив, именно в этом мы видим наиболее откровенное заимствование основоположниками марксизма элементов утопического социализма. Наиболее существенной же мы считаем трактовку [К.]Марксом коммунизма как царства свободы, начинающегося «в

---

[41] См.: *Медведев В.А.* Великий Октябрь и современный мир // Коммунист. 1988. № 2. С. 6.

действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней необходимостью, и, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства»[42]. Это понимание коммунизма сочетается с рядом тезисов [К.]Маркса о природе и исторических судьбах труда.

[К.]Маркс весьма историчен в своем подходе к такому всеобщему явлению, каким кажется труд. Говоря о том, что последний «по своей сущности есть несвободная, нечеловеческая, необщественная, обусловленная частной собственностью и создающая частную собственность деятельность»[43], он указывает, что «частная собственность есть не что иное, как овеществленный труд. Если частной собственности хотят нанести смертельный удар, то нужно повести наступление на частную собственность не только как на вещественное состояние, но и как на деятельность, как на труд»[44]. По мнению [К.]Маркса и [Ф.]Энгельса, социалистическое переустройство общества должно быть ориентировано прежде всего не на изменение общественной формы труда, не на его «освобождение», а на преодоление труда как специфического, обусловленного внешней необходимостью, вида деятельности. «Труд, — отмечали [К.]Маркс и [Ф.]Энгельс, — уже стал свободным во всех цивилизованных странах. Дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничто[22//23]жить»[45]. Переход к коммунизму как к обществу, основанному на надутилитарно мотивированной деятельности, представляет собой важный элемент марксовой футурологии, вытекающий из его исторической концепции.

---

[42] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 25. Ч. II. С. 386.
[43] Там же. Т. 42. С. 242.
[44] Там же. Т. 3. С. 192.
[45] Там же. С. 192.

Последнее обстоятельство крайне важно, хотя принципиально игнорируется большинством советских исследователей. Фактически никто из них не рассматривает деятельность в обществе будущего, деятельность в коммунистическом социуме иначе как труд, пусть даже прибавляя к этому термину эпитеты «творческий», «свободный», «обогащающий личность» и так далее. Между тем [К.]Марксу удалось, на наш взгляд, уловить то существенное обстоятельство, что новое, качественно отличное от системы экономической общественной формации общество может быть построено только на виде деятельности, в аналогичной мере отличном от труда, предполагающем качественно новый тип мотивации. Основой последней, видимо, должна стать та потребность во всестороннем и гармоничном развитии личности, о которой так много говорил [К.]Маркс. Однако его теория и в данном случае оказалась несколько ограниченной, и в первую очередь потому, что основоположнику марксизма не удалось отказаться от использования термина «труд» и заменить его чем-то иным. Теория [К.]Маркса и [Ф.]Энгельса, и это мы еще отметим, не знает понятия творчества, и даже активность, всецело определяемую потребностями самореализации личности, они не называют иначе, как «свободным трудом», противореча тем самым своим же тезисам о его «освобождении». [К.]Маркс фактически подошел к пониманию неизбежности преодоления трудовой деятельности в обществе будущего, но так и не смог преступить грань привычных терминологических представлений, что привело к консервации домарксовых представлений в среде его последователей, продолжающейся и поныне.

Таким образом, можно отметить следующее. Марксова историческая концепция безусловно более совершенна, нежели теории его предшественников. Главными достижениями основоположников марксизма яви-

лись, во-первых, построение философии прогресса исходя из анализа конкретных исторических событий и фактов, из их об[23//24]общения и, во-вторых, как следствие этого, создание разноуровневой исторической доктрины. Общефилософские же моменты отделяются [К.]Марксом и [Ф.]Энгельсом от исследования исторических событий на более низком уровне абстракции. Можно сказать, что если философы восемнадцатого века создавали теории, в которых нередко оказывались смешанными отдельные исторические события и состояния, мнения автора по их поводу, а также гипотезы о глобальных исторических процессах и закономерностях, то в марксизме возникла достаточно четкая структурированность теории, которая дополняется совершенным теорминологическим аппаратом.

Но в то же время и эта концепция не может быть названа, несмотря на многочисленные существовавшие к этому попытки, завершенной. Противоречия между теорией и практикой, между открытыми историческими законами и стремлением следовать политической целесообразности — все это привело к тому, что соединения теории с практикой на деле не было осуществлено в должной мере. Развитие марксизма начиная с [В.И.]Ленина направилось не по пути обогащения теории новыми, соответствующим образом обработанными, данными практики, а по пути разменивания концепции на многочисленные «руководства к действию» и приспособления теории для объяснения любого нового факта действительности, ради чего нередко приносились к жертву не только внутренняя строгость самой доктрины, но, что более опасно, также и убедительность аргументации. Теория [К.]Маркса и [Ф.]Энгельса, и это можно говорить сегодня вполне определенно, была вульгаризирована и разрушена в первую очередь ее собственными последователями.

Кто же наследник?

Было бы совершенно неверно считать, что рациональные элементы марксовой теории общественного прогресса не были замечены западной мыслью, которая в двадцатом веке продолжала с успехом развивать многие из тех традиций, которые ранее привели к возникновению самого марксистского учения. Более того. Чем дальше советская идеология отходила от использования маркс[24//25]ова метода и чем примитивнее становились ее объяснения новых общественных явлений, чем больше становилась пропасть, отделявшая «марксистов» как от подлинной марксовой теории, так и от явлений современного мира, тем явственнее стали прослеживаться некоторые моменты, присущие марксизму, в западной социологической мысли. Можно говорить и о том, что определенные меры к совершенствованию общественного устройства были предложены социалистами и социал-демократами, что большие успехи были достигнуты в областях знания, дополнявших историческую теорию, но мы хотели бы акцентировать внимание на том, что после второй мировой войны на Западе стала прокладывать себе дорогу новая теория, многие фундаментальные положения которой обнаруживали сходство с марксистскими, зачастую даже совершенно феноменальное.

Мы имеем в виду теорию постиндустриального общества. Многократно раскритикованная советскими авторами, она возникла в конце 50-х — начале 60-х годов, когда в западном обществе начала складываться новая парадигма технократического и социального мышления. По сути дела, именно в этот период успехи техники впервые привели к реальным изменениям в жизни общества, принесли с собой улучшение положения рабочего класса, вызвали новые массовые потребности, породив вместе с тем и эффективные сред-

ства их удовлетворения. Наряду с этим те же самые явления потребовали отказа от развития унифицированного производства и потребления, серьезно разнообразили возможности проявления человеческой индивидуальности, определили гигантские сдвиги в структуре рабочей силы, ее переток из материального производства в сферу услуг и информации. Все эти изменения не могли не найти отражения в социологической доктрине Запада, и ее передовые представители выдвинули целый ряд смелых гипотез, связанных с безвозвратным уходом прежнего видения мира. По их мнению, сегодня возникают основы общества, где господствует взаимоотношение между индивидами, заменяющее их взаимодействие с мертвыми машинами, устраняются основы старых экономических систем, возникают и развиваются третичный и четвертичный сектора экономики. Появившись как концепция, предсказывавшая некоторые [25//26] изменения в рамках существующего социума, теория постиндустриализма быстро получила должное методологическое обоснование и превратилась в комплексную доктрину, описывающую исторический путь человечества. В этом отношении вполне возможно ее адекватное сравнение с марксистскими представлениями о путях исторического и экономического прогресса.

Начиная оценку теории постиндустриального общества с ее методологических аспектов, следует отметить, что она претендует на концепцию исторического развития человеческой цивилизации, на специфическую теорию истории; в этом контексте мы сразу замечаем два существенных ее сходства с марксовыми представлениями.

Во-первых, теоретики постиндустриального общества основывают свою методологию на признании трех основных эпох человеческой истории — аграрного, индустриального и постиндустриального обществ. Последние, разумеется, не тождественны общественным фор-

мациям [К.]Маркса и [Ф.]Энгельса, но между ними существует, как мы полагаем, определенное сходство.

Известный западный исследователь Р.Арон, например, указывает, что индустриальный строй представляет собой «такой тип социума, который открывает новую эру в человеческом развитии», приходя на смену аграрным обществам, и при этом «легко дать абстрактное определение каждого типа общества, но трудно обнаружить его конкретные пределы и выяснить, является то или иное сообщество архаическим или индустриальным»[46]. Таким образом, автор противопоставляет индустриальную цивилизацию аграрной и отмечает, что фактически невозможно найти четкую хронологическую границу между ними. То же самое мы уже видели у [К.]Маркса относительно грани между архаической и экономической общественными формациями[47], когда он признает возможность сосуществования во времени форм архаической и экономической и также и то, что исторический переход от первой формы ко второй может продолжаться столетия.

Три стадии развития цивилизации — аграрная, индустриальная и постиндустриа[26//27]льная — подробно рассмотрены Д.Беллом, признанным классиком постиндустриализма. Сравнение этих обществ, черты которых мы не будем здесь подробно излагать, проводится им по ряду направлений: по типу взаимоотношений между человеком и природой, характеру труда в соответствующем обществе, механизму мотивации человеческой деятельности, техническому уровню производства и источникам энергии, на основе которых ведется производственный процесс[48]. Бесспорно, в отличие от

---

[46] *Aron R.* The Industrial Society. Three Lectures on Ideology and Development. N.Y.-Wash., 1967. P. 97.

[47] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 19. С. 404, 419.

[48] См.: Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1978. P. 146.

марксова подхода существенный акцент в данном случае сделан на технических условиях производства в том или ином социуме. Однако подобный подход изначально ориентирован на исследование тех сторон общественной жизни, которые отличаются своим постоянным поступательным развитием. И если в созданной основоположниками марксизма концепции общественные формации и способы производства, ориентированные на изменяющиеся черты общества, исторически сменяют друг друга, то видение истории постиндустриалистами оказывается существенно иным. По мнению Д.Белла, «постиндустриальное общество не может заместить (displace) индустриальное, и даже аграрное... оно только добавляет к ним новое измерение»[49]; оно есть «совокупность новых принципов социально-экономической организации и новый тип жизни, приходящий взамен индустриальной системы так же, как она пришла на смену аграрной... это не должно означать прекращение производства материальных благ. Постиндустриальные тенденции не замещают предшествующие общественные формы как "стадии" общественной эволюции. Они часто сосуществуют, углубляя комплексность общества и природу социальной структуры»[50]. Этот подход представляется нам весьма плодотворным: он предполагает как преемственность исторического развития, так его многовариантность и многоукладность. В свете постигшей коммунистические режимы неудачи построения общества в соответствии с заранее созданной априорной моделью, основанной на четких и однозначных принципах, данная методология кажется вполне приемлемой в сегодняших сложных условиях.

---

[49] См.: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P. 198, note.

[50] *Bell D.* The Third Technological Revolution and Its Possible Socio-Economic Consequences // Dissent. Vol. XXXVI. No 2. Spring 1989. P. 167.

Во-вторых, несмотря на столь усердно подчеркиваемую поступательность и преемственность социального прогресса, сторонники [27//28] постиндустриализма, как и [К.]Маркс, обозначают эпохи перехода от аграрного общества к индустриальному и от него к постиндустриальному как социальные революции. Так же как и основоположники марксизма, они в первую очередь обращают внимание на значимость той социальной революции, которая отделяет индустриальное общество от постиндустриального. Отмечая, что сама природа последнего основывается на максимально полном развитии всех способностей человека, называет переход к нему наиболее значительной социальной революцией в истории человечества Ж.Серван-Шрайбер[51]. Революционизирующее значение придают становлению «информационного» общества и многие другие авторы[52].

Интересно отметить, что Д.Белл, анализируя проблему перехода, непроизвольно начинает пользоваться специфическими марксовыми терминами, когда утверждает, что в результате соответствующих социальных изменений происходит становление общества, которое может быть охарактеризовано не только как постиндустриальное, но и как постэкономическое[53]. Последнее понятие не получает широкого распространения в рамках теории постиндустриализма, но уже один только факт его появления, на наш взгляд, может рассматриваться как весьма показательный.

Однако, отмечая устойчивый характер движения человеческого общества в своей истории от аграрного общества через индустриальное к постиндустриальному состоянию, классики данной теории не считают,

---

[51] См.: *Servan-Schreiber J.J.* Le défi mondiale. P., 1980. P 374.

[52] См.: *Kahn H., Brown W., Martell L.* The Next 200 Years. A Scenario for America and the World. N.Y., 1976. P. 22.

[53] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1973. P. 54, note.

что такой путь един и не имеет разнообразных исторических форм. Как и основоположники марксизма, Д.Белл и его последователи признают возможность многовариантного развития. Однако в силу того, что они исследуют историю с высоты второй половины двадцатого столетия, их акценты существенно смещены. Если [К.]Маркс и [Ф.]Энгельс обращались в первую очередь к анализу перехода от архаической общественной формации к экономической, то современные теоретики предпочитают столь же пристально изучать ныне происходящие процессы. Именно сегодняшняя практика подталкивает их к признанию такой многовариантности. К концу 70-х годов классики данного [28//29] направления вынуждены были констатировать, что не существует возможности строгого движения по одной определенной линии прогресса и пути перехода к постиндустриальному обществу могут быть существенно различными для разных народов, составляющих цивилизацию[54].

По мнению Д.Белла, противоречия индустриального общества могут разрешаться разнообразными путями. Крайними методами, видимо, являются, с одной стороны — революция, рушащая устои существовавшего ранее общества, и, с другой стороны, его консервация перед лицом революционной опасности, то есть своего рода попятное движение. Наиболее оптимальным путем предполагается средний путь, основанный на усвоении обществом культурных и научных ценностей, развитии взаимозависимости всех сторон жизни общества и переход на основе этого к более высокой фазе эволюции. Именно по такому пути, как полагают теоретики постиндустриализма, и движутся сегодня наиболее развитые страны мира, однако сама возможность многовариантного прогресса остается реальностью, составляя важную черту всемирно-исторического процесса.

---

[54] См.: *Bell D.* The Winding Passage. Essays and Sociological Journeys 1960—1980. Cambridge (Mass.), 1980. P. XV.

Таким образом, даже при поверхностном рассмотрении теории постиндустриального общества мы видим, что она представляет собой не только концепцию, направленную на осмысление нынешнего положения вещей, но и достаточно завершенную доктрину исторического развития. Деление истории человечества на три эпохи, отказ от четкого определения их хронологических границ, признание революционной значимости переходов от одного периода к другому, частое подчеркивание многовариантности исторического процесса — все это сближает методологические основания постиндустриализма с марксовой теорией истории.

Соответственно возникает и целый ряд вопросов о соотношении практической значимости марксовой концепции и постиндустриальной теории. Переходя к рассмотрению этого вопроса, мы должны иметь в виду, что нам приходится сравнивать описание постиндустриалистами сегодняшнего состояния западного социума и марксовы прогнозы будущего общества, то есть реальную теорию с футурологическим прогнозом. Уже из самого такого положения [29//30] вытекает, что исследования теоретиков постиндустриализма более актуальны сегодня, чем марксистские гипотезы, однако мы хотим сосредоточиться на том, как подходил [К.]Маркс и как подходят современные сторонники постиндустриальных концепций к проблемам развития экономического базиса общества, к источникам и условиям экономического прогресса.

Мы уже говорили, что марксова теория неоднородна и наряду с философским существует ее экономический аспект, причем последний, как правило, в гораздо большей степени, чем первый, подвержен влиянию прагматизма и положения, составляющие его, непосредственно связаны с хозяйственными проблемами современного [К.]Марксу и [Ф.]Энгельсу общества середины девятнадцатого века. Поэтому данная часть марксова учения должна периодически обновляться и на-

ходиться в процессе постоянного развития для того, чтобы отвечать требованиям изменяющейся ситуации. Однако приходится сразу признать, что ее развитие, сколь бы творческим и содержательным оно ни было, со временем обязательно натолкнется на препятствие в виде изменившихся общественных условий, которые становятся качественно отличными от тех, что наблюдались основоположниками учения. Печать этого обстоятельства неизгладимо лежит на всех сторонах марксистской концепции.

Какие основные черты реального общества получили отражение в марксовой экономической доктрине? Рассмотрим лишь несколько из них. Прежде всего, основоположники марксизма, анализируя капиталистическую систему, отмечают товарный характер экономики. Начиная свое исследование с товара как элементарной «клеточки» буржуазного общества, [К.]Маркс затем развивает теорию стоимости и детально доказывает то, что основа определения пропорций обмена заключена в количестве труда, овеществленного в товаре. Обогащая затем это первоначальное понимание стоимости, основоположники марксизма вводят понятие общественно необходимого рабочего времени, то есть таких затрат труда, которые признаются нормальными в данных условиях и получают свое отражение в величине стоимости товара. Идя далее, [К.]Маркс отмечает, что на величину стоимости воздейству[30//31]ет также изменение общественных условий производства и, следовательно, стоимость определяется не столько издержками на производство, сколько издержками на воспроизводство определенного блага. Это фундаментальное положение сформулировано в третьем томе «Капитала» следующим образом: «...стоимость товара определяется не тем рабочим временем, которое заключено в нем самом, а рабочим временем, общественно необходимым для его воспроизводства»[55]. Сама по себе

---

[55] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т. 25. Ч. I. С. 153.

подобная формулировка в соответствующий период была безупречна, но при этом [К.]Марксу пришлось сделать оговорку, казавшуюся ему тогда совершенно незначительной: он абстрагировался от анализа той сферы, в которой создается невоспроизводимый продукт, — образования, искусства, сферы создания уникальных благ. В данном случае его теория стоимости оказалась сведенной к классической модели эквивалентного обмена в условиях массового производства материальных объектов. И следует признать, что во времена [К.]Маркса такой подход был полностью оправдан.

Но [К.]Маркс пошел еще дальше. Стремясь выйти из того «заколдованного круга», в котором долгое время пребывала рикардианская школа, пытавшаяся определить «стоимость труда», основоположник марксизма ввел понятие рабочей силы, или способности к труду, которая и является, по его мнению, предметом купли и продажи в капиталистическом обществе. Он также определил стоимость этого специфического товара, причем сделал это таким же образом, как и в случае со стоимостью любого вещного блага. Хотя было многократно указано на специфический характер цены рабочей силы, и в частности на то, что стоимость этого блага выражается в стоимости предметов потребления рабочего и его семьи, а не заключена непосредственно в самом объекте обмена, суть определения остается прежней. Стоимость, а следовательно, и цена рабочей силы определены [К.]Марксом через затраты труда на создание благ, которые обеспечивали бы постоянное воспроизводство способности работника к трудовой деятельности. Издержки воспроизводства блага и в данном случае вышли на первый план; предпосылкой для этого было предположение о массовом производстве человека в буржуазном обществе. Делая это предположение, [К.]Маркс, [31//32] скорее всего, был прав. Однако это не меняет сути: стоимость рабочей силы, как и стоимость остальных благ, определялась при условии ее массового производства.

Соответственно интерпретировался и внутренний мир субъектов производства. Последний представлялся в традициях доктрины смитовского «экономического человека». Вслед за А.Смитом, который, отмечая противоположность экономических интересов рабочих и капиталистов, утверждал, что «рабочие хотят получить возможно больше, а хозяева хотят давать возможно меньше»[56], и [К.]Маркс приблизительно на таком же уровне анализировал систему экономических интересов. Так как в своей экономической теории он фактически абстрагировался от любых иных форм хозяйства, кроме капиталистической, то труд рабочего однозначно трактовался им как деятельность, вызванная необходимостью обеспечивать себя материальными благами для поддержания жизни, и не более того. «Рабочий, — указывал [К.] Маркс, — даже не считает труд частью своей жизни; трудиться значит для него жертвовать своей жизнью»[57], причем такое мнение является не эпизодическим или случайным, а весьма характерным для марксова описания капиталистического общества. В полном соответствии с таким подходом основоположники макрсизма напрочь отказались от анализа любых других мотивов человеческой активности или, по меньшей мере, отнесли возможность возникновения таковых к эпохе коммунизма. Отмеченный уже факт, что в богатейшем терминологическом арсенале их теории не нашлось места понятию творчества, подтверждает это. Таким образом, в марксовой теории труд выступает как утилитарно мотивированная деятельность, что кажется нам совершенно правильным, но возможности изменения такого положения в исторических рамках экономической общественной формации ее создатель не предполагает, и это обстоятельство, на наш взгляд,

---

[56] *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.-Л., 1931. Т. 1. С. 74.

[57] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд]. Т 6. С. 432.

является весьма серьезным недостатком марксистской концепции.

Все эти проблемы фокусируются при анализе эксплуатации, что является одним из центральных элементов марксизма. [К.]Маркс указывает на источник прибавочной стоимости, в качестве ко[32//33]торого выступает разница между стоимостью рабочей силы и новой стоимостью, создаваемой трудом пролетария. При этом в первом томе «Капитала» им подробно проанализирована степень эксплуатации, или норма прибавочной стоимости. Для того, чтобы проводить такое исследование, если только оно не имеет сугубо иллюстративного характера, необходимо быть уверенным в том, что стоимость как всех факторов, так и всех результатов производства может быть легко учтена и исчислена. Таким образом, сама оценка центральной для теоретической системы марксизма категории предполагает, что все элементы производительных сил рассматриваются [К.]Марксом как продукты массового производства, унифицированные и воспроизводимые. При принятии подобных предпосылок совершенно справедливым кажется вывод о том, что эксплуатация может быть уничтожена только при устранении товарного производства, процессов купли и продажи рабочей силы, при становлении системы общественной собственности и планомерного хозяйствования.

Можно рассмотреть еще целый ряд элементов экономической теории основоположников марксизма, в том числе их концепции постоянного и переменного капитала, производительного и непроизводительного труда и так далее, но, на наш взгляд, уже отмеченных обстоятельств достаточно для того, чтобы со всей однозначностью констатировать: марксизм в рамках его экономической доктрины ограничен анализом хозяйственных закономерностей массового производства, экономическим описанием индустриального общества. Известно, что [К.]Маркс называл предметом своего

исследования капиталистический способ производства в его наиболее развитых формах, связывавшихся им с периодом середины девятнадцатого века, что также подтверждает ориентированность его теории на проблемы, присущие только индустриальному социуму.

Именно ввиду «индустриальной» своей направленности марксизм является ограниченным в своих футурологических прогнозах. Именно поэтому мы и стремимся подробнее оценить потенциал современных западных теорий, в значительной степени свободных от такой ограниченности, содержащих важные методологичес[33//34]кие и концептуальные положения, способные дополнить марксистские взгляды на экономический прогресс, рассмотреть его современные формы. В связи с ограниченностью нашего доклада мы попытаемся вкратце перечислить лишь важнейшие отличия экономической доктрины постиндустриализма от хозяйственной теории марксизма.

Первое касается самой экономической системы, являющейся объектом анализа. Все сторонники постиндустриализма акцентируют внимание на новых сторонах хозяйственной жизни, отличных от процесса производства материальных благ. При этом Д.Белл и часть его последователей, чьи взгляды формировались в середине 60-х — начале 70-х годов, считают, что постиндустриальное общество основано на услугах[58], тогда как некоторые представители новых течений внутри постиндустриализма акцентируют внимание на ведущей роли производства информации[59]. При этом как те, так и другие рассматривают подобное положение дел как специфическую черту последних десятилетий. Подчеркивая отличия нового общества от его предшествующих

---

[58] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. P. 127.

[59] См.: *Naisbitt J.* Megatrends. The New Directions, Transforming Our Lives. N.Y 1984. P 8.

форм, Д.Белл соглашается с [К.]Марксом, когда указывает, что в рамках индустриального общества именно капитал являлся главным фактором экономического развития, но делает это только для того, чтобы оттенить то значение, которое приобрели сегодня знания и технологии[60]. Именно в связи с тем, что новое общество основано на услугах, информации и совершенных технологиях, оно может обеспечить превалирование невоспроизводимых и уникальных благ, продуктов индивидуализированного производства, в общем объеме общественного потребления. Идеи [К.]Маркса о всестороннем развитии личности наполняются в данном случае конкретным содержанием: с одной стороны, человек самореализуется в творческой деятельности на своем рабочем месте, где он становится все в меньшей мере скованным разного рода предписаниями, и, с другой стороны, создание индивидуализированных и уникальных благ «таит в себе самое существенное, а именно то, как и в качестве чего человек создает свой мир, в котором он осознает себя, самое бытие, трансцендентность и свою сущность»[61]. Таким образом, анализ индивидуализированного [34//35] производства занимает в теории постиндустриализма одно из важнейших мест. Отсюда же вытекают и некоторые другие преимущества данной концепции.

Второе связано с констатацией изменившегося характера человеческой деятельности. Отмечая, что значительное количество членов социума получает в современных условиях возможность выбирать занятия с учетом своих индивидуальных предпочтений[62] и при этом реализовывать свое стремление к творческому самовыражению и самосовершенствованию на рабо-

---

[60] См.: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P. 198, note.

Ясперс К. Современная техника // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 131.

[62] См.: *Argyle M.* The Social Psychology of Work. N.Y., 1972. P. 259.

чем месте[63], многие западные авторы указывают, что традиционные формы трудовой деятельности фактически вытеснены более высоким типом активности[64]. Именно в этом мы видим крупнейший шаг вперед, сделанный сторонниками теории постиндустриального общества по сравнению с экономической парадигмой марксизма. При этом следует подчеркнуть, что в данном случае они преодолели ограниченность марксовой концепции, двигаясь в направлении, косвенно указанном самими исследованиями [К.]Маркса.

Некоторые современные западные авторы высказывают предположения о скором наступлении того «царства свободы», в котором, согласно [К.]Марксу, человек сможет всесторонне совершенствовать свои способности. Отмечается, например, что ныне как никогда ранее близко то состояние цивилизации, в котором будет осуществлен императив, гласящий: «Человек должен быть тем, чем он может быть; он должен соответствовать своей внутренней природе»[65]. В соответствующих условиях, как отмечал еще один из теоретиков раннего постиндустриализма У.Фаунс, «организация и социальная структура постиндустриального общества наряду с обеспечением экономического прогресса создает условия реального личностного роста, причем реализация этих возможностей будет связана с тем, что индивидуальное достоинство, индивидуальное самосознание и индивидуальная самореализация станут первостепенными целями»[66]. Многие сторонники рассматриваемой теории стремятся дать более обобщенную характеристику ныне происходящим процес-

---

[63] См.: *Best F.* Technology and the Changing World of Work // The Futurist. 1984. Vol. XVIII. No 2. P 64.

[64] См.: *Bailin Sh.* Achieving Extraordinary Ends. An Essay on Creativity. Dordrecht, 1988. P. 3.

[65] *Maslow A.H.* Motivation and Personality. N.Y., 1970. P 46.

[66] *Faunce W.A.* Problems of an Industrial Society. San Francisco, 1968. P. 175.

сам. Д.Белл, например, говорит о том, что специфической чертой современного момента является быстрый переход от старой, «экономизированной», модели [35//36] общества к качественно новой, «социологизированной», его модели[67].

Мы знаем, что основоположники марксизма рассматривали будущее коммунистическое общество как такой социум, в котором возникнет возможность преодолеть процессы отчуждения. С позиций изменения взаимоотношений производителей подходят к оценке перспектив хозяйственного процесса и постиндустриалисты. В новом социуме, по их мнению, осуществляется непосредственное взаимодействие между личностями, не принимающее той фетишизированной формы, которая была свойственна классическому капитализму. «Тот факт, что индивиды отныне общаются с другими индивидами, а не взаимодействуют с машинами, — пишет Д.Белл, — является фундаментальной чертой постиндустриального строя»[68]. Последнее обстоятельство является результатом рассмотрения этой проблемы в ее историческом аспекте. Указывается, например, что человеческая деятельность, представляющая собой в аграрном обществе взаимодействие с природой, а в индустриальном с предварительно преобразованными человеческим трудом продуктами природы, становится в постиндустриальном социуме системой отношений между людьми (game between persons), что непосредственно связывается современными западными авторами с экспансией производства услуг и информации, чье производство неотделимо от процесса потребления, причем как первый, так и второй являются в высокой степени индивидуализированными[69]. Подобная система взаимодействия становится главной

---

[67] См.: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P. 147.

[68] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 163.

[69] См.: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P. 146-147.

предпосылкой, а затем и реальной основой становления так называемого «коммунального общества» (communal society), характеризующегося преодолением отчуждения человека от других людей и от общества в целом, становлением планомерного производства и подрывом товарного хозяйства. Таким образом, постиндустриалисты успешно развивают концепцию совершенствования форм человеческой деятельности, весьма сходную с марксовой, причем преодолевают те сложности и противоречия, которые стали серьезной преградой на пути прогресса марксовой доктрины.

Третье важное обстоятельство связано с проблемами товарного производства. Касаясь их, сторонники постиндустриальной [36//37] теории высказывают совершенно справедливые сомнения в том, что в ходе исторического процесса экономические отношения остаются неизменными; ими отмечается серьезная модификация принципов товарного производства. Основанием этому является тот факт, что в условиях становления постиндустриального общества, в отличие от предшествующих исторических эпох, товарами становятся знания и информация, экономическая оценка которых существенным образом отличается от экономической оценки массовых благ. Ряд авторов утверждает, что с переходом к этой новой исторической стадии трудовая теория стоимости, ранее достаточно адекватно отражавшая складывавшиеся экономические реалии, быстро становится явным анахронизмом и должна быть немедленно заменена альтернативной концепцией[70].

---

[70] Сооветствующие постановки вопроса и попытки в этом направлении сделаны на Западе: *Naisbitt J.* Megatrends. The New Directions, Transforming Our Lives. N.Y., 1984; *Stonier T.* The Wealth of Information. L., 1983; и в СССР: *Солодков М.В., Крылов Л.С.* Методология исследования производительного труда при капитализме. М., 1974. С.142; *Певзнер Я.А.* ГМК и теория трудовой стоимости. М., 1978. С.129; *Прохоренко И.Д., Курегян С.В.* Духовное производство при социализме: политэкономический аспект. Минск, 1987.

По мнению сторонников теории постиндустриального общества, в условиях последнего серьезно возрастает значение процессов планирования в ходе согласования интересов отдельных членов общества[71], а также роль правительства в регулировании воспроизводства в масштабах всего социального организма[72]. Концептуально такое состояние рассматривается как становление нового типа экономической структуры, который носит скорее «согласованный», нежели рыночный, характер[73]. Обобщая анализ экономических проблем постиндустриального общества, Д.Белл прямо пишет о том, что «в политическом аспекте важнейшими проблемами этого общества являются развитие нерыночной экономики благосостояния и недостаток адекватных механизмов оценки общественных благ»[74]. Все эти обстоятельства ставят исключительно важную для любой социологической теории, претендующей на современный характер, проблему значения человека в новом обществе, и в частности вопрос о мотивах и стимулах его деятельности. Марксова теория дает в этом отношении много ценных, но общих положений, и не вина [К.]Маркса и [Ф.]Энгельса в том, что они столь абстрактны — реальная их конкретизация была ранее вряд ли возможной. Но вина их последователей в том, что большинство из них не обратились к подобным проблемам, в результате чего данные вопросы в сегодняшней советской науке остаются фактически на прежнем уровне их проработанности. Между тем достижения западных авторов подчерки[37//38]вают приверженность их изучению тех проблем, которые постоянно находятся в центре внимания гуманистической философии.

---

[71] См.: *Gershuny J.* After Industrial Society. The Emerging of Self-Service Economy. Atlantic Highlands [(NJ)], 1978. P. 34.

[72] См.: *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. С. 332.

[73] См.: *Kahn H., Wiener A.* The Year 2000. A Framework for Speculation on the Next 33 Years. L., 1967. P. 25, 186.

[74] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 18.

Четвертым аспектом, доказывающим превосходство постиндустриальной теории над марксистской концепцией, является оценка судеб эксплуатации. Если во времена, когда творили основоположники марксизма, существовала более или менее реальная возможность оценить количественно степень эксплуатации, что и предпринимал [К.]Маркс, то это вызывалось двумя обстоятельствами: с одной стороны, уже отмеченной нами воспроизводимостью всех элементов общественного богатства, а с другой стороны, тем, что экономические интересы буржуазии и пролетариата находились как бы в одной плоскости и сводились к стремлению каждой стороны присвоить более значительную часть произведенной стоимости, чем другая считала это справедливым. Ныне же оба означенных фактора существенным образом модифицировались. Во-первых, большинство благ являются индивидуализированными, а зачастую и невоспроизводимыми, и, в силу этого, сама стоимость их не может быть исчислена в соответствии с марксовой методологией. Во-вторых, что даже более существенно, изменение в мотивации деятельности оказало огромное воздействие на отношения эксплуатации.

Последнее обстоятельство, касающееся субъективной стороны процесса эксплуатации, или ощущения ее со стороны эксплуатируемого субъекта, фактически никогда не попадало в сферу внимания советских политикоэкономов, но занимает значительное место в социологической доктрине постиндустриализма. Именно тогда, когда данная теория только еще зарождалась, фактор самореализации в деятельности выдвинулся на первую строчку шкалы ценностей западного человека[75], а через несколько лет материалы социологических обследований давали основания говорить о том, что фактор заработной платы опустился в соот-

[75] См.: *Herzberg F.* Work and the Nature of Man. N.Y., 1966.

ветствующей шкале на шестое — десятое место[76]. В конце 70-х годов переход к некоей новой, надутилитарно мотивированной деятельности, природа которой не может быть проанализирована в традиционных терминах, описывающих рыночную экономику, стал уже весьма заметным процессом. Одновременно в рамках теории [38//39] постиндустриального общества были начаты вполне успешные поиски определения этой деятельности, и некоторые авторы предложили использовать для этого понятие творчества[77]. Было отмечено, что бессмысленная, не осознаваемая человеком как внутренняя потребность, деятельность в сегодняшних условиях не соответствует потребностям развития экономики[78], что труд как человеческая активность, вызванная внешними материальными обстоятельствами, является категорией индустриального строя и устаревает сегодня столь же быстро, как совершается переход к новому типу социума[79]. Сторонники постиндустриальной теории отмечают, что мотивация современной деятельности отражает совершающийся ныне переход от достижения человеком внешних по отношению к нему самому целей к стремлению всемерно совершенствовать собственную индивидуальность. Как указывает А.Печчеи, сегодня «вместо того, чтобы акцентировать все интересы на наших желаниях и на поисках средств получить желаемое, мы фокусируем внимание на том, что есть мы сами и чем мы можем стать»[80], а главной

---

[76] См.: *Hackmann J.R., Lawler E.E.* Employee Reactions to Job Characteristics // Journal of Applied Psychology. Vol. LV. 1971. No 3.

[77] См.: *Jaques E.* Work, Creativity and Social Justice. N.Y., 1970. P. 64-65; *Schwalbe M.L.* The Psychosocial Consequences of Natural and Alienated Labor. Albany, 1986. P. 161-162.

[78] См.: *Opaschowski H.W.* Wie leben wir nach dem Jahre 2000? Szenarien Über die Zukunft von Arbeit und Freizeit. Hamburg, 1987. S. 15.

[79] См.: *Glaser H.* Das Verschwinden der Arbeit. Die Chancen der neuen Tätigkeitsgesellschaft. Düsseldorf, 1988. S. 176.

[80] *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1980. С. 199.

задачей ближайшего будущего представляется в таком случае «стать чем-то большим, нежели то, что мы представляем собой сегодня»[81].

Между тем, если человек стремится достичь в ходе своей деятельности лишь самореализации и самосовершенствования собственной личности, то материальное благо перестает являться не только основным результатом его активности, но, что более важно, субъективно не воспринимается им как цель таковой. В таком случае подобная деятельность может быть эксплуатируема в объективном смысле, то есть предприниматель может извлекать прибыль из деятельности работника. Однако здесь же скрыта возможность преодоления субъективных элементов эксплуатации, так как изъятие части продукта работника, если этот продукт не является его целью, не воспринимается производителем как эксплуатация, ибо такое изъятие не препятствует достижению тех задач, которые он перед собой ставит. Если при этом учесть, что перераспределение общественного продукта и, соответственно, изъятие его у одного субъекта и присвоение другим будет происходить в любых исторических условиях, то приходится признать, что преодо[39//40]ление субъективной стороны эксплуатации есть тот предел, которого только и можно достичь в борьбе с этим злом. И он достигается отнюдь не посредством «справедливого» перераспределения благ, как предполагал [К.]Маркс и его последователи, а через переход от труда — деятельности, направленной на обретение материальных целей — к творчеству как активности, производимой исключительно в целях самосовершенствования личности. В таком контексте справедливо утверждение, что надутилитарно мотивированная деятельность не может быть эксплуатируемой, что с каждым годом все решитель-

---

[81] *Nürnberger Ph.* Mastering the Creative Process // The Futurist. 1984. Vol. XVIII. No 4. August. P. 36.

нее и четче утверждается западными авторами, но соответствующее положение отсутствует в рамках марксистской традиции[82].

Все эти моменты показывают, что в рамках современной западной социологии сделан ряд принципиальной важности прорывов к новому качеству знаний о нынешнем обществе и перспективах его развития. Достижения теории постиндустриального общества не обусловлены, конечно, воздействием марксистской концепции на ее создателей, однако та близость методологических принципов и некоторых существенных положений свидетельствует о том, что в определенной мере можно рассматривать теорию постиндустриального общества как преемницу марксовой социологии.

Заключение

Следует признать, что сторонники теории постиндустриального общества воплотили в своей концепции многие идеи, значение которых одинаково велико как в середине девятнадцатого века, так и в конце двадцатого. Некоторые принятые ими методологические принципы корреспондируют с выдвинутыми основоположниками марксизма. Существенные элементы сходства наблюдаются также и в выводах из этих двух учений. Между тем нельзя не отметить, что концепция постиндустриального общества на сегодняшний день не отягощена тем доктринальным схематизмом, которым всецело пронизана советская интерпретация марксизма. Это представляется нам следствием того, что данная

[82] См.: *Иноземцев В.Л.* Эксплуатация: объективная данность и феномен сознания // Коммунист. 1991. № 10. С. 8-17.

теория становилась и совершенствовалась, во-первых, в свя[40//41]зи с попытками осмыслить новые явления в области социологии и экономики, а не ради того, чтобы затушевать соответствующие изменения и доказать истинность выдвинутых применительно к конкретным событиям полуторавековой давности положений, и, во-вторых, в обстановке свободной борьбы идей, обмена мнениями, что способствовало отсеиванию не проходивших проверку практикой положений и усвоению тезисов, отвечающих требованиям времени. Марксистская же теория, развивавшаяся в последние десятилетия преимущественно как государственная идеология, не имела таких возможностей для естественного самосовершенствования, в результате чего и пришла к глубочайшему кризису.

С позиций сегодняшнего дня можно достаточно однозначно и не греша против истины утверждать, что марксизм как концепция практических действий оказался в руках его последователей несостоятельным. Скорее всего, это обусловлено неспособностью практиков воплотить в жизнь его рекомендации, но в то же время не следует сбрасывать со счетов и внутреннюю противоречивость самого марксистского учения, во многом и обусловившую такой ход его дальнейшей эволюции. Но при этом следует отметить, что марксизм как теория истории, как методология, созданная его основоположниками в соответствии с достижениями основных направлений общественной мысли того времени, является выдающейся теорией, значение которой велико и поныне. Но, отмечая значение марксова метода, нужно помнить, что любой метод вряд ли имеет значение в условиях, когда отсутствуют приемы и сами возможности его использования, как в научной теории, так и в реальной жизни. Поэтому, сохраняя верность марксову методу и отдельным элементам его учения, мы должны сосредоточиться сегодня на том, что-

бы, с одной стороны, отказаться от целого ряда элементов марксизма как устаревших и, с другой стороны, создать систему реализации марксова метода исторического анализа, предложить на его основе четкую политическую и футурологическую концепцию, которая была бы актуальной в современных условиях.

При этом следует признать, что некоторые элементы создан[41//42]ной [К.]Марксом и [Ф.]Энгельсом теории, в первую очередь те, которые были унаследованы основоположниками марксизма от их предшественников и развиты на новой основе, оказались усвоенными западной социологической мыслью и заняли важное место как в концепциях исторического прогресса, так и в футурологических теориях. Переняв отдельные черты марксова метода, эти концепции приняли историзм и реалистический характер теории марксизма, причем придерживались этих принципов в условиях, когда наиболее ортодоксальные марксисты презрели и отбросили их. И поэтому в ближайшем будущем нам придется все чаще обращаться к западным исследованиям в области истории и социологии и понимать, что марксова теория, взращенная на западной культурной традиции, нашла в среде ее представителей наиболее творческих своих последователей. Для тех, кто и сегодня верен марксизму, это должно стать горьким, но неоспоримым уроком. [42]

SUMMA CONTRA PRINCIPI*

В.Л.Иноземцев

[103] Путь человеческого познания тернист и сложен; зачастую величайшие научные открытия оборачиваются столь же значительными разочарованиями, а выдающиеся исследователи, как только начинают считать, что обнаружили высшую истину, погружаются во мрак заблуждения, ибо нет в мире знания, которое было бы абсолютным. Философские концепции, особенно имеющие дело с анализом человеческого общества и его законов, нередко перерождаются в свою противоположность, приходя через столетия к своему исходному пункту, а знаменитые доктрины на определенном этапе начинают опровергать тезисы, положенные в основу их самих. Подобная противоречивость философской мысли не может не приводить к выводу об относительности нашего научного знания, не может не подталкивать к периодическому пересмотру основных методологических постулатов.

Не претендуя на бесспорный характер того, что сказано ниже, хочу сосредоточиться на двух сюжетах, которые более других знакомы читателям и достаточно тесно перекликаются с переживаемым сегодня мировоззренческим кризисом.

---

* Впервые опубликована в журнале *Свободная мысль*. 1993. № 1. С. 103-113.

Поступательность или круговращение?

Большинство философских учений уходит корнями в глубокую древность, и, хотя мало кто отрицает вклад выдающихся мыслителей древнего Востока в становление философии, для европейского сознания ее истоки неизменно связываются с творчеством античных авторов. Возникая как учение о фундаментальных закономерностях бытия, философия не могла не обратиться к проблемам общественной жизни, и вопросы о сущности человека, развитии социума, совершенствовании его форм неизбежно оказывались для нее одними из наиболее существенных.

Античная философия истории сформировалась на основе мифологического сознания древних, и именно в мифологии сосредоточены важнейшие источники этого мировоззрения. Еще в те времена, когда люди только начали осмысливать свой исторический путь, возник конфликт, прямо или косвенно воздействовавший на развитие европейской духовной культуры вплоть до позднего средневековья. Фактически одновременно появились как содержащиеся в творениях Гомера представления о развитии общества по законам природы, предполагающим повторяемость и циклическую смену событий, так и зафиксированная в двух фундаментальных идеях основных поэм Гесиода мысль о противоположности путей природы и социума, прокламирующая непрерывность поступательного движения природы на фоне постоянного регресса общества, уверенно отдаляющегося от своего естественного состояния, от «золотого века». Вопрос о соотношении круговращения и направленного развития был поставлен еще на донаучном уровне, и вполне понятно, что проблема, которая присутствует в сознании человека, даже [103//104] не будучи детально формализованной, не может остаться вне поля зрения при глубоком научном осмыслении мира.

Обособление позиций достигло предела через несколько десятилетий, когда выдающиеся теоретики милетской школы Фалес и Анаксимандр выступили с концепцией тотальной цикличности в движении природы, а Протагор и Демокрит противопоставили данной схеме чисто гипотетическое учение о становлении человека и восходящем развитии социума. При всех различиях в подходах Протагора, предполагавшего возникновение человечества делом Провидения, и Демокрита, считавшего этот процесс естественным, с этого времени центральной проблемой античной социальной философии стал вопрос о том, может ли наблюдаемое в природе круговращение быть перенесено на исследование жизни человеческих сообществ. В развитие гипотезы о становлении человечества, вне зависимости от того, создано оно богами или возникло в результате естественных процессов, ученик Демокрита, Антифонт, высказал мысль, что люди сами сконструировали общество, создав его в результате договора, заключенного ради того, чтобы не терпеть обид друг от друга и совместно противостоять воздействиям извне. Так завершилась прелюдия к комплексному осмыслению общественного развития. Возникла проблема, разрешая которую философы могли двигаться к новому знанию, появилось обособление концепции общества от теории природы и своего рода конфликт между ними.

Основное направление развития доктрины было обусловлено мифологическим сознанием античной эпохи. Апеллируя к тому, что процесс круговращения предполагает некое центральное звено, вокруг которого он совершается, Платон назвал встречающиеся в природе циклы порождением божественной души, что удачно состыковалось с представлениями, обожествлявшими прежде всего не случайные, а постоянно повторяющиеся процессы. Логика дальнейших рассуждений оказывалась чрезвычайно простой: социум развивается направленно только до того времени, пока бо-

жественное начало в человеке не проявилось еще в полной мере. Как только это происходит (в момент заключения людьми «общественного договора»), человеческая душа (пусть даже гораздо более жалкая, чем дух божества) получает возможность придать обществу циклическое развитие. Апеллируя к постоянному круговороту форм государственного и политического устройства, Платон таким образом объявляет концепцию восхождения лишь теорией становления общества, но не его развития. Следующий шаг — дальнейшее принижение этой идеи.

Последнее было осуществлено Аристотелем, постулировавшим тезис о том, что человек есть «общественное [существо], и жизнь сообща прирождена ему»[1]. Нередко трактуемая как прогрессивная, эта формулировка между тем положила конец всяким представлениям о движении рода людского, так как ею снималась проблема генезиса общества, и ничто не мешало Стагириту обратиться к изучению последовательной смены форм государственного устройства, на фоне которой рассуждения о вечном характере неравенства между людьми, необходимости постоянного подчинения рабов и слуг своим господам, а женщин и детей — главам семейств выглядели вполне естественно. Однако нельзя сказать, что Аристотель оказался ниже Платона, «недопонял» многих важных моментов в теории истории. Столь упрощенные оценки должны уступить место пониманию того, что философ справился с задачей, поставленной перед ним самим временем, а именно: он продолжил распространение концепции цикличности на социум, приближая картину мира к единству и завершенности. Теория общественного договора оказывалась в определенной мере примирена с идеей круговращения, [104//105] выпадавшие из предложенной схемы исторические события объявлялись не-

[1 См.: *Аристотель.* Политика 1253 a10, 15-16, 33-34.]

существенными, а многочисленные логические противоречия концепции меркли перед блистательными знаниями Аристотеля по греческой политической истории, вполне подтверждавшей мысль о циклической смене властных структур и форм правления.

С этого момента доведение теории до полного завершения было лишь делом времени. Так, Полибий утверждает, например, что имеет место «круговорот государственного общежития, порядок природы, согласно которому формы правления меняются, переходят одна в другую и снова возвращаются»[2]. Тацит отмечает, что «всему существующему свойственно некое круговое движение, и, как возвращаются времена года, так обстоит дело и с нравами»[3]. Подобные подходы вполне понятны, ибо они обусловлены падением греческой цивилизации и подъемом римской; поэтому, разумеется, с упадком Рима они получили дополнительное распространение, а виднейшие представители школы неоплатоников придали им вневременное звучание. Как писал Прокл, «все первично движущее само себя способно возвращаться к самому себе», причем «все эманирующее из определенного множества причин возвращается через столько причин, через сколько эманирует»[4]. Однако никакое развитие теории циклизма не могло сохранить значения данной концепции; именно в период заката Рима возникало новое учение, тоже мифологическое по своей сути, но при этом основывающееся на принципиально ином подходе, на идее поступательного развития человечества.

Христианство вошло в этот мир, привнеся в историософию идею целеполагания. Концепция спасения определила важнейшую цель, в равной степени стоящую перед любым человеком, что позволило начать проповедь

[2 *Полибий.* Всеобщая история. VII, 9 (10 — 11).]

[3 *Тацит.* Сочинения. Т. 1. Л., 1969. С. 106.]

[4 *Прокл.* Первоосновы теологии, 38.]

равенства перед Богом. Процесс становления и развития распространялся христианами как на природу, так и на общество, ибо импульс его был задан самим актом Творения, развивавшегося от простого к сложному. Отсутствовала также и спорная концепция общественного договора, ибо люди изначально воспринимались существами социальными; ведь, согласно христианскому учению, Господь создал человека одного и единственного не для того, конечно, чтобы оставить его одиноким, без человеческого общества, но для того, чтобы сильнее возбудить в нем стремление к общественному единству и к узам согласия[5]. История человечества воспринималась поэтому как социальная история, и главной чертой ее являлась направленность развития.

Направление развития в данном случае изначально связывалось с концепцией цели, стоящей перед отдельными людьми, ибо общество рассматривалось христианскими исследователями раннего периода достаточно примитивно; св. Августин, например, говорил о нем как о множестве людей, собранных вместе и объединенных согласием относительно вещей, которые они любят[6]. Соответственно и прогресс общества рассматривался с позиции достижения каждым человеком единственно достойной цели — спасения пред лицом Господа. По сути дела, вся история человечества прямо или косвенно связывалась именно с этим обстоятельством; говорилось даже, что конец истории и Страшный суд наступят тогда, когда будет исполнено число праведников, предназначенных к спасению. Таким образом, идея развития личности, ее совершенствования не только является первичной по отношению к представлениям о развитии общества, но и как бы подавляет эти последние, что справедливо для теорий большинства средневековых христианских теологов.

[5 См.: *St. Augustinus.* De civitate Dei, XII, 21.]

[6 См.: Там же, XIX, 24.]

При этом, однако, нельзя сказать, что эти идеи в их изложении тождественны. Напротив, сама постановка вопроса о приобщении к царству [105//106] Божию и о направлении движении общества кардинально изменялась на протяжении тысячелетия. Первые христианские авторы, создавшие свои трактаты в тяжелые времена гонений, подчеркивали (что вполне понятно) прежде всего различия в вере между собой и язычниками. Когда каждый, признающий новую религию, становился потенциальным кандидатом в мученики, вполне понятной оказывалась точка зрения, согласно которой именно глубина веры человека в истинного Бога служит условием приобщения его к числу избранных. Это обстоятельство восходит непосредственно ко временам Христа, ибо именно ему принадлежат слова, переданные в Евангелии от Иоанна: «Всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек»[7]. И вполне понятно, что до утверждения христианства в качестве господствующего идеологического направления концепция искупления через веру была вполне приемлемой и не подвергалась ревизии.

Шаг вперед был сделан во времена св. Августина. Выдвигая свою фундаментальную теорию о борьбе в человеческой душе двух противостоящих начал — праведного и греховного, он акцентировал внимание на том, что необходима не только вера в совершенство Господне, но и праведная жизнь, то есть исполнение святых заповедей в каждодневных делах. Люди суть орудия Бога, и поэтому именно праведные дела человека, способствующие намеченной на небесах эволюции мира земного, могут привести его в число праведников. При этом св. Августин, сторонник идеи прогресса в развитии рода человеческого, выбирал для измерения истории чисто искусственную систему координат, связанную с событиями библейской хроники, считая пери-

[7] Ин., 11: 26.

од, в котором жил он сам, лишь непродолжительным эпизодом, предваряющим второе пришествие Иисуса. Его концепция, являвшаяся значительным достижением по сравнению с теориями первых христиан, ибо она связала прогресс общества, пусть и косвенно, с действиями людей, была в определенных своих аспектах максимумом того, что могло дать христианское учение. Но эволюция знаний вызывала необходимость двинуться еще дальше.

Следующий шаг сделал св. Фома Аквинский. В XIII веке он создал концепцию общественного прогресса, основанную не только на признании благих свершений условием спасения на небе, но и на понимании совершенствования человека в качестве силы, изменяющей само земное сообщество. Св. Фома констатировал, что социум представляет собой не единство веры, или существования, а единство поступков, или действий; не единство в esse, но в agere[8]; что его прогресс, связанный с развитием природы человека, проходит несколько стадий в зависимости от характера взаимоотношений между людьми. Создавая свои творения в жестоких условиях средневековья, он указал, что со временем (а оно необходимо для нравственного совершенствования человечества) общество, основанное на насилии и вражде, сменится строем civilis conversatio, или обществом, где установятся отношения юридической свободы, но еще не будут устранены все виды подавления человека человеком. И лишь после этого род людской сможет достичь истинной свободы не только на небе, но и на земле, прекратить всякое насилие над индивидуальностью и каждый будет отдавать социуму то, на что он способен; основной функцией общества станет предоставление членам своим благ, необходимых для жизни, а центральная власть будет обеспечивать экономический,

---

[[8] См.: *Hoban J.H.* The Thomistic Concept of Person and Some of Its Social Implications. Wash., 1939. P. 56.]

социальный и культурный прогресс народов посредством коллективных институтов[9].

Идеи св. Фомы о возможности серьезно реформировать земные установления, о том, что социальный прогресс должен измеряться исходя из фундаментальных категорий самого общественного бытия, выходили за рамки традиционной доктрины, и вскоре наметился явный откат [106//107] назад, неумолимое возвращение теории к ее истокам. Даже с пониманием относившийся к идеям Аквината видный теолог конца XIII века кардинал Марсилий Падуанский не касался концепции прогресса земного сообщества. Вновь стала доминировать идея свершения богоугодных поступков ради одного лишь загробного блаженства, да и представления об этих благих делах становились все более определенными. 1300 год был объявлен Бонифацием VIII юбилейным, и люди, прибывшие в Рим, получали отпущение грехов. Затем юбилеи начали праздноваться через пятьдесят, тридцать три и двадцать пять лет, а вскоре добрым делом стала и покупка индульгенций. На этом фоне вполне естественными выглядели выстраданные проповеди Савонаролы, Кальвина и Лютера, обращенные к возбуждению в человеке истинной веры как главному источнику обретения божественного совершенства.

Вновь распространилось представление о том, что прогресс общества есть явление, всецело зависящее от морального совершенства отдельной личности, а последнее обусловлено лишь верой человека во всемогущество Господне. Христианство постепенно эволюционировало к первоначальным позициям, к взглядам Тертуллиана с его знаменитой формулой «credo, quia absurdum est». Идея разделения веры и науки, четко прослеживающаяся у св. Фомы, была отброшена; оказались забыты даже такие фундаментальные постулаты

[9 См.: *Benkert G.F.* The Thomistic Conception of an International Society. Wash.,1942. P. 93-94.]

католицизма, как идея естественности общественного состояния человечества. В силу того, что главной задачей стало объединение людей в сообщества веры, теория постепенно начала склоняться к признанию общественного договора, к концепции, отвергнутой еще в античные времена. Наступал период, когда учение отбрасывало свою научную часть и превращалось в идеологию, встречавшую все более серьезное сопротивление. Начиналось Новое время.

Что же из всего этого следует? Можно заметить, что обе фундаментальные философские доктрины прошли путь, противоречащий прокламируемым ими принципам. Античная теория, основанная на идеях циклизма, на положениях, которые, даже будучи поверхностными, заимствовались из повседневной практики, шаг за шагом двигалась вперед, преодолевая существовавшие внутри нее противоречия. Безусловно, ее финал сложно назвать триумфальным, но факт остается фактом: концепция, проповедовавшая круговращение, проделала строго направленный путь своего развития, в первую очередь потому, что каждый новый период истории предоставлял ей определенные факты, которые не отбрасывались, а умело истолковывались в рамках теории и укрепляли ее постулаты. Доктрина развивалась поступательно не в последнюю очередь именно потому, что она постоянно впитывала в себя новые данные исторического опыта. Античные философы, однако, вряд ли оглянулись на пройденный ими путь, чтобы обнаружить его отличия от своей собственной теории.

Совершенно противоположным кажется развитие христианской концепции. Порожденная не столько конкретными явлениями действительности, сколько неистребимым духом гуманизма, она интерпретировала факты в соответствии с изначально принятыми аксиомами. Гениальные прозрения Фомы Аквината были выс-

шим проявлением этой теории, выходящим во многом за ее естественные пределы, и с этого времени доктрина самопроизвольно стремилась вернуться в самое себя. Ее циклическое развитие нетрудно было предугадать, ибо концепции, построенные на первичности идеи, склонны возвращаться к ней даже через долгие столетия. [107//108]

Заканчивая этот сюжет, спросим себя: не напоминает ли нам все это нечто гораздо более близкое? Социологическая доктрина Запада, основанная на принципах позитивизма, уверенно развивается, движимая в первую очередь новыми данными опыта. Там, где они не подтверждают четкой направленности общественной эволюции, обычно не предпринимается и искусственных попыток доказать ее наличие. В теориях социологов присутствуют и «круги» в развитии, и признание периодов регресса, но в то же время научное видение остается поистине научным, обогащающим наши знания об историческом пути человечества. Наряду с этим существовало и существует направление мысли, во всех своих проявлениях исходящее из примата идеи прогресса, приближающего общество свободы, равенства и братства. Она как бы начинает с того, на чем в свое время остановился св. Фома Аквинский. Но если тот выдвигал подобную концепцию как гипотезу, то социалисты склонны рассматривать ее как основание теории, подкрепляя правильность данного априорного подхода разного рода эмпирическими данными. Величайшая из попыток такого рода безусловно принадлежит К.Марксу и Ф.Энгельсу; сама история творчества основоположников марксизма говорит о первичности идеи и вторичности ее доказательств. Итог известен: утопический элемент, лежащий в глубинной основе теории, властно зовет к себе ее последователей. К.Маркс, возвысившийся над ним и частично его преодолевший, не смог элиминировать саму тенденцию возвращения к основам. И мы снова слышим сказки о

коммунизме, сравнимые разве что с «прозрениями» Мора и Кампанеллы, сменяющие научную концепцию в условиях стремительно разрушающихся идеалов. Воистину, великие теории кажутся обреченными на участь, опровержению которой посвящали себя их гениальные основатели.

Метафизика или диалектика?

Противостояние идей циклизма и прогресса, которое занимало важное место в истории философии и иногда проявляется даже сегодня, во многом завершилось к концу XVIII века. Верх одержали компромиссные теории; не признавать прогресса общества было уже невозможно, но и отказываться от рассмотрения элементов регресса — тоже. Как современная теория света объединила концепции корпускулярную и волновую, так и представления об обществе соединили казавшиеся несовместимыми крайности. И с этого времени уже иная проблема вышла на первый план. То была проблема метода, и разделение исследователей произошло по принципу поддержки ими «метафизического» или «диалектического» подхода.

Безусловно, нельзя четко разграничивать эти два типа познания. Элементы метафизичности присутствуют в любой диалектической теории, а начала диалектики проникают даже в те концепции, чьи авторы стремятся их не допустить. И метафизика, и диалектика развиваются с античных времен, но до конца средневековья различия между ними вряд ли можно признать принципиальными. Гераклит, которого многие считают отцом диалектического знания, был убежден, что мир находится в состоянии непрекращающегося движения, нескончаемых изменений, обусловленных борьбой противоположных начал. Но этого не отрицали и

средневековые метафизики, полагая, что развитие природы происходит из-за воздействия одних ее элементов на другие, что столкновения объектов вызывают их поступательное движение. В данном случае вряд ли следует восхищаться античными мыслителями и считать средневековых ошибавшимися. На наш взгляд, гораздо по[108//109]следовательнее примитивно объяснять мир из простого механического взаимодействия элементов, чем говорить о предопределенности его развития диалектическим движением божественной души.

Метафизика, в полной мере проявившаяся в Новое время, когда распространилось естественнонаучное мышление, господствовала уже в течение долгих столетий. Метафизический тип сознания представляет собой продукт обыденного человеческого мировосприятия, ибо люди обычно имеют дело не с миром в целом, а с отдельными его явлениями, событиями и предметами. Метафизика — тот вид мышления, который предполагает достаточно четко определенную сферу анализа, обычно не очень широкую. Она вполне отвечала потребностям развития человеческих знаний до тех пор, пока их не пытались объединить в целостную картину мира. С этого момента возникли первые вопросы, на которые метафизическое сознание не давало уже удовлетворительного ответа.

Еще св. Фома Аквинский обратил внимание на то, что большинство вопросов, разрешимых разумом, сводится к вопросам типа «как», но в то же время вопросы «почему», проблемы причинности оказываются зачастую скрытыми от человеческого глаза. Св. Фома с легкостью вышел из этого затруднения, объявив, что порождающая первопричина божественна, воспринимаема только верою, а человеческое познание, таким образом, ограниченно. Разного рода агностицизм встречался и в более поздние века, чем признавалась неспособность человека рационально постичь все стороны

бытия. В этом отношении диалектика казалась решительно противостоящей метафизике, утверждая, что мир познаваем в каждом из его элементов. Здесь содержится ответ на вопрос, когда диалектическое сознание могло выйти на первый план, оттеснив метафизическое: это произошло тогда, когда человечество избрало предметом своего анализа мир в целом, а не его отдельные части. Приходится признать, что на протяжении долгих столетий люди просто не нуждались в должной мере в диалектическом методе.

Что же дала диалектика человеческому знанию, быстро распространившись в XIX веке? Ответ, казалось бы, очевиден: она обобщила накопленные данные о природе и обществе, сведя их в комплексную философскую систему. Но как происходил процесс становления диалектики? Когда [Ф.]Энгельс критиковал метод, основанный на рассмотрении отдельных явлений и процессов вне их связей с другими, он писал: «Перенесенный... из естествознания в философию, этот способ понимания создал специфическую ограниченность последних столетий — метафизический способ мышления»[10]. И действительно, метафизический метод был привнесен в философию из естественных наук, что отражает, однако, не только его поверхностный характер, но и то, что он долгое время был безусловно необходим естествознанию. Диалектика же в своем современном виде, в тех формах, в каких она появилась в XVIII — XIX веках, была продуктом чисто философских исканий, и не случайно диалектические законы оказались сначала примененными не к природе или обществу, а к процессу самодвижения и саморазвития «абсолютного духа». Одно это содержало в себе в потенциальной форме возможность перерождения в схоластику, в некое абстрактное знание, существующее ради самого себя.

---

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения. 2-е изд.] Т. 20. С. 21.

При этом диалектический подход, с позиций которого многие критиковали метафизику за ее ограниченность, отнюдь не преодолел пределов, ранее стоявших на пути познания. В частности, он не приподнял завесу тайны над фундаментальными причинами мировой динамики. Вряд ли [Г.В.Ф.]Гегель, признававший происхождение объективной [109//110] реальности следствием развития абсолютной идеи, значительно превзошел христианских теологов, указывавших на заданность мира и непознаваемость его первопричин. Основатель диалектики всесторонне исследовал «законы движения» духа, приведшие к его воплощению в материи, но причин существования подобных закономерностей он не открыл. Классики марксизма, устранив идеалистический элемент гегельянства, также не приблизились к разрешению вопроса о первоистоках, попросту отказавшись от его рассмотрения, постулировав самодостаточность материального мира с той же безапелляционностью, с какой в свое время Аристотель предпочел объявить человека политическим животным, [уйдя] тем самым от анализа становления общества. Точка зрения, связанная с бесконечностью прогресса знания, выглядит у [В.И.]Ленина куда более спекулятивной, нежели четкое обозначение невозможности постижения первопричин у Аквината; ведь последнее отнюдь не ставит крест на попытках анализа любых материальных объектов и процессов. Поэтому обвинения в поверхностности и агностицизме, с такой легкостью бросавшиеся диалектиками в адрес метафизиков, вряд ли можно счесть в должной мере обоснованными.

Однако диалектика не оказалась лишней для прогресса духа. Применение нового метода для исследования реальных явлений было большим шагом вперед, и не следует принижать заслуги [К.]Маркса и [Ф.]Энгельса в этом направлении. Но уже во времена [Г.В.Ф.]Гегеля обнаружилось обстоятельство, еще раз подтвержда-

ющее неисповедимость путей развития науки: диалектика, основанная на признании относительности всего происходящего в мире, без тени сомнения отождествила саму себя с высшей точкой развития человеческого разума. [К.]Маркс резко критиковал [Г.В.Ф.]Гегеля за данную сторону его доктрины, видя в этом прежде всего отступление от самого диалектического метода. Однако вряд ли можно считать, что основоположники марксизма исправили концепцию: развенчав [Г.В.Ф.]Гегеля и его идею конечности исторического прогресса, они предложили иную схему, в которой место прусской конституционной монархии заняло коммунистическое будущее человечества, причем сама идея диалектики как единство верного научного метода не была подвергнута ими сомнению. Таким образом, теория, на словах не признающая абсолютов, сама стала одним из них. Возник очередной прецедент, когда концепция оказывается в положении, полностью противоречащем вытекающим из нее выводам. Но и это не попало в круг внимания многих авторов, тем более что диалектические закономерности в значительной мере получили подтверждение; выдающимся триумфом диалектики стали открытия в естественных науках, сделанные в первой половине нашего столетия.

Диалектика, безусловно, всеобщее средство постижения мира. К любому явлению или процессу можно применить диалектический метод, и его использование принесет нам дополнительное знание, давая синтетическую картину реальности. Но и метафизика — метод столь же всеобщий, ибо в не меньшей мере к любому объекту можно применить и подход, основанный на расчленении его на простые элементы, что тоже принесет новые данные. Однако диалектический подход обладает одним недостатком, от которого, видимо, свободен метод метафизический.

Метафизика, рассматривающая в первую очередь собственно явления, а не их всеобщую связь, анали-

зирует ряд предметов последовательно, и ход ее использования дискретен в той же мере, в какой дискретны познаваемые объекты. Поэтому метафизика не противоречит диалектике, ибо, применив для исследования объекта на определенном этапе анализа диалектические приемы, мы не закрываем себе пути для [110//111] его дальнейшего метафизического постижения или для перехода к изучению иной данности. Диалектика же, провозглашая себя всеобщим методом, в свою очередь, не спешит признать достоинства метафизического подхода. В ее советском варианте она развивалась как бы сама в себе, что в конечном счете привело лишь к вырождению концепции.

Диалектика призвана создать стройную картину мира на базе тех эмпирических данных, которые человечество по крупицам собирало многие столетия. И этого она достигла. Основоположники диалектического метода исследования сумели построить теоретическое описание развития природы и общества. Большое число ранее полученных фактов стало элементами новой концепции. Дальнейшее развитие теории требовало очередных диалектических обобщений, для чего был необходим дополнительный эмпирический материал. До тех пор, пока факты, в значительной мере подтверждавшие доктрину, находились в избытке, теория быстро совершенствовалась. Но с определенного момента стало ясно, что этап, когда доминировали смелые концептуальные прорывы, завершается и перед человечеством, вырвавшимся на новый уровень знания, вновь возникает необходимость обратиться к эмпирике, что требует применения метода не столько обобщения, сколько исследования. Не общие закономерности и законы, а отдельные, порой стохастические связи оказывались главным образом объектом анализа. Такой поворот был всецело объективен, но сторонники марксистского диалектического метода в своем большинстве презрительно отнеслись к нему как к «ползучему

эмпиризму», не проникающему-де в глубинную суть явлений, и продолжили проверенный путь от частного ко все более и более общему.

В этом и заключалась ошибка. Диалектическая триада, примененная к оценке общественного прогресса, дала основоположникам марксизма представление о смене общественных формаций и способов производства внутри них. Были намечены границы между социальными стадиями, которые далее признавались неизменными. Теория была нацелена на то, что она будет полностью подтверждаться практикой, и поэтому тогда, когда наметились расхождения между нею и реальностью, идеологи все чаще начали руководствоваться принципом «тем хуже для фактов». Вульгаризация концепции «исторического материализма» двинулась по двум основным направлениям. С одной стороны, выказывалось пренебрежение к реальности, хотя последнее и можно отчасти отнести на счет условий, в которые была поставлена ставшая предельно идеологизированной доктрина. С другой — исследователи неумолимо двигались в сторону анализа более общих закономерностей.

Обобщая реальность и выводя первый уровень диалектических категорий, они, следуя избранному методу, должны были из этих понятий, лишь незначительно обогатив их эмпирикой, производить все новые и новые. Теория отрывалась от практики и стремительно подменялась схоластикой, игрой в понятия и их комбинации. Искренняя вера многих советских исследователей в то, что прогресс нового общественного строя и его бескризисное развитие зависят от правильного определения соотношения основного и исходного противоречий социализма, от разработки стройной модели коммунистического завтра, от создания совершенной исторической схемы, прекрасно показывает итог развития диалектики в случае, когда она становится единственным способом познания. Подобно тому, как христианство вернулось к своим исходным представ-

лениям о движителе прогресса, так и диалектика, которая как явление, безусловно, присутствует и в природе, и в обществе, вернулась от описания реалий к спекулятивным рассуждениям о движении идей. При этом если она начинала с изучения движения божественной души, [111//112] то заканчивает разнообразным соединением произвольных понятий, искусственно сконструированных человеком.

Как в эпоху позднего средневековья христианское социальное учение, предпочтя абстрактную веру реальной науке, оказалось объектом нападок и критики, так и сегодня или в ближайшее время им станет диалектический подход к истории, неминуемо упрощающий прошлое и будущее человечества, замещающий реальные парадоксы развития примитивной схематикой. И это произойдет не потому, что диалектический подход в его современном виде не устраивает отдельных людей, классы или социальные группы, а потому, что он не устраивает общество, ибо если раньше диалектические выводы подтверждались тенденциями, видимыми невооруженным глазом, конкретизируя и развивая их, то сегодня таковые непосредственно противоречат здравому смыслу и данным опыта. Движение категорий в рамках «диалектического материализма» подменило собой движение к знанию, и поэтому судьба данной доктрины предрешена.

Но можно ли сказать, что подобный метод познания уходит в прошлое, если живая диалектика в наше время, как и раньше, реально присутствует в природе, в обществе, в процессе познания? Речь идет всего лишь о том, что диалектика должна на деле признать ту относительность всего сущего, которую она проповедует с кафедр и трибун. Она должна занять то место, которое ей предназначено. А оно зависит только от потребностей общества, от того, на какой фазе находится накопление человеческих знаний, от того, существует ли настоятельная потребность в немедленном концеп-

туальном осмыслении постигнутого или же на первом плане стоят отдельные эпизодические прорывы к новому. Пора признать, что как в обществе имеют место отрезки эволюционного развития и эпохи социальных революций, так и в науке существуют, сменяя друг друга, периоды преобладания диалектического и метафизического типов познания. При этом данное сравнение дополняется и тем, что, слава Богу, эпохи революций обычно менее продолжительны, нежели фазы эволюционного развития. Соответственно и диалектические периоды вряд ли могут продолжаться дольше метафизических. Искусственное их продление вызовет лишь крах законсервировавшейся доктрины и надолго отвернет от нее людей подобно тому, как стагнировавшая в своей автаркии социалистическая система, разрушающаяся сегодня с небывалыми конвульсиями, надолго, если не навсегда, дискредитировала гуманную по своей сути коммунистическую идею.

Но один ли диалектический тип познания переживает переоценку ценностей? Вряд ли. Сегодня бурный прогресс науки, выносящий свой приговор спекулятивному жонглированию категориями, до которого опустилось в последние десятилетия советское обществоведение, тем не менее требует не простого накопления фактов, дополняемого их незначительной субординацией, но и постоянного синтеза новых концепций, доктрин и теорий. Поэтому диалектический характер мышления современных ученых не может быть подвергнут сомнению, тем более если он представляет собой не дань раз навсегда избранному методу, а использование приемов, которые кажутся необходимыми в той или иной конкретной ситуации. Отличительная черта нашего времени — неуклонное взаимопроникновение диалектики и метафизики.

Любые застывшие идеи рушатся сегодня на наших глазах. Как диалектика, так и метафизика ныне уже не

могут по отдельности быть эффективным инструментом научного поиска. Развитие неумолимо [112//113] движется к признанию правильным всего того, что в данный момент представляется необходимым, и на развалинах противостоящих доктрин быстро поднимается здание философии здравого смысла. «Anything goes!» — провозглашает девиз данной эпохи выдающийся теоретик науки П.Фейерабенд в своей крайне современно названной работе «Против методологического принуждения»[11].

Великая истина, не являющаяся ни диалектической, ни метафизической, высказана Екклесиастом: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом: ...время разрушать, и время строить; ...время разбрасывать камни, и время собирать камни; ...время искать, и время терять; ...время молчать, и время говорить; ...время войне, и время миру»[12]. Можно, конечно, ждать, надеясь, что со сменой эпох вновь вернется период, для которого привычная всем нам со школьных лет доктрина окажется наиболее приемлемой и необходимой. Но вряд ли это послужит достаточным основанием для того, чтобы обособляться от движения науки и останавливаться в своем развитии. Даже если такое время вернется, то стоит ли находиться в положение стрелки, застывшей на циферблате и показывающей правильное время два раза в сутки, когда даже минутные деления на часах истории могут оказаться равными жизненным циклам целых поколений? [113]

---

[11] [См.: *Feyerabend P.* Against Method. L.-N.Y., 1996. P. 14, 231. — Примечание к изданию 1998 года].

[12] Еккл., 3; 1-8.

СТАТЬИ И ТЕКСТЫ
1995—1998 годов

К ТЕОРИИ ПОСТЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ К ТЕКСТУ КНИГИ 1995 года*

В.Л.Иноземцев

[266] Человеческая цивилизация являет собой динамично развивающийся объект научного познания, объект, эволюционирующий вместе с прогрессом наших знаний о нем и в определенной степени даже под воздействием последнего. На протяжении тысячелетий люди пытались понять природу изменений сообщества себе подобных, вне которого жизнь каждого индивида была бы невозможна. Потребовались титанические усилия сотен поколений, чтобы в сознании человечества сформировались более или менее совершенные представления о развитии общества, законах его эволюции и перспективах прогресса.

Как уже говорилось, всю историю становления системы знаний об обществе и его перспективах можно разделить на три этапа. На *первом* из них близость человека к природе, его зависимость от нее воспринимались людьми как настолько неоспоримая данность, что человечество вполне естественно ассоциировалось с частью природы. Подобное «растворение» человека в мире определенным образом компенсировалось «очеловечиванием» и этого мира, восприятием его как разумного существа, одухотворенного самим Богом. Эта эпоха не

---

* Впервые опубликовано в книге *Иноземцев В.Л. К теории постэкономической общественной формации.* М., 1995. С. 266-282.

знала понятия прогресса, а вся историческая динамика представлялась людям не более чем движением по кругу, не отмеченным ни одной сколь-нибудь характерной точкой. *Второй* этап развития исторической мысли уже начал различать в процессе эволюции человеческого рода некую направленность; были обозначены как исходный, так и конечный пункты истории; однако созданная таким путем искусственная ограниченность исторического времени привела к существенным деформациям в оценке каждого нового периода прогресса, свидетелем которого выступал автор очередной доктрины. Весь процесс совершенствования человеческого рода стал жестко подразделяться на периоды «до» и «после», причем границей «водораздела» становился тот исторический момент, в который разрабатывалась та или иная социаль[266//267]ная доктрина. И наконец, *третий* период, когда доминирующей оказалась диалектическая концепция развития, укоренил представление об обществе как о самостоятельной форме развития материи, открытого и в прошлое, и в будущее, проходящего несколько стадий, вычленяемых в соответствии с принципом закона отрицания отрицания.

Диалектический характер развития самого человеческого сообщества отразился в диалектическом характере смены исторических доктрин: от теорий, изображавших человечество одной из частей природы, по законам своей эволюции не выделяющихся из других ее составляющих, через теории оторванности общества от природы, его исторической закрытости — к концепциям, утверждающим становление общества из законов природы, появление специфических закономерностей социальной жизни и проповедующим открытость истории, ее нацеленности в будущее.

Между тем диалектика общественного прогресса предусматривает не только то, что история развивается согласно закону отрицания отрицания и перехода количе-

ственных изменений в качественные; она предполагает, что, *во-первых*, современный любому исследователю период не должен рассматриваться как предел социума, но и, *во-вторых*, социум как таковой не должен рассматриваться в качестве предела эволюции форм человеческого общежития. Все эти обстоятельства требуют весьма кропотливой оценки с теоретической и даже терминологической точек зрения, поскольку с позиции сегодняшней социальной теории они во многом выглядят парадоксально. Посвятив каждую часть нашего исследования в той или иной степени преодолению кажущейся парадоксальности подобных утверждений, мы попытаемся в Заключении суммировать некоторые тезисы и выводы.

Человек, которого авторы самых различных социальных доктрин считали существом по своей природе социальным, *таковым не является*. Человеческое существо стало результатом развития материального мира, следствием естественного отбора, протекавшего в соответствии с закономерностями биологического порядка. В итоге этой эволюции у человекоподобных существ сформировался ряд признаков, которые и характеризуют человека как биологический вид. [267//268]

Главная особенность Homo sapiens (человека разумного) — способность выделять самого себя из окружающего мира и воспринимать его как нечто внешнее. Благодаря этой способности он может различать в окружающем мире объекты, обладающие как определенными чертами сходства, так и, напротив, отличиями. Сознательно группируя объекты внешнего мира, человек приобретает умение наделять их некими общими чертами, отграничивать характерные черты одного объекта от него самого и переносить их на совокупность подобных объектов в целом. Возникающая, таким образом, предпосылка *абстрактного мышления* знаменует собой величайшее отличие человека от других представителей животного мира. Абстрактное мышление позволяет ему осознать причинно-следственные

связи, существующие в мире, подняться над общим принципом post hoc, ergo propter hoc и в конечном счете достичь понимания собственного места в окружающем мире.

Следует особо подчеркнуть, что становление человека как существа, способного абстрактно мыслить, вычленяя самого себя из окружающего мира, осознавать внешнюю необходимость и совершать действия, в процессе которых с помощью специально созданных орудий добиваться заранее материального результата, не идентично становлению человека как социального существа. В течение весьма продолжительного периода — целой исторической эпохи — человек обладал зачатками абстрактного мышления и проявлял себя в разумных действиях, однако не был социальным существом.

Общество возникает там и тогда, где и когда совокупность инстинктов как основного побудительного мотива деятельности полностью вытесняется разумной реализацией собственного материального интереса, причем этот последний неизбежно становится главной движущей силой для каждого конкретного индивида, составляющего общество. Однако в том случае, когда материальные интересы всех членов некоей группы оказываются абсолютно идентичными (хотя предположить подобную ситуацию крайне сложно), *общность* людей еще (или уже) не является *обществом* в том понимании, какое мы вкладываем в данный термин[1]. Гипотетический характер возникновения такой ситуации в условиях складывающейся цивилизации, когда жизнь

---

[1] Определение общества, таким образом, исключает все нематериальные основы социального объединения. Известная формулировка св. Августина: общество есть «множество разумных существ, объединенных согласием относительно вещей, которые они любят» (*St. Augustinus.* De civitate Dei, XIX, 24), на наш взгляд, может быть применена только к более высокому, нежели собственно общественному, объединению людей, только к постсоциальному состоянию человечества.

[268//269] человека в каждый момент представляла собой непрекращающуюся борьбу за существование, позволяет утверждать, что *формирование осознанных материальных интересов людей является процессом, идентичным процессу становления человеческого общества.*

Однако, поскольку материальные интересы в условиях заведомой нехватки благ не могли не противоречить друг другу, социальный организм изначально строился *на противоречиях этих интересов*, причем именно их борьба и создавала основу общественной организации. Как мы уже отмечали, *общество оказалось совокупностью людей, объединенных противоречиями их материальных интересов.*

Это обстоятельство принципиально важно для уяснения хода и направленности эволюции человеческой цивилизации. Утверждая именно такое понимание общества, допустимо предположить, что в исторической перспективе возможно преодоление принципов общественной организации. Таковое может стать действительностью, во-первых, когда реализация материальных интересов каждого конкретного индивида ни при каких условиях не вступит в противоречие с реализацией аналогичных интересов других индивидов (что кажется фактически неосуществимым, ибо человечество вряд ли может поставить перед собой цель достичь такого состояния, при котором количество производимых материальных благ будет несоизмеримо превосходить все разумные потребности людей); во-вторых, когда сами интересы, движущие людьми, перестанут быть *материальными интересами, обусловленными материальными потребностями*, и основным мотивом человеческой деятельности будет стремление к совершенствованию собственной личности. В данном случае мы сталкиваемся с феноменом, который можно назвать постсоци[269//270]альным состоянием человечества, поскольку закономерности, справедливые для социума, на этом этапе исторической эволюции уже не действуют.

Итак, человек не является исключительно общественным существом в том смысле понятия «общество», которое нами принимается. Он представляет собой высшую форму биологического мира, в которой этот последний как бы отрицает сам себя, давая жизнь более высокой форме; вполне адекватно воплощает социальную систему, основанную на формализации противоречий материальных интересов и развивающуюся в результате борьбы и соподчинения этих интересов; и, наконец, знаменует наступление более высокой, постсоциальной, фазы, закономерности которой на сегодняшний день не могут быть в полной мере исследованы. Поэтому не следует полагать, что социальные законы естественны и неизменны, что человечество вечно обречено существовать в рамках ранее открытых закономерностей.

Социальность человека, не являющаяся, таким образом, его сущностной чертой, представляется нам скорее *формой развития* человеческих существ на пути от чисто животных форм активности к постсоциальному состоянию, которое объективно сменяет эпоху общества (при этом и постсоциальное состояние не надо рассматривать как естественное для человека или как наиболее отвечающее его внутренней природе). Наступление постсоциального состояния столь же естественно, как само возникновение человека, как подчиненность его в определенный период развития материальным потребностям и игре материальных интересов. В этом отношении постсоциальная эпоха не более совершенна и справедлива, чем досоциальная и социальная эпохи, ибо категории совершенства и справедливости, выработанные в рамках исторического периода подобного масштаба, применимы только в его пределах.

Досоциальная, социальная и постсоциальная эпохи существенно отличаются не только разными формами соподчинения и взаимодействия интересов, разными мотивами человеческой деятельности и разны-

ми формами общения, но и вытекающими из данных обстоятельств различными типами этой деятельности. Развитие ее форм на протяжении всей истории человечества проходит периоды полной зависимости от окружающего прир[270//271]одного мира, псевдосвободного вида деятельности и, наконец, свободной (исключительно в сравнении с сегодняшним днем) активности.

В условиях досоциальной эпохи мотив деятельности не был отделим от самого активного субъекта. Более того. Этот мотив инкорпорировался в действующего субъекта сугубо биологическим образом и функционировал на инстинктивном уровне, что отвечало преимущественно биологической сущности человека того времени. Соответствующее состояние объективно подрывалось развитием человеческого интеллекта; с ростом способности к абстрактному мышлению, с усложнением системы целеполагания и конкретизацией причинно-следственных связей человек осознавал не только относительную независимость (непричастность) себе подобных от окружающего мира, но и относительную независимость самого себя от остальных людей. Осознание собственных потребностей на уровне, более совершенном, нежели сугубо биологический, неизбежно приводило к появлению особого материального интереса, выделявшегося из общей массы унифицированных стремлений. Как только это происходило, суммарный вектор интересов того или иного сообщества отклонялся от первоначального курса и возникали, с одной стороны, противоречия интересов, которым и суждено было сыграть главную роль в материальном прогрессе человечества, а с другой — средства смягчения данных противоречий и предотвращения их деструктивного воздействия на сообщество в целом. Таким образом, с появлением деятельности, осознанно нацеленной на реализацию определенного материального интереса, и началось становление социума в собственном смысле этого слова.

Сама эта деятельность, хотя и основывалась *на осознанной материальной необходимости*, вряд ли может быть названа свободной. Ее сущность — преодоление довлеющей над человеком внешней необходимости, создание условий, в которых он смог бы реализовать себя в иных, кроме направленных на собственное освобождение от влияния среды, формах деятельности. Поэтому деятельность, цель которой состоит в реализации материальных интересов индивидов, следует рассматривать как формирование предпосылок свободной деятельности, как деятельность псевдосвободную. В нашем анализе мы назвали данный ее вид *трудом*. [271//272]

Труд как основной вид деятельности человека конституирует покоящееся на его базисе человеческое сообщество в качестве *социума*. Однако сама трудовая деятельность проделала достаточно долгий путь своего становления и совершенствования.

На *первом* этапе эволюции труда, когда инстинктивная деятельность была заменена целесообразной, человечество столкнулось с крайней ограниченностью материальных благ и отсутствием тех институтов, которые могли быть присущи только развитым формам трудовой активности. В результате противоречия материальных интересов приняли наиболее резкие формы, а необходимость поддержания целостности зарождающегося общественного организма породила жесткие, а зачастую и жестокие формы социальных отношений. Единственным способом распределения благ и обеспечения стабильности общественных систем стало насилие, широко применявшееся в первые тысячелетия цивилизации не только в отношениях между государствами и социумами, но и в повседневной организации *хозяйственной* жизни. На данном этапе развития имели место противоречия материальных интересов, деятельность большинства членов социума, безусловно, носила трудовой характер, но еще не было создано системы, основанной на принципах саморегуляции.

Труд находился в зародышевой форме: с одной стороны, в результате трудового процесса индивиды удовлетворяли свои материальные потребности (что справедливо даже в том случае, если мы говорим о труде рабов), с другой же — далеко не всегда цель трудового процесса задавалась непосредственно трудящимся субъектом, нередко ее определяли другие члены общества.

Коренной перелом связан с универсализацией труда, с появлением возможности присвоения индивидом части общественного продукта в соответствии с тем значением, которое придавалось его труду остальными членами общества. С этого момента начинается *второй* этап эволюции труда, когда труд выступает уже в качестве деятельности, цель которой задается в первую очередь непосредственно самим трудящимся субъектом. Естественно, речь не идет о резкой исторической грани между первой и второй эпохами: период перехода занял тысячи лет, однако сам процесс был неизбежен и необратим. Наиболее адекватной формой оценки об[272//273]щественной значимости трудовой деятельности стал процесс обмена ее продуктами, который, возникнув в некоторых секторах экономики, постепенно приобрел исключительную роль. На этом этапе общественного прогресса, объединяющем отчасти азиатскую и античную, а в гораздо большей мере феодальную и индустриальную эпохи, человеческий труд выступает в форме *экономической* деятельности, наиболее адекватной своей природе, а пропорции обмена, степень развитости отдельных отраслей общественного производства, а также основные социальные закономерности регулируются в большей или меньшей мере степенью признания обществом важности того или иного вида трудовой активности.

Третий этап эволюции труда наступает с того момента, когда он начинает утрачивать черты утилитарности и всеобщности, когда общество становится неспособным оценить все его виды с точки зрения сводимости их к однородному простому труду, а также

продукты различных видов труда с единых позиций общественной значимости. Предпосылкой данного этапа служит высокий уровень развития производительных сил, что позволяет отказаться от стремления максимизировать производство благ посредством их примитивизации и открывает возможности создания индивидуализированных продуктов и таких материальных благ, которые фактически невоспроизводимы ввиду высокой квалификации их творцов. Само материальное производство на этой ступени социального развития отодвигается на второй план перед созданием предпосылок такого производства: генерированием информации и технологий. Одновременно человеческая деятельность приобретает большее разнообразие, а материальные стимулы, традиционно занимавшие основное место, уступают его иным мотивам, в частности тяге человека к постижению нового, к собственному совершенствованию как личности. *Экономический* тип деятельности становится неэффективным; возникают возможности для постепенного замещения самого труда как такового более высоким типом деятельности.

Три этапа развития трудовой активности соответствуют трем основным эпохам эволюции социального организма. Центральную из них, когда трудовая деятельность в ее наиболее завершенном виде [273//274] определяет главные черты социальной структуры, мы вслед за К.Марксом называем *экономической общественной формацией.* Предшествующий период, характеризующийся становлением адекватных трудовой деятельности общественных отношений, может быть определен как *доэкономическое* состояние общества; а тот отрезок истории, на протяжении которого происходит деструкция основных закономерностей базирующегося на трудовой деятельности социума, мы именуем *постэкономической общественной формацией.*

Экономическая общественная формация наиболее полно отражает основные закономерности социальной

жизни человека. Прогресс цивилизации в рамках данной формации означает рост степени свободы человека, снижение роли неэкономического воздействия на него со стороны социума в целом. Важнейшей формой социальной связи между индивидами становится связь между ними как производителями специфических благ. Блага эти могут либо иметь, либо не иметь материальную форму, однако их объединяет то, что они предназначены не только для собственно производителя, но и для других членов общества. Движение же благ внутри общественного целого осуществляется на принципах товарного обмена в соответствии со степенью актуальности общественной потребности, породившей производство того или иного товара. Степень актуальности потребности обусловливает количество общественно необходимого рабочего времени, как бы выделяемого социумом на создание блага. В процессе производства люди затрачивают значительные усилия, и материализованный в товарах труд (его количество зависит опять-таки от степени общественной полезности продукта) оказывается субстанцией *стоимости* — наиважнейшей характеристики товара в условиях господства принципов экономической общественной формации.

Стоимостные отношения, пронизывая все составляющие общественного целого, олицетворяют торжество принципов экономической общественной формации, демонстрируют обретение трудом своих наиболее адекватных форм. Кризис экономической общественной формации, кризис трудовой деятельности и кризис самой социальной формы общения индивидов исторически возникают там и тогда, где и когда наблюдается кризис стоимостных отношений. Будучи более поверхност[274//275]ными, чем собственно труд, стоимостные характеристики вступают в период своей деградации задолго до того, как становится очевидной тенденция к замене труда более высоким типом человеческой активности. Получая особенно полное развитие

в период господства массового производства, предполагающего сведение всех форм труда к простому механическому действию, стоимостные отношения отражают закономерности индустриальной эпохи, само предназначение которой — устранить недостаток унифицированных материальных благ, постоянно сопровождавший людей в предыдущие исторические периоды. Когда же технический прогресс и экспансия производства дают человечеству возможность удовлетворить традиционные материальные потребности и сами вызывают появление новых, когда условием даже чисто *экономического* процветания становится отказ от массового производства, казавшегося непременным атрибутом *экономической* эпохи, тогда стоимостные закономерности начинают претерпевать существенные модификации, за которыми на самом деле скрывается факт утраты стоимостными характеристиками их роли как основных показателей общественного производства.

Количественная неопределенность стоимости невоспроизводимых и уникальных благ, удельный вес которых в общей массе товаров стремительно нарастает, отражает более глубинный процесс, а именно — изменение характера деятельности, овеществляемой в соответствующих продуктах. В отличие от предельно экономизированной деятельности прошлого активность сегодняшнего дня содержит элементы иного типа мотивации, существенной чертой которой является стремление личности реализовать себя в создании чего-то качественно нового — будь то продукт, технология или информация. С этого момента не только *производство*, но и *потребление* становится индивидуализированным, возникает система связи между ними, разрушающая принципы экономического общества.

Указанные выше процессы обусловливают становление *постэкономической общественной формации*, и значимость данного явления в наши дни еще адекватно не оценена. Человечество оказывается на рубеже форми-

рования новой социальной структуры, которая до сих пор не прогнозируется ни на уровне ее базисных элемен[275//276]тов, ни на уровне источников ее саморазвития, ни на уровне основных противоречий и отношений. Подобная ситуация во многом весьма опасна, поскольку никогда прежде общество не сталкивалось с проблемой столь системной трансформации. Переход от *доэкономической общественной формации* к *экономической* осуществлялся в условиях, когда человечество не было единым целым, а сами люди даже не осознавали значения и последствий подобного изменения. Переход от одного способа производства к другому в рамках *экономической общественной формации* представлял собой последовательное углубление противоречий товарного хозяйства и развитие трудовых отношений, опосредуя становление наиболее совершенных форм данной общественной формации. Ныне мы оказались перед качественно новым сдвигом: переходя от труда к творческой деятельности, от экономической оценки благ к индивидуализированной, от относительно привычных социальных отношений к совсем неизвестным их формам, человечество рискует потерять основные ориентиры, определявшие его развитие на протяжении всей истории.

Дополнительный драматизм современному положению дел придает и то, что *постэкономическая общественная формация*, в отличие от *формации экономической*, не базируется на некоей комплексной социальной структуре, не построена вокруг конкретного основополагающего отношения или принципа. В то время как экономическая общественная формация являет собой систему отношений, порожденных господством в обществе трудовой деятельности, а ее развитие идентично процессу обретения трудовой деятельностью своих наиболее завершенных форм, постэкономическая формация, отрицающая основанную на труде хозяйственную систему, ориентирована на творческую дея-

тельность, *в той же мере постсоциальную, в какой инстинктивная деятельность доэкономической общественной формации оставалась по своей природе досоциальной, то есть биологической.* Следовательно, постэкономическая общественная формация, будучи последней общественной формацией, вместе с тем является исходным состоянием постсоциального организма. И подобно тому, как принципы, господствовавшие в доэкономическую эпоху, были удовлетворительным образом исследованы только с позиций понимания [276/ /277] закономерностей экономической общественной формации, то есть ставшего социального целого, так и принципы постэкономической общественной формации могут быть в полной мере изучены лишь после всестороннего исследования законов и отношений постсоциальной эпохи. Невозможность же познания последних обусловливает невозможность адекватного изучения закономерностей постэкономического состояния общества. Методы экстраполяции, столь привычные для традиционных научных изысканий, оказываются неприменимыми к задачам сегодняшнего дня, что еще более подчеркивает значимость исторических перемен, перед которыми ныне стоит цивилизация.

Данную ситуацию можно легко себе вообразить, использовав в качестве иллюстрации так называемый «принцип холма». Человечество в дообщественном состоянии находилось как бы у подножия холма и не знало ничего иного, кроме равнины, рельеф которой не имел ничего общего с рельефом гор. Развитие общественного состояния можно представить как движение по склону холма в направлении его вершины. Хотя многое на этом пути менялось — и скорость прогресса, и некоторые формы его проявления, — один принцип оставался неизменным: цивилизация шла от низших форм *общественной* организации, основанных на использовании *экономических* закономерностей, к высшим формам *общественной же* организации, тоже основанной

на использовании тех же *экономических* закономерностей. И если философы античного времени не могли и подумать о том, что возможна иная, кроме наблюдавшейся ими, форма общественной организации, то ученые средневековья уже не считали современный им строй чем-то незыблемым и нерушимым, стремились сквозь присущие ему черты разглядеть пусть и туманные, но все же заметные перспективы грядущего. И такое предвидение было возможно, ибо в недрах каждого этапа общественной эволюции вызревали черты нового ее этапа: доэкономическая общественная формация сменялась системами античного и азиатского типа, эти последние замещались феодальными порядками, а внутри них зарождались основы буржуазного способа производства.

Черты постэкономической общественной формации, которая в нашем сравнении может рассматриваться как [277//278] вершина горы, тоже вызревали в недрах капиталистического способа производства. Их становление было эволюционным и фактически прошло незамеченным для исследователей, акцентировавших внимание на революционных переломах общественного прогресса. Внешние черты постэкономической общественной формации сегодня достаточно легко наблюдаемы, но при этом остаются скрытыми основные движущие силы ее развития.

Сущность постэкономической общественной формации состоит в преодолении закономерностей формации экономической, а значит, и закономерностей социальной формы движения как таковой. Однако весь предшествующий исторический опыт базируется на том, что преодоление чего-то старого является в гораздо большей мере становлением некоей новой реальности. Это положение справедливо и для переживаемого нами сейчас периода. Преодоление сугубо экономических закономерностей, столь присущих буржуазному обществу в классическом понимании данного

термина, безусловно, означает становление новой формы человеческого общения, утрачивающего оттенок собственно социальности. Прогресс современного человечества не определяется чисто экономическими отношениями, как не определяется он и отношениями собственно социальными. И поэтому движение через вершину холма осуществляется как бы за счет некоей силы, источник которой нам пока неизвестен, ибо в полной мере его можно постичь только тогда, когда человечество совершит скачок в состояние, названное нами постсоциальным.

Все отмеченное выше указывает лишь на то, что человечество ныне наряду с невиданным прогрессом производительных сил, обеспечивающим динамичную модернизацию производства, экспансию творческой деятельности и индивидуализацию создаваемых благ, может потенциально столкнуться с действием самых неожиданных дестабилизирующих факторов, природа которых сегодня также не выглядит по-настоящему проясненной. Речь идет об этнических, национальных, региональных, экологических и иных проблемах, встающих перед цивилизацией. В настоящее время подобные проблемы оказывают более ощутимое воздействие на судьбы человечества, чем когда-либо прежде, и причина этого кроется в неструктурированности современных социаль[278//279]ных систем, развивающихся в направлении самых значительных трансформаций в своей истории.

Существенные элементы нестабильности обусловлены также и тем, что экономическая общественная формация породила гигантские проблемы, связанные с неравномерностью материального прогресса в различных регионах земного шара. Правда, последние десятилетия с их технологической экспансией, активным проникновением новейших технологий в страны Юга и распадом восточного блока, открывающими простор для относительно быстрого сокращения столетиями укреплявшихся диспропорций, дают определенные надежды

на то, что комплекс указанных проблем будет разрешен уже в первой половине XXI века. Это служит также одним из подтверждений того, что постэкономическая общественная формация будет наиболее всеобъемлющей из всех общественных форм, какие когда-либо знала история, формой, завершающей своим становлением само общественное состояние человечества.

Очевидная трудность адекватного понимания принципов саморазвития нового типа человеческой организации обусловливает необходимость обращения в первую очередь к проблемам не столько социальным, сколько личностным, не столько экономическим, сколько психологическим. Как говорил И.Кант, есть только две вещи, удивляться которым не перестанет человеческий род, — звездное небо над нами и нравственный закон в нас самих. Преобразовав природу и использовав ее дары в собственных целях, максимально усовершенствовав среду обитания и решив насущные материальные проблемы своего бытия, человечество неизбежно должно обратиться к процессам и закономерностям качественно иного порядка, поскольку именно они будут управлять движением новой цивилизации.

Преодолевая ограничения, существовавшие в период господства экономической общественной формации, человечество вступает в качественно новую эпоху своего развития. Субъектом этого периода прогресса цивилизации становится уже не социум как таковой, не общность людей, тесно спаянных материальными интересами и совершающих набор простых действий в силу необходимости удовлетворить свои насущные потребности, а совокупность индивидов, каждый из которых непо[279//280]вторим не только в своих действиях и поступках, но и в их мотивах, способах осуществления.

На протяжении тысячелетий выдающиеся мыслители стремились приблизить время, которое характеризовалось бы властью разума над природой, властью морали над страстями, властью права над грубой си-

лой. От святого Августина до теоретиков века Просвещения философы стремились доказать не только другим, но и самим себе, что род людской связан узами согласия, что природа человека несет в себе положительное начало, что божеством или природой в него заложен источник добродетели, а зло и порок не есть особые субстанции, но суть лишь отступления от блага. Сегодня, когда человечество вплотную приблизилось к подобному состоянию (пусть и далеко не идеальному, но вполне отвечающему достаточно смелым мечтаниям идеалистов прошлого), оказывается, что это последнее выступает не основой интеграции общественного целого, а важнейшим инструментом развития индивидуализма, разрушающего это целое как *общественное*.

Выходя за пределы материальных запросов, избавляясь от субъективно воспринимаемого феномена эксплуатации, понимая собственную деятельность как свободную от внешнего принуждения, человек неизбежно начинает осознавать, что *его стремление к достижению согласия с другими себе подобными членами общества было порождено не его внутренней природой, а, напротив, условиями его существования, препятствовавшими реализации этой внутренней природы. Оказывается, взаимопонимание и согласие с другими людьми, согласие и примирение с целым обществом не заменяют и не могут заменить высшего типа согласия, внутреннего согласия с самим собой.*

Развитие нового типа человеческой общности начинается с того момента, когда индивид достигает понимания превалирующего значения внутреннего, имманентного ему мотива над внешним, ему чуждым. Еще в VI веке известный теолог Лактанций писал: «Узрите справедливость. Примите ее, если можете, и поместите ее в глубины сердца своего, и да не смущает вас, что это сложно и противоречит идеалам времени. Выбросьте из сердца своего все дурные мысли и желания, и тогда золотой век немедленно вернется к вам, ибо

никоим[280//281] образом вы не сможете достигнуть его, кроме как посредством почитания истинного Бога». Какой бы наивной и условной ни казалась данная проповедь, в ней содержится неповторимая по своему богатству и актуальности идея — каждый человек достигает высших ступеней совершенства тогда, когда он сам, свободный от обстоятельств и духа времени, выбирает себе моральные ориентиры и действует в соответствии с внутренними устремлениями.

При этом внутренняя мотивация не всегда должна вызывать именно активное действие; творческий характер субъекта может проявляться как в действии, так и в отказе от него, что обусловливается внутренними посылками. Анатоль Франс в романе «Восстание ангелов» приводит впечатляющий пример подобного рода бездействия. Книгу, повествующую о подготовке заговора темных сил, слуг Люцифера, против Господа, венчает сцена, в которой дьявол, собрав своих сторонников перед решительным сражением, удаляется, чтобы отдохнуть перед битвой. Во сне он видит свое торжество над небесными силами, свое восшествие на престол Господень, но при этом понимает, что такая перемена принесет мало нового в судьбы мира и человечества, избранных им в качестве объекта облагодетельствования. И Люцифер, выйдя к своим воинам, сказал: «Друзья мои! Не будем завоевывать небо. *Нам достаточно сознания того, что это в наших силах*». Также и люди сегодня способны изменять систему социального устройства, модифицируя *свою внутреннюю природу* или даже существенным образом *изменяя представление о ней.*

Согласие с самим собой, осознание внутренней свободы становятся уже сейчас основными движущими силами прогресса. Новая эпоха в развитии цивилизации, эпоха, лежащая фактически за гранью человеческого общества в собственном смысле этого слова, начинается там и тогда, где и когда ориентация на до-

стижение согласия в рамках социума сменяется ориентацией на достижение внутренней гармонии личности. Эксплуатация человека заканчивается там и тогда, где и когда сам человек поднимается до понимания собственных целей как более высоких по сравнению с теми, которых добивается с помощью его деятельности тот, кто стремится присвоить часть ее продуктов. Труд устраняется тогда, [281//282] когда человек осознает мотив своей деятельности как не привнесенный в нее материальными обстоятельствами. Экономические законы с неизбежностью отторгаются изменениями во внутренней структуре человеческой деятельности, системе ее мотивов и предпосылок.

Люди современной эпохи создали тот первоначальный материальный базис, на котором возникает возможность для развития явлений и отношений, собственно и делающих человека человеком. Покидая экономическую эпоху, человечество вступает в эру абсолютной субъективности, где действия каждой отдельной личности обусловлены ее внутренними потребностями, продиктованы законами морали, имманентными каждому человеку новой эпохи. И когда люди научатся не причинять зла себе подобным только потому, что эти подобные — люди, когда отвергнутые найдут в себе силы до конца дней боготворить отвергнувших их, когда любая деятельность будет восприниматься как внутренне свободная, тогда человек достигнет поистине идеального состояния и Люциферу не останется ничего иного, кроме как вечно взирать на него с завистью из глубины своей бездны. [282]

ПОСТЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?*

В.Л.Иноземцев

[711] Интерес к фундаментальным социальным изменениям, происходящим в последние десятилетия в развитых странах, не может оставаться сегодня чисто академическим, как это было в прошлые годы. Сейчас, когда Россия стремится приобщиться к ценностям, созданным в XX веке в рамках западной цивилизации, пренебрежение к изучению путей и направлений ее трансформации становится недопустимо легкомысленным. Серьезным препятствием для глубокого осмысления реальностей постиндустриального общества выступает сегодня растущее доминирование в российской экономической науке принципов «экономикса» при сохранении определенного влияния примитивной версии марксизма. Прежняя советская традиция, укоренившаяся в сознании многих исследователей, препятствует признанию западных обществ некапиталистическими; прикладные же экономические теории, как правило, абстрагируются от любых явлений и процессов, мешающих воспринимать их в качестве образцов рыночного хозяйства.

Однако инструменты анализа современных западных обществ не исчерпываются принципами истори-

---

* Впервые опубликована в журнале *Вестник Российской Академии наук*. Том 67. 1997. № 8 (август). С. 711-719.

ческого материализма или маржиналистской теории. Марксова концепция истории, разительно отличающаяся от ее ленинской интерпретации, и доктрина постиндустриального общества, не в меньшей степени отличная от макроэкономических моделей, представляют собой весьма близкие по методологии и основным подходам к анализу будущего исторического состояния теории[1], способные стать фундаментом совершенно иного восприятия направления и исторического значения тех изменений, свидетелями которых мы сегодня являемся.

К понятию постэкономического общества

Говоря об экономическом и постэкономическом обществах, мы основываемся как на основных принципах марксовой методологии исследования исторического процесса, так и на терминологической системе, предлагаемой современными постиндустриальными теориями.

Идея выделения в истории человечества доэкономической, экономической и постэкономической эпох принадлежит К.Марксу. Введя в научный оборот в 1851 г[оду] понятие «общественная формация» («Gesellschaftsformation»)[2], он семь лет спустя указал на то, что все классовые общества, в которые были включены «ази-

---

[1 См.: *Иноземцев В.Л.* Марксистская теория экономического прогресса: истоки и преемники. М., ИЭ РАН, 1992 [см.: Настоящее издание. С. 161-211]; *Иноземцев В.Л.* Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. 1997 № 10. С. 29-44 [см.: Настоящее издание. С. 283-315].

[2 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 8. С. 120.]

атский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства», могут быть рассмотрены как «прогрессивные эпохи экономической общественной формации», причем «этой общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»[3]. Тем самым в понятии данной формации, чьим системообразующим признаком [711//712] является экономический характер взаимодействия между индивидами, при котором определяющую роль в формировании и функционировании социальной структуры играют отношения по поводу производства, обмена и распределения элементов материального богатства, объединяются все классовые общества, начиная с периода разложения первобытной общины до процесса формирования основ коммунистического строя. Концепция становления и преодоления этой эпохи, также называвшейся К.Марксом «вторичной общественной формацией» («formation secondaire de la société»), развита им в набросках ответа на письмо В.Засулич, относящихся к 1881 г[оду] [4].

Мы неоднократно подробно рассматривали процесс формирования марксовой теории экономической общественной формации[5]. В рамках же настоящей статьи важно отметить, что в исторических пределах этой формации главным мотивом действия индивидов и социальных групп выступает тот осознанный материальный интерес, который выделяет человека из примитивных форм общения, преобразует хозяйство в экономику, а основанный на стадном инстинкте и дарообмене при-

---

[3 Marx-Engels Werke. Bd. 13. S. 9.]

[4 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 19. С. 414-419.]

[5] См.: *Иноземцев В.Л.* Экономическая общественная формация: границы понятия и значение теории // ПОЛИС. Политические исследования. 1991. № 4. С. 35-46 [см.: Настоящее издание. С. 96-120]; *Иноземцев В.Л.* К теории постэкономической общественной формации. М., 1995. С. 96-154, 187-265; *Иноземцев В.Л.* Очерки истории экономической общественной формации. М., 1996. С. 29-52, 235-286.

митивный трайбализм — в подобие организованного сообщества. В отличие от экономической, доэкономическая эпоха, базирующаяся на предтрудовой инстинктивной деятельности, не предполагает осознания людьми своего индивидуального материального интереса как противоречащего интересам общности. Постэкономическая, или коммунистическая, эпоха, характеризуется в рамках данной теоретической схемы преодолением доминирования материального интереса и выдвижением на первое место стремления к совершенствованию и развитию личности на основе «выхода человека за пределы собственно материального производства»[6]. Возникает законченная диалектическая триада форм человеческого общежития[7]

Современные социологи также пришли к пониманию высокой степени совершенства концепций, представляющих историческое развитие в виде подобного триединства. Однако в силу того, что западная традиция отрицала утопические подходы, абсолютизировавшие значение классовой борьбы, и основывалась на принципах позитивизма, доминирующим стало представление о выделении в качестве центральной фазы исторического развития *индустриального общества*. Это понятие, предложенное А. де Сен-Симоном и Дж. Ст.Миллем [[8]], как нельзя лучше подчеркивало ту открытость буржуазного общества в будущее, которая была одним из важнейших достоинств этого строя на протяжении всего прошлого столетия.

Деление истории на доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общество окончательно офор-

---

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. С. 386.

[7] Подробнее см.: *Иноземцев В.Л.* Альтернативность общественного развития // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 1991. № 2. С. 3-10 [см.: Настоящее издание. С. 63-77].

[[8] См.: *Saint-Simon Cl.H., de.* Cathéchisme des industriels. P., 1832. P. 24-36; *Mill J.St.* Chapters on Socialism // *Mill J.St.* On Liberty and Other Writings. Cambridge, 1995. P. 228-234.]

милось в 50—70-е годы; наиболее заметные представители этого направления вполне обстоятельно рассмотрели основные методологические принципы подобного членения. Согласно Д.Беллу, индустриальное общество отличается от доиндустриального и постиндустриального по доминирующему типу ресурсов, методу их использования, технологии, основанной на капитале, труде, или знаниях, и, наконец, по характеру отношения человека к окружающему его миру и другим людям [9]. По мнению другого видного теоретика постиндустриализма, О.Тоффлера, основными факторами выступают источники энергии, характер деятельности и место, занимаемое информационными ценностями [10].

Целый ряд исследователей обогатил и расширил данную концепцию, однако ее суть принципиальным образом не изменилась. Понятия, которые применялись и до рассмотрения Д.Беллом проблем постиндустриализма в его классической работе[11], — «посткапиталистическое общество» Р.Дарендорфа [12], «постмодерн» А.Этциони [13], «постбуржуазное общество» Г.Лихтхайма [14] — приобретя новое звучание, используются и сегодня соответственно Р.Хейльбронером [и] П.Дракером [15]; А.Туреном, Ж.-Ф.Лиотаром, А.Горцем [16];

[9 См.: *Bell D.* The Cutural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1996. P. 198, note.]

[10 См.: *Toffler A.* The Third Wave. N.Y., 1980. P. 9-18; *Toffler A., Toffler H.* Creating a New Civilisation: The Politics of the Third Wave. Atlanta, 1995. P. 13-26.]

11 См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1976.

[12 См.: *Dahrendorf R.* Class and Class Conflict in an Industrial Society. Stanford, 1959. P. 275-276.]

[13 См.: *Etzioni A.* The Active Society. N.Y., 1968. P. VII.]

[14 См.: *Lichtheim G.* The New Europe: Today and Tomorrow. N.Y., 1963.]

[15 См.: *Heilbroner R.* Business Civilisation in Decline. N.Y.-L., 1976; *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. N.Y., 1993. P. 4-15, 96.]

[16 См.: *Touraine A.* Critique de la modernité. P., 1992. P. 241-245; *Lyotard J.-F.* The Post-Modern Condition. Manchester, 1986. P. 4; *Gorz A.* Critique of Economic Reason. L., 1989. P. 1.]

Я.Пакульским и М.Уотерсом [17]. Использование этих терминов и возникновение новых не привело пока к формированию завершенного понятийного аппарата (даже один из классиков данного направления О.Тоффлер вынужден признавать несовершенство всех ранее данных определений, в том числе и его собственных [18]), однако фундаментальные принципы теории остаются незыблемыми.

Следует отметить, что при существовании значительной методологической близости марксизму сторонники постиндустриальной теории кардинально отличным образом трактуют первую основную трансформацию в истории человечества, относя ее к периоду промышленной революции, а не к эпохе становления классовых обществ. Однако понимание второй глобальной революции, которую основоположники марксизма противопоставляли всем предшествующим революционным изменениям {экономической эпохи} как революцию социальную революциям политическим [19], а сторонники постиндустриализма считают наиболее значимой из переживавшихся человечеством [20], оказывается в обеих концепциях весьма сходным.

Удивительно похожим является и подход к оценке *экономического* характера общества. Индустриальная эпоха, не тождественная хронологически *экономическому* обществу, в то же самое время является для К.Маркса в принимаемом ею облике буржуазного строя завершающей стадией такого общества [21]. К пониманию этого обстоятельства приходят и современные постиндустриалисты: такие известные социологи, как

[17 См.: *Pakulski J.*, *Waters M.* The Death of Class. Thousand Oaks (Ca.)-London, 1996. P. 153.]

[18 См.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 9.]

[19 См.: *Маркс К.*, *Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 1. С. 552.]

[20 См.: *Servan-Schreiber J.J.* Le défi mondiale. P 1980. P. 374.]

[21 См.: Marx-Engels Werke. Bd. 13. S. 9.]

Г.Кан и Д.Белл [22], рассматривают третью большую фазу [712//713] общественной эволюции именно как *постэкономическую.* При этом они стремятся на основе анализа и осмысления явлений, которые имеют место в западных обществах, дать более глубокое описание происходящих в них процессов.

Тем не менее большинство работ классиков данной теории страдают некоторой односторонностью. Несмотря на отмеченные выше заявления О.Тоффлера о несовершенстве применяемых подходов и введение Г.Каном и Д.Беллом понятия постэкономического состояния, современное общество не осмыслено западными аналитиками именно как *постэкономическое.* Происходящие изменения квалифицируются как информационная революция, технотронная революция, революция управляющих, knowledge-value revolution[23], и так далее, но не в качестве перехода к постэкономическому состоянию. Между тем понятие экономического общества затрагивает все базисные отношения, существующие в социуме, оно вполне комплексно, и исследование его преодоления и перехода к обществу постэкономического типа неизбежно требует более всеобъемлющего исследования. Именно поэтому рассмотрение нового общества как *постэкономического* является, на наш взгляд, наиболее совершенным методологическим подходом к его анализу.

Понятие постэкономического общества служит сегодня скорее научной абстракцией и футурологическим

[См.: *Kahn H.* Forces for Change in the Final Third of the Twenteeth Century. N.Y Hudson Institute, 1970; *Kahn H., Wiener A.J.* The Year 2000. A Framework for Speculation on the Next Thirty-Three Years. N.Y., 1967. P. 186; *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 38.]

[23] См.. *Naisbitt J.* Global Paradox. N.Y., 1994. P. 63-64; *Brzezinski Zb.* Between Two Ages. N.Y., 1970. P 9; *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. N.Y., 1993. P. 5-6, 40-45; *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution, or History of the Future. N.Y.-Tokyo, 1991. P 71-73, 363-364.

инструментом, нежели обозначением реально существующего социального организма. Но при этом постэкономическое общество выступает не только теоретическим обобщением, но и тем реальным процессом развития, который протекает сегодня в западных странах со все возрастающей скоростью. Используя слова, сказанные в свое время К.Марксом и Ф.Энгельсом применительно к коммунизму, можно отметить, что постэкономическое общество — это не модель, которая должна быть установлена, не идеал, с которым должна сообразовываться действительность; постэкономическим обществом можно считать то реальное движение, которое уничтожает современное состояние. Поэтому сегодня, рассматривая происходящие в развитых странах процессы, мы предпочитаем говорить не столько о *постэкономическом обществе*, сколько о *постэкономической революции*. Этим термином мы обозначаем идущий по нескольким направлениям одновременно процесс деструкции элементов экономической организации общества и становления новой социальной структуры. В отличие от постэкономического общества, которое неизбежно воспринимается в качестве некоей данности, постэкономическая революция представляется как незавершенный процесс; справедливость применения к сегодняшним развитым обществам такого термина, по меньшей мере, столь же очевидна, как и применение термина «промышленная революция» к Англии XVIII и Франции первой половины XIX в[ека], когда собственно промышленность давала работу не более чем четверти населения и обеспечивала не более трети валового национального продукта. Однако таким же образом, как происходившие тогда события стали сигналом [того], что экономическая эпоха приближается к высшей стадии своего развития, таким же образом и сегодняшние социальные изменения отражают неизбежность ее скорого преодоления.

Основные направления социальных изменений в рамках постэкономической революции

Рассматривая изменения, происходящие во всех сферах деятельности человека в конце нынешнего столетия, мы оцениваем их не как становление новой фазы капиталистического общества, не как возникновение нового способа производства, сменяющего буржуазный строй, и даже не как отрицание закономерностей индустриального типа организации хозяйства. Говоря о постэкономической революции, мы имеем в виду современную версию того глобального изменения, которое положило конец архаической эпохе и открыло эпоху экономическую. Поэтому основные проблемы, на которых, на наш взгляд, следует остановиться, представляются достаточно масштабными.

Во-первых, необходимо оценить — и это может быть избрано в качестве начального, наиболее поверхностного уровня исследования — перспективы развития товарного хозяйства, которое как исторический феномен представляет собой одну из основных форм проявления экономического общества и развитие которого отражало и отражает степень зрелости этого социума на всем протяжении его истории. Преодоление основ товарного производства, снижение и последующее устранение роли рынка, невозможность использования стоимостных регуляторов общественного производства — все это представляется первым свидетельством кризиса экономической организации общества.

Во-вторых, рыночные отношения, возникшие в качестве формы общественной связи в условиях, когда производители и потребители противостояли друг другу как самостоятельные собственники товаров или условий производства, не могут быть устранены без серьезной деструкции отношений частной собственно-

сти, преодолевающей ее как фактор экономического противостояния индивидов и социальных групп. Подобное изменение является трансформацией более глубинного уровня и происходит не столь явно, как преодоление [713//714] рыночных закономерностей и стоимостных отношений. Рассмотрение форм и направлений модификации собственности, подтверждающее преодоление частной собственности в ее традиционном понимании, является второй составной частью анализа постэкономической революции.

В-третьих, формы организации человеческой деятельности, как производственной, так и непроизводственной, отражают глубинные изменения в мотивационных процессах, в целях и приоритетах индивида и социума. Определенное представление о подобных сдвигах дает анализ системы человеческих предпочтений и форм поведения в сегодняшних условиях как отдельных работников, так и организационных структур, являющихся субъектами хозяйственных отношений. Эта проблема более комплексна и не может быть рассмотрена в рамках данной статьи с достаточной полнотой, но определенные гипотезы должны быть изложены. Модификация ориентиров, целей и мотивов деятельности субъектов хозяйствования — как индивидов, так и организаций самых разных форм — является третьей важной составной частью постэкономических изменений.

Между тем необходимо подчеркнуть, что все отмеченные процессы имеют общее основание, каковым служит фундаментальное изменение самого характера человеческой активности. Последнее рассматривается нами в терминах перехода от трудовой деятельности к творческой. Данное противопоставление, скорее всего, не является единственно приемлемым для описания сущности происходящих сегодня перемен, но мы считаем подобное терминологическое обозначение наиболее адекватным из всех сегодня существующих.

Ниже мы попытаемся более подробно рассмотреть эти основные изменения и дать их краткую характеристику.

Модификация отношений обмена и проблема стоимости

Современное общество характеризуется тем, что традиционное массовое производство материальных благ, оставаясь основой народного хозяйства развитых стран, перестает быть его центральным элементом. Еще Д.Белл связывал становление постиндустриального общества с экспансией экономики услуг [24]; последователи Т.Умесао, введшего в 1963 году понятие «информационное общество» [25], акцентируют внимание на развитии информационного сектора.

Для подобных подходов западные исследователи имеют все основания. С 1980 по 1994 г[од] занятость в обрабатывающей промышленности США сократилась на 11 процентов, в добывающей — на 41 {процент}. За те же годы в сфере услуг она выросла на 78 процентов [26]. Но и эти цифры не отражают всей степени сокращения масштабов труда в материальном производстве. Вычленение категории лиц, непосредственно вовлеченных в производственные операции, приводит к оценке их доли в общем количестве занятых в США в первой половине 80-х годов на уровне 12 {процентов} [27], а в на-

---

[24 См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 14-15.]

[25 См.: *Dordick H.S., Wang G.* The Information Society. A Retrospective View. Newbury Park (Ca.)-London, 1993. P. 1.]

[26 См.: Statistical Abstract of the United States. 1982—1983. P. 394; Statistical Abstract of the United States. 1995. P 424.]

[27 См.: *Naisbitt J.* Megatrends. The New Directions, Transforming Our Lives. N.Y., 1984. P 5.]

чале 90-х — несколько менее 10 процентов [28], что составляет не более 5,6 процента всего населения страны.

Соответствующие процессы радикально меняют место рынка в экономике современных развитых стран.

С одной стороны, там, где взаимодействие индивидов как товаропроизводителей и товаровладельцев замещается свойственной постиндустриальному обществу «игрой между индивидами»[29], устраняется вызывающая рыночные отношения разделенность производителя и потребителя, и по мере ее сужения «функции, роль и власть рынка оказываются поставленными под вопрос»[30]. Там, где деятельность человека по производству и его деятельность по потреблению не могут быть разделены ни в пространстве, ни во времени, возникает тот тип универсального автономного субъекта, который О.Тоффлер именует «прозьюмером» (prosumer) [31] и который характеризуется тем, что его деятельность мотивирована в значительной части надутилитарно, а традиционное разделение жизни на рабочее и свободное время фактически отсутствует [32]. Другими составляющими данного процесса является рост сферы государственного и местного управления [33], увеличение масштабов деятельности в домашних хозяйствах [34] и беспрецедентный рост добровольных орга-

---

[28 См.: *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution. Tokyo-N.Y., 1991. P. 240.]

[29 *Bell D.* The Cutural Contradictions of Capitalism. P. 198, note.]

30 *Toffler A.* The Third Wave. P. 276.

[31 См.: Ibid. P. 37-45, 265-288.]

[32 См.: *Riesman D.* Leisure and Work in Post-Industrial Society // *Larrabee E., Meyersohn R.* (Eds.) Mass Leisure. Glencoe (Ill.), 1958. P. 377.]

[33 См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 281.]

[34 См.: *Robertson J.* Future Wealth. A New Economics for the 21st Century. L.-N.Y 1990. P. 35-36; *Crook S., Pakulski J., Waters M.* Postmodernisation: Change in Anvanced Society. Newbury Park (Ca.)-L., 1993. P. 177, и др.]

низаций [35]. Все это приводит к сокращению сферы проявления рыночных закономерностей.

С другой стороны, так как большинство создаваемых в обществе благ становятся индивидуализированными и невоспроизводимыми, особенно в тех случаях, когда продукт труда неотделим от создающего его субъекта [36], возникает проблема неисчислимости стоимости соответствующих благ, порождаются nonquantifiable values[37] Данный процесс «субъективизации» стоимости отмечается многими западными авторами [38]. Он радикально обостряется в последние годы, в ходе ускорения информационной революции. В условиях, когда 60 процентов ВНП создается в информационном секторе и сфере услуг [39], где реальные стоимостные показатели, отражаемые в категориях как марксистской, так и западной экономической науки, становятся фактически неисчислимыми, возникает стремление связать стоимость продукта с масштабами используемой для его производства информации [40]; вводятся понятия value-added networks, более чем в 200 крупнейших американских компаниях официально учреждены должности Chief Information Officer [41], а рыночная цена оперирую[714//715]щих в информацион-

---

[35 См.: *Rifkin J.* The End of Work. N.Y., 1996. P. 241; *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. P. 176.]

[36 *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution. P. 270.]

37 См.: Ibid. P. 63-64, 219.

[38 См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 118; *Heilbroner R.L.* Behind the Veil of Economics. Essays in the Wordly Philosophy. N.Y.-L., 1988. P. 195; *Martin W.J.* The Global Information Society. N.Y., 1995. P. 91-92, и др.]

[39 См.: U.S. Department of Commerce. Report for the Year 1990. Wash., 1991. P. 432.]

[40 См.: *Stonier T* The Wealth of Information. L., 1983.]

[41 См.: *Linstone H.A., Mitroff I.I.* The Challenge of the 21st Century: Managing Technology and Ourselves in a Shrinking World. Albany (N.Y.), 1994. P. 162.]

ном секторе компаний начинает несоизмеримо превышать реальную стоимость их основных фондов (так, для Microsoft подобное превышение в 1990 г[оду] составило 8 раз и продолжает расти)[42].

Таким образом, рыночному хозяйству сегодня брошен серьезный вызов, причем не со стороны государственного сектора или обобществления собственности, а со стороны тех индивидуальных производителей, которые во все времена считались его основой. Возникающий в западных обществах на базе достигнутого высокого уровня материального благосостояния и разворачивающейся информационной революции новый тип свободы является чем-то значительно большим, нежели та примитивная *экономическая* свобода, которая обеспечивала существование и воспроизводство индустриальной цивилизации. Происходящий подрыв рыночных отношений, на наш взгляд, можно считать *первой составной частью постэкономической революции.*

Деструкция частной собственности

На более глубинном уровне развитие новых форм производства, экспансия информационных технологий и изменения в характере и целях человеческой деятельности выражаются в радикальном снижении значения частной собственности как фундамента производственных отношений. Данное изменение связано не с «социализацией» современных западных обществ или формированием welfare state, а с тенденциями, которые кажутся формально противоположными. Рассредоточение акционерного капитала крупных компаний и широ-

[42 См.: *Hudson W.J.* Intellectual Capital: How to Build It, Enhance It, Use It. N.Y.,1993. P. 37.]

кое распыление акций среди мелких держателей (в Англии, например, в 1988 г[оду] акциями владели 23 процента граждан[43]), равно как и развитие программ участия работников в капитале собственных компаний, не имели того значения для изменения структуры собственности, какое придавалось этим процессам в 70-е годы. В США работники получили{,} таким образом{,} контроль над не более чем 3 процентами общего объема фондов американских компаний [44] (в Германии доля рабочих, владевших акциями «своих» компаний, не поднялась выше 1,5 процента[45]), а доля акций, находящихся в собственности населения, снизилась в США с 87,7 процента в 1960 г[оду] до 58,5 процента в 1990-м [46].

В то же время технологические изменения, с одной стороны, приводят к превращению в юридическую фикцию [47] частной собственности на материальные условия производства, не дополненной информационными ресурсами, позволяющими их эффективно использовать, а с другой стороны, к повышению самостоятельности и мобильности работников, все большее количество которых предпочитают «работать с компанией, например, в области обработки и оценки данных, но не *на* компанию, не в качестве ее работников»[48]. Становление интеллекта и информации как главных

[43 См.: *Bishop M., Kay J.* Does Privatization Work? Lessons from the UK. L., 1988. P. 33.]

[44 См.: *Rosen C.* Employee Ownership: Performance, Prospects, and Promise // *Rosen C., Young K.M.* (Eds.) Understanding Employee Ownership. Ithaca (N.Y.), 1991. P. 3.]

[45 См.: *Durso G., Rothblatt R.* Stock Ownership Plans Abroad // *Rosen C., Young K.M.* (Eds.) Understanding Employee Ownership. Ithaca (N.Y.), 1991. P. 182.]

[46 См.: *Blasi J.R., Kruse D.L.* The New Owners: The Mass Emergence of Employee Ownership in Public Companies and What It Means to American Business. New York, 1991. P. 54.]

[47 См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 294.]

48 Drucker on Asia. A Dialogue Between Peter Drucker and Isao Nakauchi. Oxford, 1997. P. X.

ресурсов производственного процесса приводит не только ко все большей автономизации работников в рамках «фабричного» производства, но и к деструкции самой подобной системы. К 1995 г[оду] в США было создано около 20,7 миллиона full-time home-based businesses [49], значительное число которых представляло наиболее высокотехнологичные отрасли производства. Информатизация обеспечивает сегодня все большие возможности для развития подобных форм [50].

В современных обществах Запада вполне может быть прослежена тенденция, при которой устранение доминирующего значения частной собственности происходит вследствие невозможности отделения капитала от труда [51] и соединения информационной и аналитической по своей природе деятельности со средствами производства, находящимися в собственности самого работника [52]. Подобные процессы резко ускоряются вследствие удешевления информационных систем и средств коммуникации. Так, за последние 50 лет стоимость международных телефонных разговоров сократилась в 700 раз [53], а стоимость компьютеров, рассчитанная в ценах одного мегабайта памяти жесткого диска, упала более чем в 2100 раз только с 1983 по 1996 г[од] [54].

В этих условиях как никогда ранее нетрадиционные формы производства, не требующие сосредоточения значительного капитала, становятся наиболее пере-

---

[49 См.: *Naisbitt J., Aburdene P.* Megatrends 2000. Ten New Directions For the 1990's. N.Y., 1990. P. 331.]

[50 См. концепцию «электронного коттеджа» О.Тоффлера (*Toffler A.* The Third Wave. N.Y., 1980. P. 204-205).]

[51 *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution. P. 270.]

[52 См.: *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. P. 64.]

[53 См.: *Davidson J.D., Lord William Rees-Mogg.* The Sovereign Individual. N.Y., 1997. P. 185.]

[54 См.: *Gates B.* The Road Ahead. N.Y.-L., 1996. P. 36, 34.]

довыми и достигают наибольших успехов. Пятнадцать из двадцати самых богатых людей США представляют компании, возникшие в течение последних одного—двух десятков лет: Microsoft, Metromedia, Intel, Oracle, Viacom, New World Communications и другие [55].

Сегодня, когда главным производственным ресурсом становится информация, а основные средства подавляющего большинства населения воплощены в принадлежащих человеку предметах личного потребления (как производительного, так и непроизводительного назначения), настало время признать развертывание активного процесса перехода от *частной собственности* к *собственности личной*, составляющей основу постэкономического общества. Этот процесс не требует того перераспределения собственности, которое ранее считалось основой построения бесклассового общества; он выражается прежде всего в растущем числе людей, действующих вполне самостоятельно и оптимальным образом сочетающих в своем поведении черты экономической и неэкономической мотивации. Эти изменения мы рассматриваем как *вторую составную часть постэкономической революции*. [715//716]

Модернизация современной корпорации

Исключительно важным является также и изменение базовых структурных составляющих рыночного хозяйства — компаний и корпораций. Эти сдвиги отражают прежде всего эволюцию современного человека как в качестве производителя, требующего все большего уровня автономности и самореализации, так и в

[55 См.: *Cannon T.* Welcome to the Revolution. Managing Paradox in the 21st Century. L., 1996. P. 269.]

качестве потребителя, предъявляющего все большие требования к потребляемым материальным и нематериальным ценностям.

Общее направление подобной переструктуризации хорошо прописано О.Тоффлером, отмечающим, что основной происходящий сегодня сдвиг определен переходом от традиционных материальных ценностей (material needs) к выходящим на первое место человеческим потребностям (human needs), рассматриваемым во всем их многообразии[56].

Особый драматизм происходящим изменениям придает сам характер современного интеллектуального работника (knowledge-worker); к этой категории западные аналитики относят не менее 40 процентов всей используемой в народном хозяйстве развитых стран рабочей силы. Эти люди, как отмечает П.Дракер, «не являются ни фермерами, ни рабочими, ни бизнесменами, а лишь работниками своих организаций... они не принадлежат к пролетариату и не могут быть эксплуатируемы как класс... Меняя свою работу... они не меняют свои экономические и социальные позиции»[57]. Сталкиваясь с растущим контингентом людей, чьи интересы в значительной мере выходят за пределы удовлетворения традиционных материальных потребностей, менеджеры оказываются в ситуации, когда «интеллектуальные работники должны быть управляемы таким образом, как если бы они были членами добровольных организаций»[58], что крайне сложно осуществить на практике. В результате корпорация оказывается ареной столкновения носителей материалистических и постматериалистических ценностей [[59]].

---

[56] См.: *Toffler A.* Future Shock. N.Y., 1971. P 220-221.

[57] *Drucker P.F.* The New Realities. Oxford, 1996. P 22-23, 23.

[58] См.: Drucker on Asia. P 148.

[[59] См.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, 1990. P. 161.]

В этих условиях лидерам корпораций приходится пересматривать как внутреннюю организацию своих предприятий, так и их место в обществе. Новые структуры, которые О.Тоффлер называет «адаптивными корпорациями»[60], соподчиняют свои цели со стремлениями своих работников и с интересами общества таким образом, что появляется возможность говорить о них не столько как об экономическом, сколько как о «социологическом» институте [(sociological institution)]. В этом отношении вполне обоснованным выглядит тезис Д.Белла, утверждавшего еще в середине 70-х годов: «если мы зададим континуум с экономизированным принципом (economizing mode) на одном конце шкалы (где все аспекты организации сводятся к одному— покорному стремлению к поиску средств достижения целей роста производства и получения прибыли) и социологизированным принципом (sociologizing mode) на другом (где всем рабочим гарантирован пожизненный найм, и удовлетворенность работой становится важнейшим критерием при найме), то в последние тридцать лет корпорация постепенно движется вместе с большинством своих работников к социологизированному концу шкалы»[61].

Возникает система управления, основанная не на привычной иерархической системе, а на широком участии как менеджеров, так и работников в процессах принятия решений и изменения политики компании [62]. Последняя, однако, имеет для крупных корпораций далеко не однозначные последствия. Повышая эффективность ее работы, она в то же самое время еще более развивает в работниках компании дух экспериментаторства и риска, и в тех странах, где существуют силь-

---

[60 См.: *Toffler A.* The Adaptive Corporation. Aldershot, 1985.]

61 *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 288.

[62 См.: *Thurow L.* The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World. L., 1996. P. 279.]

ные традиции индивидуализма и отсутствуют ярко выраженные патерналистские принципы, это зачастую приводит к выделению из корпорации новых исследовательских и производственных структур, начинающих самостоятельную жизнь, становясь подчас опасными конкурентами материнской компании.

Самый впечатляющий пример подобного развития событий представляет собой история Microsoft, все три основателя которой сегодня входят в число двадцати самых богатых американцев, тех, среди которых нет ни одного владельца IBM. Значительные экономические преимущества, которые получают предприятия, где не разделены собственность и участие, деятельность и контроль над ней, где существуют большие возможности для проявления ответственности работников и обеспечения их саморазвития [63], обусловливают их быстрый рост в последние десятилетия, проходящие под девизом «small is beautiful». Если в 1970 г[оду] 500 крупнейших американских компаний производили 20 процентов валового национального продукта, то сегодня этот показатель сократился до 10 {процентов}; американский экспорт в 1996 г[оду] на 50 процентов состоял из продукции компаний, в которых занято {в среднем} 19 и менее работников, и только на 7 процентов — из продукции тех, которые применяют труд более 500 человек [64]. Поэтому совершенно справедливыми кажутся нам слова А.Турена, отмечающего, что «современная компания не является более конкретным воплощением капитализма... и не может быть определена в терминах рационализации классового господства»[65].

Снижение роли и значения современной корпорации, превращение ее в социализированный институт,

---

[[63] См.: *Naisbitt J.* Global Paradox. N.Y., 1995. P. 16-17.]

[[64] См.: *Naisbitt J.* From Nation-States to Networks // *Gibson R.* (Ed.) Rethinking the Future. L., 1997. P. 214, 215.]

[65] *Touraine A.* Critique de la modernité. P., 1992. P. 184.

активное развитие мелкого бизнеса и деятельности, не представляющей собой капиталистического сектора экономики, мы считаем *третьей составной частью постэкономической революции.* [716//717]

Изменения мотивации деятельности и преодоление труда

Между тем все отмеченные элементы постэкономической революции тесно связаны с той трансформацией, которая является основой этого исторического изменения — с переходом от *экономической* мотивации деятельности к *неэкономической*, обусловливающим превращение труда в творчество. Ранее мы подробно рассматривали эту проблему и остановимся сейчас только на основных ее пунктах[66].

Как известно, труд определяется как «всякое умственное или физическое усилие, предпринимаемое частично или целиком с целью достижения какого-либо результата, не считая удовлетворения, получаемого непосредственно от проделанной работы»[67]. Современные авторы поддерживают подобное противопоставление труда, как необходимой деятельности, различным видам самодеятельности [[68]]. Таким образом, труд выступает в современных концепциях как деятельность, на-

---

[66] См.: *Иноземцев В.Л.* К теории постэкономической общественной формации. М., 1995. С. 203-231; *Иноземцев В.* Эксплуатация: объективная данность и феномен сознания. Размышления о перспективах социального прогресса // Коммунист. 1991. № 10. С. 8-17 [см.: Настоящее издание. С. 121-139.]

[67] *Marshall A.* Principles of Economics. Vol. I. L., 1961. P. 65.

[[68] См.: *Naisbitt J., Aburdene P.* Megatrends 2000. P. 243-246; *Fukuyama F.* Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y., 1996. P. 228.]

правленная на удовлетворение материальных интересов индивида, вне зависимости от того, какие блага являются ее непосредственным результатом. Подобный подход, кажущийся нам весьма справедливым, восходит к К.Марксу, считавшему труд отчужденной активностью, деятельностью, осуществляемой под влиянием внешней необходимости и потому несвободной. «Одно из величайших недоразумений, — писал он, — говорить о свободном, человеческом, общественном труде, о труде без частной собственности»[69].

Вопрос о преодолении труда обладает исключительной методологической важностью. Все рассмотренные нами ранее изменения являются конкретными воплощениями процесса преодоления труда, процесса его превращения в более высокий тип деятельности, не мотивированной утилитарными материальными соображениями. Такой переход основывается на достижениях, обеспеченных экономической эпохой. Основной исторической задачей массового индустриального производства является, на наш взгляд, формирование такого уровня благосостояния, который позволяет «уменьшить давление непосредственной материальной нужды»[70]. Несмотря на то что современные социологи стремятся давать крайне осторожные оценки соответствующим процессам, отмечая не устранение материальной мотивации, а возникновение вполне определенного сдвига от максимизации материального потребления к обеспечению более высокого качества жизни [[71]] и обращая внимание на то, что «дополнительное увеличение денежных доходов уже не оказывает *прежнего* [курсив мой. — *В.И.*] воздействия на поведение»[72] человека, сами подобные сдвиги не подвергаются сегодня сомнению.

---

[69] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 42. С. 242.

[70] *Heilbroner R.L.* Business Civilisation in Decline. N.Y.-L., 1976. P. 51.

[[71] См.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 5.]

[72] *Toffler A.* The Third Wave. P. 386.

Изменение мотивационной системы происходит в современном обществе стремительно. Уже к середине 70-х годов в США и Японии, в отличие о тогдашних европейских стран, отмечалось доминирование ценностей, которые могут быть обозначены как «постматериалистические». Однако проводившиеся по специальным методикам исследования, авторы которых стремились определить количественные соотношения «материалистов» и «постматериалистов», выявили [этот показатель как] 4:1 в пользу первых. Через пятнадцать лет это соотношение равнялось уже 4:3 [73].

В современном обществе все большее число людей стремятся к развитию собственной личности как на рабочем месте, так и за его пределами. Наиболее активной в этом отношении является та социальная группа, которую обычно определяют как «класс специалистов» [(professional class)]. Большинство входящих в нее людей уже сегодня мотивированы надутилитарным образом.

Возникновение новой системы мотивации, основанной на стремлении людей к самовыражению и саморазвитию [74], находит свое отражение и в терминологии, применяемой западными исследователями. В последние годы имеет место все более активный отказ от традиционного понятия «labour», ассоциирующегося только с принудительной, несвободной деятельностью [75]. Все большее количество исследователей отмечают возможность и необходимость определения современной деятельности в качестве деятельности креативной, творческой. При этом важно отметить, что терминологический аппарат западных исследователей, допускаю-

---

[73 См.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 96.]

[74 См.: *Robertson J.* Future Wealth. A New Economics for the 21st Century. L.-N.Y., 1990. P. 13.]

[75 См: *Casey C.* Work, Self and Society After Industrialism. L.-N.Y., 1995. P. 26.]

щий использование термина «creative work» для обозначения творческой деятельности, не признает возможным применения понятия «creative labour» [76] (аналогичная ситуация имеет место и в немецкой терминологии, где широко используются понятия «Kreativität» (творчество) и «kreative Tätigkeit» (творческая деятельность), но при этом считается недопустимым словосочетание «kreative Arbeit» (творческий труд), так как само слово Arbeit принимается в качестве несущего на себе отпечаток несвободной деятельности [77]). При этом как англоязычные, так и немецкие авторы, рассматривая преодоление труда (overcoming of labour, Verschwinden der Arbeit), постоянно противопоставляют общество, основанное на труде, обществу, базирующемуся на творческой деятельности[78].

Становление творческой деятельности представляет собой сущность того изменения, которое мы рассматриваем как постэкономическую революцию. Творчество — это принципиаль[717//718]но новый тип человеческой активности, оно не является элементом доминировавшей на потяжении тысячелетий экономической организации. Творческая активность не создает рыночных благ и не вызывает к жизни рыночных принципов распределения, так как целью творящего субъекта является не вещное благо, а развитие собственной личности. Творческая активность не может быть подвержена эксплуатации, так как отчуждение материальных или нематериальных продуктов такой деятельности, даже если оно и имеет место, не вступает в противоречие с основной целью творящего индивида — его самосо-

---

[[76] См.: *Bailin Sh.* Achieving Extraordinary Ends. An Essay on Creativity. Dordrecht, 1988. P. 106, 118, 121.]

[[77] См.: *Glaser H.* Das Verschwinden der Arbeit. Die Chancen der neuen Tätigkeitsgesellschaft. Düsseldorf, 1988. S. 196.]

[78] См.: *Bailin Sh.* Achieving Extraordinary Ends. An Essay on Creativity. P. 112; *Glaser H.* Das Verschwinden der Arbeit. P. 196.

вершенствованием. Переход от труда к творческой активности представляет собой самое фундаментальное изменение, происходящее в современном обществе.

Постэкономическая революция и становление постэкономического общества

Рассмотренные процессы обусловливают становление постэкономического общества, и значимость данного явления в наши дни еще адекватно не оценена. Человечество оказывается на рубеже формирования новой социальной структуры, которая с точки зрения сегодняшнего исследователя не может быть сколь-либо удовлетворительно описана ни на уровне ее базисных элементов, ни на уровне источников ее развития, ни на уровне основных противоречий и отношений. Подобная ситуация весьма опасна, поскольку никогда прежде общество не сталкивалось с проблемой столь системной трансформации. Становление экономического общества происходило в условиях, когда человечество еще не было единым целым, а сами люди даже не осознавали значения и последствий происходившего. Переход от одного типа производства к другому в рамках экономической эпохи представлял собой последовательное углубление противоречий товарного хозяйства, направления и последствия которых вполне поддавались научному осмыслению. Ныне же мы стоим перед качественно новым сдвигом: переходя от труда к творческой деятельности, от экономической оценки благ к индивидуализированной, от относительно привычных социальных отношений к совсем неизвестным их формам, человечество рискует потерять основные ориентиры, определявшие его развитие на протяжении предшествующей истории.

Дополнительный драматизм современному положению дел придает и то, что постэкономическое общество, в отличие от экономического, не базируется на некоей комплексной социальной структуре, не построено вокруг конкретного основополагающего отношения или принципа. В то время как экономическая система представляет собой комплекс отношений, порожденных господством трудовой деятельности, а ее развитие идентично процессу обретения последней своих наиболее завершенных форм, постэкономическое состояние, отрицающее основанную на труде хозяйственную систему, ориентировано на творческую деятельность, закономерности и направления развития которой сегодня в достаточной мере не изучены. И так же как принципы, господствующие в доэкономическую эпоху, были удовлетворительным образом исследованы только с позиций осмысления закономерностей экономического общества, закономерности постэкономического состояния могут быть познаны в лучшем случае тогда, когда оно примет свои весьма развитые и самодостаточные формы. Можно лишь с уверенностью утверждать, что методы социальной экстраполяции, столь привычные для традиционных научных изысканий, оказываются неприменимыми к задачам сегодняшнего дня, что еще более подчеркивает значимость исторических перемен, перед которыми стоит ныне человеческая цивилизация.

Преодолевая ограничения, существовавшие в период господства экономической общественной формации, человечество вступает в качественно новую эпоху своего развития. Субъектом этого периода прогресса цивилизации становится уже не социум как таковой, не общность людей, спаянных материальными интересами и совершающих некоторый набор действий в силу необходимости удовлетворить свои насущные потребности, а совокупность индивидов, каждый из которых

неповторим не только в своих действиях и поступках, но и в их мотивах и в способах осуществления.

Все отмеченное выше указывает лишь на то, что человечество ныне наряду с невиданным прогрессом производительных сил, обеспечивающим динамичную модернизацию производства, экспансию творческой деятельности и индивидуализацию создаваемых благ, может потенциально столкнуться с действием самых неожиданных дестабилизирующих факторов, природа которых сегодня также не выглядит по-настоящему проясненной. Речь идет о национальных, региональных, экологических, этнических, сексуальных и иных проблемах, встающих перед цивилизацией. В настоящее время подобные конфликты оказывают более ощутимое воздействие на судьбы человечества, чем когда-либо прежде, и причина этого кроется в неструктурированности современных социальных систем, претерпевающих самые значительные трансформации в своей истории. [718]

ТЕОРИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ*

В.Л.Иноземцев

> [29] Никто не знает и никто не хранит тайну будущего. Безумцы те, кто думают, что имеют у себя в кармане подробный план этой неизвестной земли...
>
> *Огюст Бланки*

Наука имеет свойство не только объяснять социум, но и подвержена всем его слабостям и порокам, ибо, как учил еще апостол Павел, «худые сообщества развращают добрые нравы»[1]. В обществе, применяющем на практике самые примитивные рыночные принципы, эпоха которых в развитых странах миновала несколько десятилетий тому назад, обществоведение вынуждено заниматься их апологетикой, причем с надеждой ждущие западных спонсоров и грантов ученые оказываются ничем не хуже правительства, не мыслящего собственного выживания без иностранных кредитов и помощи.

Нынешнее положение ставит тех, кто искренне или по необходимости воспринял постулаты западных концепций, в положение интеллектуальных акцепторов, которым необходимы годы только для первичного усвоения теорий, знакомых за океаном каждому студенту, и которые, скорее всего, никогда не смогут подняться до генерирования идей, способных занять достойное место в признанных западными исследователями теориях. При этом те, кто по тем или иным сообра-

---

* Впервые опубликована в журнале *Вопросы философии*. 1997. № 10. С. 29-44.

[1] См.: *Ап. Павел.* Первое послание к коринфянам. XV, 33.

жениям не считают возможным отказаться от марксистских представлений, на которых были воспитаны, уважение к которым является безусловной частью мировой экономической культуры, оказываются поставленными в положение непримиримой оппозиции, и, обладая зачастую мощным интеллектуальным потенциалом, исключаются из процесса научного поиска, все более сводящегося сегодня к комментированию западных теорий. Подобное положение не может не вести к теоретической и моральной деградации, уменьшая шансы на то, что в будущем Россия, чей вклад в мировую науку вряд ли может быть оспорен, окажется в состоянии сказать свое слово в новейших обществоведческих исследованиях.

Мы не стремимся ни к восстановлению в прежних правах марксистской концепции, ибо ни одна теория не заслуживает монопольного положения, ни к принижению того значения, которым для развития российского обществоведения обладает усвоение [29//30] западных социальных и экономических теорий. Мы хотим лишь привлечь внимание читателей к тому, что избранная сегодня значительным числом российских ученых экономическая парадигма не является *единственным* продуктом западной гуманитарной мысли последних десятилетий, породившей наряду с ней еще целый ряд социоэкономических теорий, обладающих значительным прогностическим потенциалом, внутренней стройностью и той ориентированностью на поиски социальной гармонии, которая была присуща гуманистической традиции со времен ее возникновения в темные века европейского средневековья. При этом данные концепции сосуществуют с сугубо экономическими доктринами, нередко занимая пустующее место социальных метатеорий и приводя к серьезным совершенствованиям застывших экономико-математических построений. Наиболее удачной из подобных концепций, открытой для совершенствования, отвечаю-

щей потребностям нашего времени и при этом близкой по методологии и социальной направленности к марксистским социологическим представлениям, мы считаем *теорию постиндустриального общества.* Именно она, на наш взгляд, может стать для новой российской политэкономии методологической основой, способной обеспечить активное совершенствование отечественного обществоведения. В то же время она и сама может оказаться восприимчивой к новым элементам, которые могут быть привнесены в нее российскими исследователями, воспитанными на одной из самых совершенных методологических традиций, на традиции, отнюдь не чуждой большинству приверженцев постиндустриализма.

Приемлемость постиндустриальной парадигмы для российского обществоведения

Источники концепции и ее предшественники. Концепция постиндустриализма возникла в результате естественного развития идеи индустриального общества, оформившейся в середине прошлого века в работах А. де Сен-Симона, О.Конта и Дж.Ст.Милля. Разделяя их подход к буржуазному строю как в обществу «промышленников» (industriels)[2], западные социологи нынешнего столетия акцентировали внимание не на анализе классовых противоречий, а на вычленении отдельных исторических фаз на основе технологии жизнедеятельности общества. В этом отношении они следовали

[2] См.: *Saint-Simon Cl.H., de.* Cathéchisme des industriels. P., 1832. P. 24-36: La Sociologie par August Comte. Resumé par Emile Rigolage. P., 1897. P. 399: *Mill J. St.* Chapters on Socialism // *Mill J.St.* On Liberty and Other Writings. Cambridge, 1995. P. 228-234.

200-летней традиции европейского позитивизма, развивая представления об исторической периодизации, восходящие к А.Смиту и Ж.-А. де Кондорсе[3], усовершенствованные в конце прошлого века Ф.Листом[4] и К.Бюхером[5], а в начале нынешнего — В.Зомбартом[6] и А.Допшем[7]

В результате рассмотрение аграрного, индустриального и постиндустриального общества оказывалось соединенным с анализом фаз экономического развития, вычленяемых на основании эволюции отношений обмена и разделения труда. Стала понятна значимость тех инструментов, которые общество неизбежно вынуждено использовать для обеспечения своего прогресса, и на этом направлении возникло знаменитое учение Т.Веблена[8] об институциональных факторах, охватывающее целый блок не затронутых в марксизме проблем и позволяющее по-новому осмыслить многие весьма принципиальные для сегодняшнего социума вопросы.

История и раньше свидетельствовала о том, что традиционное классовое противостояние являлось, как правило, уделом общественных групп, не имевших серьезной исторической перспективы. Так, античный социум, основными классами которого были рабовладельцы, свободные граждане и рабы, был замещен средневековым строем военной аристократии и зависимых крестьян; на смену последнему пришло общество бур-

---

[3] См.: *Smith Ad.* Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms. Oxford, 1896. P. 23-37; *Condorcet J-A., de.* Esquisse d' un tableau historique des progrès de l'esprit humain. P., 16-87.

[4] См.: *List F.* Der nationale System der politischen Ökonomie. Berlin, 1982. S. 13.

[5] См.: *Bücher K.* Die Entstehung der Volkswirtschaft. Tübingen, 1911. S. 39, 150.

[6] См.: *Sombart W.* Der moderne Kapitalismus.München und Leipzig, 1924. S. 23, 40, 91, 319.

[7] См.: *Dopsch A.* Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft in der Weltgeschichte. Wien, 1930. S. 1-23.

[8] См.: *Veblen T.* The Theory of Business Enterprise. N.Y., 1904. P. 304, 400.

жуа и пролетариев, также не являвшихся важными элементами средневекового строя. На наших глазах рухнул миф о возможности «победы» и «господства» рабочего класса, а западные общества разделились на меритократию[9] (термин введен М.Янгом в конце 50-х годов; определение и подробные характеристики этого класса даны Д.Беллом) и когнитариат[10] (термин введен и определен О.Тоффлером), социальные группы, значение которых еще полвека назад было минимальным. [30//31]

Не подобную ли ориентированность теории постиндустриализма удачно подчеркивает тот знаменательный факт, что первая из работ, определившая будущее человечества как постиндустриальную цивилизацию, вышла в Лондоне в том же 1917 г[оду], когда большевики начали свой грандиозный эксперимент?[11] Не было ли обусловлено второе рождение[12] этой концепции возникновением того противостояния социализма и свободного мира, которое разделило человечество в 60-е годы? Мы не будем сейчас искать ответы на эти вопросы.

Важно иное. Теория постиндустриального общества, в свое время изображавшаяся советскими партийными идеологами как узкая технократическая доктрина, в действительности развивалась и развивается как многоплановая социально-экономическая концепция, сфор-

---

[9] См.: *Young M.* The Rise of Meritocracy, 1870—2033. L., 1958; *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1976. P. 8, 43, 44, 104, 114 и др.

[10] См.: *Toffler A.* Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. N.Y., 1991. P. 73.

[11] См.: *Penty A.* Old Worlds for New: A Study of Post-Industrial State. L., 1917, а также: *Penty A.* Post-Industrialism. L., 1922.

[12] См.: *Fourastié J.* Le grand espoir du XXe siécle. P., 1949; *Riesman D.* Leisure and Work in Post-Industrial Society // Mass Leisure. Ed. by E. Larrabee, R. Meyersohn. Glencoe (Ill.), 1958; *Aron R.* Dix-huit leçons sur la société industrielle. P., 1962; *Kahn H., Wiener A.J.* The Year 2000: A Framework for Speculation on the Next Thirty-Three Years. L., 1967; *Rostow W.W.* Politics and the Stages of Growth. Cambridge, 1971; *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973 и др.

мированность которой вокруг единого методологического принципа не только не исключает, но предполагает ее широкий междисциплинарный характер. Обладая высоким прогностическим потенциалом и представляя собой одну из наиболее динамично развивающихся сегодня социальных теорий, она обладает в то же время истоками, близкими истокам социалистической мысли XIX в[ека], и историей, сравнимой по продолжительности с историей марксистской традиции. Эта основательность концепции, ее, если так можно выразиться, освященность именами самых крупных социальных философов прошлого и нынешнего столетий является, на наш взгляд, важным фактором.

Методология, близкая марксизму. Говоря о марксовой методологии, обычно имеют в виду диалектический метод, примененный в «Капитале». Не вдаваясь в дискуссию о его значении и непротиворечивости, отметим, что К.Маркс, будучи последователем не только Г.В.Ф.Гегеля, но также и представителей европейского Просвещения конца XVIII в[ека], усвоил и элементы позитивистского метода, особенно применительно к теории истории. Сочетание этого последнего с элементами скорее диалектического мироощущения, нежели диалектического анализа, позволило К.Марксу создать свою концепцию общественных формаций, которая может быть названа первым в истории примером адекватного подхода к социальному прогрессу[13,14].

---

[13] См., например: *Иноземцев В.* Капитализм, социализм и постиндустриальные общества? // Коммунист. 1991. № 4. С. 32-40 [см.: Настоящее издание. С. 78-95]; *Иноземцев В.Л.* Экономическая общественная формация: границы понятия и значение теории // ПОЛИС. 1991. № 4. С. 35-46 [см.: Настоящее издание. С. 96-120]; *Иноземцев В.Л.* Альтернативность общественного развития // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 1991. № 2. С. 3-10 [см.: Настоящее издание. С. 63-77] и др.

[14] См.: *Иноземцев В.Л.* К теории постэкономической общественной формации. М., 1995. С. 29, 96-154.

Близость методологических основ марксовой концепции и теории постиндустриального общества мы рассмотрели в нашем докладе в Институте экономики РАН в 1992 г[оду][15], и сейчас остановимся лишь на основных чертах этого сходства.

Во-первых, и марксистская концепция, и теория постиндустриального общества основаны на признании того, что *источником прогресса цивилизации и его измерителем выступает совершенствование форм и методов материального производства.* Какие бы оценки того или иного общества в марксизме или постиндустриализме мы ни взяли, они так или иначе связаны с осмыслением степени совершенства материального производства. Превосходство одного из обществ над другим марксисты оценивают в том числе и по более высокой производительности труда, постиндустриалисты — по источникам энергии и формам производственного процесса; одно из известных марксовых членений исторического процесса — на периоды личной зависимости, вещной зависимости и свободной индивидуальности — хронологически весьма мало отличается от выделения доиндустриального, индустриального и постиндустриального обществ.

Во-вторых, и это представляется наиболее существенным, *обе теории выделяют в истории человечества три большие фазы*, причем такое выделение построено на близких методологических принципах, и эту близость можно обнаружить сразу на нескольких направлениях. Так, основоположники марксизма различают соответственно архаическую[16], экономическую[17] и ком-

---

[15] См.: *Иноземцев В.Л.* Марксистская теория экономического прогресса: истоки и преемники. Репринт доклада. М., ИЭ РАН, 1992 [см.: Настоящее издание. С. 161-211.]

[16] См.: *Marx K.* Deuxième projet de la lettre à Vera Ivanovna Zassoulitch // Marx-Engels Gesamtausgabe. Abt. 1. Bd. 25. Berlin, 1985. S. 232-233.

[17] См.: Marx-Engels Werke. Bd. 13. S. 8.

мунистическую общественные формации[18], а сторонники постиндустриализма — аграрное, индустриальное и постиндустриальное общество[19] или первую, вторую и третью «волны» в истории цивилизации[20] на основе оценки форм и методов общественного производства в соответствующих социумах. И те и другие признают каждое из предложенных делений относительно абстрактным, и мысль К.Маркса и Ф.Энгельса о том, что коммунизм представляет собой «движение, уничтожающее современное состояние», вполне гармонирует с идеей Д.Белла о пост[31//32]индустриальном обществе как абстракции, созданной для упорядочения наших знаний о перспективах прогресса цивилизации[21]. Ни первые, ни вторые не считают возможным говорить о четких хронологических границах общественных формаций и индустриального общества: К.Маркс в письме В.Засулич прямо заявляет о периоде смены общественных формаций как об отдельной исторической эпохе[22], Р.Арон признает трудности обнаружения хронологических пределов того или иного общества[23]. Сторонники обеих теорий считают, что каждая новая общественная формация, равно как и каждая новая фаза истории в понимании постиндустриалистов, не отрицает и не замещает предшествующей,

---

[18] См.: *Marx K.* Deuxième projet de la lettre à Vera Ivanovna Zassoulitch // Marx-Engels Gesamtausgabe. Abt. 1. Bd. 25. S. 232.

[19] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1976. P. 115-119, 126

[20] См.: *Toffler A.* The Third Wave. N.Y., 1981. P. 13-16, 25 и др.; *Toffler A.* Powershift. N.Y., 1991. P. 15; *Toffler A.*, *Toffler H.* Creating the New Civilisation: The Politics of the Third Wave. Atlanta, 1995. P. 19-20 и др.

[21] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 119.

[22] См.: *Marx K.* Troisième projet de la lettre à Vera Ivanovna Zassoulitch. S. 238.

[23] См.: *Aron R.* The Industrial Society. Three Lectures on Ideology and Development. N.Y.-Wash., 1967. P. 97.

а «покоится на ней как на своем базисе» (К.Маркс) или «добавляет к ней новое измерение»[24]. Одних этих *поразительных методологических сходств* достаточно для того, чтобы рассматривать данные концепции как исключительно близкие и способные дополнять друг друга.

В-третьих, как основоположники марксизма, так и классики постиндустриальной теории отмечают, что переходы между общественными формациями и границы индустриального общества ознаменованы *революционными изменениями*. При этом и те и другие признают, что переход от первичной общественной формации ко вторичной или от доиндустриального общества к индустриальному представлял собой длительный процесс, который революционен скорее по своей сущности, чем по характеру; переход же, опосредующий смену экономической общественной формации (ökonomische Gesellschaftsformation) коммунистической, и индустриальной цивилизации постиндустриальной представляется как основоположникам марксизма, так и сторонникам постиндустриальной теории революцией, способной радикально изменить ход истории и кардинально преобразовать человеческое общество. Согласно известному мнению Ф.Энгельса, революция пролетариата будет отлична от предшествующих революций как революция социальная от революций политических; переход к постиндустриальному обществу представляется сторонникам данной теории «наиболее значительной из социальных революций в истории человечества»[25].

В-четвертых, существует *значительное сходство в изображении* того социума, который трактуется как *коммунистическая общественная формация или как постиндустриальное общество*. Этот аспект следует, разуме-

---

[24] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 487.

[25] См.: *Servan-Schreiber J.J.* Le défi mondiale. P., 1980. P. 374.

ется, рассматривать, делая поправку на исторический период создания марксовой теории. В середине XIX в[ека] было невозможно предвидеть технологические прорывы конца XX столетия, однако и при этом основоположники марксизма не раз говорили о техническом прогрессе как основе преобразования общества. Теоретики постиндустриализма, создавшие свои теории тогда, когда информационная революция стала реальностью, также определяют постиндустриальное общество как социум, основанный на высоких технологиях, причем делают это уже не в качестве прогноза, а констатируя имеющие место в реальной жизни изменения. С другой стороны, К.Маркс и Ф.Энгельс совершенно справедливо обозначали грядущее историческое состояние как общество свободной индивидуальности. Развитие способностей человека, экспансия субъект-субъектных взаимодействий, замещение трудовой деятельности проявлениями творческой активности — все это отмечают в качестве основной характерной черты нового состояния и исследователи постиндустриального общества. Общая направленность обеих теорий остается гуманистической, а рассматриваемые ими идеалы — достойными человека целями.

В-пятых, можно отметить весьма интересные *терминологические сходства* между марксистской и постиндустриальной доктринами. Они, конечно, могут быть и совершенно случайными, но, скорее всего, свидетельствуют о чем-то большем, нежели простом совпадении. И основоположники марксизма, и такие известные авторы теории постиндустриального общества, как Г.Кан[26] и Д.Белл[27], рассматривают третью большую фазу общественной эволюции как *постэкономическую*. Симп-

---

[26] См.: *Kahn H.* Forces for Change in the Final Third of the Twentieth Century. N.Y., Hudson Institute, 1970; *Kahn H., Wiener A.* The Year 2000. A Framework for Speculation on the Next Thirty-Three Years. P. 186.

[27] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 38.

томатично и то, что ряд постиндустриалистов, в частности Й.Горовиц, говоря о современном хозяйстве, отмечают, что понятие факторов производства может быть заменено термином «модели общения»[28]; похожий термин — «форма общения» — активно использовался и [32//33] К.Марксом в тот период творчества, когда его концепция еще не была тотально подчинена целям обоснования необходимости революционного изменения общества.

Перечисление элементов сходства можно продолжить. Они вызваны тем влиянием, которое оказала марксистская социология на авторов теории постиндустриального общества, один из основателей которой, Д.Белл, прямо говорит о своих коллегах как о постмарксистах[29]. Все это подтверждает нашу гипотезу о том, что именно через усвоение и развитие теории постиндустриального общества наследники советской школы политической экономии смогут наиболее естественным образом обрести свое место в спектре западных экономических концепций.

Социальная ориентированность доктрины. Рассматривая постиндустриальное общество, западные авторы неизбежно обращаются прежде всего к анализу социальных проблем, пренебрежение которыми — как в теории, так и на практике — является в сегодняшней России предельно очевидным.

Явным диссонансом рыночным концепциям звучит положение о том, что становление нового общества как социального целого связано с преодолением состояния, в котором «человек не воспринимает себя активным носителем своих собственных власти и богатства, а чувствует себя усовершенствованной "ве-

---

[28] См.: *Horowitz I.L.* Communicating Ideas: The Crisis of Publishing in a Post-Industrial Society. N.Y., 1986. P. 141.

[29] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 55.

щью", зависимой от внешней силы, которая определяет смысл его жизни»[30], т.е. того отчуждения, становление и рост которого не только связаны с экспансией индустриальной системы, но и непосредственно порождены ею[31]. Теоретики постиндустриализма констатируют, что сегодня общества ищут лидерства не через наращивание массового производства благ, а через максимальное развитие (и максимальное использование) своего человеческого потенциала, стремятся заместить экономизированные ценности и приоритеты ценностями и приоритетами социологизированными, причем этот процесс отмечается как на уровне общества в целом[32], так и на уровне отдельных корпораций, где происходит замена материальных нужд потребностями человека в качестве основного ориентира развития и показателя продуктивности[33]. В результате общество, в котором значительная часть человеческой активности представляется не взаимодействием человека с преобразованной им природой, как это было в обществах индустриального типа, а «игрой между людьми» (game between persons)[34], становится способным к более быстрому и сбалансированному развитию.

Первыми этапами этого процесса сторонники постиндустриальной теории считают «разрушение стен между тем, что мы продолжаем называть образованием, трудом и досугом»[35], формирование так называемой «адаптивной корпорации», отказывающейся от приоритета максимизации прибыли и стимулирующей фор-

---

[30] *Fromm E.* The Sane Society. L., 1991. P. 124.

[31] См.: *Etzioni A.* Responsive Society: Collected Essays on Guiding Deliberate Social Change. San Francisco, 1991. P. 177.

[32] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1973. P. 288.

[33] См.: *Toffler A.* Future Shock. P. 220-221.

[34] См.: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P. 198, note.

[35] *Dahrendorf R.* The New Liberty: Survival and Justice in a Changing World. L., 1975. P. 74.

мирование менее поляризованных структур[36], повышение роли научно-исследовательских центров и университетов, вокруг которых группируется все возрастающее количество людей и где создается все большая доля национального продукта[37], а также иных неприбыльных организаций, участие в которых носит добровольный характер и которые становятся важными центрами принятия решений и воздействия на остальные общественные институты[38]. Все эти сдвиги вызывают серьезные изменения в системе социальных институтов, отражающие переход от экономики, организованной на основании стихийных законов рынка, к хозяйству, носящему не плановый, но «согласованный» характер[39]. И весьма симптоматичными выглядят рассуждения о пределе рыночных отношений, произносимые именно сегодня людьми, в компетенции которых никто не может усомниться, — О.Тоффлером[40], крупнейшим экспертом-футурологом, П.Дракером[41], патриархом современного менеджмента, и Б.Гейтсом[42], живым воплощением информационной революции.

Сторонники постиндустриальной теории, отмечая в качестве основной черты современной экономики быстрое замещение труда знаниями[43], утверждают, что

---

[36] См.: *Toffler A.* Previews and Premises: An Interview with the Author of «Future Shock» and «The Third Wave». N.Y 1983. P. 34.

[37] См.: *Bell D.* Sociological Journeys. Essays 1960—1980. L., 1980. P 56 — 57.

[38] См.: *Rifkin J.* The End of Work. The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. N.Y., 1996. P. 241—245.

[39] См.: *Kahn H., Wiener A.* The Year 2000. P 25.

[40] См.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 285.

[41] См.: Drucker on Asia. A Dialogue Between Peter Drucker and Isao Nakauchi. Oxford, 1997. P. 161-162.

[42] См.: *Gates B.* The Road Ahead. N.Y.-L., 1996. P. 181.

[43] См.: *Drucker P.F.* The Education Revolution // *Etzioni-Halevy E., Etzioni A.* (Eds.) Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. N.Y., 1973. P. 236; *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution or A History of the Future. Tokyo-N.Y., 1991. P. 72-73 и др.

развитие человека становится сегодня главным условием любого хозяйственного прогресса. Последнее дает многим социологам основание говорить о возможной замене трудовой деятельности новым типом активности, отличающимся значительными элементами [33//34] творчества[44], причем в перспективе такая замена предполагается в массовом масштабе, когда «если не все, то по крайней мере большинство людей станут более креативными в своих действиях, чем они являются сегодня»[45]. Новым явлением становится стремление все возрастающего числа людей посвящать значительное количество времени семье, участию в разного рода общественных организациях, самообразованию, занятиям спортом и так далее. В США в начале 90-х годов в 1400 тысячах добровольных организаций бесплатно работало более 94 миллионов человек, отдававших подобной деятельности в среднем 4,2 часа в неделю; затрачиваемые ими 20,5 миллиарда часов в год оцениваются в 176 млрд. долл.[46]; согласно прогнозам, число таких добровольцев возрастет до 120 миллионов к 2010 г[оду][47]. При этом в последнее время перспективы быстрого профессионального роста — главный мотив деятельности в 70-е и 80-е годы — уже не привлекают более половины работников, если для достижения подобных целей им пришлось бы проводить меньше времени в кругу семьи и отказаться от привычных увлечений.

Гармоничная включенность всех этих проблем в теорию постиндустриального общества и необъяснимость подобных явлений с точки зрения неоконсервативной экономической доктрины показывают, что только кон-

---

[44] См.: *Glaser H.* Das Verschwinden der Arbeit. Die Chancen der neuen Tätigkeitsgesellschaft. Düsseldorf, 1988. S. 176; *Bailin Sh.* Achieving Extraordinary Ends. An Essay on Creativity. Dordrecht, 1988. P. 3-7.

[45] *Hage J., Powers Ch.H.* Post-Industrial Lives: Roles and Relationships in the 21st Century. Newbury Park (Ca.), 1992. P. 72.

[46] См.: *Rifkin P.F.* The End of Work. 1996, P. 241.

[47] См.: *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. N.Y., 1993. P. 176.

цепция, ориентированная на исследование социальных проблем, может достойно ответить на многочисленные вопросы сегодняшней жизни. Говорить о важности и приемлемости такого подхода для России, на наш взгляд, просто излишне.

Тенденции дальнейшего развития теории. Теория постиндустриального общества, как мы уже отмечали, построена на методологической основе, предоставляемой классической и современной западной философией, однако, несмотря на это, в последние годы необходимость формирования более совершенной методологии социального исследования становится все более актуальной. Многочисленные термины, использовавшиеся для обозначения новой стадии развития общества — [как] основанные на использовании приставки «пост-» («постиндустриальный капитализм» Р.Хейльбронера, «постбуржуазное общество» Дж.Лихтхайма, «посткапиталистическое» Р.Дарендорфа и П.Дракера, «постпотребительское» Д.Рисмана, «пострыночное» Дж.Рифкина), так и технетронное общество Зб.Бжезинского и супериндустриализма О.Тоффлера, — становятся все более неадекватными в первую очередь в силу того, что акцентируют внимание только на одной из сторон жизни современного общества. Параллельно зреет понимание того, что общество стоит перед лицом нового изменения, которое несводимо к трансформации прежних порядков, а представляет собой формирование совершенно нового социального устройства[48].

Поэтому в последние годы особый интерес вызывают философские и даже социопсихологические аспекты становления нового общества. Совершенно естественным в этом контексте является обращение к изменениям в культуре и социальной жизни, причем такие изменения рассматриваются многими обществе-

[48] См.: *Toffler A.* Future Shock. {N.Y., 1971}. P. 185.

ведами как наиболее значимые; более того, отмечается, что современная социальная концепция не может не развиваться «от нового общества, новой реальности к исследованию нашего понимания этой реальности, от истории и социологии к философским проблемам истины и знания»[49]. Именно этим объясняется то влияние, которое с начала 90-х годов приобретает концепция постмодернизма. Подготовленная философскими работами Ж.-Ф.Лиотара[50], она доминирует в большинстве работ по постиндустриальной проблематике[51].

Концепция постмодернити (мы настаивали бы именно на таком переводе, так как под постмодернизмом привычнее понимать нечто иное) основана на целом ряде положений, отражающих движение сегодняшнего общества за пределы не только traditional (т.е. доиндустриальных), но и modern (т.е. индустриальных) принципов, куда входит преодоление массового производства и потребления и замена их, с одной стороны, индивидуализированным производством, с другой — потреблением, являющимся продолжением производственного процесса (в этом отношении очень показательным и [34//35] своевременным является введенный О.Тоффлером термин «prosumer»[52], сочетающий в себе указания и на производство, и на потребление, так как именно сочетание этих двух процессов

---

[49] *Kumar K.* From Post-Industrial to Post-Modern Society. New Theories of Contemporary World. Oxford, 1995. P. 123.

[50] См., например: *Lyotard J.-F.* Post-Modern Condition: A Report on Knowledge. Manchester, 1984 и др.

[51] См., например: *Crook S., Pakulsky J., Waters M.* Postmodernisation: Change in Advanced Society. L., 1992; *Gellner E.* Postmodernism, Reason and Religion. L., 1992; *Giddens A.* Modernity and Self-Identity. Cambridge, 1991; *Jameson F.* Post-Modernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. L., 1992; *Lash S.* Sociology of Postmodernism. L.-N.Y., 1990; *Lash S., Friedman J.* (Eds.) Modernity and Identity. Oxford, 1992; *Rose M.A.* The Post-Modern and the Post-Industrial. Cambrige, 1991 и др.

[52] См.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 270.

и составляет содержание современной деятельности); переход от следования рыночным принципам к постэкономическим ценностям и активному социальному регулированию; замена прежних методов организации труда и максимальное использование творческого потенциала работников, а также целый ряд сугубо социологических аспектов — формирование нового типа семьи и новых форм социального партнерства, повышение роли знания и изменение системы образования, национальные, этнические и иные проблемы. В результате возникает ситуация, которой не было в обществоведческой теории с середины прошлого столетия: *экономические концепции в их наиболее принципиальных элементах оказываются органично включенными в систему социальных наук и становятся неотделимыми от нее в той же степени, в какой само современное хозяйство неотделимо от реальных форм общественной жизни.*

Подобный подход позволяет не только по-новому взглянуть на реалии современной экономической и политической жизни развитых стран Запада, но и пересмотреть отношение к тем ценностям, которые взяты на вооружение современными российскими реформаторами. Не отрицая необходимости следования стратегии «догоняющего развития», мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что при комплексной оценке современных западных обществ и происходящих в них изменений выбранная система ориентиров должна оцениваться как принадлежащая индустриальной эпохе, оставляемой позади всем цивилизованным миром. Философские основания постиндустриальной теории еще резче, чем это обычно ощущается, дают нам понять губительность легкомысленной деструкции тех немногочисленных элементов post-modern сознания и post-modern мотивации, которые десятилетиями культивировались в советском обществе; опасность вопиющего пренебрежения к информации и знаниям, которые во всем мире расширяют рамки субъект-субъектных взаимодей-

ствий[53] и без которых «победивший» в 1917 г[оду] российский пролетариат навсегда останется тем, чем он был, и никогда не станет тем «когнитариатом»[54], в который он превращается в развитых странах Запада.

Таким образом, мы предполагаем, что теория постиндустриального общества может быть должным образом воспринята российскими обществоведами и стать тем базисом, на основе которого российская экономическая наука может адаптироваться к принятым во всем мире стандартам, попробовать свои силы в усовершенствовании одной из наиболее динамично развивающихся концепций. Однако для более полного понимания подобных возможностей мы хотели бы во второй части нашей статьи остановиться на нескольких важных социально-экономических проблемах, которые кажутся марксисту вполне привычными, но в подходах к которым большинство российских авторов обнаруживают обескураживающую дезориентированность. Мы не хотим сказать, что предлагаем готовые ответы на эти животрепещущие вопросы, но стремимся показать, что многие из принципиальных экономических проблем приобретают в сегодняшнем мире новое звучание, отразить которое может только глобальная социально-экономическая доктрина, подобная современной версии теории постиндустриального общества.

Современные экономические проблемы в контексте теории постиндустриального общества

В течение многих десятилетий советские экономисты самозабвенно отвергали принципы рыночной экономики тогда, когда во всем мире таковые являлись главным источником хозяйственного прогресса. И се-

---

[53] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 344.

[54] См.: *Toffler A.* Previews and Premises. P. 35; *Toffler A.* The Third Wave. P. 75.

годня, когда страны Запада активно ищут новые формы коммунитаризма, оставляя позади принципы индустриализма, Россия вновь направилась по пути, противоположному выбранному всем цивилизованным миром[55]. [35//36]

Между тем сторонники концепции постиндустриального общества еще в 60-е и 70-е годы начали исследовать те общественные формы, которые способны были заменить традиционное рыночное хозяйство, причем, что характерно, их исследования носили в гораздо большей степени марксистский характер, чем работы советских авторов.

Основы нерыночной системы: новый тип свободы. Западные философы нынешнего столетия, и сторонники постиндустриальной теории не являются здесь исключением, говорили о том, что водоразделом между капиталистическим и социалистическим хозяйством является не отношение к рынку, товарному хозяйству или частной собственности, а допускаемая степень социальной и политической свободы. Еще в 1939 г[оду] П.Дракер писал: «Экономически эта система может демонстрировать чудеса эффективности и производительности, но вместо культивирования истинной свободы, социалистическое общество воспроизводит феодальные порядки, с той лишь разницей, что сервы постоянно провозглашаются истинными сюзеренами»[56].

Однако проблема свободы не является чисто политической проблемой. Современную систему демократии создали не философские мечтания просветителей, а равноправное взаимодействие, лежащее в основе рыночного обмена; именно коммерция «заставила счи-

---

[55] Подробнее см.: *Иноземцев В.* {Глобальная модернизация и} проблемы постсоциалистических экономик // Свободная мысль. 1997. № {4}[6]. [С. 20-29.]

[56] *Drucker P.* The End of Economic Man. The Origins of Totalitarism. New Brunswick (US)-London (UK), 1995. P. 27.

тать контакты между равными более естественным видом человеческого общения, нежели иерархическую систему»[57] Подобные, основанные на взаимной материальной выгоде отношения в течение нескольких столетий обеспечивали внутреннее единство индустриального общества, защищенного от внешнего мира национальным государством[58]. Основой этой свободы была частная собственность на материальные блага и на ограниченные производственные ресурсы; она же являлась базисом той власти, которая закрепляла за господствующим классом его доминирующее положение[59].

Социум, и это было отмечено еще основоположниками марксизма, развивается в направлении обретения человеком все большей свободы. Не случайно К.Маркс писал, что при коммунизме будут преодолены формы личной и вещной зависимости и человек превратится в свободную индивидуальность. И совершенно марксистским является по своей методологической сущности разделяемое постиндустриалистами (но так и не принятое советскими экономистами) положение о преодолении рынка через достижение нового типа свободы. Между тем человек, и это тоже «подсказал» современным западным исследователям К.Маркс, не может стать свободным, не выйдя за пределы сферы собственно материального производства. И постиндустриалисты совершенно справедливо отметили те «узловые точки», в которых зарождается сегодня новая свобода и вместе с ней — новое общество.

Главной является проблема соотнесенности человека и производства, формирование условий, при которых индивидуальность станет важнее организации и

---

[57] *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton (N.J.), 1990. P. 46.

[58] См.: *Smart B.* Modern Conditions, Postmodern Controversies. L.-N.Y., 1992. P. 4.

[59] *Toffler A.* The Third Wave. P. 61-68.

власть утратит свой прежний общественный характер. Последнее может произойти только тогда, когда основой социального прогресса станет не массовое материальное производство, а индивидуализированное создание информации и знаний. Информация — этот, по Д.Беллу, основной производственный ресурс постиндустриального общества[60], «рождает власть высшего уровня»[61], не только более совершенную, чем власть грубой силы или капитала, но и наиболее демократическую по своему характеру[62].

Значение этой транформации невозможно переоценить; оно фундаментально для экономической, социальной и политической структур современного общества. В производстве возникает новый тип работника, подрывающий основы частной собственности и принципы функционирования традиционной корпорации; в социальной сфере общество становится фрагментированным, и простое большинство уже не обладает ни достаточным моральным, ни достаточным экономическим правом принятия решений[63], что подрывает фундаментальные основы присущих индустриальному миру демократических традиций[64]; в политической сфере информационная революция глобализирует происходящие процессы и радикально ограничивает ту власть и те возможности нацио[36//37]нального государства, которые казались непреходящими в течение последних столетий[65].

---

[60] См.: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P. 198, note.

[61] *Toffler A.* Les nouveaux pouvoirs. P., 1991. P. 39.

[62] [См.:] *Toffler A.* Powershift. P. 19.

[63] См.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 420 — 421.

[64] Подробнее см.: *Pakulsky J., Waters M.* The Death of Class. Thousand Oaks (Ca.)-London, 1996. P. 155.

[65] См.: *Davidson J.D., Lord William Rees-Mogg.* The Sovereign Individual. N.Y., 1997. P. 99.

Однако так как общество, несмотря на возникшие в нем тенденции, по-прежнему основано на общественном производстве как на своем базисе, необходимо в первую очередь рассмотреть вопросы, развертывающиеся в сфере создания материальных и нематериальных благ, где демассификация и отход от традиционных принципов организации ознаменовывают собой первые предпосылки новой экономической и социальной системы.

Становление прозьюмеризма. Становление постиндустриального общества существенно изменило облик экономики и радикально модифицировало основные принципы производственной деятельности. Д.Белл связывает становление этого типа социума с экспансией экономики услуг[66]; последователи Т.Умесао, введшего в 1963 г[оду] понятие «информационное общество»[67], акцентируют внимание на развитии информационного сектора. Так или иначе, в развитых экономиках вторая половина нынешнего столетия ознаменовалась радикальным сдвигом от создания материальных благ к производству услуг и информации. Этот процесс принял исключительно широкий размах.

С 1980 по 1994 г[од] занятость в обрабатывающей промышленности США сократилась на 11 процентов, в добывающей — на 41. За те же годы занятость в сфере услуг повысилась на 78 процентов[68]. Но и эти цифры не отражают реального распространения деятельности, представляющей собой труд в производстве услуг и информации. Как показывают расчеты, на промышленных предприятиях, применяющих труд более чем 100 работников, только 60,2 процента из них заняты

---

[66] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 14-15.

[67] См.: *Dordick H.S., Wang G.* The Information Society. A Retrospective View. Newbury Park (Ca.). London, 1993. P. 1.

[68] См.: Statistical Abstract of the United States. 1982—1983. P. 394; Statistical Abstract of the United States. 1995. P. 424.

непосредственно в производственных операциях; эта доля снижается до 48,9 процента на предприятиях, располагающих более чем 1000 рабочих мест[69]. Наиболее точные оценки количества занятых в производственных операциях в США дают показатель около 12 процентов для первой половины 80-х годов[70] и несколько менее 10 процентов для начала 90-х[71].

Таким образом, производство в его традиционном понимании занимает все меньшее и меньшее количество рабочего времени в пределах фабричных цехов. Между тем возникает феномен, при котором производство распространяется за пределы фабрики. В отношении продукта это проявляется в комплексном обслуживании созданного блага вплоть до его безопасной утилизации в конце срока службы[72]; в отношении же работников остается совершенно справедливым высказанное еще в конце 50-х годов мнение о том, что «профессионалы, руководящий персонал, лица с высоким уровнем образования в целом имеют тенденцию даже более активно заниматься профессиональной деятельностью вне границ рабочего дня»[73]. Таким образом, человек, с одной стороны, все больше вовлекается в производственные процессы, с другой, деятельность на рабочем месте во все большей степени становится потреблением информации и знаний, созданных другими людьми, и в то же самое время все чаще совершается под влиянием нематериальных стимулов, не характерных для традиционного труда индустриально-

---

[69] См.: *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution or A History of the Future. Tokyo-N.Y., 1991. P. 239.

[70] См.: *Naisbitt J.* Megatrends. The New Directions, Transforming Our Lives. N.Y., 1984. P. 5.

[71] См.: *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution or A History of the Future. P. 240.

[72] *Toffler A.* Powershift. P. 79.

[73] *Riesman D.* Leisure and Work in Post-Industrial Society // *Larrabee E., Meyersohn R.* (Eds.) Mass Leisure. Glencoe (Ill.), 1958. P. 377.

го общества. При этом свободное время и рабочее место становятся фактически неразделимыми с созданием условий для домашней (home-based) работы, а для понимания значения данного явления достаточно сказать, что в США к 1995 г[оду] было создано около 20,7 миллиона рабочих мест на дому[74].

Результатом этих процессов становится размывание границ между производительным и непроизводительным трудом, между трудом по производству материальных благ и услуг, между теми, кто «работает» и кто «не работает», что в конечном счете приводит к устранению самой границы между производством и потреблением[75]. Возникает переход от «чистого» производства к процессу, в котором важную роль играет потребление, от «чистого» потребления — к производительной деятельности, рассматриваемой как разновидность досуга. Около 30 процентов производственной деятельности менеджеров, конструкторского персонала и информационных работников к началу 80-х годов совершалось за пределами нормированного рабочего дня; в то же время с середины 70-х годов инструменты и материалы для ремонта и оборудования домов и [37//38] квартир в бóльших количествах продаются самим их жильцам, чем фирмам, специализирующимся на ремонтных работах. Возникающий феномен квалифицируется современными западными авторами как становление прозьюмера, соединяющего в себе как производственную деятельность, так и активное потребление благ и услуг.

Фундаментальное последствие всех этих изменений отмечено О.Тоффлером: «Рынок, — пишет он, — не является ни капиталистическим, ни социалистическим.

---

[74] См.: *Naisbitt J., Aburdene P.* Megatrends 2000. Ten New Directions for the 1990's. N.Y., 1990. P 331.

[75] См.: *Nusbaumer J.* The Service Economy: Lever to Growth. Boston-Dordrecht, 1987. P 27.

Он является прямым, неизбежным последствием отделенности производителя от потребителя. Там, где имеет место эта разделенность, возникает рынок. Там же, где разрыв между производителем и потребителем сужается, функции, роль и власть рынка оказываются поставленными под вопрос»[76].

Между тем эта сторона подрыва рыночных отношений с точки зрения марксизма не может рассматриваться как достаточная для утверждения о преодолении рынка; как известно, рыночные отношения всегда связывались и связываются с господством частной собственности, в первую очередь на средства производства. Поиск ответа на соответствующие вопросы также занял важное место в постиндустриальной теории.

Проблема трансформации собственности. Данная проблема исключительно важна как в практическом, так и в теоретическом аспектах. Марксистская социальная философия совершенно справедливо связывает становление постэкономической общественной формации с деструкцией основ частной собственности. Однако попытка отрицания частной собственности через собственность коллективную или общественную значительного успеха, как мы сейчас видим, не имела.

В 60-е — 80-е годы многие западные исследователи, уделявшие значительное внимание проблеме государства благосостояния и его формирования, отмечали диффузию прав собственности, имевшую место в экономике развитых стран. В основном рассматривались два направления подобных процессов: сосредоточение акций у мелких держателей и возникающая в связи с этим «демократизация» капитала и формирование компаний и корпораций, значительная часть капитала которых контролируется их работниками. В первом случае часты ссылки на опыт Англии, где в результате дена-

[76] *Toffler A.* The Third Wave. P. 276.

ционализации с 1983 по 1988 г[од] число владельцев акций возросло с 2 до 9,4 миллиона человек, что составило соответственно 5 и 23 процента взрослого населения[77].

Однако эти процессы оказались неустойчивыми, и в последние годы как в Англии, так и в США количество акций у мелких держателей сокращается. Так, с 1960 по 1990 г[од] в Соединенных Штатах доля акций, находящихся в собственности мелких держателей, уменьшилась с 87,7 до 58,5 процента[78]. Что же касается участия работников в капитале собственных компаний, то самая успешная из таких программ — ESOP (Employee Stock Ownership Plan), реализующаяся в США, привела к передаче к 1990 г[оду] в руки работников не более 3 процентов общего объема фондов американских компаний[79]. Там же, где подобные мероприятия не проводились в массовом масштабе, результаты оказались еще менее заметными: в ФРГ к концу 80-х годов доля рабочих, владевших акциями «своих» компаний, не поднялась выше 1,5 процента[80].

Между тем сторонники постиндустриальной теории еще в начале 70-х годов совершенно справедливо отметили, что «сегодня собственность остается только юридической фикцией»[81], а главным путем преодоления воздействия частной собственности на экономику является не ее рассредоточение среди мелких собствен-

---

[77] См.: *Bishop M., Kay J.* Does Privatization Work? Lessons from the UK. L., 1988. P. 33.

[78] См.: *Blasi J.R., Kruse D.L.* The New Owners: The Mass Emergence of Employee Ownership in Public Companies and What It Means to American Business. N.Y., 1991. P. 54.

[79] См.: *Rosen C.* Employee Ownership: Perfomance, Prospects, and Promise // *Rosen S., Young K.M.* (Eds.) Understanding Employee Ownership. Ithaca (N.Y.), 1991. P. 3.

[80] См.: *Durso G., Rothblatt R.* Stock Ownership Plans Abroad // *Rosen C., Young K.M.* (Eds.) Understanding Employee Ownership. P. 182.

[81] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 294.

ников, а формирование собственности на информацию и знания, которые «нераздельно связаны с теми, кто их производит», в результате чего «отделение капитала от труда становится невозможным»[82]. Это обстоятельство представляется исключительно важным. Как пишет Т.Сакайя, «главным отличием современного общества от индустриального является тенденция к соединению труда и средств производства»[83]. П.Дракер также отмечает это обстоятельство[84], добавляя, что в сегодняшних условиях работник еще не полностью свободен от корпорации, так как существует необходимость приобретать дорогостоящее оборудование и технические средства.

Ожидается, что современная информационная революция способна снять эту проб[38//39]лему в ближайшие годы. За последние 50 лет стоимость телефонной связи между Англией и США сократилась с 650 до 0,91 доллара за трехминутный разговор, то есть более чем в 700 раз[85], копировальная техника подешевела так, что цены на автомобили, будучи уменьшенными в соответствующей пропорции, составили бы 2,5 доллара за «Роллс-Ройс»[86] и 2 доллара за новейшую модель «Тойоты-Лексус»[87], а стоимость компьютеров с 1983 по 1996 г[од] снизилась с 3000 до 0,14 доллара за мегабайт памяти жесткого диска при ускоряющемся быстродействии компьютерных систем в два раза за каждые 18 месяцев[88].

---

[82] *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution or A History of the Future. P. 270.

[83] Ibid. P. 66.

[84] См.: *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. N.Y., 1993. P. 64.

[85] См.: *Davidson L.D., Lord William Rees-Mogg.* The Sovereign Individual. P. 185.

[86] См.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 140.

[87] См.: *Naisbitt J.* Global Paradox. N.Y., 1995. P 99.

[88] См.: *Gates B.* The Road Ahead. N.Y.-L., 1996. P 36, 34.

Значение этих процессов исключительно велико и будет расти в дальнейшем. Совершенно не случайно то внимание, которое уделяется футурологами автономным формам деятельности, примером чего могут быть рассуждения О.Тоффлера об «электронном коттедже»[89]. Как отмечает П.Дракер, «все большее количество людей работают с компанией, например, в области обработки и оценки данных, но не *на* компанию, не как ее работники»[90]. И эта работа дает вполне очевидные результаты. Основывая собственные производства, лидеры информационной революции достигают впечатляющих изменений. Если в конце 50-х годов среди 20 наиболее богатых людей США к числу представителей информационного бизнеса можно было отнести только одного владельца газетного концерна, то сегодня в списке нет ни одного банкира, всего один владелец торговой сети и еще 4 человека, не принадлежащие к компаниям, занимающимся производством информации. Остальные 15 представляют империи, возникшие в течение последних одного-двух десятков лет — Microsoft, Metromedia, Intel, Oracle, Viacom, New World Communications и другие[91]. Характерно, что в этом списке фигурируют все три (!) создателя фирмы Microsoft, но нет ни одного из владельцев IBM, покинутой этими тремя господами 15 лет назад.

Таким образом, на наших глазах в развитых странах возникают общества, в которых человек не зависит в той степени, в какой это имело место в индустриальной цивилизации, от собственности представителей господствующего класса на средства производства, так как главным из них становятся знания, неотделимые от человека, а условия их развития и применения ока-

---

[89] См.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 204-205.

[90] См.: Drucker on Asia. A Dialogue Between Peter Drucker and Isao Nakauchi. P. X.

[91] См.: *Cannon T.* Welcome to the Revolution. Managing Paradox in the 21st Century. L., 1996. P. 269.

зываются все более доступными. И насколько очевидными являются стремления послевоенных поколений к совершенствованию своих знаний[92], настолько же справедливым представляется и тезис Ф.Фукуямы о том, что «классовые различия, существующие сегодня в Соединенных Штатах, вызваны прежде всего различиями в *образовании*»[93].

Между тем рост доли социально мобильного населения, ориентированного на удовлетворение своих нематериальных потребностей, не может не вызывать резкого изменения общественных ценностей, приводящего к самой глобальной модернизации социальных структур, с которой человечеству пришлось столкнуться в нынешнем столетии.

Формирование новых приоритетов личности и социума. С переходом от индустриального общества к постиндустриальному, как мы уже отмечали, изменяется сама сфера применения человеческих способностей. По мере механизации и автоматизации традиционных операций «люди оказываются занятыми только там, где необходимы человеческие оценки, суждения и творчество... главным становится не физическая сила, а способность к инновациям»[94]. Соответственно и вовлеченные в производство люди утрачивают сугубо материальную мотивацию своих действий, столь свойственную прежним цивилизациям.

Следует отметить, что это историческое изменение не столько проистекает из изменения *технологических* аспектов производства, сколько имеет *экономическую*

---

[92] См.: *Nisbet R.* The Future of the University // *Lipset S.M.* (Ed.) The Third Century: America as a Post-Industrial Society. Chicago-London, 1979. P. 312.

[93] *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. L.-N.Y., 1992. P. 116.

[94] *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton (N.J.), 1990. P. 428.

природу. Как совершенно справедливо указывает Р.Хейльбронер, с развитием хозяйственных систем повышается достигнутый большинством членов общества уровень благосостояния, в результате чего «давление непосредственной (материальной) нужды сокращается»[95]. Это положение принято большинством теоретиков постиндустриализма, так как именно после того, как человек достигает материального благосостоя[39//40]ния, позволяющего ему не задумываться об удовлетворении привычных потребностей, он начинает искать самовыражения вне традиционных стереотипов поведения. Современные социологи очень осторожно подходят к исследованию данного феномена, отмечая не устранение материальной мотивации, а возникновение вполне определенного сдвига от максимизации материального потребления к обеспечению более высокого «качества жизни»[96] и обращая внимание на то, что «дополнительное увеличение денежных доходов уже не оказывает *прежнего* (курсив мой. — *В.И.*) воздействия на поведение»[97] человека.

Шкала предпочтений в современном обществе очень быстро изменяется. Ряд социологических исследований, призванных выяснить распространенность «постматериалистических» ценностей, показал, что уже к середине 70-х годов в качестве основных достоинств того или иного вида деятельности чувства удовлетворения от проделанной работы и контактов с людьми были поставлены на первое место 68 процентами японских и 64 процентами американских работников, тогда как в Англии и Франции соответствующий показатель составил 41 и 40 процентов. Высокую зарплату и безопасность условий работы поместили на первое место 30 процентов японцев, 35 — американцев, по 57 — англичан и

---

[95] *Heilbroner R.L.* Business Civilization in Decline. N.Y.-L., 1976. P. 51.
[96] См.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 5.
[97] *Toffler A.* The Third Wave. P. 386.

французов[98]. В этих условиях комплексный показатель, отражавший количественное соотношение «материалистов» и «постматериалистов», составил 4:1. Через пятнадцать лет это соотношение равнялось уже 4:3[99].

Распространение постматериалистических ценностей, основанных на стремлении людей к самовыражению и саморазвитию[100], не отрицает высокой степени социализированности современного человека; успех той или иной страны в постиндустриальную эпоху определяется не столько индивидуализмом и предприимчивостью, сколько оптимальным сочетанием индивидуалистских и коммунитаристских тенденций, что наиболее хорошо прослеживается на примере Соединенных Штатов[101].

Соответствующие изменения порождают целый ряд проблем, неведомых прежним формам общества. Развитие духовных потребностей требует сегодня радикальной переструктуризации экономики, традиционно ориентированной на материальные ценности[102]. Это особенно затруднено тем, что новое большинство, которое составляют сегодня интеллектуальные работники, представлено людьми, которые «не являются ни фермерами, ни рабочими, ни бизнесменами, а лишь работниками своих организаций. Они не принадлежат к пролетариату и не могут быть эксплуатируемы как класс... Меняя свою работу... они [не] меняют свои экономические и социальные позиции»[103]. В такой ситуации «интеллектуальные работники должны быть управляемы таким образом, как если бы они были членами добро-

---

[98] См.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P 151.

[99] См.: Ibid P. 96.

[100] См.: *Robertson J.* Future Wealth. A New Economics for the 21st Century. L.-N.Y., 1990. P. 13.

[101] См.: *Fukuyama F.* Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y.-L., 1996. P. 50ff.

[102] См.: *Toffler A.* Future Shock. P. 220-221.

[103] *Drucker P.F.* The New Realities. Oxford, 1996. P 22-23, 23.

вольных организаций»[104]. Однако сегодня лидеры корпораций оказываются не в состоянии применить подобные системы менеджмента, в результате чего общество оказывается перед лицом нового основного социального конфликта — противостояния носителей материалистических и постматериалистических ценностей[105].

Радикальные перемены в деятельности корпораций начались с пересмотра ими своего места в обществе. Новая корпорация, которую О.Тоффлер называет «адаптивной корпорацией»[106], соподчиняет свои цели со стремлениями своих работников и с интересами общества таким образом, что появляется возможность говорить о ней не только как об экономическом, но и как о «социологическом» институте. Обоснованным выглядит тезис Д.Белла, утверждающего: «Если мы зададим континуум с экономизированным принципом на одном конце шкалы (где все аспекты организации сводятся к одному — покорному стремлению к поиску средств достижения целей роста производства и получения прибыли) и социологизированным принципом на другом (где всем рабочим гарантирован пожизненный наем, и удовлетворенность работой становится важнейшим критерием при найме), то в последние тридцать лет корпорация постепенно движется вместе с большинством своих работников к социологизированному концу шкалы»[107].

Возникает система управления, основанная на широком участии как менеджеров, так и работников[108], и в этих условиях получают значительные экономические

---

[104] См.: Drucker on Asia. A Dialogue Between Peter Drucker and Isao Nakauchi. P. 148.

[105] См.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 161.

[106] См.: *Toffler A.* The Adaptive Corporation. Aldershot, 1985.

[107] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 288.

[108] См.: *Thurow L.* The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World. L., 1996. P 279.

пре[40//41]имущества те мелкие предприятия, где не разделены собственность и участие, деятельность и контроль над ней, где существуют большие возможности для проявления ответственности работников и обеспечения их саморазвития[109]. Не случайно мелкие и средние компании обнаруживают быстрый рост в последние десятилетия. Если в 1970 г[оду] 500 крупнейших компаний, составляющих знаменитый список журнала «Fortune», производили 20 процентов ВНП США, то сегодня этот показатель сократился до 10 процентов; американский экспорт на 50 процентов состоит из продукции компаний, в которых занято 19 и менее работников, и только на 7 процентов — из продукции тех, которые применяют труд более 500 человек[110]. И совершенно справедливыми кажутся нам слова А.Турена, отмечающего, что «современная компания не является более конкретным воплощением капитализма... и не может быть определена в терминах рационализации классового господства»[111].

* * *

Рассмотрение новых явлений в экономической и социальной жизни западных стран с точки зрения теории постиндустриального общества можно продолжать бесконечно. Мы же в нашей статье ставили вполне конкретную задачу — показать, что теория постиндустриализма обладает весьма важными достоинствами, требующими внимания к ней со стороны тех, кто искрен-

---

[109] См.: *Naisbitt J.* Global Paradox. P. 16-17.

[110] См.: *Naisbitt J.* From Nation States to Networks // *Gibson R.* (Ed.) Rethinking the Future. L., 1997. P. 214, 215.

[111] *Touraine A.* Critique de la modernité. P., 1992. P. 184.

не стремится осмыслить направления развития современного мира и те пути, которые когда-то будут пройдены и нашей страной. Эта концепция обладает тем гуманистическим потенциалом, ностальгия по которому в российском обществоведении огромна; она опирается на методологические принципы, не чуждые большинству отечественных экономистов, социологов и философов; она, наконец, объясняет или пытается объяснить те проблемы, от которых прикладные экономические теории уходят или пытаются уйти. Именно поэтому мы полагаем, что усвоение основ данной теории должно стать важной частью развития российского обществоведения, что ее принципы должны быть взяты на вооружение отечественными учеными, способными найти в ней не только ответы на многие животрепещущие вопросы, но и достойное поле для приложения собственных научных талантов. [41]

ТВОРЧЕСКИЕ НАЧАЛА СОВРЕМЕННОЙ КОРПОРАЦИИ*

В.Л.Иноземцев

[18] Многие десятилетия в экономической науке доминировало возникшее еще в рамках классической политической экономии представление о правомерности жесткого противопоставления «рабочего» и «свободного» времени. Сокращение первого и расширение рамок второго считалось показателем эффективности общественного производства и важным ориентиром социального прогресса. При таком подходе производственная деятельность работника, осуществлялась ли она в рамках промышленного предприятия, сервисной компании или финансового института, рассматривалась как несвободная, а самореализация человека идентифицировалась с активностью, выносимой за пределы трудового процесса.

Между тем экономическое развитие в послевоенный период демонстрирует как то, что сокращение рабочего дня не принимает значительных масштабов, так и то, что сама продуктивная деятельность в условиях информационной революции способна стать даже более важным источником развития личности, чем активность, осуществляемая в свободное время. Стано-

---

* Впервые опубликована в журнале *Мировая экономика и международные отношения*. 1997. № 11.С. 18-30.

вится очевидным, что магистральным направлением преодоления отчуждения труда является не сокращение его продолжительности, а модификация внутренних черт, формирующая характер той самореализации, которую мы называем творчеством[1]. Именно через экспансию последнего возможен переход от экономического к постэкономическому обществу, в ходе которого изменения в структуре и системе индивидуальных ценностей определяют самую масштабную трансформацию, когда-либо пережитую человечеством.

Изменения, возникающие на индивидуальном уровне и преобразующие в конечном счете все социальное целое, реализуются через основную производственную ячейку общества как форму, в которой производители вступают друг с другом в хозяйственное взаимодействие. В данной статье мы остановимся на том типе хозяйствующих субъектов, который традиционно именуют корпорацией — организацией, объединяющей предпринимателей и наемных работников, действующей в рыночных условиях и применяющей относительно унифицированные методы, которые позволяют ей выживать и развиваться в конкурентной среде. [18//19]

---

[1] Основные положения концепции творчества как фактора хозяйственного развития изложены нами в следующих работах: *Иноземцев В.Л.* К теории постэкономической общественной формации. М., 1995. С. 203-231; *Иноземцев В.Л.* Понятие творчества в современной экономической теории // ПОЛИС. Политические исследования. 1992. № 1-2. С. 178-186 [см.: Настоящее издание. С. 140-160]; *Иноземцев В.Л.* Экспансия творчества — вызов экономической эпохе // ПОЛИС. Политические исследования. 1997. № 5. С. 110-123; *Иноземцев В.Л.* Постэкономическая революция: теоретическая конструкция или историческая реальность? // Вестник Российской Академии наук. 1997. № 8. С. 711-719 [см.: Настоящее издание. С. 255-281]; *Иноземцев В.Л.* Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 29-44 [см.: Настоящее издание. С. 282-315.]

Ставя на первый план вопрос, насколько восприимчива подобная структура к элементам неэкономически мотивированной деятельности, мы считаем возможным абстрагироваться от ряда других проблем. Рассмотрим корпорацию не как предприятие, создающее определенный конечный продукт, а как общность, пронизанную элементами творчества и воспроизводящую их в расширенном масштабе. Такой подход, на первый взгляд весьма необычный, позволит радикально пересмотреть оценки роли и значения корпорации в системе социальных институтов.

Корпорация и ее развитие в рамках индустриального общества

Материальное производство во все времена носило коллективный характер, но до наступления индустриальной эпохи хозяйственные объединения людей оставались в своем большинстве результатом неприкрытого насилия. Отражая, в отличие от производственных ячеек традиционного общества, взаимную заинтересованность своих членов друг в друге, корпорация, которая долгое время развивалась в недрах доиндустриальных социумов, вполне естественно стала основной формой объединения производителей в условиях буржуазного способа производства.

Являясь фундаментальным элементом индустриального порядка, корпорация возникает вместе с ним и существует на всем протяжении его доминирования, едва ли не наилучшим образом воплощая в себе изменения, происходящие в хозяйственном базисе общества. Значение корпораций, всегда рассматривавшихся как носители элементов новизны в противоположность господству традиции, подчеркивается распространен-

ным в литературе отождествлением индустриального сектора с той частью хозяйственной системы, которая находится под их контролем.

Как писал Дж.К.Гэлбрейт, «пока нет более точного термина, ту часть экономики, которая характеризуется деятельностью крупных корпораций, для удобства я буду называть индустриальной системой»[2]. Между тем порожденная индустриализмом и неизбежно принимающая характер «императивно координируемой ассоциации»[[3]], традиционная корпорация способна эффективно обеспечивать прогресс производства только в том случае, когда работники лишены возможности самостоятельно владеть средствами производства и использовать их. Однако в сегодняшних условиях, когда основным производственным ресурсом становятся информация и знания, в таком характере соединения рабочего с условиями его труда уже нет прежней необходимости. Ранее корпорация открывала возможность росту производительности труда посредством организации массового производства; теперь потребность в таковом весьма условна.

В рамках капиталистического строя производственная компания являлась единственным источником средств существования для наемных работников, диктуя последним цену на их труд; ныне ситуация представляется скорее обратной. Что же сегодня стоит за корпорацией? Что она предлагает обществу в качестве своего основного ресурса? Что оправдывает ее существование? Ответ на этот вопрос может быть только один: *сущностной чертой современной корпорации является соединение* людей, обладающих как *способностью к труду*, так и *средствами производства*, в единый социальный организм. Это организация, не диктующая

---

[2] *Galbraith J.K.* The New Industrial State. L., 1991. P. 29.

[[3] *Dahrendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, 1959. P. 242.]

своим членам некие заданные принципы, а, напротив, являющаяся выражением их взаимодействующих индивидуальностей. В этих условиях корпорация «более не рассматривается как конкретное выражение капитализма; лучше всего ее можно определить в терминах управления рынками и технологиями, а не рационализации классового господства»[4].

Данные качества не столько имманентны для корпорации как таковой, сколько [19//20] свидетельствуют о достижении ею состояния внутренней зрелости, которое может скорее рассматриваться как последняя ступень, предшествующая переходу к новым производственным общностям, характерным для постэкономического общества и не являющимся корпорациями в собственном смысле этого слова.

В течение первых трех четвертей нынешнего столетия корпорация развивалась под влиянием традиционных факторов, воздействовавших на нее как на институт индустриального общества. Эффективность в этой ситуации определялась снижением издержек и ростом прибыли. Только это обеспечивало выживание компании в жесткой конкурентной борьбе. В условиях, когда цели как собственников компании, так и ее работников являлись в полной мере экономическими, такими же оставались методы деятельности самой корпорации и принципы ее внутренней организации.

Рассматриваемый период может быть разделен на два этапа по степени возможной самореализации человека вне корпорации и в ее рамках. С начала столетия и фактически до второй мировой войны творчество не представляло собой значимого фактора производства. Возможности самореализации были весьма ограничены и полностью связаны с потреблением благ, деятельностью, осуществлявшейся во время, обычно

---

[4] *Touraine A.* Critique of Modernity. Oxford (UK)-Cambridge (US), 1995. P. 141.

называемое «свободным». Важен был рост количества, а не качества потребляемых товаров; материальные потребности еще не удовлетворялись в масштабах, достаточных для широкой экспансии новых мотивов и стимулов. В результате примитивные и ограниченные формы творческой деятельности вне производства дополнялись полным подавлением всякой индивидуальности на рабочем месте, где основной целью оставалось обеспечение роста массы выпускаемых благ, а основными средствами ее достижения оказывались тейлоризм и конвейерная система. Индустриализм достиг в те годы своих наиболее полных и завершенных форм, приближаясь к естественному пределу, подтверждением чего стал экономический кризис конца 20-х годов.

После второй мировой войны возникла новая социальная реальность, характеризующаяся прежде всего расширением спектра человеческих потребностей — как материальных, так и нематериальных, — что создало новые возможности для самореализации вне рабочего места. Производители откликнулись на это как повышением разнообразия товаров, так и широким вовлечением в трудовой процесс все более образованных работников, подчиненных не только экономическим мотивам и стимулам. Хотя говорить о возникновении на этом этапе элементов творчества в производственном процессе было бы преувеличением, первые свидетельства изменения ситуации возникли именно в 50-е годы. Эту трансформацию, вполне укладывающуюся в рамки индустриального строя, принято рассматривать в терминах дихотомии фордизма и постфордизма[5].

---

[5] См.: *Bonefeld W., Holloway J.* (Eds.) Post-Fordism and Social Forms. Houndmills-L., 1991; *Jessop B.* Fordism and Post-Fordism: Critique and Reformulation // *Storper M., Scott A.J.* (Eds.) Pathways to Industrialisation and Regional Development. L., 1992; *Harvey D.* The Condition of Post-Modernity. An Inquiry into the Origins of Cultural

Начиная с середины 60-х годов стали заметны более радикальные сдвиги, основанные на быстром распространении новых технологий, предполагавших рост децентрализации, демассификации и фрагментации производства[6] и требовавших работников, характеризующихся возрастающей самостоятельностью[7]. Данные перемены ознаменовали переход к системе «гибкой специализации», призванной быстро реагировать на изменяющие[ся] потребности рынка и включающей в себя такие элементы, как «гибкость объемов производства»[8], «гибкую занятость»[9], «гибкость оборудования»[10], «гибкость производственных процессов и организационных форм» [11]. Вызывая к жизни «децентрализованные и деиерархизированные системы управ-

---

Change. Cambridge (US)-Oxford (UK), 1995; *Lipietz A.* Towards a New Economic Order. Post-Fordism, Ecology and Democracy. Oxford, 1992; *Piore M., Sabel C.* The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity. N.Y., 1984; *Sayer A.*, *Walker R.* The New Social Economy: Reworking the Division of Labour. Oxford, 1992, и др.]

[6 См.: *Toffler A.* The Third Wave. N.Y., 1990. P. 57-59, 255-261, 336-342; *Toffler A.* Powershift. N.Y 1991. P 179-183, 220-221, 331-343, а также: *Beck U.* Risk Society: Towards a New Modernity. L., 1992. P. 142-149, 191-192; *Block F.* Postindustrial Possibilities: A Critique of Economic Discourse. Berkeley, 1990. P. 47; *Hall R.H.* Sociology of Work: Perspectives, Analyses, and Issues. Thousand Oaks-L., 1994. P. 18; *Lash S.*, *Urry J.* Economies of Signs and Space. L.-Thousand Oaks, 1994. P. 18-28; *Norman A.L.* Informational Society. An Economic Theory of Discovery, Invention, and Innovation. Boston-Dordrecht, 1993. P. 97, и др.]

[7 См.: *Crook S.*, *et al.* Postmodernisation: Change in Advanced Society. L.-Newbury Park, 1993. P. 177; *Giddens A.* The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, 1997. P. 205-206; *Harvey D.* The Condition of Post-Modernity. P. 158; *Lash S.* Sociology of Postmodernism. L.-N.Y., 1990. P. 28, и др.]

[8 См.: *Piore M., Sabel C.* The Second Industrial Divide. N.Y., 1984.]

[9 См.: *Boyer R.* (Ed.) The Search for Labour Market Flexibility. Oxford, 1986.]

[10 См.: *Kaplinsky R.* Automation. L.-N.Y., 1984.]

[11 См.: *Scott A.* Metropolis. From the Division of Labour to Urban Form. Berkeley-L.A., 1988.]

ления»[12], они подготовили передачу ответственности на максимально низкий уровень, что отвечало возросшему творческому потенциалу работников. Оценивая подобные явления в их совокупности, Д.Белл говорил о них как о [«революции участия»], разворачивающейся первоначально на уровне фабрики, но способной «распространиться на организации всех типов»[13]. Результатом, согласно Л.Туроу, становится «обретение персоналом гораздо большей свободы в [20//21] области принятия решений, чем это имело место в традиционной иерархической промышленной компании»[14].

Между тем в рамках как первого, так и второго из рассматриваемых периодов корпорации использовали определенные элементы самореализации работников, допуская отдельные проявления творческой по ряду признаков деятельности в первую очередь для того, чтобы ответить на запросы рынка, более полно удовлетворяя возникающий спрос. Человек в рабочее время по-прежнему трудился ради того, чтобы получать возможность ограниченного удовлетворения своих творческих наклонностей за его пределами. Творческие элементы деятельности в этих условиях не определяют переход к творчеству в собственном смысле этого слова, сохраняя ее трудовую природу, пусть и модифицированную определенными условиями и обстоятельствами.

Творчество же, замещающее труд в его прежнем понимании, как новый тип деятельности, возникает как комплексное явление, определяющее активность человека и в рамках производственного процесса, и за его пределами, только тогда, когда процессы производства и потребления становятся единым целым. Это достижимо лишь в условиях радикального сдвига от производства материальных благ к производству {,помимо

---

[12] *Crook S., et al.* Postmodernization. P. 223.

[13] *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1996. P. 204.

[14] *Thurow L.C.* The Future of Capitalism. L., 1996. P. 279.

этого,} услуг и информации. Подобная трансформация явно проявилась лишь с начала 70-х годов, а последующие десятилетия показали, насколько фундаментальные сдвиги скрываются за этим, казалось бы сугубо экономическим, процессом. [В соответствующих условиях корпорация также стала объектом радикального изменения, на котором и хотелось бы сосредоточить основное внимание.]

Становление адаптивной корпорации

Наиболее важным социальным преобразованием конца XX в[ека] стало формирование основ постиндустриального общества. Данный процесс основан [на поначалу] малозаметном, а затем все более активном и явном отходе от экономической мотивации человеческой деятельности. В таких условиях модернизация корпорации стала естественной «частью более глобальных изменений социосферы как целого»[15]. При этом движение корпорации в сторону того [sociologizing mode], о котором говорил в свое время Д.Белл[16], уже не исчерпывается изменениями в имущественном и социальном статусах работника и обеспечением максимальных социальных гарантий, а предполагает его интегрирование в то новое [*Gemeinschaft*], черты которого все более и более приобретает современная компания. По словам М.Хаммера, сегодня «корпорация представляет собой нечто большее, нежели совокупность процессов, большее, чем набор продуктов и услуг, и даже нечто большее, нежели ассоциация трудящихся

---

[15] *Toffler A.* The Third Wave. P. 243.

[16] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1976. P 288-289.

людей; она является также человеческим сообществом. Как и все сообщества, она взращивает специфические формы культуры — {в данном случае} "корпоративную культуру"»[17]

Формирование основ постиндустриального общества связывается нами не с тем, что сфера услуг оказывается доминирующим сектором общественного производства, не с тем, что информация становится основным производственным ресурсом, и не с тем, что общество, управляемое возникающей меритократией, совершает переход от преимущественно экономизированных к преимущественно социологизированным принципам организации. Гораздо важнее, что в новых условиях творчество превращается из спутника развития материального производства в его основное условие, а сфера творческой деятельности уже не пассивно расширяется по мере хозяйственного прогресса, а активно определяет этот последний. Основным стимулом современного типа развития становится не необходимость удовлетворения материальных потребностей чело[21//22]века, а возможность его совершенствования как творческой личности. Именно это обстоятельство определяет ту новую степень свободы, которой будет характеризоваться третье тысячелетие.

Отмечая основные изменения в структуре и формах корпорации, важно отметить, что они порождены необходимостью учитывать прежде всего внутренние, а не внешние аспекты деятельности компании, не столько приоритеты потребителей, сколько запросы и достоинства работников. Сегодня, когда информационная революция порождает новые продукты быстрее, чем в них успевает возникнуть осознанная в общественном масштабе потребность, залогом успеха в конкурентной борьбе становится не следование спросу, а его

---

[17] *Hammer M.* Beyond Reengineering. How the Process-Centered Organization is Changing Our Work and Our Lives. N.Y., 1996. P. 153.

формирование. Тем самым подчеркивается роль мобилизации творческого потенциала работников компании в обеспечении ее рыночного успеха. В условиях доминирования знания как основного фактора производства монополия на него все более и более подрывается. Информация с каждым годом используется все шире и демократичнее, что делает губительной малейшую остановку на пути изыскания новых технологических и организационных решений и вызывает рост степени зависимости компании от ее работников.

Основными чертами, отличающими постиндустриальную корпорацию от ее прежних форм, мы считаем изменившиеся качества работника, новые характеристики деятельности, и, наконец, собственно организационные принципы, определяющие внутреннюю структуру компании и субординирующие ее элементы.

В качестве *первого* важнейшего фактора перехода от традиционной к постиндустриальной корпорации выступают новые черты современного работника. Порожденная общей тенденцией к переходу от традиционных материальных ценностей к выходящим на первое место человеческим потребностям[18], рассматриваемым во всем их многообразии, данная трансформация приобретает особое значение в условиях, когда значительную часть персонала представляют интеллектуальные работники. Сегодня западные авторы относят к этой категории не менее 40 процентов всей рабочей силы, используемой в народном хозяйстве развитых стран, причем подобная пропорция весьма устойчива и зависит скорее от масштабов предприятия, чем от того, к какой отрасли хозяйства оно относится[19].

[[18] См.: *Toffler A.* Future Shock. N.Y., 1971. P. 220-221.]

[[19] См.: *Boyett J.H., Conn H.P.* Workplace 2000. The Revolution Reshaping American Business. N.Y., 1991. P. 61; *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution. N.Y., 1991. P. 239.]

Между тем ее представители обнаруживают значительную социальную мобильность. Не ограниченные способностью к выполнению какого-либо одного конкретного вида деятельности, они «не являются ни фермерами, ни рабочими, ни бизнесменами, а лишь работниками своих организаций... они не принадлежат к пролетариату и не могут быть эксплуатируемы как класс... Меняя свою работу... они не меняют свои экономические и социальные позиции»[20].

При этом многие из них (и эта доля имеет тенденцию к росту) определяют свои наиболее принципиальные интересы не в терминах максимизации присваиваемых благ, а в категориях внутреннего интеллектуального роста и развития. В силу отмеченных обстоятельств «интеллектуальными работниками следует управлять таким образом, как если бы они были членами добровольных организаций»[21], что сложно осуществить при традиционных принципах менеджмента. Компания оказывается ареной столкновения носителей материалистических и постматериалистических ценностей[22], которое и формирует новый тип корпоративной организации.

Вторая группа факторов трансформации современной корпорации — изменения в самом процессе work {работы}, являющемся основной формой жизнедеятельности компании. С одной стороны, все более и более явным становится перенос акцента с отдельных производственных операций на процесс создания продукта в целом. При этом process-centered work {работа, в основе которой лежит трудовой процесс} воплощает в себе скоординированные усилия работников, главной задачей которых во все возрастающей степени являет-

---

[20] *Drucker P.F.* The New Realities. Oxford, 1996. P. 22-23, 23.

[21] Drucker on Asia. A Dialogue Between Peter Drucker and Isao Nakauchi. Oxford,1997. P.148.

[[22] См.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton (N.J.), 1990. P. 161.]

ся не [22//23] столько модификация материального результата труда, сколько совершенствование процессов, приводящих к его созданию, — от непосредственно касающихся производства до имеющих к нему весьма отдаленное отношение[23]. Как отмечает М.Хаммер, «пришло время процесса. Процессы не могут более быть пасынками бизнеса, оставаясь без признания, внимания и уважения. Теперь они должны занять центральное место в организации... Происходит не только исчезновение старых ролей или их трансформация до неузнаваемости, но и появляются совершенно новые»[24].

С другой стороны, хотя такой тип деятельности, казалось бы, должен обеспечивать укрепление внутренних связей внутри всего производственного коллектива, прямым последствием подобного изменения становится резкое усиление индивидуальности работников. Причем отмечается, что гибкость работника, его способность к разнообразной активности является прямым отражением степени его потенциальной и реальной креативности[25]. Таким образом, деятельность в современной компании становится все более скоординированной с точки зрения единой общей цели, но все более автономной и индивидуализированной с точки зрения формы вовлечения в нее конкретного работника.

Именно эти обстоятельства определяют *третью* группу характерных черт постиндустриальной корпорации — принципы управления ею. В этом вопросе большинство специалистов обращают внимание на распространение принципа модульной организации, основанной на «соединении небольших компонентов во временные схемы»[26]. Преодоление элементов прежней хозяйственной структуры и замена их новой формой настолько зна-

---

[23] См.: *Edvinsson L., Malone M.S.* Intellectual Capital. N.Y., 1997. P. 101.
[24] *Hammer M.* Beyond Reengineering. P 13, 92.
[25] См.: *Boyett J.H., Boyett J.T.* Beyond Workplace 2000. N.Y., 1996. P. XII.
[26] *Toffler A.* The Third Wave. P. 263.

чимы, что О.Тоффлер считает допустимым определять супериндустриальное общество как «основанное на идее сочетания условно-постоянной основы и менее жестких модульных элементов»[27].

Возникает качественно новый тип организации деятельности, за которым в последние годы закрепилось обозначение teamwork {команда}[28]. Он имеет два принципиальных преимущества, выделяющих его из прежних форм организации производства. С одной стороны, наиболее полно используется стремление творческих работников к нововведениям и инициативам, процесс принятия ответственных решений переносится на максимально возможный низовой уровень, причем «стремление к участию (в управлении) проистекает не из политической идеологии, а из признания того факта, что система в ее сегодняшнем виде не способна эффективно реагировать на быстро меняющуюся обстановку»[29].

С другой стороны, небольшая мобильная группа представляется наиболее адекватной формой взаимодействия творческих личностей. Внутри нее легче всего возникает уравновешивающее индивидуалистические стремления чувство коллективного действия, быстро формируются специфические мотивационные ориентации и этические ценности, в результате чего «изначальное моральное единство обеспечивает основу для взаимного доверия {между членами}»[30].

В подобных условиях корпорациям приходится предпринимать радикальные меры по модернизации своей структуры с целью приспособления к меняющимся условиям. Справедливым в этом отношении является

[[27] *Toffler A.* The Adaptive Corporation. Aldershot, 1985. P. 130.]

[[28] См.: *Boyett J.H., Conn H.P.* Workplace 2000. P 6; *Drucker P.F.* Landmarks of Tomorrow. New Brunswick-London, 1996. P 68.]

[29] *Toffler A.* The Adaptive Corporation. P 122.

[30] *Fukuyama F.* Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y., 1996. P. 26.]

предложенный О.Тоффлером термин «адаптивная корпорация», подчеркивающий гибкий характер ее рыночного поведения и ее внутренней организации. Для понимания перспектив развития корпоративных структур необходимо, на наш взгляд, оценить как их роль в современном производстве, так и основные тенденции, подрывающие традиционные принципы их организации. [23/24]

Mobilis in mobile — подвижная в подвижной среде

Имеются явные свидетельства того, что лучшие времена компаний индустриального типа остались в прошлом. Во-первых, корпорации уже не контролируют в прежних масштабах общественное производство. В США в начале 60-х годов 500 крупнейших компаний обеспечивали 17 процентов ВНП, к 70-м годам этот показатель достиг своего максимума (20 процентов), а сегодня составляет не более 10 процентов. В 1996 г[оду] половина американского экспорта была обеспечена компаниями с менее [чем] 19 работниками, а на фирмы с более 500 сотрудниками пришлось только 7 процентов[31].

Аналогичный перелом произошел и в области занятости. До 70-х годов корпорации расширяли свое присутствие на рынке труда, о чем свидетельствует, например, значительное сокращение индивидуальной занятости, снизившейся в США между 1940 и 1973 г[одами] с 20 до 10 процентов рабочей силы. В Германии аналогичные показатели для 1939 и 1970 г[одов] составили 29 и 17 процентов, во Франции для 1946 и 1970 [го-

[[31] См.: *Naisbitt J.* From Nation-States to Networks // *Gibson R.* (Ed.) Rethinking the Future. L., 1997. P 214, 215.]

дов] — 38 и 21 процент[32]. Затем тенденция сменилась на противоположную. [Рост показателя индивидуальной занятости отмечается, по различным оценкам, с 1970 [33] или с 1972 [34] года, причем его степень определяется в пределах от 15—20 процентов за период 1970—1984 годов[35] до более чем 25 процентов между 1972 и 1983 годами [36].] Сегодня только в США насчитывается более 20 миллионов [рабочих мест на дому] [37], и их число продолжает расти.

Во-вторых, радикально изменилась специализация крупных компаний. Сегодня из числа крупнейших выпали более 40 процентов корпораций, составлявших в начале 80-х годов элиту мирового бизнеса, причем только за последний год из списка «Global 500» выбыли 70 компаний, а из списка «US 500» — 72, т.е. более 14 процентов общего числа[38]. Основная причина — не ухудшение результатов их деятельности, а беспрецедентный успех новых компаний, вытесняющих прежние из числа лидеров. Рост сосредоточен в наиболее высокотехнологичных отраслях — производстве программ и баз данных, компьютеров и электроники, телекоммуникациях, здравоохранении, а также в сфере издательской деятельности, рекламы и развлечений. Действующие здесь компании составляют более трети списка «Global 500». Создаваемые в подобных сферах фирмы зачастую терпят неудачу в первые же годы существования[39], но и успехи их выглядят весьма впечатляющими.

[32 См.: *Steinmetz G., Wright E.O.* The Fall and Rise of the Petty Bourgeoisie: Changing Patterns of Self-Employment in the Postwar United States // American Journal of Sociology. 1994. № 5. P. 975-985.]

[33 См.: *Harvey D.* The Condition of Post-Modernity. P. 158.]

[34 См.: *Crook S., et al.* Postmodernisation. P. 177.]

35 См.: Ibid.

[36 См.: *Harvey D.* The Condition of Post-Modernity. P. 158.]

[37 См.: *Naisbitt J., Aburdene P.* Megatrends 2000. Ten New Directions for the 1990's. N.Y., 1990. P. 331.]

38 См.: Financial Times FT 500 1997. L., 1997. P. 58, 87.

[39 См.: *Forester T.* High-Tech Society. Cambridge (Ma.), 1988. P. 57.]

По итогам 1996 г[ода] «Интел» и «Майкрософт» впервые вошли в первую десятку самых крупных корпораций мира, заняв седьмое и восьмое места с рыночной капитализацией в 107,5 и 98,8 млрд. долл. соответственно[40]. Более того, 15 из 20 самых богатых людей США — хозяева молодых компаний, существующих не более 10 — 20 лет (в частности, «Майкрософт», «Интел», «Метромедиа», «Оракл», «Виаком», «Нью Уорлд Коммьюникейшнз»). Такие компании становятся уже не залогом устойчивости экономического общества, а силой, наиболее радикально подрывающей его традиционные принципы.

Наиболее опасны с точки зрения традиционных корпораций три момента, каждый из которых, как будет показано ниже, непосредственно связан с экспансией творческой деятельности, являясь либо ее предпосылкой, либо следствием, либо выступая процессом, тождественным данному явлению.

Прежде всего, важнейшим моментом представляется деструкция частной собственности. Поскольку производство во всех своих проявлениях все больше зависит от {степени эффективности} использования знаний и информации, важнейшим объектом собственности выступают именно эти производственные ресурсы. Здесь нужно отметить два факта. С одной стороны, сама информация, а также средства ее обработки, хранения и использования становятся все доступнее. Только за последние тринадцать лет цены на компьютеры из расчета стоимости единицы памяти жесткого диска только снизились более чем в 2 тыс. раз[41]. Если бы автомобильная промышленность снижала издержки такими же темпами, то новейшая модель «Тойота-Лексус» стоила бы сегодня не более 2 долл. [42], а «Роллс-Ройс»

[40 См.: Financial Times FT 500 1997. P 88.]

[41 См.: *Gates B.* The Road Ahead. N.Y.-L., 1996. P. 36.]

[42 См.: *Naisbitt J.* Global Paradox. N.Y., 1995. P. 99.]

[мог претендовать на цену в 2,5 долл. только в том случае, если расходовал] бы 1 галлон {(3,78 л)} горючего на 2 млн. километров пробега[43]. На практике же все больше людей оказываются в состоянии иметь в личной [24//25] собственности основные условия производства, необходимые работнику интеллектуального труда для создания нового информационного продукта.

С другой стороны, в современных условиях собственность на информацию и знания подвержена существенному ограничению, не являющемуся по своей природе экономическим. Речь идет о той характеристике знаний и информации, которую можно назвать избирательностью. Сейчас, даже приобретая все юридические права на информационный продукт, вы можете использовать его лишь в тех масштабах и с той эффективностью, которые допускает ваш собственный интеллектуальный потенциал, способность создавать новые знания[44]. Данное обстоятельство не только делает работника субъектом скорее личной, чем частной, собственности на средства и условия производства, но и конституирует новое социальное противостояние, а именно между способными и неспособными к адекватному усвоению и эффективному производству знаний.

Все это указывает на «возникновение тенденции к соединению труда со средствами производства»[45], к преодолению отчуждения субъекта деятельности от ее условий, что было фундаментальной основой индустриального типа соединения человека с остальными факторами производства. Работник компании продает сегодня ее владельцам не столько свою способность к труду, сколько конкретные результаты интеллектуальной деятельности. Вместе с тем он имеет все возмож-

---

[[43] См.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 140.]

[44] См.: *Stehr N.* Knowledge Societies. L.-Thousand Oaks (Ca.), 1994. P 84, 85; *Crook S., et al.* Postmodernization. P. 114-115.

[45] См.: *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution. N.Y., 1991. P 66.

ности для того, чтобы «работать вместе с компанией, например обрабатывая ее информационные потоки, а не *на* компанию»[46], как член ее персонала. Возросшая степень свободы сотрудников — первая причина того, что компанией уже нельзя управлять на основе принципов, присущих индустриальной системе.

Следующий фактор также связан с распространением информации и знаний как основного производственного ресурса, но уже в несколько ином аспекте. Начиная с конца 70-х годов рост производства сначала в США[47], а затем и в остальных развитых странах[48] перестал сопровождаться ростом потребления ресурсов и привлечением дополнительной рабочей силы[49]. При этом с каждым новым годом перспективы снижения затрат как материалов, так и труда все расширяются[50]. В то же время знания и информация, становящиеся не только важнейшим фактором производства, но и непосредственной производительной силой[51], существенно отличаются от традиционных факторов производства, ибо не обладают такими чертами, как конечность, истощимость или исчерпаемость. В условиях экспансии информационной экономики оценка стоимости факторов производства и готового продукта, не говоря уже о рыночной цене самой компании, становится фактически невозможной, как невозможна стоимостная оценка самой информации и знаний при отсутствии эластичности на стороне предложения.

Новая ситуация нарушает традиционную логику корпоративных действий, радикально меняя ориенти-

---

[46 Drucker on Asia. P. X.]

[47 См.: *Naisbitt J., Aburdene P.* Megatrends 2000. P. 7.]

[48 См.: *Drucker P. F.* The New Realities. P. 116.]

[49 См.: *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. N.Y., 1993. P. 72.]

[50 См.: *Weizsäcker E., von, Lovins A.B., Lovins L.H.* Factor Four. Doubling Wealth, Halving Resource Use. L., 1997.]

[51 См.: *Stehr N.* Knowledge Societies. P. 101.]

ры, которыми компания должна руководствоваться в своей деятельности. Способность применять информацию, производить ее и обеспечивать ее коммерческое распространение становится главным ориентиром в мире современного бизнеса. Косвенные свидетельства тому — беспрецедентный бум корпораций в сфере производства информации и обработки данных. Так, одно только объявление о выходе на рынок программы Windows 95 обеспечило такой рост акций «Майкрософт», что за несколько дней по рыночной стоимости она обогнала «Боинг». «ИБМ» приобрела за 3,5 млрд. долл. фирму «Лотус» (собственные активы которой оценивались в 230 млн. долл.), что создало прецедент самого крупного поглощения в компьютерной индустрии. Рекордистской же можно считать фирму «Нетскейп», которая при активах в 17 млн. долл. и 50 сотрудниках имела на начало 1997 г[ода] рыночную стоимость в 3 млрд. долл. [52]

Происходящие изменения делают неконкурентоспособными компании, не основывающие свою производственную стратегию на максимальном использовании интеллек[25//26]туального потенциала работников. Данное обстоятельство отражает возрастающую зависимость современной корпорации от ее персонала.

Между тем сами работники компании, и это третий из важнейших вызовов традиционной корпорации, качественно отличаются от своих предшественников не только способностями и уникальностью, но и совершенно иной мотивацией производственной деятельности. В современных условиях первейшим среди качеств, обеспечивающих оптимальное использование творческого потенциала работников, оказывается уже не столько информированность, сколько воображение[53].

[52 См.: *Edvinsson L., Malone M.S.* Intellectual Capital. P. 2, 34, 2-3.]

[53 См.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 351.]

Возникает ситуация, когда «деньги и власть не могут ни купить, ни заменить солидарность и смысл»[54]. Значение последних сегодня трудно переоценить, а формирующаяся как на уровне производственных корпораций и локальных общностей, так и на уровне всего социума [система ценностей] становится не менее важной, нежели система хозяйственного управления[[55]].

В этих условиях индивидуальные ценности и мотивы утрачивают основание, на котором строилась система контроля над коллективами и предприятиями в рамках индустриального общества. Работники становятся не только более индивидуалистичными и автономными — они уже не воспринимают материальные факторы и стимулы в качестве доминирующих над своей деятельностью. Новая система мотивации, которая еще в 70-е годы получила название «постматериалистической» («post-materialist»)[[56]], сегодня обозначается уже как «постэкономическая» («post-economic»)[[57]], что отражает углубляющееся понимание того, насколько серьезно современная система мотивов и стимулов отличается от той, которая еще недавно казалась вечной и незыблемой.

В рамках трудового коллектива и производственной структуры изменение ценностной ориентации выражается прежде всего в том, что все большее и большее число работников интеллектуального труда «отрицают иерархические, статические и корпоративные ценности»[58]. Они предпочитают традиционным экономическим стимулам возможность повышать свой интеллек-

---

[54] *Habermas J.* The Philosophical Discourse of Modernity. Cambridge, 1995. P. 363.

[[55] См.: *Toffler A.* The Adaptive Corporation. P. 75.]

[[56] См.: *Inglehart R.* The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton, 1977. P. 54-55; *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 253 и др.]

[[57] См.: *Toffler A.* The Adaptive Corporation. P. 100.]

[58] *Lash S.* Sociology of Postmodernism. P. 28.

туальный и культурный уровень и стремятся воплотить в ходе производственного процесса свою индивидуальность, обогатить в результате деятельности свои способности и качества. Подобное стремление к автономности, и это будет показано ниже, не тождественно понятию индивидуализма. Однако оно, быстро становясь центральным элементом всей современной социальной трансформации[59], выступает важнейшим фактором отрицания прежних «материалистических» отношений[[60]], обусловливая неспособность компании сохраняться в качестве единого целого на основе прежних принципов.

Важно подчеркнуть, что все отмеченные выше обстоятельства, обусловливающие наиболее существенные сдвиги в структуре и динамике развития современной корпорации, вызваны именно экспансией творческой деятельности как основного вида активности ее работников.

Сегодня в условиях значительно возросшего материального благосостояния цели максимизации потребления материальных благ уступают место задачам совершенствования личности. Получая возможности для этого в рамках рабочего времени, персонал корпорации перестает рассматривать прежние методы организации как приемлемые. В современной ситуации работник лишен утилитарной мотивации и его нельзя принудить к участию в деятельности компании, если таковая характеризуется сугубо экономическими целями и задачами. Он не зависит от компании в прежней степени, так как может производить свой информационный продукт и вне ее рамок, имея необходимые средства производства в личной собственности.

---

[59] См., напр.: *Castoriadis C.* Gesellschaft als imaginäre Institution. Entwurf einer politischen Philosophie. Frankfurt/M., 1984. S. 129ff.

[[60] См.: *Giddens A.* The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, 1997. P. 205-206.]

Сама корпорация уже не может с легкостью заменять одного работника другим, ибо именно индивидуальные способности составляющих ее личностей служат залогом выживания и успеха на рынке. Результатом становится возрастающая зависимость компании от ее персонала. Все более частыми становятся случаи, когда корпорация [26//27] оказывается неспособной обеспечить своим сотрудникам желанные условия деятельности, что становится причиной их ухода. Данный феномен представляется одной из главных причин как гибели многих ранее процветающих фирм, так и появления новых, не просто постиндустриальных, а постэкономических производственных структур. Их корпоративная природа вызывает определенные сомнения.

Креативная корпорация: понятие и явление

История современного коммерческого успеха неразрывно связана с выходом отдельных творческих личностей и коллективов из традиционной корпорации. В отличие от прошлых десятилетий, когда ключом к достижению цели становилось объединение материальных и финансовых ресурсов многих людей и организаций, сегодня залогом процветания является способность перешагнуть привычные рамки и в одиночку вступить в борьбу с гигантами, прочно (казалось бы) поделившими рынки информации и знаний. Те, кому удалось пройти по этому пути, представляют элиту современного бизнеса, обеспечивая успешное развитие своих компаний на основе предельной творческой самореализации.

На наш взгляд, в последние годы данное явление приобрело столь заметные масштабы, что сегодня можно говорить о появлении нового типа производствен-

ной структуры. В отличие от традиционной, свойственной индустриальному обществу, и адаптивной, возникшей в ходе постиндустриальной трансформации, в новом типе корпорации, который мы считаем возможным назвать *креативной*, видны зримые черты постэкономической эпохи, естественно, в тех пределах и формах, в каких это сегодня реализуемо.

Креативная корпорация® отличается от адаптивной по ряду параметров. Во-первых, если адаптивная корпорация возникает как элемент экономических структур и служит средством решения экономических проблем, *креативная корпорация*® формируется как преодоление внешних черт экономической целесообразности и отвечает в первую очередь целям развития личности ее создателей. *Креативная корпорация*® возникает, как правило, из недр прежних организационных структур, и без того обнаруживавших сравнительно высокую степень эффективности в рамках экономического общества. В этом отношении подрыв подобных объединений формально противоречит принципам экономической целесообразности и осуществляется в первую очередь под влиянием стремления к более полному развитию личности основателей новой компании как субъектов производства.

Между тем в случае успешного функционирования компании данный мотив дополняется стремлением реализовать себя не только в качестве производителя информации или знания, а в качестве создателя самой компании как социальной структуры. Поэтому *креативная корпорация*® обычно проходит в своем развитии два этапа: на первом ее основателями движет стремление к индивидуализации, проявляющееся в совершенствовании создаваемых продуктов и услуг, в которых заключен их творческий потенциал как членов предшествующей организации; в рамках второго основатели [*креативной*] *корпорации*® социализируются в новом качестве владельцев компании, которая сама на-

чинает выступать главным результатом и продуктом их деятельности.

Во-вторых, *креативные корпорации*®, как правило, строятся вокруг творческой личности, являющейся залогом устойчивости и процветания данной компании. Мы не имеем в виду сугубо экономическое представление, связывающее повышение эффективности работы той или иной организации с объединением функций собственности и управления в одном лице. Сегодня часто говорят о том, что примеры наиболее успешно функционирующих компаний свидетельствуют о превосходстве системы, при которой управление находится в руках владельца или владельцев компании[61]. При [27//28] этом исследователи, на наш взгляд, допускают ошибку, обусловленную их неспособностью выйти за пределы экономических категорий.

Успех таких людей, как Б.Гейтс, А.Роддик, Р.Брэнсон и подобных им кумиров современных предпринимателей, обусловлен не тем, что владение своими компаниями дает им уверенность в целесообразности предпринимаемых усилий. Капиталы Б.Гейтса, основным из которых является его доля в компании «Майкрософт», не только не существуют вне деятельности самой этой компании, стоимость акций которой немедленно снизится в случае, если ее президент оставит свой пост, но и не могут быть изъяты из компании, ибо попытка продать соответствующую долю приведет к столь же плачевным результатам.

Между тем успех владельцев *креативных корпораций*® обусловлен отнюдь не тем, что они контролируют большую часть капитала своих компаний, а тем, что они, как основатели бизнеса, ставшего главным проявлением их творческой деятельности, несут за него высшую ответственность, являясь в глазах общества в

---

[61] См.: *Cannon T.* Welcome to the Revolution. Managing Paradox in the 21st Century. L., 1996. P. 179.

первую очередь олицетворением созданного ими сообщества и самореализовываясь именно в этом своем качестве. Эти люди представляют собой живую историю компании, воплощая непререкаемый авторитет в глазах ее работников и партнеров[62]. Отношение таких предпринимателей к бизнесу как к своему творению, вызывающее большую приверженность целям {данной} организации, нежели отношение к ней как к своей собственности, является важнейшей отличительной чертой *креативной корпорации*®.

В-третьих, *креативная корпорация*® в большинстве случаев не ориентируется в своей деятельности на существующие потребности рынка. В отличие от адаптивной корпорации, ее главной целью является не следование текущей хозяйственной конъюнктуре, а формирование таковой. Продукты *креативной корпорации*®, как правило, представляют качественно новые информационные продукты или услуги. При этом чаще всего *креативные корпорации*® не принимают форму диверсифицированных фирм и конгломератов, а сохраняют узкую специализацию, которая была заложена в первые годы существования компании усилиями ее основателя. В этом отношении *креативные корпорации*® играют в развитии современного хозяйства гораздо более важную роль, нежели традиционные или адаптивные корпорации, так как формируют новые потребности и определяют новые цели общественного производства.

Говоря об этом, нельзя не отметить, что *креативные корпорации*® сегодня не могут вытеснить адаптивные и даже традиционные, так как последние по-прежнему определяют и поддерживают уровень благосостояния, обеспечивающий членам общества возможности самореализации под влиянием неэкономических мотивов, а первые продолжают формировать тип со-

---

[[62] См.: *Edvinsson L., Malone M.S.* Intellectual Capital. P. 130.]

временного работника и воспитывать в нем стремления и возможности начать собственное дело в качестве основателя *креативной корпорации*®. Возникновение и развитие *креативных корпораций*® не устраняет прежние типы корпоративных структур в той же мере, в какой, по словам Д.Белла, «постиндустриальное общество не может заместить индустриальное и даже аграрное»[63], но лишь определяют тенденции, «углубляющие комплексность общества и развивающие саму природу социальной структуры»[64].

В-четвертых, в отличие от прежних типов корпорации, *креативные корпорации*® способны не только развиваться, используя внутренние источники, но и обнаруживают возможность постоянно преобразовываться, давая жизнь все новым и новым компаниям. Первое обстоятельство было отмечено еще в середине 70-х годов, когда постепенный отход от традиционных форм корпорации сделал заметной роль внутренних источников финансирования их развития и прогресса. Тогда Д.Белл отмечал как новое явление, что «в течение последнего десятилетия [между серединой 60-х и серединой 70-х г[одов]. — *В.И.*] более 60 процентов кап[итальных] вложений тысячи крупнейших амери[28// 29]канских компаний финансировались из внутренних источников»[65]. Сегодня подобная ситуация распространена в гораздо больших масштабах.

Другой момент связан с тем, что *креативная корпорация*® не может не использовать в своей деятельности работников, которые, как и ее основатели, движимы в первую очередь стремлением к собственной самореализации и рассматривают свою деятельность в рамках компании как один из шагов к началу собствен-

---

[63] *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P. 198, note.

[64] *Bell D.* The Third Technological Revolution and Its Possible Socio-Economic Consequences. // Dissent. Vol. XXXVI. № 2. Spring 1989. P. 167.

[65] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 294.

ного бизнеса. В условиях, когда деятельность принимает черты {«работы, направленной на улучшение процесса»} {(}process-centered work{)}, а отдельные работники становятся как бы персонификацией определенных процессов (что находит свое воплощение в достаточно условном, но вполне показательном термине «process owner»[66]), серьезных препятствий для выделения из компании новых самостоятельных структур больше нет. В результате происходит постоянный процесс «отпочковывания» от *креативной корпорации*® новых фирм, в своей последующей деятельности руководствующихся подобными же принципами.

Можно и далее перечислять отличия *креативной корпорации*® от прежних форм хозяйственной организации, но в рамках данной статьи подчеркнем обстоятельства, представляющиеся особенно важными.

Первое: сегодня производственные организации, которые можно по традиции называть корпорациями, являются главным источником как экономического, так и социального прогресса. В условиях, когда центральная сфера самореализации человека — не свободное время, а основная деятельность, развитие производственных компаний и новые принципы их организации становятся более полным отражением социального прогресса, чем когда бы то ни было ранее.

Корпорации сегодня представляют собой наиболее мобильную часть общественных структур, и переход от адаптивной, следующей за потребностями рынка, компании, к *креативной корпорации*®, конституирующей и задающей эти потребности, является наиболее зримым тому подтверждением. При этом подобная активность компаний становится гигантским источником спроса на новые технологии и, что еще важнее, на новых работников, обладающих способностями к гораздо более разнообразной и универсальной деятель-

---

[66] См.: *Hammer M.* Beyond Reengineering. P. 73.

ности, чем того требовали от пролетария условия индустриального общества.

Являясь основной сферой формирования класса работников интеллектуального труда как совокупности самостоятельных личностей, корпорации осуществляют их непрекращающееся обучение, исключительная важность чего для современного общества несомненна. При этом современные компании, как *креативные*®, так и адаптивные, являются ареной столкновения скорее личных, нежели классовых, стремлений и интересов, представляя собой форму сотрудничества, а не противостояния. Как совершенно справедливо отмечал П.Дракер, люди в современных компаниях «не являются ни зависимыми, ни независимыми; они взаимозависимы»[67] Последнее обстоятельство исключительно важно для осмысления как принципов организации, так и путей развития современной компании.

Второе: в свою очередь, именно творческая деятельность является главным источником прогресса производственных организаций. Лежащая в основе творчества неэкономическая мотивация становится важнейшим ресурсом, успешное использование которого обеспечивает успех современных предпринимателей. Именно она делает возможным образование внутри адаптивной корпорации мобильных производственных и научных групп, способных стать основой *креативной корпорации*®. Именно она приводит к выходу за пределы компании людей, способных самореализоваться вне прежней структуры. Именно она, распространяясь на саму *креативную корпорацию*® как на новый продукт ее создателей, обеспечивает формирование в них того чувства ответственности, которое является залогом ее успеха и устойчивости. [29//30]

Важно подчеркнуть, что новые типы хозяйственной организации, закладывая основы постэкономиче-

---

[67] *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. P. 66.

ского общества, не разрушают существующей социальной преемственности, поскольку направляют самореализацию людей как уникальных индивидов в то русло, которое оптимально сочетает принципы индивидуализма и коллективных действий. Ф.Фукуяма пишет: «Стремление американцев уйти из компаний, в которых они работают, и начать собственный бизнес нередко рассматривается как пример американского индивидуализма. Однако эти новые предприниматели редко действуют как индивидуалы в чистом виде. Они часто объединяются с другими или быстро создают новые организации со своей иерархией и структурой власти. Эти новые организации нуждаются в такой же степени сотрудничества и дисциплины, как и прежние. Если они оказываются прибыльными, то могут вырасти до гигантских размеров и приобрести очень жесткую структуру». Таким образом, «американская демократия и экономика эффективны не столько из-за индивидуализма или коммунитаризма, сколько благодаря взаимодействию этих двух противоположных тенденций»[68].

* * * *

Глубинные трансформации, переживаемые сегодня обществом на пути к постэкономической фазе, заставляют решительно отказываться от традиционных понятий и представлений. Настоящий анализ становления новейших производственных форм, и в частности, *креативной корпорации*®, — попытка акцентировать внимание на явлениях и процессах, обозначающих основные черты формирующейся общественной системы, в которой человечеству предстоит жить в результате постэкономической революции. [30]

---

[68] *Fukuyama F.* Trust. P. 273.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ: ФЕНОМЕН СОЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ*

В.Л.Иноземцев

[84] Почти семь лет назад[1] мы предприняли попытку оценить эксплуатацию, традиционно воспринимаемую в качестве одного из важнейших пороков классовых обществ, не столько как общественное отношение, сколько как социопсихическое явление. Подобный подход основывался на том очевидном обстоятельстве, что эксплуатация как источник социальных конфликтов обусловлена *не самим фактом отчуждения* части производимого работником продукта, а *восприятием им такового как противоречащего* его основным целям и интересам. Мы показали, что феномен эксплуатации возникает только там, где оба противостоящих субъекта руководствуются материальными интересами в качестве основных, и отметили, что для ее преодоления более важным, чем любые другие *социальные* преобразования, может стать изменение характера *индивидуальных* интересов. Согласно этой гипотезе, до тех пор, пока обретение материальных благ остается основной целью большинства членов социума, устранить эксплуатацию посредством изменения про-

---

* Впервые опубликована в журнале *Свободная мысль*. 1998. № 2. С. 84-97.

[1] См.: *Иноземцев В.* Эксплуатация: объективная данность и феномен сознания. Размышления о перспективах социального прогресса // Коммунист. 1991. № 10. С. 8-17 [см.: Настоящее издание. С. 121-139]

порций их распределения невозможно, ибо любое изъятие производимого продукта, в том числе и на общественные нужды, неизбежно будет восприниматься работником как эксплуатация и воспроизводить конфликты, присущие индустриальному обществу.

Напротив, магистральный путь устранения эксплуатации лежит через формирование новой системы предпочтений и ценностей человека, в которой материальные интересы занимают подчиненное положение по отношению к потребностям развития личности. В ситуации, когда достигший некоторого уровня материального благосостояния человек рассматривает совершенствование себя как созидательного субъекта в качестве главной цели, отчуждение части производимых им благ, имеющее место всегда, доколе существует общество, не будет восприниматься им как противоречащее его основному стремлению. Именно в этом отношении, как подчеркивали мы семь лет назад, и может быть осуществлено преодоление эксплуатации; не отменяя перераспределения в обществе благ, оно снимает прежний конфликт и предоставляет человеку реальное ощущение свободы, *ощущение, являющееся самой этой свободой*, и позволяющее личности полностью реализовать свой созидательный потенциал. Последнее дает огромный импульс прогрессу, освобождает ранее скрытые в людях возможности и становится главной движущей силой развития постэкономического общества — таков был основный лейтмотив прошлой статьи.

Подобный подход остается для нас неизменным. Между тем сегодня, когда уже можно подвести некоторые итоги 90-х годов, когда четко определились и оформились тенденции двух десятилетий развития западных держав как постиндустриальных обществ, следует подробнее остановиться как на характере преодоления эксплуатации и его социальных границах, так и на выявившихся последствиях, которые едва ли можно назвать однозначно положительными.

Эксплуатация существовала в условиях всех классовых обществ, но не она породила классовую структуру, и не ее преодоление способно устранить [84//85] таковую. Напротив, новое общество может оказаться более жестко разделенным на отдельные социальные слои, чего не допускала традиционная марксистская теория. При этом основанием постэкономического типа социального деления оказываются не *внешние* характеристики человека, такие, как собственность на материальные блага, а его *внутренние* возможности, и в первую очередь — способность к производству информации и превращению ее в знания. Базой классового противостояния в определенном смысле остается собственность, но уже не *легко отчуждаемая частная собственность на средства и условия производства*, а *неотчуждаемые права личности на собственные способности*; не сумма материальных благ, которыми может воспользоваться каждый получивший на них юридическое право, а система информационных кодов, доступная только избранным {, имеющим доступ к специальным знаниям}.

Такая ситуация означает, что постэкономическое общество, *утверждая принципы свободы, не утверждает принципов равенства*, — и в этом заключено важное отличие формирующейся общности от идеала социалистов, заметное сегодня как никогда ранее. Все статистические исследования показывают, что тенденции к снижению неравномерности распределения материального богатства, имевшие место в развитых демократиях с начала нашего столетия, уже сменились на противоположные, и граница между периодами действия тех и других пролегла в середине 70-х годов — времени формирования основ постиндустриального общества. Данный процесс стал неожиданностью для оптимистов, предсказывавших эволюционный переход к строю социальной гармонии. Общество, выходящее за рамки индустриальной логики, начинает уже сегодня показывать, что проповедь имущественного равен-

ства — такой же наивный пережиток прошлого, как и утверждение о равенстве способностей, данных человеку от рождения; мы становимся свидетелями того, *как обретение долгожданной свободы* может [оказаться не в состоянии] компенсировать *крах надежды на достижение равенства* и воспрепятствовать возникновению нового социального конфликта, определяющего судьбы вступающего в новое тысячелетие человечества.

Мы считаем возможным утверждать, что последние два десятилетия сформировали базу основного противоречия постэкономического общества — *конфликта социальных сил, стремящихся соответственно к свободе и к равенству*. Никогда ранее эти две составляющие социалистического идеала не были столь враждебными, как сегодня. Для понимания глубины и остроты данного противоречия следует, на наш взгляд, рассмотреть три проблемы: во-первых, сам характер преодоления эксплуатации, во-вторых, принципы формирования классовой структуры постэкономического общества и, в-третьих, проблему непримиримого конфликта целей и возможностей членов тех или иных страт этого складывающегося на наших глазах нового социального целого.

Субъективное преодоление эксплуатации

Для определения условий преодоления феномена эксплуатации следует обратиться к проблеме основного вида деятельности в рамках экономической эпохи[2].

---

[2] См.: *Иноземцев В.* Капитализм, социализм или постиндустриальные общества? // Коммунист. 1991. № 4. С. 32-40 [см.: Настоящее издание. С. 78-95]; *Иноземцев В.Л.* Понятие творчества в современной экономической теории // ПОЛИС. Политические исследования. 1992. № 1-2. С. 178-186 [см.: Настоящее издание. С. 140-160]; *Иноземцев В.Л.* Постэкономическая революция: теоретическая конструкция или историческая реальность? // Вестник Российской Академии наук. 1997. № 8. С. 18-26 [см.: Настоящее издание. С. 255-281], и др.

Рассмотрение в качестве такового *труда* (*labour*)[3] дает возможность провести последовательный анализ перспектив разития отношения, лежащего в основе *эксплуатации как социального конфликта.*

Труд (labour) как присущая экономическому обществу и заданная стремлением к удовлетворению материальных потребностей деятельность накладывает отпечаток на все стороны жизни [человека], и воплощенные в фено[85//86]мене эксплуатации противоречия — это лишь одно из проявлений его несвободного характера. И в этом отношении экономическое общество вполне комплексно и самодостаточно, интересы большинства людей легко сводимы к материальным интересам. Те же, которые связаны с самореализацией личности, обретением социального статуса, внутренним совершенствованием и определяют действия и поступки многих людей, не оказывают существенного воздействия на формирование результирующего социального интереса и направление общественной эволюции. Когда Дж.К.Гэлбрейт пишет, что «отношения между обществом в целом и организацией должны соответствовать (must be consistent) отношениям между ней и индивидом, должно иметь место взаимное соответствие целей общества, организации [и] личностей, и, наконец, должно существовать соответствие мотивов, влекущих организации и отдельных индивидов к достижению их целей»[4], подобная точка зрения не может не быть оценена как совершенно утопическая. В рамках экономического строя интересы социума, организации и личности никогда не *должны быть* согласованными (*must be* consistent), они *всегда* согласованны (*are* consistent); однако никакие усилия не могут сделать их гармоничными в том смысле, который вкладывает в свои слова знаменитый социолог.

---

[3] См.: *Иноземцев В.Л.* К теории постэкономической общественной формации. М., 1995. С. 203-231.

[4] *Galbraith J.K.* The New Industrial State. L., 1991. P. 168.

Экономическое общество, основывающееся на труде (labour), создает адекватную самому себе систему соподчинения, предполагающую отчуждение части производимого продукта у его создателя. Последнее может выступать в самых разных формах: от полного изъятия даже самых необходимых благ, сопровождающегося последующим возвращением определенной их части правящим классом; в виде отчуждения прибавочного продукта на основе купли-продажи рабочей силы юридически свободными контрагентами; или же как санкционированное обществом направление благ на обеспечение сугубо социальных потребностей. Считать, что первые две формы изъятия продукта представляют собой эксплуатацию, а третья может {якобы} осуществляться за ее пределами, {на наш взгляд, совершенно} неправильно.

Во всех этих случаях не акцентируется внимание на том, *какая система интересов* определяет тот или иной социум. Исследователи возможностей преодоления эксплуатации чаще всего говорят об освобождении человека от труда не как от *несвободной от материальных мотивов активности, а как от наемного труда*, присущего капиталистическому обществу. Данная трактовка, восходящая в основном к К.Марксу, до последнего времени была усовершенствована весьма незначительно. Лишь некоторые авторы, такие, как А.Горц, отмечая в качестве ошибок прежних социалистов то, что «устранение труда (work) и устранение наемного труда (wage labour) рассматривались как цели, между которыми не делалось никаких различий»[5], приближаются к пониманию необходимости изменения не только внешних, но и внутренних факторов деятельности человека, указывая, что «устранение труда не является ни приемлемым, ни желаемым для людей, идентифи-

[5] *Gorz A.* Farewell to the Working Class. An Essay on Post-Industrial Socialism. L., 1997. P. 2.

цирующих себя со своей деятельностью, определяющих себя через нее и выражающих {в современной жизни} или надеющихся выразить себя в таковой»[6]. И только начиная с 90-х годов, когда масштаб и направленность начавшихся двадцать лет тому назад перемен стали достаточно очевидными, началось активное осмысление возникающих {в современной жизни} новых тенденций, приводящее к парадоксальному выводу о том, что сегодня *реальные трансформации* зачастую обладают меньшим значением, нежели *представления* об их источниках, ходе и направлениях, а реальное место человека в обществе и реальные мотивы его деятельности становятся при определении его предпочтений и интересов подчиненными по отношению к его представлениям о таковых.

Если в конце 80-х годов достаточно новыми казались утверждения о том, что «переход от одного типа социума к другому может осуществлять[86//87]ся... через внутренние трансформации основ общественной жизни (à la base de la *vie sociale*)», что «в западной модели развития первой изменяется культура, возникают новые знания и технологии, сопровождаемые последующими изменениями в формах и методах производства»[7], то сегодня становится ясным, что они верны лишь отчасти; гораздо большим значением обладают явления и процессы, происходящие à la base de la *vie individuelle* {(на основе частной жизни индивида)}, осмысление которых требует от общественных наук включения в свои теоретические построения психологических и социопсихологических элементов. Если еще в начале нынешнего десятилетия постиндустриальная социология была далека от социопсихологических проблем, а один из ее корифеев, О.Тоффлер, писал, что

---

[6] *Gorz A.* Farewell to the Working Class. P. 6.

[7] *Touraine A.* Le retour de l'acteur. Essai de sociologie. P., 1988. P 339.

«наиболее значимым сдвигом... сегодня является скрытый сдвиг во взаимоотношениях насилия, богатства и власти»[8], то нынешний лидер данного направления, М.Кастельс, совершенно однозначно отмечает в своей только что вышедшей работе, что «новый источник власти лежит в информационных кодах и в представлениях (images of representation), вокруг которых общество организует свои институты, а человек строит свою жизнь и определяет нормы поведения; местом сосредоточения этой власти являются умы людей»[9]. Сдвиг от преимущественной оценки объективных составляющих общественного прогресса к изучению его субъективных черт и аспектов представляет собой одну из наиболее заметных примет современной эволюции социологической теории.

Именно с развитием представлений человека о его деятельности и связано понимание путей преодоления эксплуатации. Для оценки как хода, так и результатов подобного процесса следует дать четкое определение данного феномена, отражающее как социальные, так и социопсихологические изменения, способные привести к ее устранению. Мы полагаем, что *эксплуатацией* выступает *насильственное или основанное на соблюдении принятых обеими сторонами юридических норм отчуждение у производителя в пользу иных индивидов, организаций или общества в целом некоторого объема создаваемого им продукта в случае, если создание такового есть цель его деятельности.* Этот феномен имманентен экономической эпохе, будучи порождаем каждой стороной проявления ее закономерностей; представляясь социальным злом, эксплуатация тем не менее играла и положительную роль, позволяя концентрировать ма-

---

[8] *Toffler A.* Powershift. Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. N.Y., 1991. P. 464.

[9] *Castells M.* The Information Age: Economy, Society, and Culture. Vol. II: The Power of Identity. Oxford, 1997. P. 359.

териальные ресурсы и усилия людей там, где они были необходимы, давая развитие передовым формам производства, становившимся основой дальнейшего прогресса. «Эксплуатация, — отмечает Р.Хейльбронер, — является не только мрачной оборотной стороной цивилизации, но и обязательным условием если не всех ее достижений, то по крайней мере значительного числа ее материальных триумфов»[10].

Такое понимание эксплуатации делает невозможным ее преодоление посредством реформирования распределительных отношений. Пресловутое распределение по труду не способно устранить эксплуатацию, так как любой труд предполагает экономические мотивы, а в такой ситуации отчуждение у производителя любого количества создаваемых им благ, пусть и на необходимые общесоциальные нужды, будет по-прежнему *восприниматься им* как эксплуатация. Следует также отметить, что эксплуатируемая активность не способна стать столь же эффективной, как свободная; в этом лежит ключ к пониманию того, почему «экономическое соревнование двух систем» стало приносить столь неутешительные для всех стран {для} социалистического лагеря результаты именно с середины 70-х годов.

Единственным условием устранения эксплуатации является изменение внутренней организации самой продуктивной деятельности. До тех пор, пока человек ориентирован на производство и присвоение максимально возможного количества материальных потребительных стоимостей, любое [87//88] препятствие на пути достижения подобной цели будет восприниматься им как эксплуатация. Удовлетворить же растущие материальные потребности людей в полной мере невозможно; возможно лишь изменить их структуру при достижении уровнем материального потребления оп-

---

[10] *Heilbroner R.L.* Behind the Veil of Economics. Essays in the Worldly Philosophy. N.Y.-L., 1988. P. 87.

ределенных пределов насыщения. Последнее не означает, что человек утрачивает интерес к росту объемов или повышению разнообразия своего потребления; оно предполагает лишь, что *материальные мотивы перестают быть доминирующими* в той мере, в какой это имело место ранее. Достигая удовлетворяющего его уровня потребления, человек в значительной степени оказывается мотивированным иными целями, в первую очередь связанными со стремлением к развитию собственной личности.

Данный переход мы рассматриваем как пример замены труда (labour) творчеством (creativity), под которым мы понимаем осознанную деятельность, не определяемую стремлением человека к удовлетворению его материальных потребностей. Экспансия творчества основывается на целом ряде условий, как материальных, таких, как достигнутый обществом уровень производства и его технологическая база, так и нематериальных, к которым относятся качество образования, степень связи социального статуса с интеллектуальными качествами работника подчиненность производственных структур задачам развития креативного потенциала человека и многие другие. В отличие от труда, предполагающего материальные блага в качестве непосредственной цели субъекта производства, творчество свободно от подобного фактора и в силу этого не может быть подвержено эксплуатации, преодоление которой оказывается процессом, представляющим собой обратную сторону замещения труда творческой активностью.

Именно на этом этапе мы и начинаем констатировать противоречия, свидетельствующие о нарастании опасного социального конфликта, который ранее не принимался в расчет авторами большинства постиндустриальных концепций.

С одной стороны, происходящая трансформация делает всех, кто находит на своем рабочем месте возможности для самореализации и внутреннего совер-

шенствования, выведенными за пределы эксплуатации. Число этих людей растет, в их руках находятся знания и информация — важнейшие ресурсы, от которых во все большей мере зависит устойчивость социального прогресса. Стремительно формируется новая элита постэкономического общества. При этом социальный организм в целом еще управляется теми методами, которые были свойственны экономической эпохе; следствием этого становится то, что все больше и больше людей оказываются не подверженными тем социальным закономерностям, которые кажутся обязательными для большинства населения. Общество, оставаясь внешне единым, внутренне раскалывается, и экономически мотивированная его часть начинает во все возрастающей степени ощущать себя людьми второго сорта; за выход одной части общества за пределы эксплуатации социум платит обостряющимся пониманием подавления, распространяющимся в иной своей составляющей.

С другой стороны, быстро формирующийся класс нематериалистически ориентированных[11] людей, которые, как мы уже отметили, не ставят своей основной целью присвоение вещного богатства, обретает реальный контроль над процессом общественного производства и все более и более значительная часть общественного достояния начинает перераспределяться в его пользу. Не определяя обогащение в качестве своей цели, члены нового высшего класса *получают от своей деятельности результат, к которому не стремятся.* В то же самое время члены общества, не обладающие ни способностями, необходимыми в высокотехнологичных производствах, ни образованием, позволяющим достичь таковых, пытаются решить задачи материального выживания[12], ограниченные вполне экономическими

---

[11] Подробнее см.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton (NJ), 1990. P. 98-102.

[12] См.: *Touraine A.* Pourrons-nous vivre ensemble ? Egaux et différents. P., 1997. P. 109.

целями. Однако сегодня их доходы не только не повышаются, но снижаются по мере хозяйственного прогресса. Таким образом, люди, принадлежащие к новой угнетаемой страте, *не получают от своей деятельности результат, к которому стремятся.* Различие между положением первых и вторых очевидно. Напряженность, в подобных условиях создающаяся в обществе, также не требует особых комментариев. С подобным «багажом» постиндустриальные державы входят в XXI век.

Чтобы оценить реальность возникающей {в современных условиях} опасности, обратимся к фактам, свидетельствующим о модернизации классовой структуры западных обществ и нарастании {в них} нового социального противостояния.

Новые очертания классовой структуры

Становление постиндустриального общества, изменившее не только структуру общественного производства, но также менталитет и психологию работника, сделало анахронизмом прежние принципы деления общества на представителей буржуазии и пролетариата.

Как отмечал в конце 70-х годов К.Реннер, «рабочий класс в том виде, в котором он описан в "Капитале" К.Маркса, более не существует»[13], и с таким утверждением трудно не согласиться. Несмотря на то что в начале 90-х годов при опросе общественного мнения 44,9 процента американцев заявили, что принадлежат к числу рабочих (это оказалось несколько меньше, чем тех, кто отнес себя к среднему классу, — 45,3 процента)[14], прои-

[13] *Renner K.* The Service Class // *Bottomore T.B., Goode P.* (Eds.) Austro-Marxism. Oxford, 1978. P. 252.

[14] См.: *Greider W.* One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism. N.Y 1997 P 382.

сходящие в последние десятилетия изменения невозможно интерпретировать иначе, как процессы депролетаризации. Даже Великобритания, где между мировыми войнами около 70 процентов экономически активного населения составляли рабочие (manual workers), занятые в добывающей, обрабатывающей промышленности или строительстве, в период с начала 70-х до конца 80-х годов превратилась в страну с самой низкой долей промышленного пролетариата в Европе[15], тем самым лишний раз продемонстрировав превосходство постиндустриальных тенденций над самыми старыми и устойчивыми традициями. При этом рабочий класс в последние десятилетия не только сократился количественно, но и распался на две группы, одна из которых состоит из квалифицированных работников индустриального сектора, вполне относящихся по доходам и социальному положению к среднему классу, вторая же представляет собой слой, называемый А.Горцем «a non-class of non-workers» {(некласс нерабочих)} или «неопролетариат», состоящий «либо из людей, занятых на непостоянных работах, либо из тех, чьи интеллектуальные способности остаются невостребованными нынешней технической организацией труда»[16]. Таким образом, на арене современного классового противостояния пролетариату {в наши дни} не находится более места.

Однако и элита современного общества также не похожа на прежнюю буржуазию. Изучение ее природы и попытки определения границ данной социальной страты начались вскоре после второй мировой войны, когда Р.Дарендорф назвал новым высшим классом представителей бюрократии и высших менеджеров, реально контролирующих производственные процессы[17], выразив тем

---

[15] См.: *Lash S.* Sociology of Post-Modernism. L.-N.Y 1990. P 27

[16] *Giddens A.* Social Theory and Modern Sociology. Cambridge, 1987. P. 279.

[17] См.: *Dahrendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, 1959. P. 301.

самым позицию, отринутую большинством социологов уже через несколько лет, когда теория постиндустриального общества стала одним из наиболее распространенных теоретических построений. В этот период широко распространилась характеристика нового класса как воплощающего в себе знания и информацию о производственных процессах и о механизме социального прогресса в целом. В условиях, когда «"постиндустри[89//90]альное" общество становилось "технетронным" обществом, при этом культурно, психологически, социально и экономически меняясь под воздействием электронных технологий, особенно в области компьютерной техники и в сфере коммуникаций, а индустриальный процесс уже не являлся более главной определяющей общественных изменений[»][18], реальную элиту могли представлять только те, кто был способен контролировать и направлять эти неизведанные ранее преобразования. «Если главным действующим лицом прошлых ста лет был предприниматель, бизнесмен, управляющий промышленным производством, — писал Д.Белл, — то "новыми людьми" являются ученые, математики, экономисты и создатели оригинальных интеллектуальных технологий»[19].

Основная же часть общества в этих условиях оказывалась отнесенной к среднему классу. В отличие от «неопролетариата» или технократических элит этот социальный слой фактически не получил позитивного определения. Сам термин «средний класс» представляется многим обозначением слишком аморфной группы, включающей весьма разнородные составляющие[20]; между тем широко распространенное понятие «класса профессионалов»[21] не дает четкого понимания ни структуры,

---

[18] *Brzezinski Zb.* Between Two Ages. N.Y.,1970. P. 9.

[19] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 344.

[20] См.: *Harvey D.* The Condition of Postmodernity. Cambridge (Ma.)-L., 1995. P. 347.

[21] См.: *Lyon D.* The Information Society: Issues and Illusions. Cambridge, 1996. P. 61.

ни характеристик данной страты, а термин «подавленный класс»[22], предложенный в свое время А.Туреном для целей противопоставления его как элите, так и «особо отчужденному классу», также не отражает положения составляющих его людей, как правило не ощущающих себя в качестве объекта подобного «подавления». Неопределенность в вопросе об обозначении данного общественного класса и определении его границ, на наш взгляд, представляет нечто намного большее, нежели один из недостатков современной социологической теории. *Этот класс* неопределяем в условиях постиндустриального общества потому, что он так же, как пролетариат и буржуазия, *не является важной составляющей данного социума*; сегодня средний класс представляет собой не оплот того общества, которое было построено на нем как на своем базисе в межвоенные годы и сохранялось почти в неизменном виде почти полвека, а аморфную массу, из которой в течение ближайших десятилетий восстанут два основных участника антагонистических противоречий следующего столетия.

В той же степени, в какой рабы и свободные, крепостные и феодалы не стали субъектами социального развития в последующие эпохи, ни пролетарии, ни буржуа не будут господствовать в формирующемся сегодня социальном организме; так же, как малая часть третьего сословия, выделившись из него, уравняла перед собой все остальные классы, так и новая общественная страта превратит в ничто все социальные различия прошлого.

Взгляды на роль и значение классового конфликта также претерпели серьезные изменения за послевоенный период. Если в 50-е годы доминировала весьма

---

[22] См.: *Touraine A.* The Post-Industrial Society. Tomorrow`s Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. L., 1974. P. 70.

оптимистичная точка зрения, согласно которой по мере преодоления индустриального строя роль прежних конфликтов должна снизиться, в том числе и в связи с локализацией и ограниченностью самого индустриального сектора, а жесткость противостояния — ослабеть[23] (и лишь Ж.Эллюль обращал внимание на то, что классовый конфликт не устраняется с уменьшением роли материального производства и даже преодоление труда и замена такового свободной деятельностью (leisure) приведет не к *преодолению* социального противостояния, а лишь к *перемещению его на внутриличностный* (*subhuman*) *уровень*[24]), то впоследствии ситуация изменилась самым кардинальным образом.

В 70-е и 80-е годы, когда теория постиндустриального общества достигла своего пика, оценка социального противостояния обусловливалась анализом формирующегося общества как определяемого технологическими факторами. На этом этапе внимание исследователей во все большей степени привлекали к себе статусные проблемы, в том числе вопросы само[90// 91]идентификации страт внутри среднего класса, мотивации деятельности представителей тех или иных социальных групп, и так далее. Возникли и первые формулировки, в которых содержалось понимание нового общества как «отрицающего все пророчества классовой теории, социалистического критицизма и либеральной апологии, общества, не разделенного на классы, но не становящегося при этом ни эгалитаристским, ни гармоничным»[25].

Очертания нового социального конфликта стали заметными во второй половине 80-х годов. Именно в этот период было провозглашено, что новому постин-

---

[23] См.: *Dahrendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society. P 201, 268.

[24] См.: *Ellul J.* The Technological Society. N.Y., 1964. P. 400.

Pakulski J., *Waters M.* The Death of Class. L.-Thousand Oaks, 1996. P. 147.

дустриальному обществу уготовано противостояние представителей «второй» и «третьей» волн, в терминологии О.Тоффлера, «материалистов» и «постматериалистов», в понимании Р.Ингельгарта. При этом отмечалось, что «материалистически-постматериалистическое измерение, являясь основным принципом поляризации населения западных стран, отражает противостояние *двух принципиально различных мировоззрений* (курсив мой. — *В.И.*)»[26], а острота конфликта и сложность его разрешения дополняются тем, что социальные предпочтения и система ценностей человека фактически не изменяются в течение всей его жизни, что придает противостоянию материалистически и постматериалистически ориентированных личностей устойчивый характер.

Однако, на наш взгляд, сегодня ситуация представляется несколько иной. Реальное классовое противостояние определяется еще не тем, каково *самосознание* того или иного члена общества, к какой социальной группе или страте он себя причисляет. Стремление человека реализоваться в качестве носителя постматериалистических ценностей ограничено отнюдь не только субъективными, но и *вполне объективными обстоятельствами*, основное из которых заключается в ограниченности доступа к информации, образованию и знаниям в условиях, когда интеллектуальный раскол нации становится базой любого иного социального расслоения. По словам П.Дракера, не лишенные материальных благ, а ощущающие недостаток образования люди ощущают себя «низшим классом» общества, в котором не деньги, а достоинство ценится превыше всего[27]. В новой ситуации люди не только заслуживают социального признания в зависимости от своих способностей; общество дает допущенным к информации и знаниям и способным распоряжаться ими все права,

---

[26] *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 161.

[27] См.: *Drucker P.* The New Realities. Oxford, 1996. P. 183, 184.

ранее принадлежавшие представителям высших классов. Совершенно прав Ф.Фукуяма, когда утверждает, что *«классовые различия, существующие в современных Соединенных Штатах, вызваны прежде всего различиями в образовании»*[28].

Между тем данное явление представляется очень опасным. Все прежние принципы социального деления в гораздо меньшей мере задавались естественными и неустранимыми факторами; теперь же власть элиты основана на качествах, не обусловленных внешними обстоятельствами. Не социальные отношения сегодня поднимают человека над обществом, а он сам формирует себя как носителя качеств, делающих его представителем высшего сословия. Информация, недавно казавшаяся многим наиболее демократичным источником власти, является в то же время и наименее демократичной ее причиной, так как *доступ к ней не адекватен обладанием ею.* Не отличаясь ни конечностью, ни истощимостью, ни потребляемостью, она отмечена *избирательностью*, редкостью того высшего уровня, *которая и наделяет ее владельца властью высшего качества.* Впервые в истории условием принадлежности к господствующему классу *становится не право владеть благом, а способность им воспользоваться.*

Современное классовое деление представляется не следствием нового перераспределения власти или собственности; оно порождено сущностными отличиями внутреннего потенциала разных членов общества. В ближайшие десятилетия оно имеет все шансы стать гораздо более жестким и гораздо более заметным, чем любые прежние формы социального неравенства; [91// 92] оно может расколоть и расколет тот средний класс, который на протяжении последнего века являлся залогом стабильности индустриальных обществ. Будучи

---

[28] *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. L.-N.Y., 1992. P. 116.

основным катализатором становления постэкономического общества, данное социальное деление станет и важнейшим препятствием на пути его развития. И вполне возможно, что данная проблема не должна была {бы} выноситься на особое место в спектре вопросов, затрагиваемых современной социологией, если бы реальное развитие хозяйственных процессов даже в постиндустриальных державах, не говоря о человечестве в целом, с каждым днем не делало бы ее все более острой.

Нематериальные стремления и их материальные следствия

Сегодня, в период становления постэкономической цивилизации, мы обнаруживаем и первые признаки нового социального противостояния, наиболее явным из которых становится нарастающая неравномерность в распределении богатства. Диспропорции в таковом существовали всегда и на протяжении послевоенных лет не привлекали особого внимания, так как, с одной стороны, в большинстве западных стран многочисленные социальные программы сокращали разрыв между наиболее состоятельными и наименее обеспеченными гражданами, а, с другой стороны, уверенный рост реальной заработной платы и уровня жизни не приковывал излишнего внимания к прибылям корпораций и доходам их руководителей.

Однако ситуация меняется, и перемена в ней настолько очевидна, что ведущие экономисты и социологи вынуждены обратить на нее внимание, хотя это нередко идет вразрез с их теоретическими концепциями. Так, хотя Дж.К.Гэлбрейт и отмечает, что «достойное общество (the good society) не стремится к равен-

ству в распределении доходов, которое не согласуется ни с природой человека, ни с характером и мотивационными принципами современной экономической системы», на следующей же странице признает резкое увеличение доли наиболее состоятельных членов общества в присваиваемом национальном доходе, происшедшее в последние годы на фоне столь же быстрого сокращения доли наименее обеспеченных граждан, чем-то таким, «чего достойное общество не может принять... не может оно принять... и оправданий,.. защищающих подобное неравенство»[29]. Между тем подобные изменения менее всего являются случайными, будучи непосредственным спутником становления постэкономического порядка.

Процесс сосредоточения богатств у узкого слоя людей сопровождал развитие буржуазного общества во все времена, хотя его не следует считать однонаправленным. Наибольшие диспропорции существовали в феодальный период, когда обеспечением равенства казалась экспроприация дворянства. Там же, где серьезной дворянской собственности не существовало и развитие начиналось как бы «с чистого листа», процесс быстрого сосредоточения богатства в руках буржуазной верхушки выглядит наиболее показательным. Так, в 1828 году 4 процента жителей Нью-Йорка контролировали 62 процента городского богатства; в 1845 году они управляли уже 81 процентом. В 1860 году 10 процентов наиболее богатых американцев владели 40 процентами всех богатств США; в 1890 году на долю наиболее состоятельных 12 процентов приходилось уже 86 процентов национального достояния[30]. Не менее активным рост данных показателей был и в Англии. Между

---

[29] *Galbraith J.K.* The Good Society. The Human Agenda. Boston-N.Y., 1996. P. 59, 60.

[30] См.: *Davidson J.D., Lord William Rees-Mogg.* The Sovereign Invidual. N.Y., 1997. P. 208.

тем, сравнивая нынешнее положение дел с ситуацией конца прошлого века, мы видим пропорцию, в которой находились доходы наиболее состоятельных и наименее оплачиваемых 10 процентов населения, фактически неизменной[31]. Таким образом, неравенство в рас[92//93]пределении доходов и собственности не отличается линейной динамикой, а обнаруживает в своем движении как периоды нарастания, так и сокращения рассматриваемых диспропорций.

Статистические данные вполне подтверждают это. На протяжении нынешнего века, вплоть до середины 70-х годов, во всех западных странах обнаруживалась устойчивая тенденция к снижению разрыва между богатыми и бедными гражданами. Так, в США доля 1 процента наиболее состоятельных семей в общественном богатстве снизилась с 30 процентов в 1930 году до менее чем 18 в середине 70-х; в Великобритании тенденция была еще более явной: доля 1 процента снизилась с более чем 60 процентов до 29, а доля 10 — с 90 до 65; аналогичные английским тенденции наблюдались и в Швеции, где соответствующие показатели составили 49 и 26, 90 и 63[32]. В результате к 1976 году 1 процент наиболее состоятельных американцев владел 17,6 процентами национального богатства, что составляло самый низкий показатель со времени провозглашения независимости США за двести лет до этого[33]. На данном фоне выделялся быстрый рост доходов руководителей крупнейших корпораций, непропорциональный по отношению к заработной плате персонала (так, если в 100 крупнейших американских корпорациях в 1960 году средний оклад исполнительного директора достигал 190 тысяч долларов, что соотноси-

---

[31] См.: *McRae H.* The World in 2020. L., 1995. P. 110.

[32] См.: *Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. P. 78.

[33] См.: *Linstone H.A., Mitroff I.U.* The Challenge of the 21st Century. Albany, 1994. P. 228.

лось с зарплатой работника как 40:1 до уплаты налогов и 12:1 после уплаты, то в конце 80-х он получал уже более 2 миллионов долларов, и соответствующие соотношения составляли 93:1 и 70:1[34]), но необходимость согласованного роста доходов представляется в этом случае вовсе не обязательной.

Ситуация изменилась во второй половине 70-х, когда стали заметны сначала робкие, а затем все более явные проявления совершенно иных тенденций. Выход экономики из кризиса, реформа налоговой системы и начавшийся хозяйственный бум, сопровождавшийся быстрым ростом акций, стали провозвестниками новых веяний. Первый пик перемен пришелся на начало 80-х: если в 1977 году упоминавшийся уже 1 процент богатейших американцев контролировал 19 процентов национального богатства, то этот показатель увеличился до 24 в 1981 году, а к концу первого срока президентства Р.Рейгана он составлял уже более 30 процентов; некоторое замедление темпов его роста во второй половине 80-х годов привело к тому, что десятилетие было закончено на отметке в 39 процентов, более чем в два раза превышавшей уровень 1976 года[35]. В результате в течение 80-х годов степень, в которой доходы наиболее обеспеченных 5 процентов населения США превосходили доходы наиболее бедных американцев, возросла с 15 до 22,5 раза[36].

Во второй половине 80-х и в начале 90-х годов подобные тенденции были усилены рядом новых обстоятельств, среди которых следует особо отметить последствия технологического скачка конца 80-х годов; на этот же период пришелся пик наиболее быстрого и впечат-

---

[34] См.: *Reich R.B.* The Work of Nations. Preparing Ourselves to 21st Century Capitalism. N.Y., 1992. P. 169.

[35] См.: *Nelson J.I.* Post-Industrial Capitalism. Exploring Economic Inequality in America. Thousand Oaks-L., 1995. P. 8-9.

[36] См.: *Linstone H.A., Mitroff I.U.* The Challenge of the 21st Century. P. 8.

ляющего роста рыночной стоимости новых компаний, действующих в наиболее высокотехнологичных отраслях. Не только руководители крупных корпораций, но и основатели сравнительно небольших высокотехнологичных предприятий, и даже отдельные специалисты в области высоких технологий стали получать доходы, несравнимые с заработной платой среднего американца. В 1988 году о [состоянии], превышающем 1 миллион долларов, заявили более 1,3 миллиона граждан США[37], сегодня их число превысило 3 миллиона.

Подобные явления не несли бы опасности социальной стабильности в том случае, если бы благосостояние среднего и низшего классов росло или хотя бы поддерживалось на прежнем уровне; между тем с 80-х годов впервые в истории западных обществ *реальные доходы значительной части населения стали снижаться на фоне экономического подъема.* На протяжении этого десятилетия доходы людей, получавших от 1 миллиона долларов в год и выше, выросли более чем в двадцать раз, заработки средних американцев — на 44 про[93//94]цента, а доходы 25 процентов беднейших семей снизились на 6 процентов[38]. Применительно к 20 процентам наименее обеспеченных граждан этот показатель сократился еще более драматично — на 24 процента[39], а их доля в национальном доходе, поднимавшаяся на протяжении сорока лет и достигшая в начале 70-х годов 7 процентов, к концу 80-х опустилась до 4,6[40]. Динамика данных процессов подтверждается и на опыте других постиндустриальных стран. Так, в Германии с 1980 по 1990 год валовый национальный продукт вы-

---

[37] См.: *Rifkin J.* The End of Work. N.Y., 1996. P. 174.

[38] См.: *Linstone H.A., Mitroff I.U.* The Challenge of the 21st Century. P. 228, 8.

[39] См.: *Reich R.B.* The Work of Nations. Preparing Ourselves to 21st Century Capitalism. P. 169.

[40] См.: *Harvey D.* The Condition of Postmodernity. P. 330-331.

рос на 20 процентов, прибыль с капитала за этот же период подскочила более чем вдвое, а реальная заработная плата осталась на прежнем уровне[41]. Подобные примеры могут быть продолжены {с использованием опыта других стран}.

Как правило, западные теоретики не анализируют достаточно подробно причины этих изменений, говоря обычно о новой хозяйственной конъюнктуре, ослаблении роли государства и сокращении налогов на доходы корпораций и представителей наиболее высокооплачиваемых групп населения; отмечаются также дискриминация в оплате труда по признакам расы и пола, равно как и сокращение программ государственной помощи малоимущим. Между тем все эти обстоятельства кажутся второстепенными по сравнению с тем влиянием, которое оказывает на дифференциацию доходов переход к информационной экономике и повышение роли знаний.

Если в США между 1968 и 1977 годами реальные доходы с учетом поправки на инфляцию выросли на 20 процентов, причем различия данного показателя для выпускников школ и обладателей диплома колледжа не превосходили одного процентного пункта, то с 1978-го по 1987 год реальные доходы выросли на 17 процентов, однако у лиц с высшим образованием они поднялись на 48, тогда как у вчерашних школьников упали на 4 процента[42]. В те же годы доход лиц, не обладавших аттестатом о среднем образовании, упал на 18 процентов[43].

Процесс нарастающего неравенства в распределении общественного богатства представляется одной из

---

[41] См.: *Weizsäcker E., von, Lovins A.B., Lovins L.H.* Factor Four: Doubling Wealth — Halving Resource Use. The New Report to the Club of Rome. L., 1997. P. 279.

[42] См.: *Winslow Ch.D., Bramer W.L.* FutureWork. Putting Knowledge to Work in the Knowledge Economy. N.Y., 1994. P. 230.

[43] См.: *Reich R.B.* The Work of Nations. P. 205-206.

самых характерных тенденций конца XX века, явлением, порожденным постэкономической трансформацией и закрепляющим формирующееся классовое деление, присущее этому новому социуму. Ситуация, в которой мотивированные надутилитарно работники интеллектуальных производств, исследователи и менеджеры расширяют свое хозяйственное доминирование, не оставляя представителям низших классов не только их прежней доли в национальном доходе, но и средств изменения подобного положения, {представляется} необратимой, но еще не воспринята в полной мере как таковая. До определенного времени она может рассматриваться как некая плата за технологический прогресс, но в достаточно близком будущем {,думается,} станет очевидным, что она представляет собой нечто гораздо большее; слишком уж много обстоятельств поддерживают и определяют сегодня развертывание этой тенденции.

Во-первых, с развитием производства, основывающемся на применении информации и знаний, оказывается, что объективная оценка деятельности его субъектов невозможна. В ситуации, когда работники могут управляться лишь в качестве добровольцев, когда они не признают над собой контроля и весьма мобильны, а корпорации оказываются в них крайне заинтересованы, подобные специалисты становятся не служащими, а партнерами. В результате данные профессионалы, в значительной мере мотивированные надутилитарно, не связанные неразрывными узами с одной определенной компанией, весьма мобильные, обладающие уникальными качествами как носители информации и знаний, получают вознаграждение, в сотни и тысячи раз превосходящее средние уровни заработной платы.

Во-вторых, в наиболее высокотехнологичных отраслях не только работники, создающие новые продукты, но и результаты производства также уникальны и невоспроизводимы. Оказываясь важнейшим условием

быстрого хозяйственного прогресса, продукция этих отраслей обладает исключи[94//95]тельно высокой ценностью; 80-е и особенно 90-е годы стали периодом, когда в новых отраслях был зафиксирован не только рекордный рост производства, но и беспрецедентный взлет финансовых показателей. И разумеется, не рабочие, производящие на полуавтоматических линиях электронное оборудование или тиражирующие информационный продукт, а именно создатели технологий получают основные доходы от подобной экспансии. В то же время компании, действующие в высокотехнологичных отраслях, обладают самой высокой рыночной оценкой по отношению к реальным активам, что дает в руки их владельцев исключительно мощный инструмент повышения благосостояния.

В-третьих, серьезным фактором, воздействующим на повышение доходов высокообразованной части населения, стала появившаяся сегодня возможность выхода за пределы традиционной организации производства на основе приобретения всех его необходимых условий в личную собственность. Специалисты, способные создавать уникальные и невоспроизводимые блага и имеющие возможность приобрести средства производства, могут выступать и все чаще выступают не в качестве продавцов своей рабочей силы, а как самостоятельные производители благ, имеющи{е}х высокую рыночную ценность и приносящих их создателям значительный доход.

Все отмеченные моменты самым радикальным образом диссонируют с положением низкоквалифицированного персонала. В современных условиях, когда имеет место значительная миграция, рынок неквалифицированной рабочей силы очень конкурентен. При этом большинство его участников не обладают никакими способностями, могущими выделить их среди других соискателей подобного же места; фактор исключительности работника, столь важный в высокотехноло-

гичных отраслях, в данном случае отсутствует. Промышленные предприятия и сервисные компании, привлекающие низкоквалифицированную рабочую силу, имеют, как правило, весьма умеренные доходы, а их выживание зависит от ценовой конкуренции, в число методов которой повышение заработной платы не входит. И, что наиболее существенно в данном случае, работники оказываются в ситуации полной зависимости от политики руководства компании и не имеют оснований добиваться от него улучшений своего положения, поскольку легко могут быть замещены другими претендентами, а самостоятельную деятельность в условиях современной экономики вести не могут.

Конец XX века не является, как бы этого ни хотелось многим, периодом стабильного и непротиворечивого развития, каким не может быть время, когда складываются основы новой цивилизации. Важнейшим условием прогресса становится сегодня не технологическое развитие, уже ставшее самовоспроизводящимся, и даже не процесс переосмысления мотивов и ценностей индивида, явно направляющийся в сторону формирования постматериалистической ориентации, а оптимальное сочетание интересов социума и личности, человека и социальных групп. Только это может обеспечить тот «плавный переход (smooth transition) от индустриального хозяйства к информационному»[44], о котором Т.Стоуньер справедливо говорит как о важнейшей задаче, стоящей сегодня перед {всеми без исключения} западными обществами.

---

[44] Цит. по: *Lyon D.* The Information Society: Issues and Illusions. Cambridge, 1996. P. 56.

* * * * *

Таким образом, преодоление эксплуатации через выход человека за пределы системы материальных интересов, будучи сам по себе важнейшим достижением человечества на протяжении уходящего столетия, в то же время способен привести и реально приводит к растущей поляризации общества. Новый класс, основывающий свою власть и влияние на знаниях, неотчуждаемом от человека виде ресурсов, делает классовое противостояние [95//96] совершенно иным, нежели оно было во все предшествующие исторические эпохи, а невозможность перераспределения знаний оставляет все попытки классовой борьбы в новом обществе лишенными перспективы. Особую остроту подобному конфликту придает деформация групповых интересов и возможностей их реализации; как мы показали ранее, высший класс обретает материальное богатство, исповедуя надутилитарные ценности, низшие же слои общества {как это неизменно было и в прошлом,} не способны обеспечить должного благосостояния, будучи при этом мотивированы сугубо экономически.

Между тем два обстоятельства могут в этой ситуации стать основанием для осторожного оптимизма. С одной стороны, исторический опыт говорит о том, что максимальная имущественная поляризация присуща переходным эпохам общественного развития в большей мере, нежели зрелым формам тех или иных социальных состояний. Сегодня, наблюдая лишь становление иной общественной формы, можно надеяться, что с ее развитием данные тенденции способны измениться. С другой стороны, любая социальная система, возникая как элемент внутри прежней, стремится к организации всего общественного целого на основе присущих ей принципов. С этой точки зрения постэкономи-

ческое общество категорическим образом требует экспансии нематериалистической мотивации среди всех своих членов, а ее необходимым условием становится достижение ими высокого уровня благосостояния. Все это может свидетельствовать о том, что мы наблюдаем наиболее сложный и опасный этап формирования новой общественной системы, а срок в двадцать лет, прошедший с его начала, еще не может в полной мере показать все {возможные} пути ее дальнейше{й эволюции и грядущих перемен} [го прогресса]. [96]

ДИАЛЕКТИКА СТОИМОСТИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ*

О.Н.Антипина, В.Л.Иноземцев

*Статья первая***

Технологические и социопсихологические факторы преодоления стоимости

[V, 48] Не успев в полной мере сформироваться в качестве науки об основных принципах создания, распределения и увеличения богатства, политическая экономия сделала своей центральной теоретической задачей адекватное определение ценности производимых и обмениваемых благ. С тех пор эта проблема занимала умы поколений исследователей. Тем не менее сегодня она выглядит более далекой от разрешения, чем в годы, когда она была впервые сформулирована. Вместе с тем именно сейчас как никогда ранее становятся актуальными именно те методологические подходы,

---

* Впервые опубликована в журнале *Мировая экономика и международные отношения,* 1998, № 5. С. 48-59; № 6. С. 48-59; № 7. С. 19-29.

** К большому сожалению авторов, текст статьи подвергся в редакции журнала *Мировая экономика и международные отношения* значительной правке. Нам отказали, например, в курсиве, важном для понимания ряда акцентов работы. Оказались изменены некоторые концептуальные положения. Многие цитаты раскавычены и воспринимаются как авторский текст (хотя с некоторыми из них мы не можем согласиться), не указаны источники, из которых они извлечены. Все это привело к большой восстановительной правке, усложняющей чтение статьи. Мы приносим читателям свои извинения по этому поводу, но подчеркиваем, что нашей первоочередной задачей является формирование представления об аутентичном характере данной работы. — *О.А., В.И.*

которые, казалось бы, принадлежат прошлому и обречены на забвение. Пикантность ситуации последних десятилетий XX в[ека], заключается не в появлении долгожданной возможности предпочесть одну столетиями развивавшуюся концепцию другой, а в открывшемся понимании того, что противостоящие друг другу теории основывались фактически на одном и том же, причем правильном, подходе к оценке проблемы. Однако до сих пор подход этот отрицался в безудержном стремлении изучать формы явлений в ущерб проникновению в природу вещей. Ниже мы попытаемся рассмотреть такие стороны *проблемы стоимости*, как ее определение, возможности адекватного измерения, ее воздействие на экономические процессы и, наконец, перспективы эволюции ее форм.

Введение

Проблема стоимости была, пусть и в весьма примитивной форме, поднята еще в античные времена. Предваряя небольшой экскурс в историю вопроса, обратим внимание на чрезвычайно важное обстоятельство, никогда не отмечавшееся исследователями. Дело в том, что *на этапе формирования взглядов* на природу стоимости, если только можно обозначить в качестве такового эпоху, простирающуюся от античности до века Просвещения, [V, 48//49] проблема анализировалась не столько с *экономических*, сколько с *философских* позиций. Аристотель и Платон, Альберт Великий и Фома Аквинский считали себя и оставались в реальности философами и теологами; А.Р.-Ж.Тюрго и Ж.-А. де Кондорсе, Д.Юм и А.Шефтсбери, И.Бентам и Э.Б. де Кондильяк были выдающимися историками и моралистами своего времени, а А.Смит, признанный основатель политической экономии, считал «Богатство народов» естественным продолжением и развитием «Теории нравственных чувств».

Напротив, *на протяжении прошлого и большей части нынешнего столетий* данная проблематика была полностью монополизирована экономической наукой, что привело не столько к более полному проникновению в сущность стоимости, чему посвятили свои работы Д.Рикардо и Ж.Б.Сей, К.Менгер и Е.Бем-Баверк, Дж.Милль и К.Маркс, У.Джевонс и Л.Вальрас, сколько к полному отрицанию самой необходимости обнаружения ее источника, провозглашенному А.Маршаллом и повторенному большинством представителей современной «экономикс».

В этом процессе, как в зеркале, отразился другой, более глобальный процесс, а именно происходившая на протяжении всей предшествующей истории кристаллизация «homo oeconomicus», завершившаяся формированием человека индустриального общества. Между тем социум, стоящий на пороге постэкономической трансформации[1], характеризуется прежде всего экспансией тех субъективных мотивов и целей, тех социальных и психологических основ человеческой деятельности, которые ранее легко укладывались в экономическую систему координат, не изменяя ее сути. Именно поэтому вопрос о стоимости вновь перерастает свое чисто экономическое содержание, вновь наполняется содержанием комплексным, всегда присутствовавшим в понятиях value и Wert.

На это можно возразить, что данная проблема фактически представляет собой *основной вопрос политической экономии.* Однако такое возражение еще более укрепляет нас в избранном подходе. В той же степени, в какой основной вопрос *философии* — знаменитая ди-

---

[1] См.: *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. М., 1998; *Иноземцев В.Л.* К теории постэкономической общественной формации. М., 1995; *Иноземцев В.Л.* Постэкономическая революция: теоретическая конструкция или историческая реальность? // Вестник Российской Академии наук. 1997 № 8. С. 18-26 [см.: Настоящее издание. С. 255-281].

хотомия сознания и бытия — не имеет реального разрешения в рамках самой философской науки, восходя к проблемам сугубо *теологическим*, так и главная проблема политической экономии не решаема в границах *экономической* теории, будучи по сути объектом *философского* осмысления. Замкнутость, опасная для любой науки, привела экономистов к забвению того, что анализ наиболее сущностного из экономических явлений представляет собой вопрос отнюдь не только *производственный*, но и *социопсихологический*, не только *хозяйственный*, но и *моральный*; именно из-за этой замкнутости сегодня, после долгих веков интеллектуального прогресса, целый ряд концепций, восходящих к доиндустриальной эпохе, остаются во многих своих аспектах более совершенными, нежели созданные в век индустриализма.

Мы не ставим перед собой задачу предложить новую концепцию стоимости; мы лишь анализируем процессы, радикально подрывающие ранее господствовавшие представления об основах обмена. Задача эта не является, конечно, наиболее сложной из стоящих перед научным исследованием, но если к нашей работе можно будет применить слова Ф.Бэкона «я не сделал ничего великого, но лишь казавшееся великим сделал малым», мы будем считать свою цель достигнутой.

Переходя к рассмотрению современного состояния отношений обмена и к анализу их драматично изменяющихся основ и принципов, отметим, что сегодня практически невозможно дать четкий ответ на вопрос, какая именно категория и какое именно отношение смогут заменить стоимость в ее качестве регулятора пропорций общественного производства. Тот процесс, который мы называем устранением стоимости, ведет не столько к элиминации ее роли индикатора отношений издержек производства и полезности, сколько к кардинальному изменению характера каждой из составных частей этой формулы.

Сегодня важнейшим условием адекватного понимания социальных процессов становится анализ субъективных мотивов и целей, социальных и психологических характеристик. Не отказываясь от прежнего стремления к максимизации того удовлетворения, которое всегда было и всегда останется целью любой осознанной активности, людям все более свойственно получать его вне сферы роста материального потребления. В этом мы видим *первый и основной фактор*, подрывающий принципы жизнедеятельности «экономического человека». Определяя свои *основные потребности и желания* как не лежащие в сфере материального [V, 49// 50] потребления, человек впервые в истории конституирует их именно как *свои* потребности, как *свои* желания, не идентичные потребностям и желаниям других людей не только количественно, но и качественно. Это имеет своим следствием невозможность определения стоимости как объективной категории.

Если ранее индивидуальные потребности в материальных благах, сталкиваясь с ограниченностью их предложения, создавали и поддерживали состояние рыночного равновесия, то теперь потребности нового типа, формирующиеся на основе стремления личности к самореализации, уже не создают тех усредненных (общественных) потребностей, которые, балансируя со столь же усредненными (общественными) издержками, определяли бы пропорции обмена. Более того, люди, ориентированные на развитие собственных способностей и собственной личности, способны считать полезными для себя действия, не преследующие материальной выгоды и не согласущиеся с принципами «экономического человека». Таким образом, с переходом к постэкономическому обществу *индивидуальные полезности проявляются per se, а не посредством трансформации в объективные общественные оценки.*

Это качественное изменение в оценке полезностей тех или иных благ подготовлено в первую очередь техно-

логическим прогрессом последней половины столетия. Обеспечив в развитых странах *людям, способным к творческой деятельности*, высокий уровень жизни, когда нематериальные мотивы стали доминировать над материальными, современное производство вывело на первый план факторы, хотя и известные ранее, но обретающие в новых условиях совершенно иные формы проявления. Главным из них стало распространение знаний и информации в качестве *непосредственного производственного ресурса*. Это *второй основной* фактор, подрывающий традиционные стоимостные отношения. Если *новая мотивация деятельности «отменяет» прежнюю субординацию потребностей*, лишая как индивидуальную, так и общественную полезность прежней количественной определенности, то *экспансия новых производственных факторов делает невозможной квантификацию издержек производства* и затрат труда, с которыми связано создание того или иного блага.

Это связано с тем, что, во-первых, информация представляет собой такое условие производства, которое не потребляется в производственном процессе и может использоваться в неограниченном количестве воспроизводственных циклов. Во-вторых, процесс передачи информации основан на субъект-субъектных взаимодействиях и невозможен без соответствующих усилий не только ее производителя, но и потребителя. В-третьих, создание знаний, которые, как подчеркивают современные социологи и психологи, далеко не тождественны информации, представляется процессом сугубо индивидуальным, и ценность знания не может быть определена исходя из «стоимости» произведшей ее «рабочей силы». В-четвертых, информация, имеющая свойство безгранично распространяться, характеризуется не редкостью, а избирательностью, в результате чего, даже приобретя формальные права на информационный продукт, то есть став его собственником, не каждый может им воспользоваться, ибо для этого

требуются целый набор качеств, отличающих современную личность. Таким образом, в условиях хозяйства постиндустриального типа формируется ситуация, в которой *никто не может определить ни общественные, ни даже индивидуальные усилия и издержки*, воплощенные в том или ином продукте, выходящем на рынок.

Между тем на пороге XXI в[ека] рыночная среда не выглядит подорванной или радикально измененной. Успехи рыночных экономик особенно очевидны на фоне краха планомерно организованного хозяйства. 90-е годы становятся периодом устойчивого хозяйственного роста западных стран, характеризуемого определенным снижением остроты большинства социальных противоречий. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что движения цен и других форм денежных оценок сегодня во все большей мере определяются не *объективным отношением издержек к полезности*, а *взаимодействием субъективных представлений об издержках со столь же субъективными представлениями о полезности*. Результатом становится возрастающая непредсказуемость многих хозяйственных процессов. В настоящее время лишь в самой общей форме можно определить источники этой растущей «энтропии» и весьма затруднительно сколько-нибудь достоверно оценить последствия этого роста. Тем не менее, повторим еще раз, данные процессы развертываются все более активно, и в этой статье мы хотели бы привлечь внимание российских исследователей к тем тенденциям, которые могут показаться неактуальными для тех, кто поглощен апологией рыночных реформ, но которые не становятся от этого менее фундаментальными.

Предлагаемое исследование состоит из трех статей. В *первой* мы рассмотрим то понимание природы стоимости, которое развито в трудах философов, экономистов и социологов в течение последних столетий, и попытаемся показать, что несовершенство [V, 50//51] совре-

менной экономической теории в анализе данных проблем в значительной мере связано с тем, что были забыты глубинные основы ранее примененного метода, а разделявшие экономистов внешние разногласия искусственно преувеличены. Во *второй* основное внимание будет уделено сущности, значению и перспективам развития стоимостных отношений с точки зрения фундаментальных принципов теории политической экономии. Инструментом анализа избрана прежде всего оценка новых тенденций, наблюдаемых в современном производстве; они рассматриваются как с точки зрения их воздействия на издержки производства, так и со стороны потребительской оценки, той полезности, определение которой становится сегодня все более и более сложным и субъективированным процессом. В *третьей* части мы рассмотрим не столько саму стоимость как противоречивое единство объективных и субъективных характеристик и процессов, сколько представление современного человека о таковой, попытаемся соотнести понятия стоимости и ценности, благосостояния и богатства, потребностей и полезности, рассмотреть феномен товарного фетишизма под углом зрения как производителя, так и потребителя. Завершим наш анализ кратким обзором предпринимаемых сегодня попыток соотнести ценность и стоимость невоспроизводимых благ, знаний и целых социальных институтов.

«Основной вопрос» политической экономии: его роль и значение

Понимание того, что в основе соизмеримости благ лежит некая единая сущность, возникло вместе с распространением отношений обмена в эпоху классической древности. Однако в условиях товарного производ-

ства, ограниченного структурным[2] характером, проблема определения этой сущности не была актуальной, поскольку любой вариант ее разрешения не мог существенно влиять на ход хозяйственного прогресса. Тем не менее уже в это время в работах одних философов можно видеть указания на то, что ценность товара вызывается к жизни потребностью в нем[3], а в трудах иных находить мнение о том, что основой ценности является труд[[4]]. Однако вряд ли было бы правильным полагать, что альтернативные подходы к основному вопросу политической экономии оформились тогда же, когда стали очевидны различные варианты ответа на основной вопрос философии.

Разграничение позиций относится к гораздо более поздней эпохе, к периоду формирования элементов индустриального общества, когда само товарное хозяйство востребовало ответ на вопрос о соизмеримости обмениваемых благ. Проблема объективности и устойчивости пропорций обмена оказалась даже *более важна для экономической теории, чем вопрос о первичности сознания или бытия для теории философской*; если последняя способна существовать при обоих вариантах ответа на свой основной вопрос, то отсутствие объективной основы хозяйственного обмена подрывает не

---

[2] См.: *Иноземцев В.Л.* Очерки истории экономической общественной формации. М., 1996. *Иноземцев В.Л.* Исторические формы товарного хозяйства как этапы прогресса экономической общественной формации // Философские исследования. 1996. № 3; [*Иноземцев В.Л.* Формы развития товарного хозяйства как этапы прогресса экономической общественной формации // Вестник МГУ Серия 6. Экономика. 1997 № 2.]

[3] Так, Аристотель указывает, что «потребность... все связывает вместе, ибо, не будь у людей ни в чем нужды или нуждайся они поразному, тогда либо не будет обмена, либо он будет не таким [т.е. несправедливым]» (см.: *Аристотель.* Никомахова этика. 1133а25-30)

[[4] См., например: *Ксенофонт.* Oeconomica I, 1-13; II, 18; VI, 4, 11; XI, 14-16; XX, 22-24; De veckt. III, 1-4; IV, 3-26, и др.]

столько позиции какого-либо из направлениий в политической экономии, сколько устраняет необходимость этой науки в ее привычном понимании. Поэтому как сам вопрос об объективности обменных пропорций, так и изучение законов, управляющих их установлением, весьма важны для хозяйственной теории. Не менее важно и то, насколько глубоко источники обменных пропорций укоренены в систему отношений и связей всего социума, насколько сущностны они для общественного организма.

Все это актуализирует вопрос о природе экономической теории. Широко распространенное мнение о том, что этический (ethics-related) и механи[сти]ческий (engineering-based) подходы всегда сосуществуют в политической экономии[5], затрудняет понимание эволюции теории стоимости на протяжении более чем двух столетий.

В первые десятилетия своего существования как самостоятельной науки, пришедшиеся [V, 51//52] на эпоху европейского Просвещения, экономическая теория в целом и концепция стоимости в частности базировались на серьезном философском фундаменте, соотнося предмет своего исследования с основными положениями этики. Будучи частью философской теории человека, политическая экономия подходила к проблеме ценности как к комплексному феномену, отражающему разные стороны человеческой деятельности, как производительной, так и потребительской. А.Смит во многом следовал методу своего учителя, Ф.Хатчесона, рассматривавшего «Принципы экономики и политики» лишь как один из элементов работы, названной им «Краткое введение в моральную философию»[6]

---

[5] См.: *Sen A.* On Ethics and Economics. Oxford (UK)-Cambridge (USA), 1997. P. 6.

[6] См.: *Hutcheson F.* A Short Introduction to Moral Philosophy. L., 1936.

Открывая «Теорию нравственных чувств» рассуждением [о] соизмеримости обмениваемых благ[,] о том, что «представления о природе человека, самостоятельно принимающего решения, основаны на некоторых принципах, которые ставят его интерес в зависимость от счастья других и делают счастье других необходимым для него, даже если он при этом не извлекает никакой пользы, кроме удовольствия лицезреть его»[7], творец теории «экономического человека» ставит «бескорыстные мотивы моральных действий» во многом выше, чем «эгоизм индивидов»[8] Адепты полезностной природы стоимости также были не менее последовательны в исследовании человеческой природы.

Хотя с развитием хозяйства элементы утилитаризма становились все более и более заметными, они никогда не сводились исключительно к *экономическим* сторонам явления; весьма характерно, что И.Бентам не ставил на первое место в шкале полезностей «the pleasure of wealth», предваряя его «the pleasure of sense», рассматривавшимся им как более важное[9] Позднее философские основы политической экономии, хотя и отодвигались все чаще на периферию исследований, не игнорировались в той мере, как это принято сегодня. Начиная с Дж.Ст.Милля, многие авторы предпочитали раздельное рассмотрение основ экономической теории и самой теории[10]; Л.Вальрас даже проводил различия между экономи-

---

[7] *Smith Ad.* The Theory of Moral Sentiments. Oxford, 1976. P 9.

[8] *Bell D.* Models and Reality in Economic Discourse // *Bell D., Cristol I.* (Eds.) The Crisis in Economic Theory. N.Y 1981. P 48.

[9] См.: *Bentham J.* An Introduction to the Principles of Morals and Legislation, 5, II // *Mill J.St., Bentham J.* Utilitarianism and Other Essays. L., 1987. P. 90.

[10] Примером тому может служить работа Дж.Ст.Милля «Utilitarianism» (1861), написанная им более десяти лет спустя после его «Principles of Political Economy» (1848) и посвященная рассмотрению моральных оснований экономической теории, фактически не присутствовавших в «Принципах...».

ческой теорией как моральной дисциплиной [(as an ethical science)], как искусством [(as an art)] и как чистой наукой [(as pure science)], причем только последняя могла рассматриваться как economics в современном смысле[11]

Конец XVIII в[ека] ознаменовался не столько синтезом моральной философии с материалистическими концепциями физиократов, сколько даже доминированием этических представлений над механистическими. Период, применительно к которому справедливы слова Д.Белла о формировании экономической теории как moral science[12], стал *первым переломным пунктом* в истории политической экономии и теорий стоимости. При этом не {распределение} [распространение] идей о полезностной основе стоимости во второй половине XIX столетия и не отмеченный многими сдвиг от «value» к «utility», от human needs к human wants радикально изменили комплексный и гуманистический характер концепции, созданной в век Просвещения.

Вплоть до начала нашего столетия, несмотря на все перемены подходов и методологии, теория стоимости оставалась вполне универсальной и открытой в будущее. *Второй переломный пункт* наступил, когда теория стоимости в целом была оттеснена на второй план, а ее место заняла теория цен, ставших важнейшим, а в определенной степени даже единственным, объектом хозяйственного анализа. Именно в период, когда математические схемы заменили вечную «странную тягу к размышлениям», которую Г.К.Честертон[13] полагал основой любой философии, экономическая теория утратила значительную часть своих прогностических возможностей, окончательно озаботившись изучением механики развития индустриального общества накануне заката экономической эпохи. [V, 52//53]

---

[11] См.: *Brockway G.P.* The End of Economic Man. N.Y.-L., 1995. P. 76.

[12] См.: *Bell D.* Models and Reality in Economic Discourse. P. 7.

[13] *Честертон Г.К.* Вечный человек. М., 1991. С. 298.

Две концепции стоимости: столетие противостояния

Процесс развития трудовой и полезностной теорий стоимости хорошо известен всем, кто когда-либо знакомился с историей экономических учений. Остановимся на ряде моментов, зачастую не попадающих в сферу внимания исследователей. Концепция, основанная на том очевидном факте, что «полезность не требует и не признает никакого иного регулятора, кроме самого себя»[14], естественным образом возникла из самого хода развития позитивной философии, восходя в том числе к идеям Ж.-Ж.Руссо, А.-Р.Ж.Тюрго и других предшественников позитивизма. Именно в этом русле такие блестящие философы, как И.Бентам в Англии, Ф.Галиани в Италии и Э.Б. де Кондильяк во Франции выдвинули тезисы, позднее, во второй половине XIX в[ека], оформившиеся в субъективную концепцию ценности[15]; фактически немедленно она оказалась дополнена концепцией количественного соизмерения полезностей благ, выдвинутой в опубликованном Д.Бернулли в Санкт-Петербурге трактате «Описание новой теории измерения риска»[16]

Все упомянутые здесь мыслители не отрицали, что стоимостные оценки любого товара представляют собой нечто гораздо более сложное, нежели лишь полезность, признаваемую за тем или иным благом. Так, предлагавшиеся французскими авторами концепции основывались на выделении сущностных элементов стоимости (intrinsic value), соотносимых с субъективными стоимостными оценками (estimative value) и рыночны-

---

[14] *Bentham J.* Principles of Morals and Legislation.VII, 9.

[15] См.: *Schumpeter J.A.* History of Economic Analysis. N.Y., 1954. P 302.

[16] См. английский перевод: *Bernouilli D.* Exposition of a New Theory on the Measurement of Risk // Econometrica. 1954. Vol. 22. P. 23-36.

ми ценами (market values)[17]; их полезностная основа связывалась с естественным характером материального производства, вызванного самими потребностями человеческой природы. Однако они не могли быть удовлетворены без усилий по изменению внешнего мира, что подчеркивали как упомянутые авторы, так еще более внятно У.Петти, Дж.Локк, Ш.Монтескье, Ф.Кенэ, А.Фергюсон, Д.Юм [и множество других].

Не отрицая плодотворности идей большинства предшественников, А.Смит утверждал, что «один лишь труд, стоимость которого никогда не меняется, является единственным и действительным мерилом, при помощи которого во все времена и во всех местах можно было расценивать и сравнивать стоимость всех товаров»[18] Это не противопоставляло его авторитетным экономистам того времени, когда все были согласны, что «потребности и обмен продуктами, возникающий в ответ на них, представляет собой принципы экономики, ее главные движущие силы и ограничители; труд и его организация всего лишь их следствия. Но внутри обмена мера, которая определяет его эквивалентность, имеет отличную от потребностей природу... Люди обмениваются, поскольку они имеют потребности; но порядок [актов] обмена, их последовательность и различия между ними выражены в той иерархии, которая установлена количеством труда, вложенного в объекты обмена»[19] Именно до тех пор, пока анализ стоимости оставался столь комплексным, политическая экономия развивалась как одна из социологических дис-

---

[17] См.: *Cantillon R.* Essai sur la nature du commerce en general. P., 1952. P 68-73; *Condillac E.-B., de.* Le commerce et le gouvernement // Oeuvres. T. IV. P., 1903. P 10; *Turgot A.-R.J.* Valeur et monnaie // Oeuvres complètes. T. III. P., 1845. P. 91-92.

[18] *Smith Ad.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. N.Y., 1937. P. 33.

[19] *Foucault M.* The Order of Things. An Archaeology of Human Sciences. N.Y., 1994. P. 224.

циплин, открывая широкие возможности для социального прогнозирования.

Преодоление этого подхода на протяжении XIX в[ека] связано с двумя параллельно развивавшимися процессами. С одной стороны, на фоне усилившейся идеологической борьбы, раскола ранее представлявшегося чем-то единым класса промышленников (industriels)[20] и оформившегося классового противостояния возникло более радикальное, нежели ранее, размежевание сторонников двух трактовок природы стоимости. С другой стороны, с развитием внутренней инфраструктуры капиталистического хозяйства проблема соотношения цен и стоимости становилась все более актуальной, и анализ прикладных законов движения цен все более доминировал над академическими исследованиями природы стоимости.

В этих условиях, основываясь на том, что признание полезности как фактора, обеспечивающего соизмеримость благ, не могло быть оспорено, некоторые экономисты стали [V, 53//54] выступать со все более и более жесткими формулировками (так, Ж.Б.Сей прямо писал, что «цена есть мера ценности вещей, а ценность есть мера полезности»[21]). Поиски, начатые в данном направлении, закономерно привели к обнаружению «постоянного мерила полезности вещей»[22] Во второй половине прошлого столетия авторы, традиционно относимые к австрийской школе в политической экономии {(К.Менгер, Е.Бем-Баверк, Ф.Визер и др.)}[[23]],

---

Выделение единого промышленного класса предложено в: *Saint-Simon Cl.H., de.* Du système industriel. P., 1821. P VIII и сл.

[21] *Say J.-B.* A Treatise on Political Economics. N.Y., 1971. P 62.

[22] *Cournot A.* Researches into the Mathematical Principles of the Theory of Wealth. N.Y 1960. P. 11.

[[23] Среди таковых следует особо отметить К.Менгера, Е.Бем-Баверка и Ф.Визера (наибольшее значение имеют работы: *Menger C.* Grundsätze der Volkswirthschaftslehre. Wien, 1871; *Boehm-Bawerk E., von.* Kapital und Kapitalzins. Wien, 1884; *Wieser F.* Ursprung und Hauptgesetze des wirtschaftlichen Wert. Wien, 1884).]

совершили радикальный теоретический переворот, рассмотрев «объективную меновую ценность» как своего рода «равнодействующую субъективных оценок»[24] как покупателей, так и продавцов. Подобная концепция и стала той основой, на которой экономисты-математики {(Г.Гессен, У.Джевонс, Л.Вальрас)} [[25]] сформулировали основные количественные принципы теории предельной полезности.

Эта теория сочетала в себе два фундаментальных постулата. С одной стороны, ее сторонники признавали, что *предельная полезность*, лежащая в основе соизмеримости благ, является категорией *субъективной*, определяемой на уровне индивидуального сознания; именно в силу этого, по словам К.Менгера, «объективно эквивалентных товаров не существует даже на данном конкретном рынке в данное время»[26] С другой стороны, любые предпочтения индивидов выявляются именно в той или иной конкретной ситуации, и люди, *субъективно* определяя полезность того или иного [блага], в результате en masse и создают ту *объективную* данность, которая становится движителем хозяйственных процессов и конституирует основу обмена; как пишет Л.Вальрас, «*редкость индивидуальна*, или *субъективна*; меновая стоимость *реальна*, или *объективна*»[27] Таким образом, не совсем правильно говорить о теории сторонников австрийской школы как о теории субъективной ценности; более верным казалось бы нам опре-

---

[24] *Бем-Баверк Е.* Основы теории ценности хозяйственных благ. Л., 1929. С. 116.

[[25] Среди них необходимо выделить Г.Госсена, У.Джевонса и Л.Вальраса с их фундаментальными работами: *Gossen H.H.* Entwicklung der Gesetzes des menschlichen Verkehrs und der daraus flissenden Regeln für menschlichen Handeln. Brunswick, 1854; *Jevons W.S.* Theory of Political Economy. L., 1871; *Walras L.* Éléments d'économie politique pure ou théorie de la richesse sociale. Part 1. P., 1874. Part 2. P., 1877.]

[26] *Menger C.* Principles of Economics.L., 1971.P.193.

[27] *Walras L.* Elements of Pure Economics. Philadelphia, 1984. P. 146.

деление ее в качестве концепции, предполагающей *субъективный источник (субъективную природу) стоимости*, а не саму *субъективную стоимость*.

В отличие от подобных теорий концепции «объективной» ценности в своем наиболее завершенном виде получили меньшее распространение.

Первый наиболее важный шаг в развитии этой традиции был сделан Д.Рикардо, отказавшимся от некоторых элементов теории А.Смита, согласно которым стоимость обусловливалась не только трудом и его затратами, но и некоторыми другими факторами производства[28], и указавшим, что стоимость самого труда определяется стоимостью условий, необходимых для воспроизводства самого работника[29]. Тем самым он вплотную приблизился к применению теории трудовой стоимости в самых специфических секторах рынка. Однако приверженцы этой теории не могли оставить без внимания роль полезностных факторов в определении пропорций обмена. Эти факторы заявляли о себе, с одной стороны, при рассмотрении проблемы монопольно редких благ, цены на которые не могут определяться затратами труда, с другой — вопроса о том, что любой товар, не обладающий полезностью, не имеет и рыночной оценки. Первое обстоятельство было отмечено самим Д.Рикардо[30], второе, пусть и не вполне удачно, стремились инкорпорировать в его теорию Дж.Милль[31] и Д.Р. Мак-Куллох[32].

[28 См.: *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 38, 52.]

[29 См.: *Ricardo D.* The Principles of Political Economy and Taxation. N.Y., 1973. P. 52.]

30 *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения // Сочинения. Т. 1, М., 1955. С. 34.

31 См.: *Mill J.* Elements of Political Economy. S.l., 1821.

32 См.: *McCulloch D.* The Principles of Political Economy, with a Sketch of the Rise and Progress of the Science. L.. 1825.

Следующим шагом стала концепция К.Маркса. Рассматривая стоимость как категорию развитого менового хозяйства, он определял ее как «овеществленный труд в его всеобщей *общественной* (курсив наш — *О.А., В.И.*) форме»[33] Предполагая, что в будущем рациональном обществе, где «потребление уже не будет определяться минимумом времени, необходимым для производства... количество времени, которое будут посвящать производству того или другого предмета, будет определяться степенью полезности этого предмета»[34], он в той или иной форме признавал, что потребности человека являются глубинной основой обменных пропорций, модифицированной в условиях буржуазного хозяйства законами капиталистического производства. [V, 54//55]

Широко известны не только мнение К.Маркса о том, что «стоимость каждого товара определяется... рабочим временем, *общественно* (курсив наш. — *О.А., В.И.*) необходимым для его производства»[35], но и его утверждение, согласно которому стоимость блага «определяется не тем необходимым рабочим временем, которое заключено в нем самом, а рабочим временем, общественно необходимым для его *воспроизводства* (курсив наш. — *О.А., В.И.*)»[36] «при данном состоянии общества, при данном общественно-среднем уровне интенсивности и искусности применяемого труда»[37]

Совершенство созданной основоположниками марксизма теории стоимости обусловливалось не столько подчеркнутым признанием объективной природы стоимости, сколько сочетанием в ее анализе объективных и субъективных сторон. И в этом случае, как в предыдущем, о трудовой теории не следует, на наш взгляд,

---

[33] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч[инения]. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 417.
[34] [Там же.] Т. 4. С. 97
[35] [Там же.] Т. 23. С. 198.
[36] [Там же.] Т. 25. Ч. I. С. 153.
[37] [Там же.] Т. 16. С. 127.

говорить как о теории объективной ценности. Правильнее было бы определять ее в качестве концепции, предполагающей *объективный источник (объективную природу) стоимости*, а не саму *объективную стоимость*.

Нельзя не отметить, что как марксистская, так и иные версии трудовой теории стоимости, потерпели поражение в своем противостоянии с полезностными концепциями[38] в значительной мере потому, что они *de facto стремились заместить трудовую теорию стоимости «стоимостной теорией труда»* [39] Ограничивая область их применения лишь капиталистическим сектором экономики, что особенно четко прослеживается на примере марксова анализа сферы услуг, *сторонники этого направления сами лишали себя возможности на равных конкурировать с концепцией, основанной на гораздо более универсальной «полезностной теории труда»*.

Разумеется, в таких условиях ни о каком естественном синтезе данных построений, столь важном для развития теории, не могло быть и речи. Между тем тотальный успех одного из направлений далеко не всегда приводит к его развитию. Занимая доминирующие позиции, концепция оказывается подобна злу, сущность которого, по словам св. Фомы Аквинского, «состоит в том, что вещь отступает от блага» и которое «разрушает самое себя, достигая своей целокупности»[40] Поэтому совершенно естественным представляется нам то, что с началом XX в[ека] в политической экономии наступили новые времена.

Согласно весьма широко распространенному сегодня мнению, «теория цен почти полностью оформилась в своем современном виде»[41] в 1890 г[оду], в работе А. Маршалла «Принципы экономической науки», основным

---

[38] Подробнее см.: *Foucault M.* The Order of Things. P. 24-25.

[39] См.. *Elson D.* The Value Theory of Labour // *Elson D.* (Ed.) The Representation of Labour in Capitalism. L., 1979. P. 7-49.

[40] *St. Thomas Aquinas.* Summa Theologiae. Part I. Qu. 4. Art. 1, 2.

мотивом которой стало отождествление стоимости и цены, сопровождаемое отказом от рассмотрения стоимости как самостоятельной категории. По словам автора, «меновая стоимость какой-либо вещи, выраженная в определенном месте и в определенный момент в единицах другой вещи, представляет собой количество единиц последней вещи, которое можно там и тогда получить в обмен на первую... понятие стоимости относительно и выражает отношение между двумя вещами в конкретном месте и в конкретное время»[42]

Усвоив этот казавшийся непогрешимым подход, экономическая наука на протяжении большей части нынешнего столетия акцентировала внимание на процессах образования цен, а не на поиске источника стоимости. Возможно, этому подходу суждено было остаться оптимальным и в новом тысячелетии, если бы не революционные перемены в производстве и потреблении, сделавшие конец XX в[ека] эпохой самой значительной технологической революции в истории человечества.

Альтернативный подход

Современная технологическая революция радикально изменила среду обитания людей. Она не только преобразила процессы производства и потребления, но обновила также мотивы человеческой активности и усовершенствовала критерии, которыми определялись основные потребности личности. В новых условиях, где существенной ревизии подверглись [V, 55//56] представления о рыночном хозяйстве, а силуэты возника-

[41] *Friedman M.* Essays in Positive Economics. Chicago, 1953. P 41-42.

[42] *Маршалл А.* Принципы экономической науки. Т. 1. М., 1993. С. 120.

ющего общества обрели далеко не традиционно-капиталистический характер, идеи преодоления или отрицания, устранения или уничтожения стоимости получили исключительно широкое распространение.

Это смещение приоритетов, однако, почти не затронуло собственно экономическую теорию, так как само понятие подрыва стоимостных отношений является нонсенсом в рамках economics, привычно оперирующей с ценами благ и не рассматривающей их глубинной природы. Между тем социологи и философы, психологи и футурологи, исследующие современные сдвиги в производстве и потреблении, зачастую предлагают весьма оригинальные теоретические решения. {В то же время они}, как правило, не стремятся ни усвоить подходов предшественников, ни привести собственную терминологию к некоему «общему знаменателю», что оборачивается невостребованностью и утратой многих важных теоретических положений.

Сегодня ясно, что упадок индустриального строя вызывает к жизни вопросы, бывшие актуальными и в эпоху его становления. Единство многих выдающихся экономистов — от И.Бентама до К.Маркса и от А.Смита до К.Менгера, — в признании поиска источника стоимости достойной исследователя задачей, убеждает в актуальности этой работы и в нынешних условиях. Ее важнейший аспект — упорядочение применяемой терминологии.

Говоря о стоимости, мы всегда сталкиваемся не с объектом, но с отношением, причем оно может проявляться как на субъективном, так и на объективном уровне, быть как внутренним, так и внешним, как внутриперсональным, так и социальным. Стоимость как *value* является более цельным и комплексным понятием, чем стоимость как *стоимость*, [так как в первом случае феномен *value* в той или иной мере присутствует везде, где имеет место процесс *evaluation*, а рамки такового весьма и весьма широки].

С этой точки зрения дихотомия понятий *стоимости* и *ценности*, отмечаемая в русскоязычной терминологии, с одной стороны, предоставляет более тонкий инструмент анализа, но, с другой, искусственно сужает рамки исследования. И отмечая заранее, что далее мы будем анализировать преодоление *стоимости*, а не *value*, остановимся вкратце на тех исторических и логических ступенях формирования стоимости, через которые невозможно перешагнуть, если мы действительно хотим понять "механику" и последовательность ее устранения.

Первым этапом формирования *value* как *ценности* был период становления производства как осознанного процесса. На этом уровне каждый субъект производства, движимый своими материальными потребностями, производил сравнительную оценку *потребности* в том или ином продукте и *усилий*, необходимых для его создания; по сути дела, сравнивались *эффект от потребления того или иного блага с эффектом от его не[-]производства*. Это идеальное действо представляется первым примером *evaluation*, и именно оно определяло, имеет ли тот или иной продукт *индивидуальную ценность*.

Мы считаем данное обстоятельство очень важным, так как стоимость, *проявляясь* в обмене, не *создается* таковым; «прежде чем одна вещь заменит другую в процессе обмена, они обе должны существовать и обладать *стоимостью* (курсив наш. — *О.А., В.И.*) ... как предшественницей обмена, как главным условием, без которого обмен не может иметь места»[43] Таким образом, *индивидуальная ценность* продукта, будучи непосредственным разрешением противоречия между потребностями и производством, является самой простой потенциальной формой стоимости, существующей в значительной степени даже *до процесса производства* и инициирующей его как свое собственное следствие.

---

[43] *Foucault M.* The Order of Things. P. 190.

Второй этап формирования стоимостных оценок связан с окончанием производственного процесса и обретением готового блага. На этом этапе гипотетические усилия, ранее соизмерявшиеся с индивидуальной потребностью в продукте, материализуются в *конкретном труде*, в то время как сама потребность может быть удовлетворена за счет созданного продукта, для обозначения которого с определенной степенью условности может быть применено понятие *потребительной ценности* (*use-value*).

Данный этап не предполагает того регулярного обмена, в котором стоимость может быть квантифицирована в ее классическом смысле; здесь лишь *потенциальная индивидуальная ценность* продукта превращается в его *актуальную*, но по-прежнему *индивидуальную, ценность*. Именно здесь возникают прецеденты обмена, в ходе осуществления которых ценность впервые выступает не только как *актуальная индивидуальная ценность*, но и как *актуальная интерперсональная ценность*.

Такое явление было названо многими исследователями *дарообменом*[44], и сегодня становится очевидным, что не только период гибели примитивных общин, но и современная нам [V, 56//57] экономика в значительной мере характеризуются подобным феноменом[45], на котором мы еще остановимся более подробно. Пока же

[44 Проблема дарообмена в архаических обществах рассмотрена в работах: *Eyre S.L.* The Evolution of Political Society. An Essay in Political Antropology. N.Y., 1967; *Gregory C.A.* Gifts and Commodities. Norwich, 1982; *Mauss M.* The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies. L., 1970; *Ernfors E.B., Ernfors R.F.* Archaic Economy and Modern Society. Uppsala, 1990; *Polanyi K.* Dahomey and the Slave Trade. An Analysis of Archaic Economy; *Berreman G.D.* (Ed.) Social Inequality. Comparative and Development Approaches. Berkeley (Ca.), 1981, и др.]

[45 См.: *Pinchot G., Pinchot E.* The Intelligent Organization. Engaging the Talent and Initiative of Everyone in the Workplace. San Francisco, 1996. P 270-272.

отметим, что характерным признаком подобной системы обмена является неподверженность его традиционной квантификации: уже *затраченный производителем конкретный труд* в этом случае противостоит его *потребности* в имеющемся у контрагента продукте, но не самому продукту как таковому; такой обмен служит именно *удовлетворению потребности*, но не *максимизации полезности*.

И только на *третьем* этапе *актуальная интерперсональная ценность* может быть признана тем, что традиционно считается *стоимостью*. В этой ситуации место конкретного труда, создающего благо как индивидуальный продукт, занимает *абстрактный труд*, формирующий результат производства как благо, получающее общественную оценку; в то же самое время потребительная ценность как характеристика, подтверждающая саму возможность применения того или иного продукта, замещается *полезностью*. Стоимость определяется теперь как *отношение воплощенного в благе абстрактного труда к его общественной полезности*.

Уже на этом этапе обнаруживаются наши расхождения с традиционной марксистской теорией. Во-первых, мы не следуем марксову противопоставлению меновой стоимости потребительной: первая является категорией только общественного хозяйства, тогда как вторая имеет смысл и в условиях индивидуального производства. Во-вторых, в рамках нашего подхода выглядела бы странной встречающаяся в марксизме дихотомия потребительной стоимости и стоимости, поскольку последняя представляет собой отношение, в отличие от первой, не выходящей за рамки объекта. В-третьих, категорию полезности, используемую в марксизме только в связи с рассмотрением цены производства, мы трактуем более широко, полагая, что она воздействует на сами основы стоимости, а не на ее количественную модификацию. В-четвертых, этапы становления стоимостного характера обмена, будучи исследованы не абст-

рактно-логически, а исторически, позволяют определить направления развития форм обмена в будущем обществе.

Рассматривая стоимость как преходящую категорию, свойственную лишь развитым формам товарного обмена, следует четко определить те параметры общества, которые вызывают стоимость к жизни и преодоление которых устраняет и сам стоимостной характер обмена. Представляется логичным, что такие параметры развиваются и изживаются как бы в двух разных ипостасях: мы имеем дело, с одной стороны, с характеристиками производства, с другой — с чертами потребления. При всей относительности их раздельного рассмотрения в современных условиях, мы все-таки считаем это необходимым для более последовательного анализа как самого феномена стоимости, так и направлений его преодоления.

Наш подход к стоимости как феномену, порожденному развертыванием противоречия между потребностями и производством, открывает возможность для обнаружения *первого* ограничивающего ее развитие фактора. Будучи объективизацией субъективных оценок, опосредующих активность человека как фактор *материального производства*, стоимостные отношения на любой стадии своего развития базируются на *материальной мотивации* субъектов производства.

Это положение сильно завуалировано в рамках марксистской доктрины, где в понятии use-value устранено какое бы то ни было отношение потребительной стоимости к *материальным* целям и потребностям человека. Говоря о том, что стоимость существует как атрибут общества, основанного на материалистической мотивации, мы вовсе не утверждаем, будто она ограничена материальным производством; мы лишь отмечаем, что *стоимостью обладают продукты, производители и потребители которых (даже если таковые воплощены в одном и том же субъекте) относятся к их со-*

зданию и потреблению как к средству удовлетворения своих материальных интересов.

Поэтому второй важный фактор, ограничивающий развитие стоимости, связан с *ролевой системой*, в которой человек способен отождествить себя с субъектом либо производства, либо потребления. Считая, что «абстрактный производитель — это человек, олицетворяющий меновую стоимость», а «абстрактный индивид (личность со своими потребностями) — это человек, олицетворяющий потребительную стоимость»[46], Ж. Бодрийяр допускает существенное упрощение ситуации, однако сам подобный подход кажется нам верным в том отношении, что, хотя производство и потребление, приводящие к формированию стоимостной [V, 57//58] или протостоимостной оценки, могут сочетаться в человеке *как едином субъекте, способном к разной деятельности*, они не могут быть сочетаемы в нем *как в субъекте одной определенной активности.* Мы имеем в виду, что стоимостные оценки в любых их формах отражают *противостояние,* а не *взаимопроникновение* производства и потребления и не могут быть использованы по отношению к процессу, производительная и потребительская стороны которого не разделены самим его субъектом.

Данные два фактора отражают то не учитываемое в марксизме обстоятельство, что стоимостные оценки, сформировавшиеся на некотором уровне социализации и объективизации индивидуальных интересов и мотивов, могут быть преодолены посредством их прогрессирующих де[-]социализации и де[-]объективизации в условиях становления постэкономического общества. Подобные процессы {, на наш взгляд,} и являются теми реальными причинами, под воздействием которых отношения стоимости и основанное на них

---

[46] *Baudrillard J.* For a Critique of the Political Economy of the Sign // Selected Writings. Cambridge, 1996. P 66.

современное товарное производство могут претерпеть преобразования, выводящие их за рамки не только буржуазного, но и индустриального {типов} социума.

Между тем необходимо остановиться также и на более конкретных моментах, характеризующих те формы производства и потребления, которые вызывают к жизни [и] поддерживают существование традиционных стоимостных отношений.

Обращаясь к производству, следует, наряду с доминирующей материальной мотивацией его субъектов, обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, абстрактный труд, воплощающийся в благе, обладающем стоимостной оценкой, должен обладать свойством, которое в марксизме было рассмотрено как признак редуцируемости; при этом, на наш взгляд, важно не столько искать формулы сведения разных видов труда к «простому» труду, что предлагал К.Маркс, сколько сосредоточиться на повторяемости данного трудового процесса в иных пространственно-временных условиях. Если такая повторяемость имеет место, квантифицируемость затрат труда не вызывает сомнений и соответствующий продукт может быть воспроизведен, а отношение абстрактного труда, затрачиваемого на подобное воспроизводство, к общественной полезности данного блага определит его стоимость.

Во-вторых, прочие факторы, используемые в производственном процессе, также должны вовлекаться в него как воспроизводимые ресурсы, обладающие достаточно определенными общественными оценками. В этом случае мы сталкиваемся с феноменом *естественной* редкости, на котором остановимся подробнее при анализе трансформаций стоимостных отношений под воздействием прогресса современного производства.

Процессы потребления также становятся все более сложными и все менее обусловленными материальной стороной жизни. Чтобы потребление тех или иных благ вызывало отношение к ним как к «квантифицируемым

полезностям», должны соблюдаться два основных условия. С одной стороны, потребности должны быть воспроизводящимися, как должно быть воспроизводящимся и производство соответствующих продуктов. Этот вопрос следует рассматривать исключительно на социальном уровне, так как, хотя некоторые потребности воспроизводятся на личностном уровне *постоянно* (например, потребности в пище, одежде, и т.д.), а некоторые характеризуются своего рода *дискретностью* (как потребность в воздвижении надгробного монумента), и те и другие могут быть признаны совершенно равными и идентичными en masse.

С другой стороны, полезность отражает развивающиеся материальные потребности, характеризуя одну из сторон противоречия между производством и потреблением, а именно ту, которая может быть названа *потребностями (needs)*. Выходя за пределы, определяемые рациональными материальными потребностями, стремления человека смещаются от needs к *желаниям (wants*, или *desires*[47]*)*; объекты таких желаний характеризуются уже не потребительной стоимостью, а тем, что многие современные авторы стремятся квалифицировать как символические ценности (sign values[48]), отмечая тем самым нетрадиционный характер потребления ряда благ и полагая, что экспансия такого потребления должна означать не что иное, как «извращение политической экономии»[49]

Не присоединяясь к столь решительным заявлениям, отметим, что сама проблема безусловно существует и ее присутствие лишь служит дополнительным

---

[47] См.: *Baudrillard J.* Consumer Society // Selected Writings. P. 45.

[48] См.: *Bertens H.* The Idea of the Postmodern: A History. L., 1995. P. 147-148*; Best S., Kellner D.* Postmodern Theory: Critical Interrogations. Houndmills-L., 1991. P. 114-115, и др.

[49] *Baudrillard J.* In the Shadow of the Silent Majorities or, The End of the Social. N.Y., 1988. P. 45.

свидетельством того, что стоимость как категория традиционного рыночного хозяйства модифицируется сегодня под влиянием большого количества разнообразных факторов. [V, 58//59]

[Завершая первую из трех заявленных статей, еще раз отметим, что] предлагаемый нами «ограничительный», если его можно так назвать, подход к стоимости представляется оптимальным в силу того, что в условиях становления постэкономической социальной системы, необходимо прежде всего исследовать источники тех хозяйственных и общественных трансформаций, которые составят само содержание жизни ближайших поколений, а не стремиться объявить таковые несущественными, а принципиальные основы рыночной экономики — вечными и нерушимыми.

[Подчеркнем при этом, что] в той же степени, в какой процесс становления и прогрессивного развития стоимостных оценок и отношений был идентичен процессу становления и развития общественного производства и протекал параллельно с процессом *социализации* производителей, деструкция этих отношений обусловлена прежде всего *индивидуализацией* человека в его качестве как производителя, так и потребителя, имманентно присущей нашей эпохе. Та революция, которую многие ожидали как *социальную революцию*, проявляется как *революция де[-]социализации*, затрагивающей все стороны жизни людей. В этих условиях стоимость как явление, присущее хозяйству, основанному на производстве воспроизводимых материальных благ и предполагающему утилитарную мотивацию человеческой жизнедеятельности, устраняется столь радикально, как того не предполагали революционеры прошлых десятилетий. [V, 59]

Статья вторая

Абстрактный труд и издержки: деструкция стоимости со стороны производства

[VI, 48] [В течение долгих веков сфера производства оставалась тем «царством необходимости», которое в полной мере отражало господство внешнего мира над человеком.] Противопоставив себя природе, человек на протяжении столетий занимался ее «покорением», чтобы в {нашу} эпоху [,ознаменованную,] казалось бы, его полным торжеством, осознать необходимость не *подчинять себе внешний мир*, а *подчиняться своей внутренней природе*. [Модернизируя методы и формы создания матéриальных благ, он обнаруживает, что целью и ориентиром его развития является не вещное богатство, а совершенствование сущности, позволившей св. Фоме Аквинскому определить людей как пограничных между природой и Господом существ[50] Однако прошедшие века не оказались напрасными, ибо без них мечты человека о развитии собственной личности остались бы столь иллюзорными, как и стремление выйти за рамки материального производства.] Именно технологическое развитие, особенно радикальное в последние десятилетия, обеспечило необходимые и достаточные предпосылки для изменения системы человеческой мотивации, параллельно с совершенствованием которой происходило и формирование условий для преодоления [стоимостных отношений] {такой фундаментальной экономической категории как стоимость}.

Рассматривая сферу производства, мы сталкиваемся как с материальными, так и с нематериальными

[[50] См.: *St. Thomas Aquinas.* Summa theologiae. Prima parte. Qu. 12. Art. 12; Qu. 14. Art.12; *St. Thomas Aquinas.* Summa contra gentiles, III, 22.]

предпосылками преодоления стоимостных отношений. Основная из материальных предпосылок связана с утратой возможности квантификации издержек в результате распространения нередуцируемой к простому труду деятельности [как главного фактора современного хозяйства]. Нематериальные предпосылки проявляются в мотивации деятельности человека, стирающей грань между свободным и рабочим временем, между активностью по необходимости и деятельностью, порождаемой стремлением к самосовершенствованию. Мир [современного] человека как субъекта производства уже не противостоит его самосознанию как потребителя или как свободно развивающейся личности; такая трансформация обусловлена в первую очередь структурой общественного хозяйства, новым соотношением прежних и [современных], ранее неизвестных факторов производства.

Становление новой структуры общественного производства

Хозяйственная история XX века — это история выхода человечества за пределы индустриального строя в частности и материального производства в целом. Решительное ускорение в динамике этого сложного процесса и перегруппировка его движущих сил пришлись на последнюю треть нашего столетия, ознаменовав собой начало самой [VI, 48//49] большой из пережитых человечеством социальных революций и начало конца {привычных} стоимостных отношений.

С конца XIX столетия в экономике наиболее развитых стран [вполне четко] стала проявляться тенденция сокращения доли материального производства в целом и его наиболее примитивных форм в частности. Так,

если в США в 1869 г[оду] около 40 проц[ентов] валового национального продукта создавалось в сельском хозяйстве, то в 1918 г[оду] этот показатель снизился до 14 проц[ентов], а сегодня составляет не более 1,4[51]. Еще более очевидны изменения в структуре занятости: если в середине прошлого столетия до 60 проц[ентов] рабочей силы было занято в аграрном секторе, то ныне этот показатель не превосходит 2,7 проц[ента[52]]. [Развернувшиеся в американской экономике в межвоенные годы процессы по окончании Второй мировой войны проявились и в европейских странах:] в Германии и Франции с 1960 по 1991 год доля занятых в сельском хозяйстве уменьшилась с 14,0 до 3,4 и с 23,2 до 5,8 проц[ента[53]]; в добывающих отраслях, доля которых в валовом национальном продукте стран ЕС сегодня не превышает 3 проц[ентов[54]], занятость сократилась более чем на 12 проц[ентов[55]] только за последние пять лет.

Однако подобные [легко прослеживаемые] тенденции наблюдались [до середины 70-х годов] лишь во взаимной динамике первичных секторов хозяйства и сферы услуг. Затем промышленное производство оставалось фактически на одних и тех же позициях как по числу занятых, так и по доле в валовом национальном продукте, составлявшей от 21 до 23 проц[ентов] в США[56] и около 20 проц[ентов] в странах ЕС[57]; в начале 90-х г[одов] суммарная доля как первичного, так и вторичного секторов в постиндустриальных дер-

---

[51 См.: *Stewart T.A.* Intellectual Capital. The New Wealth of Organizations. N.Y., 1997. P. 8-9.]

[52 См.: *Rifkin J.* The End of Work. N.Y., 1995. P. 110.]

[53 См.: *Stehr N.* Knowledge Societies. L.-Thousand Oaks, 1994. P. 75.]

[54 См.: Panorama of EU Industry. Brussels-Luxembourg, 1997. Vol. 1. P. 1-2—1-6; 2-2—2-3.]

[55 См.: Panorama of EU Industry. Vol. 1. P. 2-3.]

[56 См.: *Stehr N.* Knowledge Societies. P. 75, 130.]

[57 См.: *Lash S., Urry J.* Economies of Signs and Space. L.-Thousand Oaks, 1994. P. 194.]

жавах стабилизировалась на уровне 30-32 проц[ентов] их валового национального продукта[58], а занятость в них колеблется в пределах 25-30 проц[ентов] общей рабочей силы этих стран. Масштабы же сферы услуг постоянно росли: [составив более половины ВНП США в середине 50-х годов], третичный сектор обеспечивает сегодня более 73 проц[ентов[59]]; в ЕС на его долю приходится около 63 проц[ентов] ВВП и 62 проц[ента] от числа занятых, а для Японии данные цифры составляют 59 и 56 проц[ентов][60]

Однако развитие сферы услуг, которое имело место до середины 70-х г[одов], не дает, на наш взгляд, возможности говорить о нем как о непосредственной материальной предпосылке преодоления стоимостных отношений. В тот период третичный сектор развивался не столько за счет новых факторов производства, сколько в связи с сокращением спроса на продукцию первичных отраслей. В таких условиях стал происходить быстрый переток труда и капитала в сферу торговли, обслуживания, общественного питания и другие подотрасли сферы услуг, где могли быть использованы не отличавшиеся высокой квалификацией бывшие работники традиционных отраслей промышленности и сельские жители.

Эта ситуация отражается и в статистике: несмотря на то что в сферу услуг включаются такие отрасли, как образование, здравоохранение, финансовые услуги и т.д., требующие высокой квалификации и характеризующиеся высокими производственными результата-

---

[58] Доля промышленного производства в конце 80-х г[одов] составляла в ВНП Франции 28,7 процента, тогда как соответствующие показатели для США и Великобритании достигали 29,2 и 30,0 процента (см.: *McRae H.* The World in 2020. Power, Culture and Prosperity: A Vision of the Future. L., 1995. P. 11).

[[59] См.: Handbook of International Trade and Development Statistics, United Nations Conference on Trade and Development, 1993. P. 446.]

[60] См.: L'Europe en chiffres. Paris, 1995. P. 318.

ми, средняя производительность работников третичного сектора снижается. Если в 1960 г[оду] в США она составляла 77,5 проц[ента] аналогичного показателя в промышленности, то в 1992 г[оду] опустилась до уровня ниже 70 проц[ентов], и темп нарастания разрыва становится все быстрее[61]

На наш взгляд, эти и некоторые иные данные свидетельствуют, что тот этап трансформации структуры производства, который завершился к концу 70-х г[одов], был этапом преобразований, управляемых *потребительскими предпочтениями.* Они заключались в стремлении людей к максимизации и совершенствованию потребления даже ценой использования гигантских ресурсов в отраслях, не обнаруживавших высокой производительности.

[С середины 70-х годов начался новый этап, принципиально иной характер которого обусловил проявление целого ряда очевидных признаков кризиса традиционных стоимостных оценок.] Основными [легко наблюдаемыми] чертами этого периода стали, с одной стороны, абсолютное сокращение занятости во всех [VI, 49//50] отраслях промышленности, и, с другой стороны, быстрое ускорение роста тех секторов сферы услуг, которые могут быть отнесены к так называемой «информационной» составляющей общественного хозяйства.

Первый из отмеченных процессов принимает различные [, иногда более, а иногда менее заметные] формы. Наиболее очевиден тот факт, что в 70-е г[оды] во всех развитых постиндустриальных странах относи-

---

[61] Рассчитано по: Statistical Abstract of the United States. 1980. P. 441; Statistical Abstract of the United States. 1982-1983. P. 394; Statistical Abstract of the United States. 1986. P. 410, 433; Statistical Abstract of the United States. 1989. P. 422; Statistical Abstract of the United States. 1992. P. 403; Statistical Abstract of the United States. 1994. P. 447; Statistical Abstract of the United States. 1995. P. 424, 452.

тельно одновременно (в ФРГ с 1972 г[ода], во Франции с 1975-го [62], а в США — с 1979-го) началось абсолютное сокращение занятости в промышленности. Только между 1980 и 1994 г[одами] в США такое сокращение превысило 11 проц[ентов[63]]. Не столь очевидными оставались то обстоятельство, что еще более быстрыми темпами снижалось количество работников, непосредственно занятых в производственных операциях (их доля в рабочей силе США в начале 80-х г[одов] составляла чуть более 12 проц[ентов[64]], а в начале 90-х опустилась до уровня менее 10[[65]]), а также то, что такое снижение тем выраженнее, чем масштабнее само производство (как показали расчеты Т.Сакайи, на промышленных предприятиях, применяющих труд более ста работников, непосредственно производственными операциями заняты не более 60 проц[ентов] персонала, и этот показатель падает до 55 проц[ентов] на предприятиях с числом занятых более тысячи[66]). Отсюда следует, что вторичный сектор становится производителем не столько материальных благ, сколько информации и технологий, и это радикально меняет как направления, так и структуру потоков материальных благ и услуг.

Другой процесс непосредственно связан с развитием "информационной экономики" Это понятие возникло в конце 50-х г[одов], и уже в начале следующего

[62 См.: *Forse M., Langlois S.* (Eds.) Tendances comparées des sociétés post-industrielles. P., 1995. P. 72, 73.]

[63 См.: Statistical Abstract of the United States. 1982-1983. P. 394; Statistical Abstract of the United States. 1986. P. 410; Statistical Abstract of the United States. 1992. P 403; Statistical Abstract of the United States. 1995. P. 424.]

[64 См.: *Naisbitt J.* Megatrends. The New Directions, Transforming Our Lives. N.Y., 1984. P. 5.]

[65 См.: *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution, or a History of the Future. N.Y.-Tokyo, 1991. P. 240.]

66 См.: Ibid. P. 239.

десятилетия некоторые авторы оценивали долю «knowledge industries» в валовом национальном продукте США в пределах от 29 [67] до 34,5 [68] проц[ента]. При всей условности подобных подсчетов нельзя не видеть двух тенденций, меняющих лицо современного производства.

Во-первых, в течение последних 25 лет наиболее «знаниеемкие» отрасли сферы услуг (часто выделяемые в так называемые «четвертичный» и «пятеричный» сектора и включающие в себя здравоохранение, образование, исследовательские разработки, финансы и страхование и так далее) обнаруживали самые высокие темпы роста занятости (так, в середине 90-х годов только в бизнес-услугах в США было занято 6 млн. чел.[69] — почти столько же, сколько во всей строительной индустрии, применявшей немногим более 7 млн. работников[70]).

Во-вторых, началось формирование отраслей, специфическим образом сочетающих формы материального производства и услуги на базе использования высоких технологий. Речь идет прежде всего о производстве программных продуктов и телекоммуникационных услугах. В 1994 г[оду] информационные услуги обеспечили около 10 проц[ентов] внешнеторгового оборота развитых стран[71]. Объем этого рынка достигает почти 400 млрд. долл., из которых на долю Соединенных Штатов приходится 41 проц[ент[72]], а сумма продаж информационных услуг и услуг по обработке данных

[67 См.: *Bell D.* Sociological Journeys. Essays 1960—1980. L., 1980. P. 151-152.]

[68 См.: *Stewart T.A.* Intellectual Capital. P. 11.]

[69 См.: OECD Economic Surveys. United States. N.Y., 1996. P. 85-87.]

[70 См.: OCDE Statistiques de la population active 1974—1994. P., 1996. P. 95.]

[71 См.: World Economic and Social Survey 1996. P. 279.]

[72 См.: OECD Communications Outlook 1995. P., 1995. P. 22.]

составила в 1995 году 95 млрд. долл.[73], три четверти которых также приходятся на долю США[74] Подобные примеры можно продолжить.

Данный этап модернизации структуры общественного производства существенно отличается от предшествующего. На этот раз источник развития сферы услуг связан не столько с изменяющимися приоритетами потребителей, сколько с перестраивающимися *потребностями самого производства.* Сдвиги последних десятилетий отражают радикальные изменения не только в соотношении факторов производства, но в характере деятельности и мотивации его субъектов.

Таким образом, мы наблюдаем две ступени совершенствования структуры общественного хозяйства и, соответственно, развития стоимостных отношений. Первая знаменует собой достижение экономикой, основанной на стоимостных оценках, предела ее внутренних возможностей: с распространением принципов воспроизводимости и мас[VI, 50//51]совости на большинство потребительских услуг индустриальный тип хозяйства доказал свою способность ответить и на этот вызов со стороны потребителей. Вторая ступень, сменившая первую без серьезных внешних потрясений, знаменует преодоление индустриальной модели, которая продемонстрировала здесь всю иллюзорность своих возможностей: будучи способной отвечать на запросы человека-потребителя, она не в состоянии столь же адекватно удовлетворять потребности человека как творческого субъекта.

Подняв потребление до определенного уровня, индустриальный тип производства утратил источник своего дальнейшего развития. Именно в этих условиях появились две предпосылки для преодоления тра-

---

[73 См.: World Economic and Social Survey 1996. P. 283.]

[74 См.: *Barksdale J.* Washington May Crash the Internet Economy // Wall Street Journal Europe. 1997. October 2. P. 8.]

диционной роли стоимости: во-первых, информация и знания обрели роль важнейших производственных факторов и, во-вторых, стремление людей к их усвоению заменило присвоение материальных благ в качестве основного непосредственного мотива продуктивной деятельности.

Факторы современного экономического прогресса

Технологическая революция конца XX века отличается от прежних переворотов в системе хозяйства не столько новым сочетанием факторов производства, сколько возникновением нового, ранее неизвестного условия экономического прогресса — условия, не только неотделимого от человека как субъекта *труда*, но и невоспроизводимого в той мере, в какой невоспроизводим человек как субъект *творчества*. Это [—] центральный пункт проблемы преодоления стоимостных отношений, но прежде чем приступить к его рассмотрению, коснемся вопроса о месте и роли традиционных хозяйственных факторов, а также тех характеристик информации и знаний, которые делают их уникальным условием современного производства.

[Роль традиционных и новых производственных факторов]

Издержки производства традиционно рассматривались как важнейший компонент, конституирующий денежные оценки благ со стороны производства. В соответствии с этим экономисты никогда не пренебрегали анализом соотношения и взаимодействия *факторов производства*, определяющих уровень развитости хозяйст-

венной системы. Между тем любая беспристрастная оценка современного положения дел неизбежно имеет своим результатом не столько обнаружение новой композиции естественных ресурсов, труда и капитала, сколько признание того, что все они не могут оцениваться сегодня иначе, как второстепенные.

Рассмотренное в предыдущем разделе сокращение роли первичного сектора в современной экономике свидетельствует о том, в какой степени использование *земель* и спрос на *естественные ресурсы* испытали на себе технологические изменения последних десятилетий. Еще раз обратим внимание на то, что наиболее радикальные сдвиги сопровождали переход от первого этапа совершенствования производственной структуры ко второму. Именно с середины 70-х г[одов] наиболее активно идет процесс формирования основ экономики «нелимитированных ресурсов»[75], безграничность которых обусловлена не масштабом их добычи, а сокращением потребностей в них[76]. С 1973 по 1985 г[од] валовой национальный продукт [пост]индустриальных стран увеличился на 32 проц[ента], а потребление энергии — на 5 [процентов] [77]; только между 1975 и 1987 г[одами] при росте валового продукта более чем на 25 проц[ентов] американское сельское хозяйство сократило потребление энергии в 1,65 раза[78].

Сокращение потребностей в материалах и сырье также не менее значительно. При выросшем в 2,5 раза национальном продукте США используют сегодня

[75 См.: *Pilzer P.Z.* Unlimited Wealth. N.Y., 1990. P. 1-2.]

[76 См.: *Gore A.* Earth in the Balance: Forging a New Common Purpose. L., 1992. P 331.]

[77 См.: *McRae H.* The World in 2020. Power, Culture and Prosperity: A Vision of the Future. P 132.]

[78 См.: *Cleveland C.J.* Natural Resource Scarcity and Economic Growth Revisited: Economic and Biophysical Perspectives // *Costanza R.* (Ed.) Ecological Economics. The Science and Management of Sustainability. N.Y., 1991. P. 308-309.]

меньше черных металлов, чем в 1960 г[оду[79]]; с 1973 по 1986 г[од] потребление бензина средним новым американским автомобилем снизилось с 17,8 до 8,7 л/100 км[[80]], а доля материалов в стоимости микропроцессоров не превышает 2 проц[ентов[81]]. С каждым годом технологии позволяют не только использовать лимитированные природные ресурсы все более экономно, но и в ряде случаев [вообще отказываться от их применения,] заменяя их воспроизводимыми синтетическими материалами. В результате перспектива исчерпаемости ресурсов, казавшаяся весьма близкой, сегодня стала гораздо более отдаленной[[82]], а цены на сырье, только в первом по[VI, 51//52]лугодии 1997 г[ода] сократившиеся на 16 проц[ентов] в годовом исчислении[[83]], находятся на более низком уровне, чем когда-либо прежде.

[Не менее драматически обстоит дело и с другим важнейшим фактором производства — *трудом*]. Наиболее принципиальное значение имеет не сокращение занятости в промышленности и первичном секторе, и даже не тот факт, что в начале 90-х г[одов] американское промышленное производство обеспечивалось лишь 40 проц[ентами] того количества «синих воротничков», которое использовалось пятнадцатью годами раньше[84]; эти явления в значительной мере компенсируются ростом занятости в сфере услуг. Подлинными свидетельствами того, в какой степени «промышленность отделяется от

[[79] См.: *Thurow L.* Head to Head. The Coming Economic Battle Among Japan, Europe, and America. N.Y., 1993. P. 41.]

[[80] См.: *Weizsäcker E., von, Lovins A.B., Lovins L.H.* Factor Four: Doubling Wealth — Halving Resource Use. The New Report to the Club of Rome. L., 1997. P. 4-5.]

[[81] См.: *Drucker P.F.* The New Realities. Oxford, 1996. P. 116.]

[[82] См.: *Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J.* Beyond the Limits: Global Collapse or a Sustainable Future? L., 1992. P. 67, 67-68.]

[[83] См.: Wall Street Journal Europe. 1997. July 14. P. 2.]

[[84] См.: *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. N.Y., 1993. P. 72.]

труда"[85], служат, с одной стороны, разнонаправленная динамика прибыли компаний и заработной платы большинства их работников[86] и, с другой стороны, тенденция к снижению доходов низкоквалифицированного персонала и росту благосостояния выпускников колледжей[87 — закономерности, возникшие совсем недавно, однако позволяющие считать, что «*от этих тенденций не будет возврата назад*»[88]. Это означает, что человек во все большей степени выступает сегодня не *как субъект редуцируемой к абстрактному труду деятельности*, а *как носитель уникальных способностей,* процесс использования которых не может быть назван трудом в традиционном значении данного термина.

Капитал сталкивается с не менее радикальным вызовом, бросаемым ему технологическим прогрессом. В условиях {информационной революции} [, когда с 1980 по 1995 г[од] объем памяти стандартного персонального компьютера вырос более чем в 250 раз[89], его цена из расчета на единицу памяти жесткого диска снизилась между 1983 и 1995 г[одами] более чем в 1 800 раз[90], а затраты на копирование информации уменьшились почти в 600 раз только за последние 15 лет], условия производства, ранее монополизированные капиталистическим классом, *стали доступны каждому работнику, способному обеспечить им адекватное применение.* В результате тенденция к отделению капитала от труда заменяется противоположной, [91] а *капитал* либо уступает место *организации* людей, принадлежа-

---

[85 *Drucker P.* The New Realities. P. 117.]

[86 См.: *Weizsäcker E., von, Lovins A.B., Lovins L.H.* Factor Four. P. 279.]

[87 См.: *Reich R.B.* The Work of Nations. N.Y., 1992. P. 205-206; *Winslow Ch.D., Bramer W.L.* FutureWork. Putting Knowledge to Work in the Knowledge Economy. N.Y., 1994. P. 230.]

[88 *Winslow Ch.D., Bramer W.L.* FutureWork. P. 230.]

[89 См.: *Forester T.* High-Tech Society. Cambridge (Ma.), 1988. P. 2.]

[90 См.: *Gates B.* The Road Ahead. N.Y.-L., 1996. P. 36.]

[91 *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution. P. 270.]

щих скорее к когнитариату[92], либо *открывает простор для индивидуальной деятельности*, субъекты которой во все большей мере становятся подлинно независимыми от крупных корпораций[93].

История развития форм производства дает урок, который не усвоили [(и не могли усвоить!)] революционеры XIX века. То, что в течение последнего тысячелетия миром экономики управляли два основных ресурса — *земля и капитал,* — было столь же не случайно, как и то, что этим миром никогда не управлял *труд.* Ни земля, ни капитал не несли в себе той воспроизводимой природы, какую имел труд. И земля, и капитал были конечны и ограниченны, в то время как труд во все времена имелся в избытке и был самым доступным хозяйственным ресурсом. Именно поэтому сегодня субъекты *труда* остаются в стороне от магистрального направления прогресса [, как бы ни хотелось марксистам обосновать противоположное]. Так же как в свое время капитал заменил землю в качестве ресурса, привлекавшего наибольший спрос при ограниченном предложении, так и сегодня «знания, будучи *редким* (курсив наш. — *О.А., В.И.*) производственным фактором, заменяют капитал»[94], причем ограниченность и редкость знаний являются ограниченностью и редкостью совершенно иного порядка, нежели у всех ранее известных ресурсов.

Информация и знания, понимаемые не как субстанция, воплощенная в производственных процессах или

[92 См.: *Toffler A., Toffler H.* Creating a New Civilization: The Politics of the Third Wave. Atlanta, 1994. P. 55.]

[93 Так, в США к 1995 году в домашних условиях работали более 20,7 млн. автономных специалистов и предпринимателей (см.: *Naisbitt J., Aburdene P.* Megatrends 2000. Ten New Directions For the 1990's. N.Y., 1990. P. 331), что показывает масштабы распространения феномена, описанного О.Тоффлером в концепции «электронного коттеджа» (см.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 204-205.)]

[94 *Geus A., de.* The Living Company. Boston (Ma.), 1997. P. 18.]

средствах производства [(knowledge embodied in machines)], а уже как непосредственная производительная сила [(immediately productive force)[95]], становятся важнейшим фактором современного хозяйства. Производящие знания и информационные продукты отрасли, традиционно относимые к «четвертичному» или «пятеричному» секторам экономики, ныне становятся первичным [(«primary», пользуясь терминологией М.Пората[96])] сектором, «снабжающим хозяйство наиболее существенным и важным ресурсом производства»[[97]].

Говоря о важности этого ресурса, сегодня мы имеем в виду не сугубо качественную характеристику; [речь идет не столько о том, что не избыток или недостаток сырьевых ресурсов, труда или капитала, а «концепции, которые люди держат в своих головах, и качество доступной им информации определяют успех или неудачу предприятия»[98],] сколько о том, что информационные издержки, как ранее затраты труда или капитала, становятся основными и в чисто количественном аспекте. В 1991 г[оду] в США [впервые] расходы на приобретение информации и информационных технологий, составившие 112 млрд. долл., стали больше затрат на приобретение производственных технологий и основных фондов, не превысивших 107 млрд. долл. [[99]]. Рост значения информации настолько стремителен, что к началу 1995 г[ода] в американской экономике «при помощи информации производилось *около трех четвертей добавлен-*

[[95] См.: *Stehr N.* Knowledge Societies.. P. 101.]

[[96] См.: *Porat M.U.* The Information Economy: Definition and Measurement. US Dept. of Commerce. Wash., 1977.]

[[97] *Drucker P.F.* The Age of Discontinuity. Guidelines to Our Changing Society. New Brunswick (US)-London, 1994. P. 264.]

[[98] *Stonier T.* The Wealth of Information. A Profile of the Post-Industrial Economy. L., 1983. P. 17.]

[[99] См.: *Stewart T.A.* Intellectual Capital. P. 20-21.]

ной стоимости (курсив наш. — *О.А., В.И.*), создаваемой в промышленности»[100] [VI, 52//53]

Экспансия информации и знаний в качестве основного производственного ресурса представляется нам первым направлением преодоления стоимостных отношений. Знания имеют свойства, резко выделяющие их из других факторов производства: в них противоречиво сочетаются подлинная безграничность с редкостью высшего уровня, объективный характер с беспрецедентным субъективизмом, невоспроизводимость с тиражируемостью; неэкономическая мотивация их обретения вызывает очевидные и вполне экономические по своей сути последствия.

[Свойства информации и знаний как фактора производства]

Системные исследования информации проводились еще в первой половине столетия, однако ее оценки как фактора производства начались в середине 50-х г[одов] По мере развертывания технологической революции внимание к этому кругу вопросов все более обострялось, и со второй половины 70-х многие ученые заговорили о становлении «информационного» общества как о некоей данности. Не будем останавливаться сейчас на вопросе об обоснованности самого термина. Отметим лишь, что, говоря об информации как о факторе производства, имеем в виду не простую совокупность сведений и данных, а возможности, непосредственно воплощенные в человеке, владеющем соответствующими методами и знаниями. Что же касается роли и значения информационной революции, то они заключены главным образом в том, что преодоле-

---

[100] *Stewart T.A.* Intellectual Capital. P. 14.

но характерное для экономического общества разделение знаний (knowledge) и умений (skills)[101], а усвоение и применение кодифицированной информации стало одним из основных видов и направлений человеческой активности.

Информация и знания всегда использовались в производстве, но именно сегодня, когда они заняли доминирующее место в организации национального хозяйства, становится понятной мера их исключительности. Уникальность информации как производственного фактора обусловлена заключенной в ней *дихотомией распространенности и редкости, неисчерпаемости и конечности.* Ни одно из ранее известных условий производства не отличалось подобным сочетанием соответствующих свойств и характеристик. Тому, что информация не имеет свойства *редкости*, есть несколько причин.

Во-первых, хотя в товарном хозяйстве информация может выступать объектом собственности и обмена, и в этом качестве ее распространение может ограничиваться и осуществляться на условиях, определяемых правами собственности [на нее[102]], это относится лишь к достаточно специфическим ее видам и оставляет широкие возможности для распространения информации, на основе которой генерируются новые знания[103]. При этом само право собственности на информацию

[101 Подробнее об этом феномене см.: *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. P. 27.]

[102 Характерно, что авторское право начало формироваться в Европе с середины XV века, во времена, когда еще не были законодательно закреплены многие права третьего сословия (см.: *Machlup F.* Knowledge: Its Creation, Distribution, and Economic Significance. Vol. 3: The Economics of Information and Human Capital. Princeton (NJ), 1984. P. 159).]

[103 См.: *Mulgan G.J.* Communication and Control: Networks and the New Economics of Communications. Oxford, 1991. P. 174.]

не только не противоречит возможности ее максимального распространения, но предполагает таковое как источник дохода владельца этого права.

Во-вторых, потребление информации тождественно формированию нового знания. [Как отмечают многие исследователи,] «знания расширяются и саморегулируются... они наращиваются по мере использования. Таким образом, в экономике знаний редкость ресурсов заменена на их распространенность»[104] В этом контексте очевидно, что распространение информации тождественно ее самовозрастанию, исключающему применение к этому феномену понятия редкости.

В-третьих, к информации не может быть применена такая характеристика, как потребляемость в традиционном смысле данного термина. Использование информации приводит к появлению новой информации и нового знания, не препятствуя другим членам общества [синхронно] применять ее для собственных целей. Информация «долговечна и сохраняет стоимость после использования... Знания... могут быть использованы не только личностью, достигшей их, но и теми, кто ознакомился с составляющей их информацией»[105]

Наконец, *в-четвертых*, современная технологическая революция сделала информацию наиболее легко тиражируемым благом, создание дополнительного количества [VI, 53//54] которого требует издержек, стремящихся к нулю и возлагаемых в большинстве случаев на самого ее потребителя[[106]].

---

[104] *Crawford R.* In the Era of Human Capital. The Emergence of Talent, Intelligence, and Knowledge as the Worldwide Economic Force and What it Means to Managers and Investors. L.-N.Y., 1991. P. 11.

[105] *Nicholson W.* Microeconomic Theory: Basic Principles and Extensions. Fort Worth, 1995. P. 286.

[[106] См.: *Poster M.* The Mode of Information. Poststructuralism and Social Context. Cambridge, 1996. P.73.]

Учитывая это, исследователи пришли к выводу, что [«]информация обладает характеристиками *общественного блага*[»[107]], если вслед за Ф.Махлупом понимать под ним [«]нечто такое, чем дополнительно может воспользоваться человек, не увеличивая издержек производства[»[108]]. Последнее прямо предполагает, что [«]с технической или концептуальной точки зрения ничто не может измерить стоимость таких благ в рыночных терминах[»[109]]. Таким образом, сама распространимость и определенного рода нелимитированность информации обусловливают невозможность стоимостной оценки как ее самой, так и продуктов, в создании которых она играет доминирующую роль.

Информация имеет и другое свойство, на которое гораздо реже обращают внимание. Говоря о неисчерпаемости и безграничности информации и знаний, экономисты и социологи не замечают того, что производство и потребление информации представляют собой субъект-субъектные процессы. Это означает, что [потенциально информация может быть доступна огромному количеству людей, но в то же время не быть реально усвоена ими]. Потребление информации не ограничивает возможностей ее использования другими членами общества, однако сам процесс ее потребления обусловлен наличием у человека специфических способностей.

Это свойство информации мы называем ее *избирательностью*; однако нельзя не подчеркнуть, что она может быть рассмотрена не столько как отрицание редкости, сколько как ее высшее проявление. Не уровень доходов или общественное положение, а характер человека, условия его жизни, мироощущение, психо-

---

[[107] *Nicholson W* Microeconomic Theory: Basic Principles and Extensions. P. 286.]

[[108] *Machlup F.* Knowledge: Its Creation, Distribution, and Economic Significance. Vol. 3. P. 163.]

[[109] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1976. P. 118.]

логические характеристики, способности к обобщениям, память и так далее — все то, что обычно называют *интеллектом* и что не может быть приобретено с той легкостью, с какой присваивается материальное богатство, — являются лимитирующим фактором, реально позволяющим пользоваться *доступной* всем информацией лишь ограниченному числу людей, становящихся ее подлинными *владельцами*. Впервые в истории *условием собственности оказывается не право распоряжаться благом, а способность им воспользоваться*, и люди, достигшие этих возможностей, естественным образом составляют доминирующую страту нового общества.

Таким образом, для экономического анализа сегодня актуально сосредоточиться не только объективных характеристиках факторов производства, но и на субъективных качествах участвующих в этом процессе людей. Именно на этом уровне впервые можно говорить о том, что человек перестает быть субъектом *труда* как рациональной деятельности, затраты которой прямо пропорциональны ее результатам, и становится субъектом *творческих* процессов, значимость которых не может быть оценена в экономических категориях.

Итак, возрастание роли и значения информации как фактора производства радикально модернизирует процесс образования издержек производства. Несмотря на то что материальные носители информации легко *тиражируемы*, обладающие ею люди остаются уникальными и *невоспроизводимыми*. Издержки по распространению материализованной информации весьма невелики и могут быть квантифицированы. В то же время ценность заключенного в носителях кодифицированного знания не может быть определена даже приблизительно. В этой ситуации мы имеем дело с радикальным подрывом фундаментальных основ традиционных стоимостных оценок. К такому выводу можно прийти, рассуждая с позиций как неоклассической теории факторов производства, так и трудовой теории стоимости.

Поскольку в производстве информации из информации продукт имеет ту же специфическую природу, что и сам фактор, и фиксирование складывающейся в результате взаимодействия спроса и предложения рыночной цены заключенного в информации знания невозможно, то и неоклассическое определение вклада единицы фактора в издержки производства через его предельный продукт в денежном выражении теряет всякий смысл.

С точки зрения трудовой теории стоимости существенными становятся два факта. [VI, 54//55] С одной стороны, издержки производства информации и знания становятся неисчислимыми, так как деятельность по их созданию уже не может рассматриваться как один из видов труда. С другой стороны, процесс тиражирования информации не является воспроизводственным процессом в собственном смысле слова, следовательно, *затраты труда на воспроизводство блага*, выступающие объективной стороной стоимостного отношения, становятся в условиях информационной экономики совершенно иррациональным понятием, не только не способным получить количественную оценку, но и внутренне противоречивым. С того момента, как тиражируемый объект перестает быть аналогом первоначального блага, *неисчислимость издержек производства* дополняется *утратой процессом воспроизводства своей традиционной экономической формы.*

Радикальные перемены произошли не только в соотношении, но и в характере взаимодействия факторов производства. Если одно из его условий не характеризуется теперь традиционно понимаемой редкостью, издержки не коррелируют с результатами производства столь же непосредственно, как это имело место ранее; все осталось по-старому лишь в отраслях массового производства и добывающем секторе, роль которых с каждым годом снижается.

В условиях, когда информация и знания — эти сущности, не получающие адекватной объективации вне

владеющего ими человека, — становятся основным производственным фактором, проблема стоимости утрачивает свой прежний *экономический* характер и в растущей мере становится *социологической* проблемой[110]. Это подтверждается, в частности, тем, что инкорпорирование проблем информационного хозяйства в рамки современной экономической теории нельзя признать успешным.

Периодом зарождения экономической теории информации (economics of information) считают начало 60-х годов, когда ее основы были заложены в статье Д.Стиглера[111]. В течение 60-х — 80-х годов это направление отмечено большим количеством работ, среди которых особенно заметны публикации Д.Стиглица[112] и К.Эрроу[113], а также фундаментальные труды Ф.Махлупа[114] Выдвинутые в русле этого направления положения сводятся в большинстве к анализу факторов, влияющих на *цену* информации, рассматриваемую в частных случаях — в ситуации неопределенности, асимметрии информации, морального риска и т.п. При этом современные экономисты осознанно уходят от констатации того, что их на-

---

[110 См.: *Etzioni A.* The New Golden Rule. Community and Morality in a Democratic Society. N.Y., 1996. P. 104.]

[111 *Stigler G.J.* The Economics of Information // Journal of Political Economy. June 1961. Vol. LXIX. No 3. P. 213-225.]

[112 *Stiglitz J.* Information and Competition Price System // American Economic Review. 1976, Vol. 66. Papers and Proceedings. P. 246-253. *Stiglitz J.* Information and Economic Analysis: A Perspective // Economic Journal. 1984. Supplement. P. 22-41.]

[113 *Arrow K.* The Production and Distribution of Knowledge // *Silverberg G., Soete L.* (Eds.) The Economics of Growth and Technical Change: Technologies, Nations, Agents. Alderschot Hants, England; Brookfield, Vt., USA, 1994. P. 9-19; *Arrow K.* The Economics of Information // *Dertouzos M.L., Moses J.* (Eds.) The Computer Age: A Twenty-Year View. Cambridge, (Mass.), 1979. P. 306-317.]

114 *Machlup F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton (NJ), 1962; *Machlup F.* Knowledge: Its Creation, Distribution, and Economic Significance. Vol. 1: Knowledge and Knowledge Production. Princeton (NJ), 1980; Vol. 3: The Economics of Information and Human Capital. Princeton (NJ), 1984; *Machlup F., Mansfield U.* (Eds.) The Study of Information. N.Y., 1983.

ука, «основанная на концепции редкости,.. где стоимость соотносит редкость с полезностью»[115], не дает ответа на вопрос о стоимостной оценке нелимитированных благ. Попытки определить цену информации, связывая ее с ценами товаров, производство которых основано на использовании этой информации, все чаще приводят к выводу, что исчислимость цен товаров мало что дает для понимания цены и стоимости информации[116]

Актуальность этого круга проблем подтверждается также масштабностью попыток пересмотра традиционных макроэкономических показателей. Еще в 60-е годы Д.Белл начал разработку так называемой Системы социальных счетов[117] Позднее ряд специалистов обратились к проблеме оценки «интеллектуального капитала» промышлен[VI, 55//56]ных компаний и других социальных институтов[[118]]. Очередной ступенью стала развернувшаяся в последнее десятилетие радикальная критика показателя валового национального продукта и других связанных с ним стоимостных по своей природе индикаторов[[119]].

---

[115] *Mulgan G.J.* Communication and Control: Networks and the New Economics of Communication. P. 174.

[116] См.: *Drucker P.F.* Managing in a Time of Great Change. Oxford, 1997. P. 234.

[117] См.: *Bell D.* Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. N.Y., 1967. № 7. P. 116-118; *Bell D.* The Idea of a Social Report / / The Public Interest. N.Y., 1969. № 15. P 72-84; *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 324-337.

[[118] См.: *Hudson W.J.* Intellectual Capital: How to Build It, Enhance It, Use It. N.Y., 1993; *Brooking A.* Intellectual Capital. L., 1996; *Stewart T.A.* Intellectual Capital. The New Wealth of Organisations. N.Y., 1997; *Edvinsson L., Malone M.S.* Intellectual Capital. N.Y., 1997, и др.]

[[119] Относительно недостатков показателя ВНП и альтернативных предложений см.: *Gore A.* Earth in the Balance. P. 183-184, 189; *Weizsäcker E.U., von.* Earth Politics. L.-Atlantic Highlands (N.J.), 1994. P. 127; *Daly H.E., Cobb J.B., Jr.* For the Common Good. Boston, 1989; *Jackson T., Marks N.* Measuring Sustainable Economic Welfare. Stockholm, 1994; *Cobb C., Halstead T., Rowe J.* Redefining Progress: The Genuine Progress Indicator, Summary of Data and Methodology. San Francisco, 1995.]

Таким образом, рассматривая материальную сторону производства, мы сталкиваемся с *невозможностью исчисления издержек* при производстве продукта и с *устранением необходимости воспроизводства* как с двумя основными факторами, препятствующими квантификации стоимостных оценок. Эта ситуация дополняется и тем, что сегодня люди руководствуются в своих предпочтениях совершенно новыми мотивами и ценностями, которые только становятся предметом осмысления социологов и философов. Прежде чем рассматривать субъективную составляющую стоимости, нужно остановиться на тех переменах, которые произошли во внутреннем мире *человека как субъекта производства.*

Становление новой мотивации

Две ступени совершенствования структуры общественного хозяйства, о которых говорилось выше, различаются не в последнюю очередь тем, какой тип мотивов определяет деятельность человека как субъекта производства.

В традиционном экономическом обществе большинство людей движимо утилитарными мотивами и стимулами, базирующимися на необходимости удовлетворения материальных потребностей. Значение этой констатации трудно переоценить. Благодаря именно такому характеру мотивации успешно функционировали производственные системы, поддерживалось равновесие между социальными классами и группами, обеспечивался возрастающий хозяйственный динамизм.

Во второй половине нашего столетия положение стремительно меняется под воздействием трех основных факторов. Во-первых, предшествовавший рост благо-

состояния обеспечил столь высокий уровень жизни значительной части населения развитых стран, что стремление к совершенствованию собственной личности стало доминировать в системе ценностей все большего и большего числа людей. Во-вторых, развитие новых производственных форм, требующих усвоения все большего количества информации, вызывает настоятельную потребность в постоянном повышении образовательного уровня и накоплении новых знаний, что постепенно превращает данный процесс в саморазвертывающийся и самоцельный. В-третьих, в обществе, основанном на наиболее совершенных производственных методах, обладание информацией и способность продуцирования новых знаний становятся сегодня столь же важным источником социального признания и столь же необходимым условием включенности человека в состав доминирующих социальных групп, каким была в условиях индустриального общества собственность на материальные богатства.

Относительно *первого* фактора следует заметить, что повышение материального благосостояния создает скорее потенциальные, чем реальные, предпосылки для становления новой мотивационной системы. Освобождая человека от необходимости постоянного поиска средств для удовлетворения материальных потребностей, оно создает основу для перехода от традиционных материальных ценностей (material needs) к выходящим на первое место человеческим потребностям (human needs)[120], [рассматриваемым] во всем их многообразии, но не вызывает немедленного доминирования новой системы ценностей в масштабах общественного целого.

Как подчеркивает Р.Инглегарт, система предпочтений и ориентиров конкретного человека, как правило, формируется еще в начале жизни и впоследствии

---

[120] См.: *Toffler A.* Future Shock. N.Y., 1971. P. 220-221.

меняется крайне редко[121]. Доля людей с явно выраженными «постматериалистическими» ориентирами увеличивается по мере смены поколений, вступающих в жизнь с новыми ценностными установками[122].[VI, 56//57]

Это не умаляет значения данного фактора, ибо с ростом числа людей, освобождающихся от материалистических мотивов, возникает новая социальная страта, объединяющая лиц, которые, «даже меняя свою работу,.. не меняют своих экономических и социальных позиций [и поэтому] не принадлежат к пролетариату и не могут быть эксплуатируемы как класс...»[123], в силу чего «должны быть управляемы таким образом, как если бы они были членами добровольных организаций»[124] В результате мотивационная система, в 70-е годы названная «постматериалистической» [(«post-materialist»)[125]], сегодня все чаще обозначается уже как «постэкономическая» [(«post-economic»)[126]], что точнее соответствует осознанию все более значительной частью общества своих интересов не в терминах максимизации присваиваемых благ, а в категориях внутреннего интеллектуального роста и развития.

Говоря о *втором* из отмеченных нами факторов, следует подчеркнуть, что нарастание потребности в усвоении все новых знаний делает эту тенденцию устойчивой и самовоспроизводящейся. Впервые данный феномен был отмечен в массовом масштабе после Второй мировой войны[127], когда обозначились признаки

[121 См.: *Inglehart R.* The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton, 1977. P. 54-55.]

[122 См.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, 1990. P. 100.]

123 *Drucker P.F.* The New Realities. Oxford, 1996. P. 22-23, 23.

124 Drucker on Asia. A Dialogue Between Peter Drucker and Isao Nakauchi. Oxford, 1997. P. 148.

[125 См.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 253.]

[126 См.: *Toffler A.* The Adaptive Corporation. Aldershot, 1985. P. 100.]

[127 См.: *Nisbet R.* The Future of the University // *Lipset S.M.* (Ed.) The Third Century. America as a Post-Industrial Society. Chicago, 1979. P. 312.]

исключительно быстрого роста числа работников в управленческом и информационном секторах[128]; значение, придававшееся в тот период этому обстоятельству, прекрасно иллюстрируется тем, что фактически четверть знаменитой работы Д.Белла[129] посвящена детальному анализу процесса распространения знаний и информации в американском обществе и сопутствующим этому социальным изменениям.

Это, несомненно, не менее важное, чем повысившееся материальное благосостояние, условие становления новой мотивационной системы. Когда на первое место среди достоинств работника выходят объем и качество знаний, которыми он владеет, подготавливаются все необходимые условия, чтобы центральная роль в производственном процессе сместилась от информации к воображению[130], что вызывает к жизни ситуацию, в которой «солидарность и смысл деятельности больше не продаются за деньги»[131] Возникающее на этой основе стремление к автономности быстро превращается в центральный элемент всей современной социальной трансформации[132], является важнейшим средством отрицания прежних «материалистических» отношений[133].

Третьим фактором [мы назвали] осознание возможности самоутвердиться в современном социуме через

[128 См.: *Drucker P.F.* Landmarks of Tomorrow. New Brunswick (USA)-London, 1996. P. 117; *Nelson J.I.* Post-Industrial Capitalism. Exploring Economic Inequality in America. Thousand Oaks (Ca.)-London, 1995. P. 22, и др.]

129 См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P 165-266.

[130 См.: *Toffler A.* The Third Wave. P 351.]

[131 *Habermas J.* The Philosophical Discourse of Modernity. Cambridge, 1995. P. 363.]

[132 См., напр.: *Castoriadis C.* Gesellschaft als imaginäre Institution. Entwurf einer politischen Philosophie. Frankfurt/M., 1984. S. 129ff.]

[133 См.: *Giddens A.* The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, 1997. P. 205-206.]

обладание знаниями. Знание становится сегодня не только важнейшим источником свободы, в которой воплощено стремление [“]к удовлетворению и возвышению личности[”[134]], но и наиболее сильным и в то же время наиболее демократическим источником власти над обществом[[135]]. В современном обществе стремление людей к самореализации вызывает заметные изменения социальной иерархии и структуры. Именно преодоление материальной мотивации, а не нарастание информационной составляющей современного хозяйства, как это полагают О. и Х.Тоффлер[136], приводит к смягчению и устранению противостояния буржуазии и пролетариата. Это позволяет утверждать, что «рабочий класс в том виде, как он рассмотрен в ”Капитале” Маркса, больше не существует»[137]

В этих условиях, однако, не только теряет свои значение и роль класс низкоквалифицированных работников, но формируются предпосылки нового типа социального конфликта, основа которого лежит в обостряющемся противостоянии между представителями материалистической и постматериалистической мотивационных парадигм[[138]]. С того момента, как подобная квазиклассовая градация становится достаточно устойчивой, *формирование надутилитарной мотивации само оказывается уже не столько* [VI, 57//58] *возможностью, вытекающей из стремления человека к самореализации, сколько необходимостью, диктуемой условиями*

[[134] *Bell D.* The Coming of Post-Indistrial Society. P. 12.]

[[135] См.: *Toffler A.* Powershift. Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. N.Y., 1990. P. 19.]

[136] См.: *Toffler A., Toffler H.* Creating a New Civilization: The Politics of the Third Wave. P. 55.

[137] *Renner K.* The Service Class // *Bottomore T.B., Goode P.* (Eds.) Austro-Marxism. Oxford, 1978. P. 252.

[[138] См.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 285-286, 161; *Drucker P.F.* The New Realities. P. 183, 184.]

его жизни в постэкономическом обществе. Круг замыкается, и новая социальная данность обретает самовоспроизводящийся характер.

Проблема изменяющейся мотивации имеет, однако, гораздо более комплексный характер, нежели это может показаться на первый взгляд. Помимо того, что деятельность, в значительной мере связанная с применением и производством информации и знаний, имеет своим результатом невоспроизводимые блага, издержки производства которых не могут быть определены даже приблизительно, сама она, не будучи мотивированной экономическими факторами, вообще не является источником создания благ, обладающих экономическими характеристиками.

Как отмечалось, *понятие стоимости*, обусловленное соотнесением полезностей и усилий, т.е. актуальной потребности и средств, необходимых для ее удовлетворения, *имеет смысл только в ситуации, когда человек считает преодоление внешних материальных обстоятельств своей основной задачей.* Рассматривая формирующийся новый тип деятельности как не определяемый стремлением к удовлетворению материальных потребностей, мы приходим к пониманию того, что он *не создает и не может создавать стоимость.* Объективные основы стоимостного отношения преодолеваются только вместе с преодолением материально мотивированной деятельности. Именно поэтому роль изменяющегося характера человеческой активности исследуется нами столь же подробно, как и технологические факторы, делающие большинство создаваемых в современном обществе благ невоспроизводимыми, а издержки по их созданию — неисчислимыми.

* * * *

[Подытоживая, мы могли бы несколько схематически представить процесс деструкции объективной составляющей стоимостного отношения происходящим на двух уровнях — формальном и сущностном — в два этапа.]

Когда речь идет о *формальном уровне*, это означает, что нарастание технологических изменений, формирующиеся новые предпочтения потребителей и становление знания и информационных ресурсов в качестве основного фактора современного производства обусловливают технологическую (задаваемую чисто объективными факторами) либо консумационную (вызываемую искусственной ограниченностью спроса) невоспроизводимость того или иного блага. Результатом становится невозможность определения стоимости как воспроизводственных затрат.

Существенно также, что утрачивается возможность исчислять не только издержки воспроизводства аналогичного блага, но и затраты, требующиеся для создания его самого. Это обусловлено в первую очередь несводимостью интеллектуального труда, воплощающегося в создании нового знания, к другим видам деятельности. Таким образом, *формальному уровню деструкции стоимостных отношений* в производственном аспекте *соответствует* формирующаяся *неквантифицируемость затрат, необходимых для создания того или иного блага. Не устраняя стоимость* как таковую, этот феномен в значительной мере *преодолевает количественную определенность стоимостного обмена.*

Говоря о *сущностном уровне* подрыва стоимостного отношения, мы имеем в виду гораздо более сложную совокупность явлений, базирующихся на меняющейся мотивации человеческой деятельности. Этот процесс знаменует собой радикальный качественный сдвиг.

Снижающаяся актуальность материальных потребностей предполагает диссимиляцию как основания, традиционно лежавшего в основе стоимостного отношения, так и труда. В первом случае важно обратить внимание на то, что, [будучи свободным] от материальных мотивов, творчество не конституирует себя как субстанцию, противостоящую внешним полезностным характеристикам. Во втором случае необходимо видеть невозможность обозначения надутилитарно мотивированной деятель[VI, 58//59]ности как труда в том его качестве, в котором он способен порождать объективные основания стоимостного отношения. На этом уровне уже *невозможно говорить о модификации* данной стороны стоимости; *речь может идти только об ее устранении*, а раз устраняется одна из сторон отношения, прекращается существование и его самого как целого.

Преодоление объективной составляющей стоимостного отношения происходит в *два этапа. Первый* связан с *нарушением той унифицированности потребления и производства*, которая была характерна для индустриальной эпохи. Тогда основная роль принадлежала человеку как субъекту потребления, стремящемуся вырваться из заданных производством пределов. Последнее не означает, что мы имеем дело только с противостоянием сфер производства и потребления. В самом производстве его субъект также выступает в качестве потребителя, так что рассматриваемый процесс гораздо более широк, чем это может показаться на первый взгляд.

Однако даже с учетом этой оговорки справедливо то, что на данном этапе движущей силой перемен был человек как субъект потребления, инициировавший соответствующие изменения в производственной сфере. Уже сам этот факт делает понятным всю условность преодоления стоимостных отношений на первом этапе. Ситуация, характеризующаяся давлением потребления на производство, заведомо отмечена противостоянием

этих двух сфер, которое, как мы уже отмечали, и порождает стоимостное отношение. Поэтому первый этап в целом ознаменован лишь *количественным* подрывом стоимостных пропорций, не затрагивающим *качественной* стороны стоимости; хронологически мы ограничиваем его, с одной стороны — наиболее глобальным экономическим кризисом 1929-1932 г[одов], с другой — становлением основ постиндустриального строя в 70-е годы.

Второй этап начался со второй половины 70-х годов и характеризовался в первую очередь тем, что быстрое развитие потребностей и способностей людей [стало] обусловлено факторами производственного, а не потребительского характера. Именно качества человека как субъекта производства провоцируют его стремление к знаниям, ставят на главное место в шкале социальных ценностей способности к созданию нового знания и усвоению кодифицированной информации. Наметилось и приобрело нарастающую динамику сокращение того разрыва между производством и потреблением, который во все времена определял само существование стоимостного отношения. Материальное производство и материальное потребление вообще выходят за рамки человеческих интересов, определяющих основы системы мотивации, тогда как нематериальное производство и потребление, становясь лишь сторонами процесса самосовершенствования личности, не предполагают того противостояния, которым производство и потребление характеризовались со времен становления экономической эпохи. В этом отношении сущностью второго этапа является качественное устранение самих предпосылок и основ стоимостного отношения.

Таким образом, если первоначально мы сталкивались лишь с модификациями абстрактного труда, то сейчас можно говорить о его преодолении. Мы рассматриваем данный процесс в рамках перехода от *labour*

(понимаемого как та экономически организованная деятельность, которая, будучи порождена материальными потребностями, может сводиться к абстрактному труду) к *creativity* (деятельности, свободной от материальных стимулов и в силу этого сугубо индивидуальной и невоспроизводимой) в рамках *work* (под которой понимается осознанная активность человека как таковая).

На базе такой терминологии можно утверждать, что *преодоление стоимости становится необратимым только с преодолением labour* в собственном смысле этого термина. Между тем любое исследование сдвигов, происходящих в современном производстве, не дает полного представления о трансформации стоимостного отношения, если оставить без внимания его не менее важную составную часть — ту, которую выше мы называли полезностью. Анализу модернизации полезностных характеристик продукта современного производства и полезностных оценок материальных и нематериальных благ, социальных институтов и отношений и даже качеств человеческой личности будет посвящена заключительная часть нашей работы. [VI, 59]

Статья третья

Конкретный труд и полезность: деструкция стоимости со стороны потребления

[VII, 19] Роль полезностных оценок в формировании стоимостного отношения не менее важна и существенна, чем роль производственных факторов. При этом один из самых показательных хозяйственных парадоксов состоит в том, что именно сегодня, когда производство имеет статус несомненной доминанты хозяйственного развития, полезность не только не утрачива-

ет своего прежнего значения, но занимает особое место в ряду факторов, определяющих социальные процессы.

Причина этого заключена в характере деятельности современного человека. В условиях экономического общества, когда основной задачей людей оставалось обеспечение своего материального существования, производство не только противостояло потреблению как автономная сфера, но и происходило в условиях, когда фактически любое материальное благо имело полезность и могло быть потреблено если не его создателем, то другими членами общества. В этой ситуации полезность оставалась как бы фоном, а количественная величина стоимости определялась прежде всего издержками производства. В постэкономическом обществе положение меняется: безграничная экспансия производства, предполагающая возможность его увеличения без пропорционального роста затрат труда и ресурсов, делает малозначимой квантификацию издержек, тем самым передавая полезностным факторам роль прерогативы в количественном измерении стоимостных пропорций. Таким образом, *когда издержки* по созданию того или иного блага *перестают быть значимым фактором, способным ограничить масштабы его производства, главная роль в определении величины стоимости продукта закрепляется за его полезностными оценками.*

Однако парадоксальность современного положения вещей не ограничивается этими обстоятельствами. Ситуация, отмеченная возможностью безграничного наращивания количества производимых благ, характеризуется также и снижающейся возможностью определения стоимости продуктов, не обладающих редкостью. Массовое производство материальных благ если и не становится все более независимым от сферы материального потребления, то по крайней мере, замыкается вместе с ним в рамках сектора, не определяющего основные направления хозяйственного прогресса. Между тем индивидуальная полезность отдельных невоспро-

изводимых благ приобретает особое значение. Она отражает уже не столько реальную потребность в них общества, сколько субъективные желания отдельного человека, связанные с развитием личности, как единственной формой, которую обретает производство в постэкономическую эпоху. Таким образом, стремление к присвоению благ, имеющих субъективную полезность, столь свойственное сегодняшнему человеку, подтверждает преодоление того разрыва между производством и потреблением, который и порождал стоимостные оценки. Следовательно, утверждение полезностных регуляторов в качестве основы количественного определения стоимостных отношений означает не просто новую ступень в развитии последних, а окончание эпохи их господства. [VII, 19//20]

Индивидуальные издержки и субъективная полезность

Попытки определить стоимость со стороны потребления неизбежно приводят к вопросу об основных характеристиках потребностей (needs) современного человека в тех или иных благах. Здесь можно выделить два различных аспекта.

С одной стороны, изменение мотивационной структуры человеческой деятельности приводит к преодолению привычного разрыва между производством и потреблением, традиционно считавшегося фундаментальной основой не только стоимостных отношений, но и товарного производства как такового. Признание рынка как «прямого неизбежного следствия отделения производителя от потребителя»[139] [не должно дополняться] утверждением о том, что «товары, произведенные

[139] *Toffler A.* The Third Wave. P. 278.

на основе такого разделения,.. не могут непосредственно после производственного процесса стать потребительными стоимостями; для их превращения в таковые требуется выход во внешнюю среду с целью создания возможности непрерывного производства и общего воспроизводства системы капитала»[140] Очевидно, что деятельность, которая объединяет в себе черты как производства, так и потребления и создает вещные и нематериальные блага лишь в той мере, в какой они обеспечивают самосовершенствование личности, не создает продукты как такие потребительные стоимости (use-values), обязательной стороной которых неизбежно выступает меновая стоимость (exchange-value).

Современные социологи отметили данный феномен, указав, что новое содержание полезности заключено не столько в универсальной потребительной стоимости продукта, сколько в его высокоиндивидуализированной символической ценности (sign-value). По их мнению, «постмодернистская культура... <не только> в большей мере способствует потреблению благ как символических ценностей, чем как потребительных стоимостей»[141], но и изменяет сам характер потребления, которое Ж.Бодрийяр называет *consumation* в противоположность традиционному французскому *consommation*[142]. Между тем понятие символической ценности кажется [нам] несколько более комплексным, чем его обычно представляют. Мы вернемся к этому вопросу несколько позже, сейчас же ограничимся лишь констатацией того, что восстановление внутреннего единства производства и потребления, безусловно, приводит к радикальным изменениям в природе и характере стоимостных оценок.

---

[140] *Mészàros I.* Beyond Capital. Towards a Theory of Transition. L., 1995. P. 539.

[141] *Lash S.* Sociology of Postmodernism. L., 1990. P 40.

[142] См.: *Baudrillard J.* For a Critique of the Political Economy of the Sign // Selected Writings. Cambridge, 1996. P. 58.

С другой стороны, имеет место феномен, в значительной мере основывающийся на тех же хозяйственных и социологических изменениях, что и формирование символической ценности, однако принимающий совершенно иные формы. Речь идет о престижном, или статусном, потреблении и других видах симулированных потребностей. По нашему мнению, это явление более низкого порядка и степени сложности, чем становление символической ценности. Анализ симулированных потребностей основан в первую очередь на противопоставлении needs и wants, предполагающем, что первые отражают уже прошедшие социологизацию потребности, которые «заставляют нас рассматривать поведение потребителя как социальный феномен»[143], в то время как вторые, хотя и могут становиться объектом социального прогнозирования, основаны на субъективных стремлениях личности к самовыражению в потреблении[144] Можно утверждать, что они определяют важные черты социального состояния, часто называемого «обществом потребления» и знаменующего собой одно из проявлений экономического строя в условиях, когда импульсы к самореализации уже становятся серьезным фактором социального развития, но еще не проникают в сферу производства.

Когда рассматривается проблема симулированных потребностей, чаще всего говорят о феномене фетишизма потребительной стоимости, предполагающего возможность влияния социума на потребности[, ибо,» если бы потребности имели единственную реально выраженную причину, было бы абсурдно говорить о фетишизме»[145]]. [Называя сущности, возникающие в

---

[143] *Baudrillard J.* Consumer Society // Selected Writings. P 36-37

[144] Подробнее см.: *Best S., Kellner D.* Postmodern Theory: Critical Interrogations. Houndmills-L., 1991. P 114-115.

[[145] *Baudrillard J.* For a Critique of the Political Economy of the Sign. P 69.]

результате такого влияния, символическими ценностями (symbolic values)[146],] Ж.Бодрийяр совершенно справедливо отмечает их относительную несравнимость друг с другом[147]. Между тем фетишизм потребительной стоимости характерен прежде всего для «общества потребления», сложившегося в [VII, 20//21] западных странах в послевоенный период, в течение которого вследствие индивидуализации потребностей росло производство уникальных благ; [в это время] он действительно мог рассматриваться как нечто не менее важное, чем фетишизм меновой стоимости в конце XIX века. Подобно тому, как для экономистов проблематично *количественное определение* стоимостей в условиях распространения индивидуализированного производства и потребления, современные социологи обращают внимание на утрату возможности «исчисления стоимости подобных объектов в квантифицируемых единицах цены или общей полезности»[148]

Феномен символической ценности, хотя и рассматривается как одна из форм проявления полезности, следующая за потребительной стоимостью, подразумевается как более сущностным, так и более глобальным. Стоит отметить мнение М.Фуко, связывающего одно из условий возникновения символической ценности с тем, что во все времена «богатство представляет собой систему знаков, которые созданы, преумножены и модифицированы человеком»[149] [Заслуживает внимания и позиция Ж.Бодрийяра, непосредственно противопоставляющего символическую ценность не толь-

---

[[146] См.: *Baudrillard J.* Symbolic Exchange and Death. L.-Thousand Oaks, 1995. P. 3.]

[[147] См.: *Baudrillard J.* For a Critique of the Political Economy of the Sign. P. 65, 69.]

[148] *Lash S., Urry J.* Economies of Signs and Space. P 14.

[149] *Foucault M.* The Order of Things. P. 205.

ко потребительной, но и меновой стоимости[150].] Комплексное понимание символической ценности как категории, не только логически, но и исторически замещающей потребительную и меновую стоимость в качестве основного мотива производства, позволяет выделить три стадии в истории развития стоимостных отношений [по признаку доминирования той или иной субстанции на каждом из них] и отметить возможность формирования основ четвертой, наиболее совершенной. [По мнению Ж.Бодрийяра, «после натуральной, товарной и структурной стадий стоимость проходит *фрактальную* (курсив наш. — *О.А., В.И.*) стадию. На первой из них господствовали натуральные отношения, и представления о стоимости возникали на основе естественного восприятия мира. Вторая базировалась на всеобщем эквиваленте, и стоимостные оценки складывались в соответствии с логикой товара. Третья стадия управляется кодом, и стоимостные оценки здесь представляют собой набор моделей. На четвертой, фрактальной стадии *стоимость не имеет совершенно никакой точки опоры* (курсив наш. — *О.А., В.И.*) и распространяется во всех направлениях, занимая все промежутки без какой бы то ни было основы... На фрактальной стадии не существует больше никакой эквивалентности — ни натуральной, ни всеобщей... В самом деле, мы не можем более говорить о стоимости»[151]].

Разделение потребительной стоимости и символической ценности достаточно широко признано среди социологов, но не получило должной поддержки среди экономистов. И то, и другое вполне объяснимо: современные философы рассматривают мотивы и цели человека как во все большей мере определяющие и

[[150] См.: *Baudrillard J.* In the Shadow of the Silent Majorities, or The End of the Social and Other Essays. N.Y 1983. P 44-45.]

[[151] *Baudrillard J.* The Transparency of Evil. Essays on Extreme Phenomena. N.Y., 1996. P 5.]

потребление, и производство, а экономисты стремятся, как и ранее, объяснять складывающиеся на рынке уровни цен исходя из взаимодействия традиционных факторов и полагают, что любые изменения этих факторов ведут лишь к модификации стоимостных отношений, чем к их полному преодолению[152]

Такой подход представляется нам безнадежно устаревшим. Соглашаясь с теми, кто рассматривает символическую ценность как феномен, свидетельствующий о новом этапе развития производственной и социальной структур современного общества, можно дать несколько иные определения явлений, свойственных последним десятилетиям эволюции стоимостных отношений.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что в той степени, в какой несводимая к абстрактному труду деятельность knowledge-worker'а создает неквантифицируемые издержки производства, индивидуализированное статусное потребление, в котором человек выражает себя как уникальная личность, формирует неквантифицируемую полезность потребляемых благ. Как никто не может воспроизвести (а не скопировать) созданное человеком новое знание, так никто не может признать предметом широкого потребления ту полезность, которая содержится в том или ином благе для конкретного потребителя. Данное свойство предметов статусного потребления углубляет процессы, связанные с экспансией знаний и информации как основного ресурса производства, и усугубляет количественную неисчислимость стоимостных характеристик продукта.

Далее, современная структура мотивов человеческой деятельности такова, что некая определенная полезность имеет неизмеримо большую ценность для одного конкретного человека, чем для большинства других, иные же полезности вообще не подвержены объек-

---

[152] См.: *Handy Ch.* The Hungry Spirit. Beyond Capitalism — A Quest for Purpose in the Modern World. L., 1997 P. 161.

тивации вне конкретного человека. Такие полезности не могут быть учтены в теории стоимости; их формирование происходит в условиях, когда человеческая деятельность уже не соизмеряется с активностью других людей не столько по формам и результатам, сколько по мотивам и предпо[VII, 21//22]сылкам. Полномасштабное развитие это явление получит лишь в обществе, основной формой деятельности в котором будет творчество. Именно тогда потеряют смысл рассуждения о модификациях стоимости и речь пойдет о полном устранении ее экономического характера и замене ее иными оценками. Перспективы такой ситуации отчетливо просматриваются уже сегодня.

Реалии современной экономической жизни подталкивают к отказу от традиционного противопоставления конкретного труда, создающего потребительную стоимость, абстрактному труду, создающему стоимость. Подобная дихотомия была оправдана тогда, когда двойственная природа труда, соединявшего в себе эти два процесса, казалась вполне очевидной. Однако мы уже вступили в тот исторический период, когда виды конкретного труда, несводимого к «абстрактной затрате физических и умственных усилий», становятся столь многочисленны, что начинают представлять собой уже не исключение из некоего правила, а явную закономерность.

Специфика соизмерения издержек и полезностей на различных этапах развития стоимостного отношения может быть представлена следующим образом.

[Первый] этап соответствует классическому индустриальному обществу, в котором любая деятельность мотивирована утилитарным образом, любой продукт может быть воспроизведен в неограниченном количестве, издержки на производство каждой дополнительной его единицы не отличаются радикальным образом от издержек по производству прежних единиц того же продукта, а субъекты рынка ориентированы на потреб-

ление унифицированных благ, не имея явно выраженных предпочтений и максимизируя полезность продукта при минимизации цены. Только в этой ситуации классическая теория стоимости отражает реальное положение дел. Любой вид труда сводим к абстрактному труду, а полезность любого производимого продукта отражает возможность использования его широким кругом лиц. В таком случае *общественные издержки*, соотносясь с *общественной полезностью*, конституируют стоимость в классическом смысле данного понятия и делают возможной ее квантификацию.

[Второй] этап соответствует началу преодоления закономерностей индустриального строя. Фактически любая производственная деятельность может быть признана утилитарно мотивированной, любой продукт может быть предложен рынку в неограниченном количестве. Однако потребности перестают быть столь унифицированными, как ранее; труд широкого круга работников не может быть сведен к простому труду и квантифицирован в единицах абстрактного труда; и, наконец, создание дополнительного числа единиц того или иного блага зачастую означает его тиражирование, а не воспроизводство, в результате чего издержки могут радикально отличаться от издержек по созданию оригинального блага. Как издержки, так и полезности утрачивают свой универсальный общественный характер и становятся *индивидуальными потребностями и издержками*. [В этом понятии мы пытаемся выразить то, что ни потребности, ни издержки не обязательно должны сводиться к общественным категориям, но еще могут быть представлены как их модификации.] Стоимостные характеристики не получают здесь прежней четкой квантификации, хотя еще сохраняют свое значение как регуляторы производства. Такое положение соответствует тому *периоду становления постиндустриального общества, для которого характерна трансформация потребительских предпочтений.*

На [третьем] этапе, [этапе] становления постиндустриального общества, определяющее значение имеют снижение роли материальной мотивации и качественно новый характер результата деятельности. Сама деятельность не только становится несводимой к абстрактному труду количественно, но и в качественном отношении теряет всякое с ним сходство. Основным мотивом деятельности становится самосовершенствование, а ее непосредственным результатом — характеристики личности. Таким образом, можно говорить уже не столько об *индивидуальных* издержках и полезности, сколько о *субъективных* издержках и *субъективной* полезности продукта. Объектом потребления действительно становится система знаков. Здесь стоит согласиться с социологами, [обозначающими современный период как *период доминирования символической ценности.* Он завершает экономическую эпоху, и мы не считаем необходимым детально исследовать здесь ту систему отношений, которая приходит ему на смену.]

Анализ модификации категории полезности дает возможность по-новому осмыслить преодоление стоимостных оценок. Уместно еще раз подчеркнуть единство протекания процессов деструкции стоимости как со стороны производственных факторов, так и со стороны развития системы потребностей. По мере того, как уменьшается количество видов конкретного труда, сводимого к абстрактным затратам рабочей силы, увеличивается количество полезностей, которые уже не конституируют потребительных стоимостей, воплощавших в себе универсальные общественные полезности времен индустриального строя. Понятие стоимости социологизируется сегодня не только в том смысле, что люди производят то, что они более всего ценят[153], но и в том, что именно признание за определенным

---

[153] См.. *Hampden-Turner Ch., Trompenaars F.* Mastering the Infinite Game. Oxford, 1997. P. 10.

благом определенной ценности делает таковое дейст[VII, 22//23]вительно ценным[154] В результате этого иррациональные оценки начинают распространяться не только на все более широкую номенклатуру материальных и нематериальных благ, но также и на человеческие качества, на самих субъектов производства и на составляющие общество организации и институты.

Интеллектуальный капитал: субъективные оценки неосязаемых активов

Значение субъективных оценок возрастает в современном хозяйстве не только при определении ценности потребительских благ и услуг. В информационной экономике по мере превращения информации и знаний в наиболее эффективный фактор производства субъективные оценки активно вторгаются в балансовые отчеты фирм. Если полезность всегда играла большую или меньшую роль в формировании основы рыночной цены товара, выступая главным атрибутом потребительского спроса, то распространение иррациональных представлений о ценности на активы компаний представляется новым феноменом, вполне логично вытекающим из общих закономерностей становления экономики знаний.

Информация и знания, эти специфические по своей природе и формам участия в производственном процессе факторы, в рамках фирм принимают облик *интеллектуального капитала.* В отличие от хорошо знакомых экономистам, бухгалтерам и бизнесменам легко осязаемых основных и оборотных активов (таких, как зем-

[154] См.: *Brooking A.* Intellectual Capital. L., 1996. P. 181.

ля, оборудование, сырье, деньги) интеллектуальный капитал почти невидим и неосязаем. «Это знание, которым владеют рабочие...; это электронная сеть, со скоростью света распространяющая информацию в пределах компании, что позволяет ей реагировать на изменение рыночной ситуации быстрее конкурентов; это сотрудничество между компанией и клиентами, которое укрепляет узы между ними, привлекающие потребителей снова и снова»[155] Иными словами, интеллектуальный капитал представляет собой нечто вроде «коллективного мозга», аккумулирующего научные и обыденные знания работников, интеллектуальную собственность и накопленный опыт, общение и организационную структуру, информационные сети и имидж фирмы. Все элементы интеллектуального капитала могут рассматриваться как факторы, от которых в той или иной степени зависит создание богатства современного общества.

Очевидно, что составляющие интеллектуального капитала неоднородны. Несмотря на то, что все они порождены человеческим интеллектом, одни из них существуют в виде знаний, неотделимых от обладающих ими людей, а другие образуют своего рода объективные условия применения этих знаний для повышения конкурентоспособности фирмы. В связи с этим специалисты в области теории интеллектуального капитала и его практического использования выделяют в нем две крупные составные части: *человеческий капитал* (human capital), воплощенный в работниках компании в виде их опыта, знаний, навыков, способностей к нововведениям, а также в общей культуре, философии фирмы, ее внутренних ценностях, и *структурный капитал* (structural capital), включающий патенты, лицензии, торговые марки, организационную

[155] *Stewart T.A.* Intellectual Capital. P X.

структуру, базы данных, электронные сети и прочие объективные факторы [156]

Основное различие между этими составными частями заключается в том, что если человеческий капитал, будучи в полном смысле неосязаемым фактором, неотделим и неотчуждаем от тех, кому он принадлежит, и не может быть скопирован или воспроизведен ни в одной другой организации, то структурный капитал в целом или его отдельные элементы, обретающие объективное существование, могут быть скопированы, воспроизведены или отчуждены в пользу иной фирмы или даже отдельной личности.

Предлагаемое деление интеллектуального капитала имеет принципиальное значение для определения источника ценности этого наиболее важного для современного общества ресурса. Поскольку обе его составляющие участвуют в производстве, то обе они и определяют ценность компании, что должно отражаться в бухгалтерских документах.

Стоимость элементов структурного капитала легко обнаружить в балансе фирмы в виде ряда статей, как правило обозначенных как «капитализированные затраты на научно-исследова[VII, 23//24]тельские и конструкторские разработки» или «цена, уплаченная за отдельные права интеллектуальной собственности в виде лицензии или патента»[[157]]. Приобретаемые права собственности, лицензии, патенты, базы данных и т.п. в полной мере становятся активами фирмы, отраженными в балансе как ее основные средства.

Однако определение ценности человеческого капитала не столь традиционно. Оно зависит от необходимости принятия во внимание одного очевидного мо-

---

[156] См.: *Edvinsson L., Malone M.S.* Intellectual Capital. Realizing Your Company's True Value by Finding Its Hidden Brainpower. P 11. *Stewart T.A.* Intellectual Capital. P 79, 107

[[157] *Crawford R.* In the Era of Human Capital. P. 154.]

мента: человеческим капиталом фирма не может распоряжаться по собственному усмотрению, так как он ей не принадлежит. «Факт, обнажающий фундаментальную особенность человеческого капитала, состоит в том, что люди могут быть наняты, но не приобретены в собственность»[158] Это, казалось бы, простейшее утверждение приводит к парадоксальному выводу: *человеческий капитал не может быть отнесен не только к собственным средствам фирмы, но и вообще не может быть рассмотрен как одна из статей ее активов.* Он может считаться лишь временно привлеченными средствами, принадлежащими к пассивам подобно долговым обязательствам и выпущенным акциям[[159]], и вследствие своей неосязаемости не может быть подвержен традиционным стоимостным оценкам.

Что же противостоит человеческому капиталу как части пассивов? «В соответствии с правилами счетоводства это долговое обязательство уравновешивает лишь *добрая воля* (goodwill) (курсив наш. — *О.А., В.И.*) [[160]]» — вера акционеров в успех компании, приверженность клиентов выбору продукции именно этой фирмы, то доверие, которое укрепляет связи между производителем и потребителями.

Между тем «добрая воля» есть не что иное, как *субъективные оценки неосязаемых активов фирмы* покупателями ее товаров и агентами фондовых рынков. Они всецело зависят от индивидуальных предпочтений, отражающих как реальное повышение конкурентоспособности компании, так и навеянные рекламными акциями субъективные представления о нем. Так или иначе, «добрая воля» становится основным критерием, лежащим в основе рыночной цены компании, и подобно человеческому капиталу не может быть опреде-

---

[158] *Stewart T.A.* Intellectual Capital. P. 101.

[[159] См.: *Edvinsson L., Malone M.S.* Intellectual Capital. P. 43-44.]

[[160] Ibid.]

лена путем калькуляции объективных стоимостных показателей.

В связи с этим поиск инструментов и методик определения стоимости человеческого капитала вызывает «большой интерес и большой скептицизм»[161], избежать которых тем сложнее, чем насущнее и невыполнимее выглядит задача инкорпорирования в традиционную бухгалтерию субъективных оценок. Современные разработчики теории интеллектуального капитала предлагают судить о них по ряду косвенных показателей, имеющих денежное измерение.

Наличие у современных фирм неосязаемых активов и пассивов проясняет превышение рыночной ценой компании, исчисленной как произведение цены одной акции на общее их число, балансовой стоимости ее осязаемых активов. Размеры этого превышения дают общее представление о величине «доброй воли»[162]

Д.Петерсон и Т.Паркинсон [из американского Северо-Западного Университета] предложили иной вариант определения стоимости невидимых активов через подсчет превышения прибылью компании, имеющей человеческий капитал, прибыли компании, которая применяет те же осязаемые активы, но не использует неосязаемых факторов[[163]]. К примеру, при прочих равных условиях, прибыль фирмы, обладающей торговой маркой, создающей соответствующий имидж, выше, чем у ее конкурентов.

Лауреат Нобелевской премии Дж.Тобин предложил рассчитывать показатель использования интеллектуального капитала в целом как отношение рыночной стоимости актива к его восстановительной стоимости. Для интеллектуального капитала этот коэффициент больше единицы. [«]Когда "коэффициент Тобина" очень вы-

---

[161] *Stewart T.A.* Intellectual Capital. P. 222.

[162] См.: *Crawford R.* In the Era of Human Capital. P 154-155.

[[163] См.: *Stewart T.A.* Intellectual Capital. P. 227.]

сок, компания получает экстраординарные прибыли от использования этого вида активов[...], что является неплохим доказательством очевидных преимуществ интеллектуального капитала: вы и ваши конкуренты используете примерно одинаковые постоянные активы, но один из вас имеет нечто отличное — людей, системы, покупателей — и это приносит больше денег[»[164]].

Все отмеченные методики и многие другие разрабатываемые подходы к определению стоимости интеллектуального и, в частности, человеческого капитала не совершенны, ибо ориентированы на суждение о субъективных предпочтениях по динамике денежных показателей. Это напоминает порочный круг, в который в прошлом веке впали представители австрийской школы в экономической теории, определявшие субъективную ценность благ через объективно сложившиеся на рынке цены. Если тот [порочный круг] был разорван теоретиками неоклассического [VII, 24//25] направления путем синтеза теории предельной полезности и теории издержек, то для нахождения методов оценки интеллектуального капитала в балансе фирм потребуется обратный ход, нацеленный на поиск сочетания хорошо известных объективных стоимостных показателей и субъективных индивидуальных оценок.

Острота поставленной проблемы оказывается еще более очевидной при переходе от микроэкономического анализа к макроэкономическому, поскольку неадекватность показателей микроуровня ведет к искажению счетов национальной статистики и объективных представлений о динамике экономического развития.

[164 *Stewart T.A.* Intellectual Capital. P 226.]

Субъективные оценки в общественном масштабе

Проблема оценки современных компаний в связи с анализом человеческого, или интеллектуального, капитала как фактора повышения их рыночной цены имеет, на наш взгляд, и иную сторону, которая рассматривается гораздо реже. Речь идет об отклонении оценок той или иной компании от ее реальных активов исключительно из-за субъективных ожиданий участников рынка.

Пример наиболее устойчивого повышения роли таких ожиданий являет американская экономика. С начала 70-х годов тенденция к опережающему росту рыночных оценок корпораций по сравнению с их реальными активами приобрела стабильный характер, на который не влияют даже циклические колебания экономики. Если накануне кризиса 1973-1975 г[одов] среднее отношение рыночной стоимости к балансовой (market-to-book value ratio) для американских компаний составляло 0,82, то уже через двадцать лет оно выросло более чем в два раза, достигнув значения 1,69[165].

Утверждение, что главным источником такого превышения служит приверженность компаний развитию совершенных технологий и укреплению своего интеллектуального потенциала, является несколько односторонним. С одной стороны, легко заметить устойчивую зависимость между тем, насколько высокотехнологичной является основная деятельность корпорации, и тем, в какой степени ее рыночная оценка превосходит ее балансовую стоимость. Если в деловых и социальных услугах, здравоохранении, радиовещании и издательском бизнесе, производстве электронной техники и

---

[165] См.: *Edvinsson L., Malone M.S.* Intellectual Capital. P 5.

обработке информации реальные активы компаний, как правило, не достигают и трети их рыночной цены, то в традиционных отраслях — металлообработке, автомобилестроении, различных направлениях добывающей промышленности — подобный показатель нередко составляет четыре пятых[166]. С другой стороны, эти средние величины не отражают того очевидного обстоятельства, что главным источником разрыва служит индивидуальная деятельность руководства каждой из компаний, обеспечивающая ее акционерам высокую прибыль и повышающая рыночные ожидания относительно ее перспектив. Если рассмотреть основные отрасли американской экономики между 1982 и 1992 г[одами], можно увидеть, что среднегодовые доходы акционеров превышали 30 проц[ентов] у таких корпораций, как CCS, WalMart Stores, GreatLakes Chemicals, Cooper Tire&Rubber, UST, Berkshire Hathaway и Coca-Cola[167]. Первые две представляли оптовую и розничную торговлю, тогда как все остальные — сектор материального производства.

Можно утверждать, что наибольшую цену имеют компании, которым *удается создать у потенциального инвестора иллюзию* того, что их рост и развитие, столь успешное в течение последних лет, продолжится и в будущем. Тому есть как минимум два доказательства. *С одной стороны*, становится весьма заметным значение отдельных важных успехов компании, отражающих сохранение или даже рост ее конкурентоспособности, для быстрого изменения рыночной оценки ее акций. Три года назад объявление Microsoft о выходе на рынок с программой Windows 95 обеспечило такой рост ее ак-

---

[166] См.: *Sveiby K.E.* The New Organizational Wealth. San Francisco, 1997. P. 6.

[167] См.: *McTaggart J.M., Kontes P.W., Mankins M.C.* The Value Imperative. Managing for Superior Shareholder Returns. N.Y.-L., 1994. P. 28.

ций, что всего за четыре дня она обогнала по капитализации корпорацию Boeing[168]. В 1997 г[оду] Boeing, сохранивший позиции крупнейшего экспортера, пропустил вперед и Compaq, акции которого в третьем квартале выросли на 88 проц[ентов] после начала серийного производства нового микропроцессора[169]. *С другой стороны*, практика показывает, что в каждом хозяйственном секторе наиболее высокие рыночные оценки демонстрируют компании, успехи которых сочетаются с их относительно недавним присутствием на соответствующем рынке. Если рассмотреть в качестве примера электронную промышленность и производство информационных продуктов, то весьма показательными представляются соотношения рыночной цены и балансовой стоимости корпораций, составляющие 0,45:1 для IBM, 1,35:1 для Hewlett-Packard, 2,8:1 для Intel, 9,5:1 для Microsoft, 10,2:1 для Reuters, 13:1 для Oracle и 60:1 для Netscape[170]. Между тем было бы ошибочным полагать, что результат [VII, 25//26] IBM свидетельствует о низкой эффективности компании — инвестированные в нее в начале 50-х годов 10 тысяч долларов в начале 80-х оценивались более чем в 13 миллионов[171].

Мы не зря говорим об *иллюзии* успешной деятельности компании. Не пытаясь принизить успехи наиболее высокооцениваемых корпораций, обратим внимание на то, что само понимание результатов деятельности руководства фирмы сегодня существенно иное, нежели несколько десятилетий назад. "Создание акционерной стоимости" иногда рассматривается в качестве главной задачи руководства фирмы и все чаще

---

[168] См.: *Greider W.* One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism. N.Y., 1997. P. 22.

[169] См.: *Ip G.* Smaller Shares Loom Larger on Wall Street // Wall Street Journal Europe. 1997. October 2. P 16.

[170] См.: *Sveiby K.E.* The New Organizational Wealth. P 7.

[171] См.: *Cannon T.* Corporate Responsibility. L., 1992. P 141.

достигается за счет «программ создания стоимости», позволяющих увеличить рыночную капитализацию компании в результате частных мер, способствующих изменению ее имиджа. Последние получили название стоимостных драйверов[172] (value drivers) и, по оценкам ряда авторов, способны обеспечить рост рыночной цены большинства компаний от 50 до 100 проц[ентов] в течение двух-пяти лет. В современных условиях инвестиции в ценные бумаги корпораций, отражающие представления об их рыночной цене, ориентированы прежде всего на ожидание роста подобных оценок, а не на получение прибыли от деятельности соответствующих фирм, как то представлялось в условиях индустриального общества. Именно поэтому акции Netscape, [основанной] в начале 1994 г[ода] и обладавшей фондами в 17 миллионов долларов, применявшей труд немногим более пятидесяти работников и *не имевшей прибыли от своей деятельности*, только на протяжении 1995 г[ода] подорожали с 28 до 130 долларов, доведя рыночную оценку компании до 3 миллиардов долларов[173]. Аналогичные ожидания, возникшие в связи с объявлением Microsoft о начале продаж Windows 95, в значительной мере были сопряжены с самой дорогой в истории компьютерного бизнеса рекламной кампанией, обошедшейся корпорации в 250 миллионов долларов[174].

Разрыв между субъективными оценками стоимости компаний и реальными показателями ценности их активов еще заметнее в процессе слияний и поглощений, когда в наиболее «чистой» форме проявляется субъективная заинтересованность одного рыночного субъекта в другом. Достаточно вспомнить, что в 1995 г[оду] про-

---

См.: *McTaggart J.M., Kontes P.W Mankins M.C.* The Value Imperative. P 288, 23, 193.

[173] См.: *Morrison I.* The Second Curve. Managing the Velocity of Change. L., 1996. P. 62.

[174] См.. *Sveiby K.E.* The New Organizational Wealth. P 116.

тивостояние IBM и Microsoft при покупке компании Lotus привело к росту ее цены до 3,5 миллиарда долларов при том, что фонды корпорации были оценены в 230 миллионов[175]. В последние десятилетия подобные ситуации становятся не исключением из правила, а самим правилом. Как показывает британская статистика, реальная цена средней сделки по покупке компании, в 1976 г[оду] превышавшая предварительную оценку соответствующей корпорации в среднем на 1 проц[ент], в 1987 г[оду] отклонялась от таковой уже почти в полтора раза[176]. Таким образом, современные процессы на финансовых рынках свидетельствуют о доминирующей роли субъективированных полезностей как факторов оценки компаний, все менее связанных с реальными процессами производства материальных и нематериальных благ. В условиях, когда основой оценки становится даже не *текущая*, а *потенциальная субъективная полезность блага*, цены определяются уже не совокупностью известных и наблюдаемых факторов, а чередой обстоятельств, которые невозможно ни прогнозировать, ни сколь-либо определенно охарактеризовать[177]. Соответственно и риски, воспринимавшиеся как очевидный негатив в условиях индустриального хозяйства, становятся сегодня не только неизбежным спутником, но и самим содержанием рыночной активности[178]

Все эти обстоятельства фокусируются в беспрецедентном отрыве финансового и фондового рынков от реального хозяйственного развития, особенно заметном в последние десятилетия, когда [«]деньги, вместо того чтобы быть мерилом стоимости, стали почти в каждой развитой стране "козырной картой" в политической,

---

[175] См.: *Edvinsson L., Malone M.S.* Intellectual Capital. P. 2, 34, 2-3.

[176] См.: *Brooking A.* Intellectual Capital. L., 1996. P. 176.

См.: *McTaggart J.M., Kontes P.W Mankins M.C.* The Value Imperative. P. 67.

[178] См.: *Beck U.* Risk Society: Towards a New Modernity. L.-Thousand Oaks, 1992. P. 46.

социальной и экономической игре[»[179]]. Так, с 1977 по 1987 г[од] рост промышленного производства в США не превысил 50 проц[ентов], в то время как рыночная стоимость акций, котирующихся на всех американских биржах, выросла почти в пять раз[[180]]; коррекция, происшедшая в октябре 1987 г[ода], составила, однако, не более 20 проц[ентов]. На протяжении следующего десятилетия экономический рост был еще ниже, однако прежнее достижение на фондовом рынке было повторено: к августу 1997 г[ода] индекс Доу-Джонса вырос в 4,75 раза, увеличившись вдвое только с начала 1996 г[ода]. Напрашивается вывод, что [«]в настоящее время фондовые цены сильно завышены, что по большей части не беспокоит Уолл Стрит[»], в значительной мере потому что [«]те, кто говорил о переоцененности год-два назад, оказались дискредитированы быстрым ростом рынка за это время[»[181]]. Разрыв же между показателями, отражающими развитие реального производства и успехи фондовых рынков, продолжает нарастать. Если в 1992 году [«]финансовые активы ведущих стран Организации экономического сотрудничества и развития были равны 35 трлн. долл., что вдвое превышало производимый в них продукт,.. <то ожидается>, что к 2000 г[оду] общая сумма финансовых активов достигнет 53 трлн. долл. в постоянных ценах, что доведет указанное превышение до трех раз[»[182]].

Указанные тенденции не могут быть преодолены в обозримом будущем не столько потому, что исходящие от них опасности не получают адекватной оценки, сколько потому, что они вполне соответствуют принципиальному направлению подрыва традиционных стоимостных отношений. Субъективизация оценок

---

[179] *Drucker P.F.* Managing in Turbulent Times. Oxford, 1993. P. 155.

[180] См.: Statistical Abstract of the United States 1994. Wash., 1994. P. 528. *Norris F.* 10 Years On, Lessons Of a 'One-Day Sale' // International Herald Tribune. 1997. October 18-19. P. 16.

[182] См.: *Greider W* One World, Ready or Not. P. 232.

на фондовых рынках становится сегодня самовоспроизводящимся процессом. [VII, 26//27]

С одной стороны, это обусловлено активностью трейдеров, нарастающей еще более быстрыми темпами, нежели темпы роста фондовых индексов. Так, между 1979 и 1987 г[одами] количество участников торгов на Нью-Йоркской фондовой бирже и суммарный капитал брокеров выросли более чем в десять раз[183]; объемы торгов растут еще более непропорционально: если *в течение всего* 1960 *г[ода]* на Нью-Йоркской бирже перешло из рук в руки 776 миллионов акций, то накануне краха в октябре 1987 г[ода] объем торговли достигал уже 900 миллионов акций *в неделю*[184], между тем в ходе нервной торговой сессии 27 октября 1997 г[ода], когда был зафиксирован рекордный объем сделок, он выражался цифрой более чем 1,2 млрд. акций *в день*[185]. Рост оборота торгов и специфика групп трейдеров порождают дополнительные факторы неопределенности. Так, с точки зрения традиционной логики совершенно необъяснимо снижение американских фондовых индексов в связи с крахом рынка в Юго-Восточной Азии, затрагивающим в первую очередь наиболее опасных конкурентов американских производителей.

С другой стороны, разрушается связь движения цен акций с такими традиционными факторами, как прибыль корпораций и уровень процентных ставок. Движение фондовых индексов происходит сегодня скорее вопреки обычным закономерностям, чем в соответствии с ними. Так, бум первой половины 90-х годов происходил в условиях, когда реальная прибыль держателей облигаций американского казначейства составляла 8,2 проц[ента] годовых[186], достигая уровня, выше

---

[183] См.: *Harvey D.* The Condition of Postmodernity. Cambridge (Ma.)-Oxford (UK), 1995. P 335.

[184] См.: *Reich R.B.* The Work of Nations. N.Y., 1992. P 193.

[185] См.: Wall Street Journal Europe. 1997 October 29. P 16.

[186] См.: *Greider W* One World, Ready or Not. P 232.

которого она поднималась лишь накануне краха 1929 г[ода]. Период с конца июля 1996 г[ода] по конец июля 1997 г[ода] стал не менее уникальным, будучи отмечен ростом всех основных американских фондовых индексов — DJIA, DJ US Market, S&P 500, NYSE Composite, NASDAQ Composite и Value Line — в пределах от 31,2 до 37,8 проц[ента[187]] одновременно с повышением курса доллара по отношению к основным мировым валютам, что не могло не ухудшать позиций американских производителей. При этом, если в 70-е годы дивиденды приносили держателям акций в среднем от 7 до 11 проц[ентов] годового дохода, то сегодня соответствующий показатель по наиболее высоколиквидным бумагам не превышает 2 проц[ентов], что делает ожидания дальнейшего спекулятивного роста *единственным стимулом к их приобретению.*

Нужно обратить внимание и на другую важную проблему, возникающую при анализе движения современного фондового рынка. Если, например, в ходе экономических кризисов вплоть до 1973 г[ода] нельзя было не заметить высокой корреляции между движениями на фондовом рынке и реакцией производственного сектора, то в последние годы она явно снижается. В 1986-1989 г[одах] валовой национальный продукт США обнаруживал устойчивую тенденцию к росту, повышаясь в среднем на 3,3 проц[ента] в год (в частности, на 3,1 проц[ента] в 1987 г[оду])[188], при том, что падение фондового индекса в октябре 1987 г[ода] было почти таким же, как при крахе, положившем начало кризису и стагнации конца 20-х — начала 30-х годов, в течение которого страна пережила падение ВНП на 24 проц[ента]. Анализируя ситуацию конца 1987 г[ода], Ж.Бодрийяр писал: «Что стало в результате этого кристально ясно, так это расхождение между нашими пред-

---

[187] См.: *Ip G.* Smaller Shares Loom Larger on Wall Street. P. 16.

[188] См.: Statistical Abstract of the United States 1995. Wash., 1995. P. 451.

ставлениями о том, какой должна быть экономика, и тем, какова она есть. Именно это огромное несоответствие и защищает нас от реальной катастрофы производственной системы»[189] Этот совершенно справедливый тезис имеет, однако, и обратную сторону. Действительно, биржевые катаклизмы все меньше влияют на реальную хозяйственную динамику, но и последняя уже не должна рассматриваться как достаточное условие предотвращения таких катаклизмов. Высокая конкурентоспособность американской промышленности и обнадеживающие макроэкономические показатели не предотвратили почти десятипроцентной коррекции фондовых индексов осенью 1997 г[ода]. Между тем тенденции современной экономики таковы, что сектор, связанный с движением этих иллюзорных показателей, становится важнейшим местом приложения сил и важнейшим источником существования для возрастающего числа людей, и сам по себе крах финансовой сферы, даже не влекущий соответствующего спада производства, может привести к не меньшим социальным потрясениям, чем кризис промышленности. Сегодняшняя субъективистская экономика теряет прежнюю связь с реальным объективным хозяйством, но одновременно *сама становится данностью, определяющей материальный прогресс современного общества.*

Таким образом, происходит сложное переплетение различных по своей природе оценок. Как отдельные материальные или нематериальные блага, так и способности человека, представленные в виде «интеллектуального капитала», а в последнее время во все возрастающей степени и социальные институты, оцениваются в привычной денежной форме, не обладая при этом той стоимостью, которая всегда считалась содержанием таковой. Данные тенденции не могут быть пре-

---

[189] *Baudrillard J.* The Transparency of Evil. P. 26.

одолены, ибо они отражают объективный процесс становления постэкономического общества; главный же вопрос заключается сегодня в том, может ли переход от прежней системы оценок к новой, сегодня совершенно неопределенной, не затронуть фундаментальных основ социального равновесия. [VII, 27//28]

[Заключение]

Укрепляющееся на протяжении последних столетий доминирование знания над религией отражает то предпочтение, которое люди отдают *пониманию* истоков или последствий тех или иных процессов перед *верой* в их возникновение и развитие. Но это приводит к тому, что успехи теоретических построений, ориентированных на изучение поверхностных форм явлений, оказываются преходящими и иллюзорными. Именно поэтому популярные в экономической теории представления, отождествляющие стоимость и цену и сводящие их к результату взаимодействия множества отчасти чисто количественных факторов, должны сегодня, накануне нового тысячелетия, уступить место новым, чтобы не противоречить важнейшим закономерностям развития человеческого знания.

Пытаясь в данной работе восстановить некое подобие адекватного методологического подхода к исследованию проблемы стоимости, мы основывались на том, что *стоимость* как экономическая категория представляет собой частный случай *ценности*, признаваемой человеком за каждым предметом, отношением или институтом. Ограничительным фактором в данном случае является понимание человеком объекта, получающего *стоимостную* оценку, либо как условия удовлетворения своих *материальных* потребностей, либо как продукта усилий, прямо или косвенно порожденных соответствующими стремлениями. Стоимость представ-

ляется нам сложным социопсихическим феноменом, отражающим как мотивационную, так и продуктивную сторону человеческой деятельности в условиях экономического общества.

Рассматривая стоимость как отношение затрат материально мотивированной деятельности человека к полезности продукта, определяемой через ее соответствие материальным же потребностям человека, мы исходим из того, что историческим пределом развития стоимости является не формирование нетоварного типа производства, а преодоление материального мотива в качестве основного стимула человеческой деятельности. В этой связи можно наряду с ранее охарактеризованными этапами становления стоимостного отношения, выделить и периоды его регресса, исследование которых представляется сегодня весьма актуальной и важной задачей как экономической, так и других гуманитарных наук.

Отметим еще раз, что глубинной основой процесса преодоления стоимостного отношения является модификация характера человеческой деятельности. Поскольку лишь мотивированные утилитарными факторами виды конкретного труда могут быть *качественно* сводимы к абстрактным затратам человеческой энергии, постольку устранение стоимостных отношений возможно лишь с преодолением материальной мотивации субъектов производства. Вместе с тем в рамках утилитарно мотивированной деятельности возможно развитие видов конкретного труда, которые невозможно сводить к абстрактному труду в *количественном* аспекте. Сохраняя способность быть со*поставителем* ценности благ, такие виды деятельности не могут выступать основой их со*измеримости* в привычном смысле данного понятия. Развитие форм человеческой деятельности является сегодня наиболее важным процессом, воздействующим как на развитие обеих составляющих стоимостного отношения, так и на само это отношение в целом.

Представляется возможным выделить три ступени нисходящей фазы эволюции стоимостного отношения. На [*первой*], представляющей классическую систему товарного производства, любая деятельность материально мотивирована и не отмечена чертами какой-либо уникальности; первое делает ее элементом экономических отношений, второе позволяет свести ее к абстрактному труду и квантифицировать в его единицах. Такая деятельность создает общественные полезности, соизмерение которых с затратами абстрактного труда позволяет количественно определить стоимость того или иного блага. Напротив, [*третий*] этап характеризуется тем, что деятельность человека утрачивает свои утилитарные мотивы и управляется стремлением личности к развитию и совершенствованию. В этом случае активность уже не может быть ни качественно, ни количественно редуцирована к абстрактному труду, а ее затраты представляются неисчислимыми не только в силу специфики самой деятельности, но и по причине того, что она не проявляется на общественном уровне. Полезность результата такой деятельности уже не является *индивидуальной* полезностью, будучи всецело *субъективной*, а ее цель не предполагает никакого материального воплощения, кроме личности самого активного субъекта.

[Между этими завершенными формами заключен тот *переходный* период, который соответствует современному этапу]. В этих условиях конкретный труд сводим к абстрактному *качественно*, ибо в большинстве случаев он еще остается мотивированным утилитарными факторами, но не *количественно*, так как большинство видов деятельности уже предполагают своим основным условием использование уникальных качеств личности. Соответственно и издержки, и полезности уже являются *общественными,* [VII, 28//29] потому что ни труд человека, ни его потребности уже не столь унифицированы, как ранее, но в то же время они еще не стали *субъективными*, ибо деятельность еще не в полной мере оп-

ределяется стремлением личности к совершенствованию и развитию. Поэтому мы предпочитаем говорить о данном состоянии как о периоде господства *индивидуальных* издержек и *индивидуальных* полезностей. Эта стадия сочетает в себе ряд черт предшествующих и последующих состояний и, как и любое иное переходное состояние, не может не быть отмечена множеством проблем и противоречий, проявляющихся на всех уровнях общественной жизни.

Обращает на себя внимание крайне двойственный и противоречивый характер сложившейся сегодня ситуации. *С одной стороны*, легко заметить как то, что потребление утрачивает массовый характер, становясь одним из средств самореализации личности, так и то, что с развертыванием информационной революции все меньшее количество видов человеческой деятельности может быть количественно определено в единицах абстрактного труда. С этой точки зрения стоимость преодолевает количественную определенность и становится анахронизмом. Как со стороны производства, так и со стороны потребления ощущается нарастающее давление на прежние формы обмена, результатом чего становится все более и более очевидная оторванность реальных процессов производства и потребления от опосредующих их движений знаков стоимости. *С другой стороны*, быстрое усложнение процессов производства и потребления и сегодня происходит в условиях доминирования материальной мотивации, и можно констатировать, что развертывающееся количественное разрушение стоимостных пропорций не стало необратимым, поскольку не базируется пока на сущностных изменениях в природе человеческой активности. Последнее можно было бы считать неизбежной «болезнью роста», если бы не одно важное обстоятельство.

В течение долгих десятилетий выход за пределы индустриального строя связывался с преобразованием социальной структуры, с изменениями, в той или иной

мере инициированными и направляемыми человеческим сознанием. Во второй половине XX в[ека] модернизация существовавшей производственной системы происходит под воздействием реализующегося в потреблении стремления человека к развитию и обогащению собственной личности. Однако, как становится все более очевидным, это и есть предел того, что может быть обеспечено развитием человека как потребителя. Новый этап кризиса индустриальной системы обусловлен развитием человека как производителя. Можно утверждать, что именно оно определит судьбы будущего общества. Между тем значительная часть современного общества еще не обеспечила себе того уровня потребления, который был бы достаточен для подлинной экспансии новых, неэкономических мотивов деятельности. В такой ситуации преодоление стоимостных оценок, *с одной стороны, обретает реальную движущую силу* в лице вышедших за пределы материальной мотивации людей, а *с другой, лишается социальной основы*, поскольку самореализация подобных личностей вовсе не обязательно способствует достижению остальными уровня благосостояния, позволяющего им влиться в число носителей нового типа мотивации.

{Анализ эволюции стоимостных отношений показывает, что формирующаяся постиндустриальная система не базируется на некоей комплексной социальной структуре или на каком-то конкретном основополагающем отношении или принципе. Источником как дальнейшего прогресса человечества, так и новых общественных противоречий будут служить возможности и стремления личности. Поэтоу уже сейчас важно сконцентрировать внимание ученых-обшествоведов на малоизученных закономерностях становления постэкономического общества. Иначе, переходя от труда к творческой деятельности, от экономической оценки благ к индивидуализированной, мы рискуем потерять основные ориентиры, определявшие его развитие на протяжении предшествующей истории.} [VII, 29]

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

*ЗАКЛЮЧЕНИЕ К ТЕКСТУ КНИГИ 1998 года**

В.Л.Иноземцев

[554] Начав эту книгу с рассмотрения теорий истории, созданных европейскими философами на протяжении долгих веков, мы акцентировали внимание на том, что двумя важнейшими составляющими каждой исторической доктрины являются, с одной стороны, осмысленные ее автором факты и, с другой — его личная методологическая позиция, в значительной мере заданная субъективными чертами его мировосприятия. Такая двойственность присуща любой теории, но если естественные науки далеко продвинулись в сторону объективизации знания, отошли от бездоказательных схем и обосновывают все большее количество постулатов, ранее принимавшихся как очевидные, то зависимость исторических концепций от мировоззрения и социальных ориентиров их создателей не претерпевает существенных изменений на протяжении столетий. Особого внимания заслуживает одна из таких субъективных особенностей, воспроизводящаяся вновь и вновь, независимо от того, насколько совершенной оказывается очередная интерпретация прогресса.

Социальные теории отличаются от естественнонаучных не только тем, что имеют дело с постоянно изменяющимся предметом исследования; они и сами

---

* Впервые опубликовано в книге *Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества*. М., 1998. С. 554-571.

служат важнейшим фактором его трансформации. Именно поэтому субъективные нюансы авторской позиции выходят в обществоведении на первый план. Важнейшим же предрассудком, в той или иной мере проявляющимся в рамках фактически любой исторической концепции, мы считаем рассмотрение эпохи, современной автору, в качестве главного переломного момента в историческом процессе. Разумеется, никто из историков не представляет себе траекторию развития цивилизации в виде прямой линии, а в сложном и противоречивом движении к определенной цели всегда можно отметить судьбоносные моменты. Данное обстоятельство порождает множество проблем, [554//555] причем отнюдь не только теоретических, выступает своего рода платой за возможность преодоления узких рамок концепций глобального круговращения, свободных от данного предрассудка и в то же время неспособных объяснить ни подлинного характера истории, ни большинства закономерностей общественного развития.

Как бы ни были различны теории св. Августина и [К.]Маркса, [Г.В.Ф.]Гегеля и современных представителей постмодернизма, они схожи в своем отношении к «текущему моменту», который безусловно признается ими наиболее значимым для истории человечества. В этом аспекте прогресс оказывается гораздо более медленным, нежели собственно в научном осмыслении закономерностей исторического развития; степень продвижения вперед можно фиксировать, лишь разобравшись, в какой мере данное заблуждение обусловлено самой доктриной, сколь явно оно противоречит ее основным постулатам и насколько упорны авторы в своем следовании ему.

Идея св. Августина о противопоставлении эпохи, простирающейся от Рождества Христова до Страшного суда, множеству предшествующих этапов, отражающих хронологию библейских событий, была ошибочной. Однако эта ошибка содержалась в теории, факти-

чески породившей современное мировоззрение; она была сделана менее чем через четыреста лет после начала активного распространения христианства, когда таковое действительно представлялось последним шагом к искуплению земных грехов человечества, а мысль о бренности земного града не могла не посетить автора, не дожившего лишь нескольких месяцев до захвата и уничтожения вандалами его родного Гиппона. Совершенно иную цену имеют подобные предрассудки в наши дни. Родившись заново с формированием основ современного общества, они приобрели беспрецедентное распространение. Попирая фундамент собственных концепций, разрушая их внутреннюю логику и пренебрегая аргументами, которые они сами только что использовали, философы всех идеологических направлений пытались и пытаются превзойти друг друга в выпячивании значимости современной им эпохи для прогресса человеческого рода. При этом если отцы христианства на заре его распространения искренне стремились усовершенствовать мир через развитие человека, то теоретики нашего времени упорно считают ниже своего достоинства и призвания реформирование тех начал земного миропорядка, которые были помещены Господом в душу человеческого существа. Только масштабы всего материального civitas terrestris признаются ими адекватным объектом приложения столь благородных усилий. И уже более двухсот лет человечество в муках переживает каждую новую волну подобного реформаторства.

Середина XVIII века. Европа вступает в эпоху Разума, пережив, казалось бы, один из самых страшных этапов своей истории, оста[555//556]вив позади исполненный исключительно резких противоречий период позднего средневековья, когда европейцы гибли в колониальных войнах на других континентах и истребляли друг друга в религиозных междуусобицах, Святой престол покровительствовал искусствам и санкционировал невиданный размах инквизиции, хозяйственный

прогресс в протестантских странах был заметен, пожалуй, не более, чем ощущался кризис крупных европейских монархий. В этих условиях стремление рационализировать существующий порядок, установить более справедливые социальные отношения, полностью реализовать возможности наук и искусств, сделать человечество лучше, чем оно есть, приняло больший размах, чем когда бы то ни было ранее в мировой истории. Наступление новой эпохи казалось абсолютно неизбежным; подобные идеи выдвигались не отдельными мыслителями, не кучкой заговорщиков — о них говорили все. Философы и историки, экономисты и политики были убеждены в необходимости обновления, они благосклонно выслушивались сильными мира сего, иногда их приближали к трону, большинство были обласканы самодержцами всех частей континента. Что же проповедовали эти люди, на чем основывали свои теории?

Полагая, что прогресс разума, под которым в большинстве случаев понималось развитие наук, искусств и техники, достиг такого размаха, что путь к установлению справедливого мирового порядка уже открыт, идеологи Просвещения уверенно заявляли, что все предшествующие эпохи — периоды формирования общественного хозяйства, описанные А.Фергюсоном и Ад.Смитом, или этапы эволюции человеческого разума в изложении Ж.-А. де Кондорсе — могут быть оставлены в прошлом, открывая дорогу поистине новой цивилизации. Что необходимо для этого? Ответ очевиден — следует раз и навсегда избавиться от формального неравенства, от оков несвободы, нужно раскрепостить человеческий дух, дать простор для развития индустрии, наук и искусств, обеспечить людям те равные права, которые дарованы им божественной волей, — этим в основном и ограничивались мечтания века, который и сегодня кажется одной из самых величественных страниц европейской истории. Что нужно для достижения этих целей? И здесь существовало относительное единодушие: все философы, за очень небольшим исклю-

чением, полагали, что воля просвещенных монархов, высочайшее соизволение осуществить реформы способны обеспечить установление царства свободы, равенства и братства в мировом масштабе уже в ближайшем будущем и безо всяких катастрофических потрясений.

Цели, намеченные философами, были благородны. Средства грядущих преобразований казались ясными. Но государи не захотели [556//557] услышать слова о равенстве и справедливости, которые сегодня могут показаться весьма наивными. Их услышали другие, люди, которые, восприняв элементы новых воззрений, не могли смириться с тем, что им не придется дожить до триумфа нового строя, казавшегося сколь очевидным, столь и близким. Результат известен. Вместо долгожданного равенства революционеры обрушили на народ кровавые репрессии. Гражданская война, охватившая Францию, происходила на фоне непрекращающегося взаимоистребления революционных клик, действовавших в традициях пресловутой гоббсовской «войны всех против всех». Почти на тридцать лет Европа была ввергнута в состояние непрекращающейся бойни. Что было достигнуто? Во всех воюющих странах погибли сотни тысяч людей, экономические процессы замедлились, задачи, которые призвана была решить революция, остались по-прежнему актуальными. Революционеры хотели просвещенной монархии? Они получили у нового трона Талейрана и Фуше, заменивших Тюрго и Калонна. Они стремились к экономической свободе и процветанию? В 1815 году Франция находилась в более плачевном положении, чем в 1789-м. Была ли воплощена идея свободы, равенства и братства? Эти слова остались только на вывесках и монетах, а к нищим крестьянским департаментам добавились пауперизированные кварталы городского фабричного пролетариата.

Отметим характерный момент. Европейские державы одержали победу над армиями узурпатора; династия возвращена на трон, а Франция вступила в самый продолжительный в ее истории период мира. Эконо-

мический подъем наметился уже в начале 20-х годов, монархия была устранена в 1848-м, и, пресекая впоследствии попытки радикальных социальных экспериментов, Франция сегодня представляет собой одну из наиболее развитых постиндустриальных держав. Но многие ли французы не боготворят Наполеона, не принесшего их родине ничего, кроме несчастий; многие ли историки считают возможным отказаться от трактовки Священного союза как реакционной организации, стремившейся затормозить развитие европейских государств? И одних, и других очень мало. И это заставляет задуматься о многом.

Прошло сто лет с тех времен, как просветители возвестили наступление царства Разума. Неравенство за этот период стало еще более резким, эксплуатация еще более нестерпимой. Старые дворянские привилегии заменились властью денег. Естественно, что идея равенства и справедливости не стала от этого менее популярной. И новыми философами была рождена новая идея.

На этот раз концепция представляла собой подлинно научное осмысление истории. Как и многие предшествующие ей теории, но значительно более последовательно и скрупулезно, рассматривала она хозяйственный прогресс в качестве основы эволюции соци[557//558]ального организма. Обращаясь к прошлому, она отмечала период детства человеческого рода, не затронутый экономическими закономерностями, эпоху крайне медленного развития и крайне слабых социальных связей. Оценивая настоящее, она показывала, как и когда первый период сменился эпохой доминирования экономических отношений, демонстрировала их внутренний потенциал и раскрывала механизм их саморазвития, обеспечивающий прогрессивное движение всего общественного целого. Предвосхищая будущее, марксистская теория впервые убедительно аргументировала неизбежность становления общества, которое ее основоположники называли коммунистическим, рассматривала его как третью фундаментальную фазу социального про-

гресса и отмечала, что выход в гипотетическое «царство свободы» невозможен без радикального хозяйственного переустройства, неизбежно вытекающего из достижения человечеством качественно нового уровня развития производительных сил.

Эта картина была безусловно более совершенной, нежели нарисованная просветителями. Она описывала реальный ход исторического развития и раскрывала его подлинный источник. Каким же должен был стать естественный вывод из подобного понимания истории? Крах экономического общества столь же несомненен, как и обеспечиваемый этим обществом хозяйственный прогресс. Развитие производительных сил неизбежно вызовет реформирование производственных отношений таким образом, что нарушенное соответствие будет восстановлено, и с этого периода начнется формирование новой, коммунистической системы.

Но процесс развития производительных сил постепенен и не происходит мгновенно; между тем экономическая общественная формация уже достигла своего наивысшего развития. Так ли уж необходимо развитие по нисходящей, не проще ли радикальным образом немедленно изменить основы общественного строя? В результате сделанные марксистами практические рекомендации фундаментально противоречили их теоретическим положениям. Описывая становление экономической общественной формации, занявшее в истории не одно тысячелетие, революционеры сочли, что преодоление ее основ возможно в течение нескольких лет. Констатируя, что современные им средства производства не дают возможности обеспечить коммунистические принципы производства и распределения, они заявляли, что производительные силы уже вошли с производственными отношениями в то финальное противоречие, разрешить которое может лишь революция, насильственно свергающая буржуазный строй. И наконец, прекрасно понимая, что никогда ранее ни один из полярных классов азиатского, античного или фео-

дального общества не становился господствующим в рамках нового строя, основатели марксизма уверенно называли [558//559] пролетариат, наиболее организованный, но в середине прошлого века также и наиболее пауперизированный и отчужденный от достижений прогресса класс, в качестве главной движущей силы предлагаемых преобразований.

Кажется, что даже порция яда, позволившая Ж.-А. де Кондорсе избежать гильотины, менее противоречила его идеям о торжестве разума, чем теория пролетарской революции диссонировала с гуманистическим и научным основанием марксистского учения. Но в той же степени, в какой призывы *ami du peuple* были далеки от философских исканий Вольтера и А.Шефтсбери, речи революционеров начала XX века оказались оторванными от фундаментальных идей социальной эволюции, изложенных в теории общественных формаций. Однако упрощение и примитивизация теории успешно послужили ее распространению и на этот раз, причем все повторилось вновь, фактически прежним образом, с той лишь разницей, что границы мира, вовлеченного в новое противостояние, расширились от пределов западной части Европейского континента до масштабов всего земного шара.

Российская революция 1917 года показала, что с каждым новым столетием социальное экспериментаторство становится все более опасным, а стремление осчастливить человеческий род, прокламируемое революционерами, заканчивается тогда же, когда и раньше — в момент их прихода к власти. Вновь была повторена гражданская война, вновь террор и насилие оказались направлены не только на реальных противников нового режима, но и на тех, кто лишь предположительно мог бы проявить к нему нелояльность. Победив и упрочив свои позиции, революционеры начали внутреннюю борьбу, пролив такое количество крови, которого, быть может, хватило бы и для обеспечения победы мировой революции. Предельно обострившиеся противоречия

между новой и традиционной системами вызвали очередное всемирное противостояние, а затем холодную войну, в период которой стремление двух полярных блоков достичь своих целей приводило к конфликтам на всех континентах. Однако реалии XX века сделали военную победу над Восточным блоком невозможной; Западу потребовалось почти пятьдесят лет для того, чтобы дождаться его естественного крушения. Причем решающие преимущества в хозяйственном противостоянии со странами Восточного блока обеспечил Западу лишь выход за пределы индустриального производства; поражение так называемого социализма стало очевидным именно между серединой 70-х и началом 90-х годов, когда с полной ясностью обнаружилось, что он был неспособен к созданию и воспроизводству постиндустриальных структур. В 1989 году процесс деструкции советской системы обрел вполне зримые черты, и к середине 90-х годов постсоветские государства фактически перестали су[559//560]ществовать как значимая сила в мировой экономике и политике. Ценой жизней десятков миллионов человек, невероятных затрат энергии на совершенствование и развитие вооружений, доведением планеты до грани экологической катастрофы силы, которые с точки зрения прежней логики могут быть названы реакционными, произвели вторую всемирную реставрацию; очередная революционная идея оказалась побеждена, а естественный ход хозяйственного и социального развития был восстановлен.

Заметим, что новая реставрация серьезно изменила отношение человечества к революционным доктринам. Военный и экономический союз западных стран, позволявший в течение полувека эффективно противодействовать распространению социалистической модели развития во всех уголках планеты, не уподобляется сегодня Священному союзу, хотя его роль в истории представляется вполне идентичной. И это не принижает значения Североатлантического альянса или других политических объединений западных стран; на-

против, это позволяет более рационально взглянуть на прошлые исторические трансформации.

Французская революция и последовавшие за ней события, с одной стороны, и российская революция и всемирное политическое противостояние XX века — с другой, представляют собой весьма схожие явления. В обоих случаях начало революционным процессам было положено новыми социальными доктринами, ознаменовавшими тот факт, что с определенного момента изучение общества становится инструментом его модернизации, а задачи подлинно научного анализа вполне могут быть подменены стремлением к изменению общества в интересах определенных социальных групп. В обоих случаях на волне реального революционного процесса оказались люди, менее всего понимавшие глубинную суть принятой ими доктрины и стремившиеся использовать лишь ее лозунги в борьбе за собственные цели и интересы. В обоих случаях успешный политический переворот привел к гигантской волне насилия, направленного как вовне, так и внутрь самого революционного лагеря, к исключению страны или стран из нормального эволюционного развития, к конфронтации с остальным миром и, наконец, к бесславному завершению эксперимента, оставившего участвовавшие в нем народы на обочине хозяйственного прогресса.

Но стали ли идеалы свободы, равенства и братства, идея «царства Разума» менее привлекательными после 1815 года? Оказалось ли представление о будущем обществе как свободном от сословных и классовых различий менее желанным от того, что лучшие представители дворянства истребили друг друга, а худшие оказались около трона? Вряд ли. Разве идеи коммунизма в их позитивном аспекте можно считать полностью обанкротившимися? Неужели с [560//561] учетом сегодняшнего опыта можно говорить о том, что концепция нового, неэкономического общества оказалась несостоятельной? Ни в коем случае. И именно это обстоятельство заставляет задуматься о том глобальном уроке,

который преподнесли человечеству два величайших революционных движения последних столетий.

Обе революции были вызваны стремлением к созданию более справедливого строя. Ни кучка революционеров в 1789-м, ни группа политических эмигрантов в 1917-м не смогли бы прийти к власти, если бы они крайне умело не использовали желание народа изменить существовавший порядок вещей. В первом случае речь шла о формировании основ общества, предполагающего свободу предпринимательства и развитие капиталистических тенденций, во втором — социума, свободного от всякой эксплуатации и неэкономического по своей природе. В начале XIX века против революционной, передовой Франции объединились монархические Британия и Пруссия. Но разве не эти «реакционные» страны уже через несколько десятков лет преподнесли Франции столь полезные для нее уроки развития того капитализма, который стремились форсированно создать французские революционеры? Разве современный Запад победил СССР в экономическом противостоянии не методами формирования постэкономического общества, которое коммунисты десятилетиями строили только на словах? Важнейший урок, который человечество должно вынести из катаклизмов прошедших столетий, заключается в том, что реальный прогресс может быть только эволюционным, что искусственно подталкивать процессы, имеющие вполне объективную динамику и свои внутренние законы, — значит наиболее радикальным образом нарушать внутреннюю логику развития цивилизации. И если понимание действительного смысла французской революции в подобном ключе не пришло окончательно и сегодня, двести лет спустя, то иллюзии относительно природы русской революции рассеялись еще до окончания коммунистического эксперимента, и это внушает большие надежды.

В конце XX века человечество стало осознавать опасность и вред радикальных революционных скачков; воз-

никло смутное, но становящееся все более осмысленным понимание того, что эволюционное развитие является залогом наиболее последовательного социального прогресса. Однако сегодня, когда страны свободного мира только начинают в полной мере ощущать результаты победы в глобальном противостоянии, слова о революции произносятся чаще, чем когда бы то ни было ранее. Соответствует ли это потребностям нашей эпохи и не отражает ли подобный настрой неисчерпанности стремления реформировать общество, предварительно сделав общепризнанным понимание его как некоего переходного строя? [561//562]

Конечно же, подобная трактовка сегодня будет отметаться, как говорится, «с порога», ибо все убеждены в том, что современная революция — технологическая или информационная — не является ни аналогом пролетарского восстания, ни прелюдией к чему-то подобному и их не следует даже сравнивать. Однако не нужно забывать и того, что гигантские социальные волнения прошлого были обусловлены не только мечтаниями политических философов, но и крупными переворотами в технологии и хозяйстве. Разве не замещение ремесла мануфактурным производством вызвало потрясения конца XVIII — середины XIX века? Разве не противоречия фабричной системы обусловили пролетарские движения начала следующего столетия? На наш взгляд, исследователи, возвещающие становление постиндустриального, технетронного, информационного общества, подобными определениями лишь будоражат сознание читателя, пренебрегая тем очевидным обстоятельством, что феодальный строй не был обществом сохи и молотка, равно как и капиталистический не являлся социумом паровой машины и двигателя внутреннего сгорания. Ни в прошлом, ни в будущем общество не может быть адекватно определено без обращения к его внутренним, сугубо социальным связям и отношениям; для глубокого понимания направления развития недостаточно даже самого полного и подроб-

ного описания основ технологического прогресса. И провозглашаемая сегодня информационная революция, безусловно, будет иметь своими основными последствиями именно социальные изменения, масштаб и противоречивость которых окажутся, возможно, не меньшими, чем масштаб и противоречивость событий, в которых участвовали предшествующие поколения.

Оптимисты могут говорить о том, что сейчас отсутствуют условия, способствовавшие радикальным социальным трансформациям прошлого. Сегодня нет ни революционного класса, изнывающего под бременем непомерной эксплуатации и ждущего лишь сигнала, чтобы поколебать основы существующего порядка. Сегодня нет сколь-либо распространенной в общественном масштабе теории, проповедующей подобное революционное изменение. Сегодня, наконец, нет и прежних противоречий, способных вызвать народное движение за ниспровержение несправедливого строя. Все это так. Однако сторонники подобных утверждений не учитывают одного важного обстоятельства, все более отчетливо проступающего в последние десятилетия. Та демассификация социума, которую, как правило, ограничивают лишь распространением индивидуального и мелкосерийного производства, с одной стороны, и модернизацией современного потребления — с другой, в реальности заключается прежде всего в кардинальных изменениях на уровне человеческого сознания, мотивации деятельности и поведения. [562//563]

В таком контексте серьезно модифицируется роль и значение современной технологической революции. Даже не создавая класса, способного бороться за ниспровержение существующего строя, она порождает в каждом человеке стремления, коренным образом противоречащие характерным для экономической эпохи. Даже не формируя новой теории или идеологии, она привносит в сознание людей иные ценности, модифицирующие структуру мотивов деятельности сильнее, чем десятилетия коммунистической пропаганды. И, на-

конец, устраняя прежние противоречия, происходящие в наше время изменения неизбежно порождают новые, возникающие не между классами, а между отдельными индивидами. Мы оказываемся свидетелями некоей общественной дезинтеграции, потенциал которой не уменьшается от того, что она происходит в незаметных поверхностному наблюдателю формах. В «Курсе позитивной философии» О.Конт писал, что социология — наука об обществе — самая сложная из того ряда, в котором он располагал системы знаний человека о мире; позднее он изменил свою точку зрения, совершенно справедливо указав, что еще более сложной является психология — наука о самом человеке, его чувствах и эмоциях, действиях и поступках. Сегодня мы переходим из общества, основные закономерности которого лежат в социологической системе координат, к социуму, в котором доминируют сугубо личностные, психологические связи и отношения. И, разумеется, это новое состояние является более сложным не только как объект познания, но и как объект управления.

Для более полной картины позволим себе ненадолго вернуться к уже рассмотренным проблемам.

Утописты, мечтавшие о справедливом обществе без денег и рынка, считали условием его создания фактическое обращение населения в поголовное рабство. Марксисты, стремившиеся преодолеть рыночные законы, в течение десятилетий строили систему планомерного производства и распределения продуктов. Результаты известны: утопические иллюзии остались иллюзиями, их либеральные варианты потерпели крах вместе с банкротством системы справедливого обмена Р.Оуэна; социалистическое плановое хозяйство просуществовало несколько дольше, зато и последствия его гибели были более масштабными и деструктивными. Сегодня же стоимостной обмен активно преодолевается с утратой исчислимости самой стоимости, с потерей материальным производством основополагающей

роли, с доминированием производства информации и знаний, оцениваемых прежде всего с точки зрения их общественной полезности. Наиболее весомым фактором данного процесса становится изменение самой природы человеческой деятельности, распространение надутилитарной мотивации, преодоление труда и замена его творческой активностью. [563//564]

Сторонники теории Ш.Фурье стремились обобществить в фаланстере даже самые незначительные предметы домашнего обихода, единственно ради избавления от ненавистного им понятия частной собственности. В странах Восточной Европы коммунисты лишь изредка пытались на практике достичь подобного идеала, однако они смогли создать беспрецедентную хозяйственную систему, в которой государство владело всеми средствами производства, используя их в интересах правящей бюрократии. Творцы наиболее глубоких и оригинальных исторических теорий не могли предположить, что хозяйственное значение частной собственности может быть преодолено не *обобществлением* производства, а его глобальной и всесторонней *индивидуализацией*. Сегодня частная собственность, сформировавшаяся в рамках экономической эпохи как механизм присвоения материальных благ представителями имущих классов, быстро трансформируется под воздействием факторов, кардинально отличных от тех, которые должны были, по мнению революционеров, положить ей конец. Развитие новых технологий двинулось в том направлении, где главными факторами производства стали способности и знания работников — неотчуждаемые свойства каждого человека. А прогресс техники обеспечил реальную возможность личного владения средствами создания современных информационных продуктов. Собственники гигантов материального производства, еще несколько десятилетий тому назад доминировавшие в обществе, сегодня начинают зависеть от обладателей информации и знаний, переоцененных настолько, что им становится все легче ус-

танавливать контроль над промышленными империями. И вновь нельзя не отметить, что желанная независимость интеллектуального работника от владельцев собственности на материальные средства производства стала свершившимся фактом только в западных странах; там же, где недавно правили коммунисты, подавляющее большинство людей остаются в жесточайшей зависимости от новоявленных владельцев производственных мощностей и естественных ресурсов.

В течение столетий все социальные реформаторы полагали, что преодоление эксплуатации возможно только с уничтожением класса эксплуататоров. Как искатели справедливости в восемнадцатом веке, так и революционеры нынешнего столетия преуспели в последнем как ни в чем ином. Однако оказалось, что устранение праздного класса не может сделать свободными ни крестьян, вынужденных трудиться в прежних условиях, ни рабочих, столь же тесно привязанных к средствам производства, пусть и находящимся не в собственности классово чуждых капиталистов, а во владении родного пролетарского государства. Борьбу с эксплуатацией повели, не понимая сути данного феномена, не сводящегося к факту от[564//565]чуждения части производимого продукта, а определяемого тем, насколько такое отчуждение противоречит фундаментальным интересам производителя. Между тем в результате модернизации системы ценностей, порожденной информационным прогрессом и обретением знаниями статуса основного фактора производства, на первый план выдвигается не стремление максимизировать свое материальное богатство, а желание индивидуума совершенствоваться, раскрывая свой потенциал и получая социальное признание. Такое изменение устраняет не сам феномен отчуждения части производимого продукта, но те черты, которые превращали его в эксплуатацию. И вновь необходимо подчеркнуть, что в развитых постиндустриальных странах при перераспределении благ эксплуатация в классическом ее понимании

не оказывает сейчас значимого влияния на социальные отношения, в то время как в бывших коммунистических государствах, где уровень жизни, и без того невысокий, катастрофически понизился в последние годы, волна консервативного реванша набирает силу именно под лозунгами более справедливого распределения национального богатства.

Все отмеченные процессы имеют общую глубинную основу — трансформацию характера человеческой деятельности. Современная технологическая революция вызвала два фундаментальных изменения: с одной стороны, она впервые в истории обеспечила удовлетворение основных материальных потребностей большинства членов общества и, с другой, сделала совершенствование самого человека не только делом его личного выбора, но и главным условием его социального признания. Сегодня, когда потребность в самосовершенствовании еще не стала столь превалирующей, каким недавно было повышение уровня материального благосостояния, в обществе действует механизм, стимулирующий постоянное развитие человеком своего интеллектуального потенциала, создающий конкуренцию знаний, подчас не менее жесткую, чем конкуренция собственности. С течением времени процесс самосовершенствования личности станет безусловной доминантой развития. Тогда творческая деятельность, порожденная стремлением к максимальной самореализации, полностью вытеснит труд, связанный с необходимостью удовлетворения материальных потребностей. Новая социальная структура, на первый взгляд, не может не быть более справедливой и гуманной по сравнению с прежней — ведь разве не к выходу человека за пределы «собственно материального производства», не к обеспечению условий всестороннего развития его личности стремились социальные реформаторы всех времен и народов? Однако нельзя не видеть, что традиционные формы социального взаимодействия должны уступить место новым, характер которых представляется сегодня совершенно не-

ясным. Будучи расположенными как бы в различ[565//566]ных плоскостях, интересы творческих личностей не пересекаются так, как интересы индивидов экономического общества; они не создают тех противоречий, которыми был пронизан этот социум, но в то же время они и не формируют единого результирующего вектора, задающего направление общественного прогресса. Можно ли быть уверенным, что проблемы, вызываемые этим обстоятельством, не перевесят преимущества, порожденные первым?

На наш взгляд, сегодня нет ничего более неразумного, чем представлять вызревающее общество как образец социальной гармонии. Преодолевая наиболее зрелые формы экономической общественной формации, человечество вступает в период ее нисходящего развития, в период преодоления и деструкции ее закономерностей. Между тем фаза упадка, какую бы общественную структуру мы ни рассматривали, никогда не была спокойным периодом эволюции. Упадок феодального строя, эволюционно снизив до минимума хозяйственное влияние аристократии, не произошел мирно, а почти три столетия обусловливал основные европейские катаклизмы. Упадок традиционного промышленного капитализма и переход к постиндустриальному обществу также не прошел гладко, и если бы не титанические усилия правительств по антикризисному регулированию в предвоенные годы и государственному финансированию научных и технологических исследований в послевоенные годы, неизвестно, чем бы закончилось глобальное противостояние XX века. Сегодня же мы вступаем в фазу гораздо более масштабного перехода, и недооценивать возможные опасности и противоречивость этой трансформации было бы крайне опасно.

Более того. Особый характер современной эпохе придает то обстоятельство, что о новом обществе, приходящем на смену существующему строю, ничего не известно. Если в период разрушения основ феодального строя сменяющие его структуры уже фактически

оформились и ожидали лишь политического признания и новых возможностей для своего развития, если в условиях позднего капитализма также было относительно ясно, какие социальные проблемы заключают в себе наибольшую опасность и на каких путях возможно их преодоление, то сегодня ситуация выглядит совершенно иной. Новых социальных структур не существует; формируются лишь новые индивидуальные системы ценностей и предпочтений, формы и направления эволюции которых не представляются достаточно определенными. При этом сохраняющиеся социальные институты имеют в своих арсеналах лишь те инструменты урегулирования общественных конфликтов и противоречий, которые успешно использовались в прежнюю, экономическую эпоху, а сегодня могут стать не только неэффективными, но и опасными. [566//567]

Поэтому нельзя не принимать во внимание, что человечество способно в ближайшие десятилетия достичь не только качественно нового уровня технологического и интеллектуального прогресса, но и невиданного ранее накала социальных противоречий и столкновений. На сей раз это вряд ли будут противостояния политических кланов, партий или даже отдельных общественных классов. Конфликты нового периода могут явиться из некоего сложного переплетения противоречий, возникающих между отдельными индивидами или между их сообществами, объединенными по параметрам сугубо субъективного характера.

Сегодня мы наблюдаем преодоление основ традиционного рыночного хозяйства. Огромное количество благ обменивается на другие без малейшего учета тех издержек, которые еще формируют цену на продукцию многих отраслей общественного производства. Переоцененность одних благ и целых отраслей соседствует с недооцененностью других; производительность деятельности, исчисляемая в тех показателях, в каких ее еще возможно исчислить, оказывается, напротив, гораздо более высокой в традиционном секторе, нежели

в новейших, перспективных производствах. Между тем продолжают функционировать рыночные институты, большинство населения всех развитых стран вовлечено в движение фиктивных знаков собственности, а снижение актуальности материальных интересов, связанное со становлением основ нового общества, поддерживается сегодня лишь стабильностью иррациональной системы, обеспечивающей высокий уровень общественного благосостояния, но подточенной изнутри именно теми обстоятельствами, которые она сама вызвала к жизни.

Становится все более и более очевидной грань между работниками интеллектуального труда, получившими доступ к средствам производства и способными противостоять владельцам основных фондов промышленных компаний в качестве равноправных партнеров, и пролетариями, которые, как и ранее, вынуждены продавать предпринимателям свою рабочую силу. Формы реализации прав собственности становятся все более сложными, а факторы, ограничивающие их, — все более многочисленными; на этом фоне владельцы личной собственности получают такие возможности для совершенствования знаний и технологий, которые при отсутствии общественного контроля могут стать потенциально опасными для социума в целом.

Преодоление эксплуатации состоялось ныне в сознании лишь той части общества, которая сумела получить доступ к знаниям — ресурсу, сегодня не слишком редкому, но весьма условному и требующему от человека качеств, которые не могут быть приобретены так же легко, как обреталась собственность в эпоху первоначального накопления капитала. По мере усиления ориентации на [567//568] производство информационных продуктов все более и более определяется круг лиц, которые не могут стать субъектами их создания не потому, что они лишены возможности приобрести необходимые для этого технические средства, а поскольку они неспособны усваивать информацию и генерировать новое знание — так сложилась их жизнь, так они

были воспитаны и обучены. Мечта о равенстве, основанная еще со времен эпохи Просвещения на наивном декартовском понимании сознания и разума человека как своего рода tabula rasa, уходит в прошлое, и горечь расставания с этой иллюзией может перевесить все достоинства общества, преодолевшего рыночное производство, собственность и эксплуатацию.

Значительные проблемы связаны также с необходимостью постоянно лавировать между совершенно разнопорядковыми вопросами. С одной стороны, насущной задачей является максимальное использование новых, постэкономических методов регулирования хозяйственных и социальных проблем внутри развитых стран, однако, с другой стороны, характер отношений с внешним миром остается всецело экономическим, так как в большинстве регионов планеты господствует производство индустриальной, а иногда даже аграрной продукции, а отнюдь не создание высокотехнологичных и информационных благ. Проблема взаимодействия между постэкономическим и экономическим секторами в глобальном масштабе становится исключительно острой, так как никакие программы сотрудничества и помощи, ориентированные на поддержку третьего мира, не могут дать иных результатов, кроме чисто экономических. Но так же, как в самих развитых странах люди, способные генерировать знания и создавать информационный продукт, не горят желанием трудиться в качестве землекопов и продавцов сосисок, а пополняют относительно замкнутую общность работников интеллектуального труда, противостоящую большинству членов общества, так и в развивающихся странах большинство талантливых специалистов и ученых стремятся влиться в данную группу не у себя на родине, где таковая фактически отсутствует, а в развитых странах. Именно поэтому доля интеллектуального потенциала, сосредоточенная в третьем мире, не превышает сегодня пяти процентов от общего интеллектуального потенциала человечества и продолжает снижаться. Таким образом, фор-

мирование границы между работниками интеллектуального труда и остальным обществом происходит не только в рамках отдельных стран, но и во всемирном масштабе, и невозможно разрешить данное противоречие только экономическими методами.

Итак, становление основ нового общества вряд ли может происходить гладко и беспроблемно. Напротив, социальные катаклизмы, опосредующие его, могут оказаться крайне опасными. [568//569] Возможность их возникновения реализуется тогда, когда в какой-либо из областей — в развитии ли рыночных тенденций, в эволюции отношений собственности или же в модернизации классовой структуры — создается ситуация, в которой новое, неэкономическое содержание глубинных хозяйственных и социальных процессов придет в резкое и непреодолимое противоречие с экономическими формами их проявления. Возникновение подобного резкого несоответствия и последующая за ним деструкция соответствующей экономической формы может иметь исключительно тяжелые последствия для всего общественного целого, поскольку такая деструкция означает крах прежнего порядка в условиях отсутствия как реально объединяющих общество принципов, так и центростремительных тенденций, достаточно очевидных даже в экономическую эпоху.

Существует ли возможность избежать подобных сценариев, может ли вообще быть относительно безболезненным переход к постэкономическому состоянию? Сегодня, конечно же, невозможно однозначно ответить на эти вопросы. Однако из всего сказанного можно сделать несколько общих выводов.

Во-первых, не следует смешивать современную технологическую революцию с революцией социальной; напротив, необходимо подчеркнуть их разделенность, их параллельный характер и отсутствие жесткой зависимости одного процесса от другого. В определенной мере можно даже утверждать, что одной из задач современного общества является некоторое замедление

целого ряда хозяйственных и социальных процессов, которые наиболее явно расширяют разрыв между глубинными основами социального устройства и экономической формой их проявления. Подобные меры могут отдалить возникновение радикального конфликта, способного разрушить социальное равновесие.

Во-вторых, учитывая, что подобные меры могут дать весьма условный, а то и вовсе иллюзорный эффект, следует оценить возможности совершенствования современных экономических структур. Речь идет о том, чтобы избавить их от наиболее фетишизированных и в то же время принимающих фиктивный характер знаковых проявлений, и прежде всего — о современных формах финансового капитала, о переоцененности отдельных компаний и отраслей, о непомерной распространенности знаков собственности, за которыми не стоят реальные элементы общественного богатства, и так далее. Продолжающийся уже два десятилетия и принявший массовые масштабы непропорционально быстрый по отношению к росту производства рост денежной оценки акций промышленных компаний сам по себе отчасти отражает деструкцию стоимостных принципов обмена, однако последствия возможного бир[569//570]жевого краха, которые затронут подавляющее большинство населения, могут затмить исторический оптимизм социологов, предвосхищающих становление нерыночного хозяйства.

В-третьих, следует обратиться к вопросу о новых системах, позволяющих эффективно воздействовать на поведение индивидов, для которых экономические ценности утрачивают прежнее значение. Формирование новых систем социальных отношений, позволяющих центральным институтам общества эффективно управлять индивидуумами, чья деятельность мотивирована надутилитарно, является сегодня наиболее важным условием обеспечения на протяжении ближайших десятилетий той социальной стабильности, без которой становление нового общества может оказаться невозможным.

В-четвертых, следует приступить к созданию эффективной системы противодействия нарастанию нового противостояния, провоцируемого разделенностью общества по принципу материальной и нематериальной мотивированности деятельности его членов на обладающих знаниями и информационными технологиями и лишенных их. Для этого нужно научиться сочетать на протяжении продолжительного исторического периода экономические методы воздействия на людей с неэкономическими, причем как внутри отдельных постиндустриальных наций, так и во всемирном масштабе.

В контексте этих выводов мы должны подчеркнуть, что тенденции, которые вытекают из динамики социальных процессов в последние десятилетия, совершенно не обязательно получат в ближайшем будущем свое прямое продолжение и развитие. Мы не можем точно определить перспективы, ожидающие человечество, но мы можем утверждать, что переход к постэкономической цивилизации, начинающийся сегодня в условиях триумфа знаний, на волне беспрецедентного исторического оптимизма, не будет легким. Новые надежды и ожидания окажутся сопряжены с разрушением прежних представлений, ценностей и приоритетов; сегодня это представляется невозможным, но разве предполагали римляне, прославляя Марка Аврелия, философа на троне, что их империи осталось жить всего двести лет? Открывая новую страницу истории, не следует недооценивать трудностей прощания с прошлым, с гигантской эпохой, которая была жестокой и несправедливой, но в то же время блистательной и великой; эпохой, представляющей собой единственный и уникальный путь, уже пройденный человечеством. Да, в эту эпоху творчество было редким уделом, но именно творческими усилиями созданы величайшие культурные памятники, которым поклоняется современное человечество; благородство тоже отличало немногих, но именно оно запомнится всему роду людскому как ха-

рактерная черта прошло[570//571]го; безысходная трагедия революционеров заключалась в том, что их идеи не могли обеспечить обществу реального прогресса, но число искателей лучшего будущего от этого не уменьшалось.

Ни одна попытка революционной трансформации мира не завершилась долговременным успехом, хотя задачи, провозглашавшиеся первопроходцами, были весьма локальными. Сегодня же человечество выходит за пределы экономической эпохи, преодолевая материальные интересы, ранее управлявшие миром; подобного не предполагал даже Господь, предрекая, что человек вечно будет обречен в поте лица своего добывать хлеб свой. Но при этом все попытки человека решительно изменить этот мир сдерживались глубинными законами социальной эволюции, возвращавшими цивилизацию на естественный путь развития; мы надеемся, что это повторится и завтра. Именно в этом заключено главное и, пожалуй, единственное основание для оптимизма, с которым мы продолжаем смотреть в будущее. И вопрос о том, что же *будет*, когда наступит новое общество, имеет только один ответ:

А будет апрель... ,

так же как и вопрос, что же *следует* делать сегодня, в преддверии перемен, —

А следует жить,
Шить сарафаны и легкие платья из ситца,
Шить их, и верить, что все это будет носиться, —
Только лишь этого ради и следует жить. [571]

РЕЦЕНЗИИ
1997—1998 годов

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ*

О.Н.Антипина, В.Л.Иноземцев

[186] Ровно четверть века волнуют мировую общественность доклады Римскому клубу. Эта неправительственная международная организация ведет свою историю с апрельского дня 1968 г[ода], когда группа ученых под руководством итальянского экономиста, бизнесмена и общественного деятеля Аурелио Печчеи встретилась в старейшей из существующих академий, Accademia dei Lincei в Риме, и заявила об основании организации, цель которой — изучение причин и путей решения глобальных проблем.

Основной вид научно-исследовательской активности Римского клуба — реализация исследовательских проектов по актуальным аспектам глобальных проблем, результаты которых получают форму докладов, предпосланных клубу и подлежащих обсуждению его членами. С момента основания под эгидой этой организации было подготовлено свыше 20 докладов, большая часть которых получила всемирную известность, составив серию бестселлеров по глобальной проблематике.

Участь бестселлера не миновала и последний доклад Римскому клубу, о котором идет речь в данной

---

* Впервые опубликована в журнале *Вопросы философии*. 1997. № 11. С. 186-190.

рецензии[1]: ряд материалов доклада, впервые опубликованные в Германии в сентябре 1995 г[ода], сразу же обрели популярность у посетителей книжных магазинов и были переведены более чем на десять языков. В начале 1997 г[ода] вышло полное книжное издание доклада на английском языке. Авторы заявляют о готовности решить вопросы, поставленные в наиболее известных исследованиях Римского клуба. Речь идет прежде всего о первом докладе, выпущенном в 1972 г[оду] группой Д. Мидоуза, под названием «Пределы роста»[2], в котором прозвучал приговор: цивилизации суждено погибнуть вследствие достижения пределов роста, обусловленных исчерпаемостью минеральных ресурсов и земельных угодий, пригодных для сельскохозяйственной деятельности.

В первой из четырех основных частей работы, занимающей более половины ее общего объема, рассматриваются в основном примеры, поочередно иллюстрирующие, с одной стороны, низкую эффективность использования производственных ресурсов и, с другой — потенциальные возможности, открываемые новыми технологиями в области экономии материалов и энергии. Нельзя не отдать авторам должного: излагая факты, которые, на первый взгляд, могут заинтересовать лишь специалиста в соответствующей области, они от главы к главе формируют у читателя как интерес к самой проблематике, так и определенное нетерпение в ожидании выводов и, в более широком плане, описания пути спасения человеческой цивилизации. Меж-

---

[1] *E. von Weizsäcker E., von, Lovins A.B., Lovins L.H.* Factor Four: Doubling Wealth — Halving Resource Use. The New Report to the Club of Rome. L., 1997, 322 pp. (*Э. фон Вайцзеккер, А. Ловинс, Х. Ловинс.* Фактор 4: в два раза больше богатства из половины ресурсов. Новый доклад Римскому клубу).

[2] *Meadows D., Meadows D., Randers J., Behrens C.* III. The Limits to Growth. A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. N.Y., 1972.

ду тем нельзя не отметить, что вторая часть, где излагаются основные конкретные предложения, исходящие в первую очередь из констатации важности переосмысления понятия эффективности на основе включения в него экологической составляющей и сводящиеся к жесткому экономическому воздействию на потребление ресурсов в направлении его ограничения и введению с этой целью нового «экологического налога», оказывается по объему вдвое меньше первой. Еще меньшей оказывается третья часть, в которой авторам приходится словно бы нехотя остановиться на существующих контртенденциях; наконец, четвертая часть, где предпринимается попытка изложить некоторые теоретические и общефилософские выводы, ограничена лишь тремя десятками страниц. Не пытаясь выступать апологетами трудов, предпочитающих методологические изыски конкретному анализу, мы хотим отметить, что подобная структура работы может отчасти быть обусловлена определенной непроработанностью целого ряда поднимающихся проблем и стремлением произвести должный эмоциональный эффект, нежели жестко аргументировать излагаемую позицию; так, вряд ли можно согласиться с отказом авторов от четкого изложения деталей позитивной концепции, заменяемого отсылкой читателя к своим прежним работам (стр. 206).

Основная идея доклада сводится к утверждению, что современная цивилизация (представленная развитыми странами Запада) достигла уровня, на котором рост производства фактически во всех отраслях хозяйства способен осуществляться не только без привлечения дополнительных материальных ресурсов и энергии, но и в условиях их прогрессирующей экономии. «Это амбициозная книга, цель которой — изменить направление технологического прогресса», — заявляют авторы в предисловии. На практике изменение пути технологического прогресса должен осуществить «Фактор 4». В чем его суть и значение?

Со времен промышленной революции совершенствование технологии было обусловлено стрем[186// 187]лением повысить производительность труда, даже если это требовало вовлечения дополнительных естественных ресурсов. «Фактор 4» — это производительность ресурсов, к стимулированию которой необходимо перейти для достижения устойчивых характеристик развития. Проведенное авторами доклада исследование позволяет им утверждать, что «величина богатства, получаемого от использования единицы ресурсов, может возрасти в четыре раза. Следовательно, мы можем жить в два раза богаче, расходуя лишь половину ресурсов» (стр. XVIII).

В самом деле, мало кто из нас задумывался над тем, что с каждым новым шагом прогресса эффективность хозяйства не повышается, а падает. Эта парадоксальная ситуация иллюстрируется конкретным примером: если в доиндустриальную эпоху для создания продуктов, содержащих 100 калорий энергии, человек затрачивал только 1 калорию, то сегодня с этой целью в механизированном производстве риса применяется от 10 до 40, при выращивании фруктов — от 50 до 1000, в производстве говядины — 3,5 тысячи, а в тепличных хозяйствах — 50 тысяч калорий (стр. 50). Столь масштабное использование энергии дополняется в последние десятилетия ускоряющимся освоением запасов наиболее редких полезных ископаемых — таких как цинк, хром, медь, магний, молибден и т.д. Их потребление на протяжении нашего столетия выросло в 2 — 8 тысяч раз (стр. 241), а между тем именно их добыча требует колоссальных энергозатрат и сопровождается перемещением, а следовательно, и разрушением гигантских масс породы, приводящим к ухудшению почв и подземных вод; так, для изготовления десятиграммового золотого кольца сегодня используются более трех тонн природных компонентов (стр. 242), и этот пример является далеко не единственным. Происходящее разрушение

среды обитания принимает опасные масштабы; за последние три десятилетия пригодные для использования земли в расчете на душу населения сократились вдвое (стр. 221), а уровень углекислого газа в атмосфере увеличился более чем на 20 процентов (стр. 225); в этих условиях рост продолжительности жизни человека достигается ценой утраты многообразия окружающего мира, из которого ежедневно исчезают около 20 видов живых существ, и это число может возрасти до 50 в начале следующего столетия (стр. 231). Ситуация оказывается не только опасной для будущих поколений, но и неэффективной уже сегодня, когда экономические потери только от сжигания органического топлива достигают 14 процентов мирового валового национального продукта (стр. 200).

Традиционный взгляд экономиста не в состоянии отметить вопиющую интегральную неэффективность современного хозяйства. Осваивая все новые и новые ресурсы, человек использует прежние весьма неэффективно, и в нынешних условиях то, что лишь 20 процентов сжигаемого бензина непосредственно приводят в движение колеса автомобиля, в то время как остальные теряются при работе двигателя, равно как и то, что не более 10 процентов электроэнергии накаливают спираль лампы, тогда как 90 процентов только способствуют глобальному потеплению (стр. XXI), уже не может никого удивить. Тогда, может быть, спрашивают авторы, читателю будет интересно узнать, что сегодня 99 процентов материалов, используемых для изготовления потребительских благ, превращаются в отходы менее чем через 6 недель после их продажи (стр. XX)?

Все это является основанием вывода, что развитие производства должно ориентироваться не на освоение и использование в растущих объемах новых ресурсов, а на экономное расходование уже имеющихся. Предоставляемые современными технологиями возможности, полагают авторы доклада, вполне достаточны для по-

добного изменения. Перед читателем развертывается череда примеров, как нельзя лучше иллюстрирующих это. Известно, что с 1973 по 1986 г[од] потребление бензина средним новым американским автомобилем снизилось с 17,8 до 8,7 л/100 км, но является ли это пределом? Нет, так как уже сегодня концерн Honda предлагает машины с уровнем потребления в 4,62 л/100 км, а ведущиеся корпорацией General Motors разработки модели Ultralite определяют новый уровень экономичности между 1,2 и 2,1 л/100 км: впервые на одном баке бензина можно будет проехать от Атлантического до Тихоокеанского побережья США (стр. 4-5, 8).

Примером колоссальной экономии материалов служат электронные книги и каталоги. 3000-страничный медицинский справочник Merck Manual, а также настольный медицинский словарь — незаменимые спутники врачей, которые до недавнего времени сталкивались с большими трудностями по их транспортировке во время посещения больных на дому. «С карманным, оборудованным CD-ROMом компьютером врачи могут теперь обращаться к обеим книгам, сидя у постели своих пациентов. Что за облегчение для них, что за вклад в рост эффективности использования материалов!» (стр. 76).

Что касается производительности транспортных средств, то одна из возможностей ее прогрессирующего роста связана с распространением электронных систем связи. Японский эксперт Х. Цухайя установил, что использование факс-машин оказывается на 92 процента менее энергоемким, чем переписка при помощи почты. Немецкие ученые провели сравнение материальных издержек на единицу выпуска для обыкновенной и электронной почты. В первом случае затраты бумаги и материалов, обеспечивающих транспортировку письма весом 10 г, оказались равны одному фунту (0,4536 кг), а затраты материалов на производство домашнего компьютера и кабеля, обеспечивающие передачу 10-килобайтного письма, равны 5 г. Вывод заключается в том,

что расход материалов на передачу письма по электронной почте в 100 раз меньше, чем [187//188] при помощи пересылки письма наземным или воздушным транспортом (стр. 116-117).

Почему же подобные технологии остаются в большинстве своем невостребованными или служат лишь показательными образцами приверженности общества экологически сбалансированному развитию?

Ответ на этот вопрос предполагает рассмотрение целого ряда обстоятельств. Нельзя не отметить, что хозяйственные показатели, господствующие в современной экономике, остаются сегодня, при всем их несовершенстве, единственно приемлемыми; разработанный New Economic Foundation (NEF) так называемый индекс устойчивого экономического благосостояния (Index of Sustainable Economic Welfare (ISEW)) (стр. 272) при всей привлекательности вряд ли станет базой для статистических сопоставлений в ближайшие годы. Однако более существенны устоявшиеся традиции, тот моральный фактор [(стр. XV)], который, по мнению авторов, должен всецело ускорять и развивать прогрессивные новшества. С одной стороны, конечно, каждый человек в силу чувства самосохранения объективно восприимчив к природоохранным технологиям, но, с другой, в состоянии ли пересесть на Ford KA американский бизнесмен, с детства усвоивший, что чем длиннее кадиллак, тем короче переговоры, и проголосует ли баварский бюргер еще раз за «зеленых», запретивших ему использовать камин, у которого сидели его дед и прадед, если дымоход расположен менее чем в 200 метрах от соседнего жилья?

Но и это обстоятельство кажется относительно несущественным на фоне той оппозиции, которая неминуемо возникнет со стороны стран третьего мира, для которых экспорт ресурсов, ориентированный на высокий уровень их потребления в Европе и США, связан с единственной возможностью выплатить долги, дос-

тигшие небывалых размеров (стр. 232). Кроме того, развитые страны не имеют возможности препятствовать индустриализации, охватившей сегодня Юго-Восточную Азию и Латинскую Америку, в результате которой потребление энергии, причем получаемой, как правило, наиболее экологически опасными способами, во всемирном масштабе растет, и, чтобы на протяжении ближайших 30 лет сократить выбросы углекислоты в атмосферу вдвое, как это необходимо, развитым странам нужно снизить этот показатель в 5 раз, так как загрязнение окружающей среды в третьем мире непрерывно прогрессирует (стр. 228).

В современных смешанных экономических системах распределение ресурсов по сферам приложения осуществляется на основе рыночных принципов. Природные ресурсы, как и другие факторы производства (капитал, труд, информация), применяются таким образом, чтобы их отдача была максимальна. И если потребительские предпочтения отданы благу, производство которого загрязняет окружающую среду, то необходимы специальные регулирующие меры, чтобы предотвратить загрязнение, ибо рыночный механизм не в силах сделать это. Поменяв слова У.Черчилля «демократия есть худшая система государственного управления, за исключением всех остальных» на «рынок есть худший способ сделать что-либо прибыльным, за исключением всех остальных способов» (стр. 143), авторы «Фактора 4» акцентируют внимание на признании того, что «рынок — это лишь инструмент, а не религия; средство, но не цель. Он может быть гораздо лучше использован для производства многих важных вещей, но он не всесилен, и опасно полагать, в частности, что рынок может заменить этику или политику» (стр. 154).

Эффективность регулирования рынка применительно к рассматриваемой проблеме производительности ресурсов продемонстрирована в докладе на примере отнюдь не новой идеи экологической налоговой ре-

формы. Авторы опираются на исследования швейцарского экономиста Р.Рештейнера, пришедшего к выводу, что экономическая активность (измеряемая индикаторами экономического роста, торговым балансом, числом патентов и т.д.) в странах {Организации экономического сотрудничества и развития} (OECD) начиная с середины 70-х годов находится в *прямой* корреляционной зависимости от роста цен на энергоресурсы и *обратной* корреляционной зависимости от их удельного потребления (стр. 200). Причем в бывших социалистических странах, не включенных в анализ Р.Рештейнера, сохранение низких цен на энергоресурсы соседствовало с низким уровнем экономической активности. Все это означает, что рост цен на энергосырье не ведет к снижению благосостояния, а напротив, стимулируя эффективность, способствует повышению качества жизни граждан. Однако, используя различные технические приемы — цены «пола» и «потолка», квотирование, «экологический налог», — необходимо помнить, что во избежание инфляционных процессов рост цен не должен обгонять рост производительности.

Авторы говорят о том, что данная концепция не нова и корни ее уходят в работы известного английского экономиста А.Пигу, относящиеся еще к началу века; при этом они пишут о растущей поддержке подобной идеи. Однако хочется вспомнить американскую поговорку: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?», и спросить о том, почему, если концепция столь хороша и известна уже почти 80 лет, она нигде не применяется; ведь сформулированная пятнадцатью годами позже доктрина Дж.Кейнса не только была использована фактически немедленно, но и успела за полстолетия уступить место новым идеям?

С одной стороны, и на это указывается в книге, в нерешенность экологических проблем вносит свою лепту противостояние Севера и Юга (стр. 208); развивающиеся страны крайне не заинтересованы в повыше-

нии цен на энергоносители, так как это может полностью заблокировать рост в тех из них, [188//189] которые сегодня получают возможность догнать индустриально развитые не только в силу дешевой рабочей силы, но и потому, что стоимость сырья в течение последних лет оказалась на самом низком уровне за весь послевоенный период. В случае резкого повышения цен на энергию Запад столкнется с искусственно сдерживаемой индустриализацией во многих странах, деградацией национальных экономик, ростом социальных волнений и глобальной напряженности. Для поддержания сбалансированности и разрешения возникающих на Юге проблем потребуется дотирование развивающихся стран только на соответствующие цели в размере не менее 100 млрд. долларов ежегодно (стр. 219). Между тем апелляция авторов к тому, что эта сумма составляет менее 1 процента ВНП развитых стран, вряд ли приведет к реальным шагам по осуществлению такой помощи; ведь даже гораздо менее глобальные меры, предусмотренные решениями Всемирного саммита в Рио в 1992 г[оду], сегодня, как отмечалось на прошедшей в июне сессии Генеральной Ассамблеи ООН, фактически столь же далеки от осуществления, как и в момент их принятия.

С другой стороны, и об этом в работе фактически не говорится, западный мир обнаруживает возможности осуществления экологически приемлемой политики и вне системы мер, предлагаемой авторами доклада. Даже сама констатация того, что разработки более экономичного двигателя не только не стагнируют, но развиваются все быстрее, что потребление воды в производстве сокращается вдвое каждые несколько лет, что стандарты энергопотребления ужесточаются с каждым годом, а быстродействие микропроцессоров удваивается каждые 18 месяцев — и все это происходит в условиях дорогого доллара и дешевого бензина, — показывает, что и существующие цены не являются непреодолимым препятствием для подобных трансформаций.

На наш взгляд, было бы более правильным и последовательным изучение уже сложившихся и еще складывающихся *тенденций*, чем рассмотрение будущего с точки зрения *долженствования*, а именно такой подход нередко доминирует в докладе.

Следует отметить ряд важных наблюдений, которые, однако, кажутся нам не обобщенными в должной мере. Авторы, акцентируя внимание на том, что с середины 70-х в развитых странах отмечается сокращение потребления ресурсов, и связывая это с ростом цен на энергоносители, лишь вскользь отмечают три других обстоятельства, которые, быть может, обладают даже большим значением для осмысления современной ситуации. Во-первых, это начавшееся в тот же период превращение материального производства фактически лишь в основание для экспансии экономики услуг; авторы книги, отмечая данный факт (стр. 275), отсылают читателя к новому докладу, посвященному проблемам труда и структуры производства, который подготовлен О.Джиарини и П.Лидтке и должен увидеть свет в конце этого года. Во-вторых, они отмечают, что уже упоминавшийся индекс устойчивого экономического благосостояния также именно с середины 70-х годов начинает обнаруживать тенденцию, отличную от показателей валового национального продукта (стр. 272-273). В-третьих, к этому же времени относится нарушение корреляции между динамикой ВНП, реальной заработной платы и чистой прибыли от использования капитала: уже с 1980 по 1990 г[од] (авторы рассматривают в качестве примера Германию) реальная заработная плата перестала повышаться, индекс ВНП увеличился несколько более чем на 20 процентов, тогда как реальная прибыль капитала выросла в два раза (стр. 279). Между тем, констатируя эти обстоятельства, авторы не связывают их между собой, рассматривая как проявление производственных тенденций, особенностей ценообразования и изменений в

мировой торговле соответственно; более того, оценивая разрыв между индексом устойчивого экономического благосостояния и ВНП, они отмечают, что переосмысление понятия эффективности и предлагаемая ими экологическая налоговая реформа «будут способствовать восстановлению между ними разумного уровня корреляции» (стр. 274).

На наш же взгляд, авторы считают возможным противодействовать процессу, который развертывается вполне объективно и не может быть остановлен. Если рассматривать начавшиеся после середины 70-х годов изменения как переход к постиндустриальному и далее к постэкономическому обществу, в котором не действуют традиционные стоимостные принципы, то все три отмеченных процесса свидетельствуют о том, что новым регулятором общественного производства становится индивидуальная полезность, все более и более снижающая корреляцию экономических издержек с рыночной ценой товара. Именно на этой основе увеличивается, на наш взгляд, разрыв между ВНП и индексом устойчивого экономического благосостояния и растет прибыль капитала. В этих условиях возникают две противостоящие друг другу тенденции: с одной стороны, открываются новые перспективы технологического прогресса, с другой — рост индивидуализированности потребления, неизбежно сопровождающий индивидуализированность производства, может стать, как мы пытались показать, не менее радикальным барьером на пути распространения экологически приемлемых продуктов, чем перспектива перераспределять в пользу развивающихся стран 100 млрд. долларов в год. Авторы, отмечая, что «не приходится ожидать быстрого прогресса в мире, в котором как материальные основы выживания, так и социальный статус неразрывно связаны с денежным доходом, получаемым от применения капитала или от иной формальной деятельности» (стр. 292), и апеллируя к моральным аспектам, к изме-

няющейся мотивации [189//190] человека (стр. XIX), на наш взгляд, недооценивают того, что эта новая мотивация может оказаться вовсе не располагающей к рассматриваемым ими нововведениям.

Работа озаглавлена авторами как «Фактор 4». Между тем многое из отмеченного в книге позволяет, напротив, более глубоко осмыслить то обстоятельство, что мир, в котором мы существуем, был и остается трехмерным и что если некоторые тенденции и обстоятельства на первый взгляд кажутся относящимися к четвертому измерению, то они должны прежде всего активизировать исследования, способные определить их место в сегодняшней системе координат. Современные тенденции, впервые проявившиеся в развитых странах четверть века тому назад, убедительно свидетельствуют, что человечество способно найти выход из экологических проблем в ходе естественного развития от экономической к постэкономической системе, и главное на этом пути — не допускать трансформаций, радикально противостоящих основной, вполне обнадеживающей, тенденции, ибо, как известно, благими намерениями вымощена дорога в ад. [190]

ДОВЕРЯЯСЬ ДОВЕРИЮ*

В.Л.Иноземцев

[125] За семь лет, минувших с момента выхода статьи «Конец истории», ведущий эксперт корпорации «RAND» стал одним из наиболее известных американских социологов. Его первая книга «The End of History and the Last Man» была бестселлером в начале 90-х, и можно с уверенностью сказать, что новой, озаглавленной «Trust»[1], суждено повторить этот успех. В то время, когда самые заметные футурологические эссе наполнены поражающими читателя цифрами и фактами, иллюстрирующими, как правило, весьма очевидные и поверхностные процессы, Ф.Фукуяма избирает путь, основанный на глубинном осмыслении сущности социальных трансформаций. Следуя лучшим европейским традициям, идущим от эпохи Просвещения, автор предваряет анализ общества исследованием человека и черт его личности; формируя представленную в книге экономическую концепцию как продолжение своих философских исканий, он воскрешает метод Адама Смита, воплотившего в «Богатстве народов» методологический инстумент, созданный им в

---

* Впервые опубликована в журнале *Свободная мысль*. 1998. № 1. С. 125-127.

[1] *Fukuyama F.* Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y The Free Press, 1995, 457 pages {Ф.Фукуяма. Доверие. Социальные ценности и созидание процветания}.

«Теории нравственных чувств». И тот факт, что приверженец подобного, в полной мере научного, подхода не только признан сегодня узким кругом специалистов, но и принят читающей публикой повсюду в мире, говорит о многом.

Автор неоднократно подчеркивает следование методу, в большей мере соответствующему *политической экономии,* чем *экономиксу* (см. стр. 18). Свою задачу он видит в противостоянии идее экономического детерминизма, особенно распространившейся после победы западных стран в «холодной войне». По его мнению, «полная интеллектуальная победа экономической теории свободного рынка в последние годы вызвала явно неадекватную оценку роли экономического фактора со стороны экономистов неоклассического направления: многие из них, не успокоившись на достигнутом, уверовали, что утвержденные ими экономические принципы дают им в руки инструмент для создания чего-то такого, что приближается к универсальной науке о человеке» (стр. 17). Такая уверенность, однако, вряд ли может привести к успеху, ибо ученые, основывающие свои теории на принципах рыночного индивидуализма, забывают, что стремления человека не ограничены желанием увеличить объем потребляемых благ, что *индивидуализм может иметь неэкономические составляющие* и что, наконец, во все исторические эпохи люди черпали свои творческие силы в удовлетворении «основного стремления человека... быть признанным другими людьми» (стр. 6, 7).

Исследование Ф.Фукуямы заставляет по-новому взглянуть на принцип индивидуализма и его значение для развития общества. Внимание, кото[125//126]рое социальные мыслители, от христианских теологов до М.Вебера, уделяли *личным* предпочтениям, автор предлагает дополнить обращением к *социальным* ценностям. Безусловно, на это можно возразить, что любые общественные приоритеты складываются и формируют-

ся в результате взаимодействия личных интересов, но приводимые автором аргументы убеждают: простая сумма личных предпочтений не тождественна социальным ценностям (стр. 48).

Понятие «trust», центральное в книге, не может быть четко обозначено, да и сам автор не ставит своей целью дать ему однозначное определение. (Тем не менее, цитируя ниже некоторые фрагменты, мы будем переводить слово trust как «доверие».) Постоянно оперируя этим термином, Ф.Фукуяма использует его для характеристики всего того, что создает и поддерживает в обществе доверие — как между его членами, в том числе и находящимися на различных уровнях иерархии, так и доверие к социальным институтам и государству. Его элементами становятся разделяемые людьми взгляды на место человека в обществе, их интересы и стремления, приверженность семейным ценностям, этическим, религиозным и этническим традициям, национальное самосознание и многое другое; однако trust не является простой суммой всех этих факторов, представляя собой, как полагает автор, нечто большее. Иногда кажется, что Ф.Фукуяма вкладывает в понимание trust стремление людей к социальному экспрессивизму, к выражению себя в действиях, пусть и индивидуальных по форме, но социальных по существу, способность к сотрудничеству в широких пределах, не ограниченных групповыми или семейными интересами и факторами. Следуя его логике, можно утверждать, что trust представляет собой то, что делает *общность* (Gemeinschaft) *обществом* (Gesellschaft) в той же степени, как, например, законы делают *систему управления — государством*; не случайно автор неоднократно отмечает, что законы лишь заполняют вакуум, образующийся в условиях отсутствия trust.

Такая концепция дает Ф.Фукуяме возможность отказаться от деления обществ на преимущественно индивидуалистические или преимущественно коллекти-

вистские, что зачастую становится своеобразным «водоразделом» при оценке «западной» и «азиатской» цивилизаций; автор последовательно выступает против подобного противопоставления. Переосмысление сущности индивидуализма позволяет рассматривать кажущиеся наиболее яркими его проявлениями стереотипы поведения в качестве предпосылок укрепления коллективистских и корпоративных начал; внимание читателя обращается, например, на то, что работниками, выходящими из компании и начинающими собственный бизнес, не в последнюю очередь движет стремление более полно раскрыть преимущества коллективизма (см.: стр. 280), которые не могут полностью использоваться в рамках больших производственных структур. В той же мере, в какой, по мнению автора, американское общество не служит примером господства «чистого» индивидуализма, характеристики японского не исчерпываются хрестоматийным коллективизмом, ибо в своих основных чертах оно основано на *признании* не в меньшей мере, чем американское (стр. 52), хотя это признание осуществляется на ином уровне и достигается иными путями, чем в странах «западной» цивилизации. И когда Ф.Фукуяма пишет, что «ни индивидуализм, ни коллективизм в отдельности, но взаимодействие этих двух совершенно противоположных направлений привело к успешному развитию демократии и экономическому прогрессу в США» (стр. 273), это положение может быть отнесено ко всем странам, которые развиваются сегодня наиболее успешно и прогресс которых определяется не коллективизмом или индивидуализмом, не рыночными принципами или следованием традиции, а «лишь одним, распространившимся повсюду элементом культуры: уровнем доверия, существующим в обществе» (стр. 7).

Именно по степени распространенности trust строит автор свою классификацию обществ. При этом в группу «обществ с высоким уровнем доверия» попада-

ют такие внешне весьма разнородные страны, как Япония, США и Германия, в то время как не менее различающиеся Франция и Италия, Мексика и Бразилия, Китай и Тайвань, не говоря о странах Восточной Европы и бывшего СССР, определяются как «общества с низким уровнем доверия». Аргументы, приводимые Ф.Фукуямой при обосновании такого подхода, существенно проясняют его методологические позиции. К первой группе он относит страны, экономические успехи которых были достигнуты в условиях, когда действия государства лишь дополняли и координировали развитие общества, основывавшееся на принципах trust, а не пытались конституировать его. В этих странах ни проявления индивидуализма, связанные с индивидуализацией производства и потребления в условиях информационной революции (стр. 316-317), ни индикаторы, «якобы фиксирующие общее снижение уровня общения» (стр. 308), не могут ничего изменить кардинальным образом до тех пор, пока общество остается объединенным этическими ценностями и идеей trust.

Напротив, общества с низким уровнем доверия отмечены внутренней «десоциализацией», которая может казаться внешне незаметной. Они, по мнению автора, несут на себе печать семейной, клановой или групповой замкнутости; в зависимости от пройденного ими исторического пути можно говорить либо о классическом, либо о «групповом» индивидуализме, который при этом не перестает быть индивидуализмом. Все это делает данные социумы внутренне несамодостаточными и требует более жесткой и разносторонней регламентации со стороны государства — регламентации, без которой невозможно обеспечить должную хозяйственную эффективность, но которая сама по себе еще никогда не приводила к позитивным переменам в социальном целом. Недостаток trust может смягчаться государственным вмешательством лишь отчасти; как пишет Ф.Фукуяма, «эффективность функционирования

политических институтов в условиях демократии зависит от уровня доверия не меньше, чем хозяйственная эффективность корпораций; снижение же уровня доверия в обществе потребует для регулирования общественных отношений более жесткой регламентации со стороны государства» (стр. 361). Но подобные меры должны быть не правилом, а исключениями, применяясь тогда, «когда общество с низким уровнем доверия предпринимает попытки создать сеть крупных предприятий», — в этом случае «государство обязано оказать помощь, предоставив субсидии, приняв на себя руководство корпорациями или вступив в прямое владение коммерческими структурами» (стр. 30).

Правда, предпринимая весьма подробный анализ различных социальных моделей в рамках обществ как с высоким, так и с низким уровнем доверия, автор уделяет недостаточное, на наш взгляд, внимание проблеме возможных взаимодействий между этими моделями, несколько ис[126//127]кусственно сосредоточивая внимание на американском обществе, которое видится ему наиболее адекватным синтезом индивидуалистических и коллективистских тенденций.

Между тем замысел книги выходит далеко за рамки создания новой классификации обществ. Главной задачей автора и одновременно его главной заслугой является обоснование и анализ той социальной преемственности, роль которой объективно принижена в эпоху бурных общественных преобразований и масштабных технологических изменений. Ф.Фукуяма стремится представить экономический прогресс как своего рода вознаграждение обществу за его внутреннюю гармонию, отсутствие которой есть важнейший фактор, препятствующий хозяйственному процветанию. При этом он подчеркивает эволюционный характер формирования trust, делающий невозможным «перепрыгивание» через его отдельные этапы: «Сам рынок становится школой общения, создавая условия для сотрудниче-

ства и стимулируя людей к взаимодействию ради всеобщего обогащения», — пишет он, отмечая, что «социальное общение не возникает спонтанно там, где функции государства перестают играть главенствующую роль; способность к взаимодействию на социальном уровне зиждется на ранее сформированных привычках, традициях, нормах, которые, в свою очередь, способствуют построению рыночной инфраструктуры» (стр. 356). Устойчивость социальной системы как в политическом, так и в экономическом аспектах, по мнению автора, «зависит в конечном счете не просто от принятия и соблюдения законов, но и от внутренней сдержанности личностей, составляющих общество» (стр. 357).

С этих позиций Ф.Фукуяма неоднократно обращается к осмыслению перемен в государствах Восточной Европы и бывшего СССР. Сравнивая его нынешние оценки с положениями, высказанными в работе 1992 года, нельзя не отметить, что они более взвешенны и осмысленны, что, однако, не придает им дополнительного оптимизма. Автор все более полно осознает реальный масштаб проблем, которые должны быть решены этими странами, прежде чем они войдут в круг передовых современных держав. Сложность же поставленных задач определяется тем, что ни принятие новых законов, ни построение рыночной инфраструктуры, ни допущение частного бизнеса не создадут современного общества без изменения социальных ориентиров, без становления новой системы ценностей, каковая имеет свойство серьезно модифицироваться лишь по мере последовательной смены многих поколений. И, переворачивая последнюю страницу книги, сложно убедить себя в том, что страна, в которой первый вице-премьер бодро заявляет: «Мы решим все задачи так, как никогда ни один предшествующий строй не в состоянии был их решить» ("Известия", 14 июня 1997 года, стр. 1), быстро станет не только церемониальным участником сообщества развитых индустриальных демократий, но и реально войдет в их число. [127]

[ВОЗВРАЩАЯСЬ К ВЕЧНЫМ ВОПРОСАМ]*

В.Л.Иноземцев

[188] Новая работа мэтра французской социальной философии Алена Турена[1] представляется чем-то большим, нежели очередной книгой известного социолога. Она стала тридцатой в его более чем сорокалетней научной карьере и имеет большое значение как для оценки современного общества, так и для понимания господствующих в Европе представлений о нем.

В заглавие вынесен никого не оставляющий сегодня равнодушным вопрос: «Сможем ли мы жить вместе?» Автор впервые так четко поставил проблему, разрешению которой посвящены, по сути дела, все его работы, начиная от исследования эволюции трудовых отношений на заводах «Рено», результаты которого были опубликованы в столь далеком сегодня 1955-м. Новая книга по подходам, по широте обобщений и оригинальности выводов вполне может претендовать на подведение итогов; здесь мы видим и оценки будущего общества, в свое время прославившие автора «La société postindustrielle» и «Pour la sociologie»; и более глубокие, нежели ранее, рассуждения о роли личности в современных процессах, которую многие помнят

---

* Впервые опубликована в журнале *Вопросы философии*. 1998. № 2. С. 188-191.

[1] См.: Touraine A. Pourrons-nows vivre ensemble? Paris, Editions Fayand, 1997, 395 pp.

как действующее лицо блистательной «La retour de l'acteur»; и изложение концепции прогресса проходящей различные исторические состояния цивилизации, начало которой положено в «Critique de la modernité». Содержание книги демонстрирует и достижения автора за долгие десятилетия творчества, и его отношение к другим теоретическим направлениям и течениям, и противоречия, содержащиеся в его теории.

Книга четко разделена на две приблизительно равные по объему части; при этом хорошо заметно, что автор идет не от анализа социальных процессов к оценке изменяющихся роли и значения личности, а, напротив, от понятия «Самопроизводство» {(заголовок первой части)} к идее «Жить вместе» {(название второй)}. На наш взгляд, подобная позиция сегодня должна быть признана если не оптимальной, то вполне рациональной, так как в условиях современного типа развития именно предпочтения и стремления личности, системы разделяемых ею ценностей и мотивов, являющиеся, несомненно, своеобразной рефлексией социальных процессов, в значительной мере определяют ход и направление последних. Автор сознательно и вполне справедливо рассматривает как социальные, так и экономические закономерности именно в первой части работы, где доминирует глава, озаглавленная «Субъект», чем еще раз подчеркивает их зависимость от изменяющихся черт человеческой личности.

Основные линии изложения, не прослеживающиеся в работе излишне четко, но вполне заметные при внимательном чтении, как бы воспроизводят главные направления исследований автора в разные периоды его жизни; при этом кажется, что он стремится не столько подвести итоги, сколько готовится к радикальному переосмыслению многого из сделанного в предшествующие годы.

Нельзя не обратить внимание на новый подход к вопросам оценки роли и значения постиндустриаль-

ного общества, равно как и к проблеме исторической модернизации в целом.

Определяя для современной эпохи, называемой им «modernité», весьма значительный промежуток времени, охватывающий период с XVII по XX в[ек] европейской истории, А.Турен полагает возможным выделить в ее рамках три существенно отличающиеся друг от друга стадии на основе характера соотношения индивида и общества, а точнее — индивида и власти, хотя, безусловно, экономическая составляющая также присутствует в его анализе. *Первой* эпохой модернизации называется период, прошедший под знаком эпохи Просвещения и приведший в конечном счете к формированию буржуазных государств в Англии, Франции и Соединенных Штатах. С точки зрения экономиста, данная стадия ознаменована становлением предпосылок индустриального общества, и не может не удивлять значение, отводимое автором не хозяйственным, и даже не социальным проблемам, а умственному и культурному развитию соответствующего периода. Безусловно, XVIII век прошел под знаком борьбы за установление царства Разума, но осознание его современниками в этом качестве еще не означает, что таковая являлась главной движущей силой данной эпохи. Как говорил в свое время Жозеф де Местр, стремиться и быть — не одно и то же, и это как нельзя лучше относится к проповедникам царства справедливости, устанавливавшим его на путях попрания естественных прав человека. *Вторая* стадия модернизации, которую А.Турен предпочитает называть «срединной» (moyenne modernité), но которую при этом с определенной условностью можно считать соответствующей индустриальному периоду, также характеризуется автором прежде всего с точки зрения господства *идеи* рациональности, допускавшей при этом *культурную самобытность*, обусловленную пределами национального государства. В конце XIX в[ека], когда появились первые предпо-

сылки к становлению новой, *третьей* стадии, «возник отрыв международного хозяйства от национального государства, что повлекло за собой разрушение модели общества, объединявшей в себе вселенную предметной рациональности и вселенную культурной самобытности» (стр. 160).

С таких позиций социолог подходит к проблеме нового общественного строя, который он называет [188// 189] не постиндустриальным, а «программируемым», используя также термины «наиболее современный социетарный тип» (стр. 164-165) или «наиболее продвинутая форма современности» (стр. 165). В результате его оценку этого общества нельзя не назвать весьма специфичной. С одной стороны, автор признает его отрицанием индустриального строя, отмечая, что «только в момент выхода из индустриального общества мы входим в наиболее продвинутый этап современности»; с другой стороны, он самым категорическим образом возражает всем теоретикам постиндустриализма, утверждая, что не новый, «техн[е]тронный», как его называет Зб.Бжезинский, социум, а именно прежний, индустриальный, строй в наибольшей степени определялся «технологиями и их профессиональными последствиями». В отличие от него, «наиболее современный социетарный тип является итогом решений, политик и программ, а не естественного разновесия» (стр. 164-165), невозможного в условиях, когда «"реальности" в прежнем понимании больше нет, есть только результаты научного воображения, политической воли и поисков доходов, а... полной "объективации" власти должным образом соответствует не менее полная "субъективация" индивидуума».

Как и многие современные западные социологи, А.Турен воспринимает совершающийся переход от рационализированного индустриального строя к становящемуся постэкономическому в качестве отрицания состояния, обычно рассматриваемого как «модернити». Однако, если

большинство его коллег по обе стороны океана предпочитают говорить о новом обществе с приставкой «*пост*», то французский исследователь оценивает его как пример «*де*модернизации», причем не слишком стремится скрыть негативный оттенок данного понятия. «Сегодняшняя реальность, — пишет он, — состоит в разрыве двух вселенных: рыночной и культурной, управляемой предметным разумом и коллективной памятью, знаковой и чувственной... Именно его (разрыв. — *В.И.*) я называю демодернизацией. Если модернистский мир признавал управление двойственностью рационализированной формы производства и внутренней свободы субъекта с помощью идеи о национальном обществе, то демодернизация определяется утратой связей, объединяющих личную свободу и общественную эффективность» (стр. 40); результатом становится то, что «культура и экономика, мир инструментальный и мир символический разделяются» (стр. 14).

Автор не видит новое общество вне принципов прежнего социального и политического устройства; он не исследует ни внутренние рычаги его становления, ни механизм саморегулирования, предпочитая утверждать, что социум во все большей мере управляется государством, властью, той внешней силой, против которой и должен быть направлен бунт духа. Между тем вся концепция постиндустриального общества основывается на обратном — на понимании нового состояния как саморегулирующегося и самоуправляющего общества, способного не обострить, а снять противоречия индивидуальных интересов через изменение самого характера таковых. Именно поэтому А.Турен, хотя и не слишком открыто, оппозиционен всей современной англосаксонской школе в социологии — от О.Тоффлера и Л.Туроу до Д.Белла и Ф.Фукуямы; именно поэтому он ограничивает круг близких ему авторов европейскими мыслителями от К.Маркса до Х.Арендт; именно поэтому близки ему идеи «конституционного патриотизма» Ю.Хабермаса и апокалиптические прогнозы У.Бека.

Представляя кристаллизованный тип евроцентричного человека, А.Турен патетически отмечает, что «потоки хозяйственного обмена и финансовых трансакций во все меньшей мере управляются центрами, на которые возложена роль экономического, политического и социального руководства производством» (стр. 43); но кто убедил его в том, что Европа вечно должна оставаться в числе таковых, да и кто возложил на этот континент роль, с такой очевидностью приписывающуюся ему автором, все же признающим, что «ни одна страна, ни один институт, ни один индивидуум не застрахованы своими былыми достижениями от неудач в понимании новых форм частной и общественной жизни и в овладении ими» (стр. 30)?! Ведь «история не была создана только победами тех, кто интеллектуально и физически построил новый мир; она также была создана падениями обществ, не понявших новых форм, которые обретает политическая, экономическая и культурная жизнь» (стр. 30), и не родине ли социолога сегодня следует задуматься над этими словами?

Поиск оптимального взаимоотношения индивидуальных интересов, гипетрофированно смещенный А.Туреном в область конфликтов индивида и власти, личности и государства, приводит, на наш взгляд, к несколько несовершенному пониманию как сути, так и возможных путей разрешения основного социального противоречия постиндустриального общества. Вполне понятно, что автор, долгие годы являвшийся одним из виднейших участников интеллектуального штаба социалистов, членом команды Ф.Миттерана, не оставшийся в стороне и от предвыборной кампании 1997 г[ода], приведшей к власти кабинет Л.Жоспена, не может не придавать политическим, культурным и даже интеллектуальным и образовательным факторам основополагающего значения. Однако то внимание, которое он уделяет им в книге, посвященной, по сути дела, проблеме единства общества в мире, еще не вышед-

шем полностью за пределы экономической эпохи, кажется нам несколько излишним.

Положительный ответ на вынесенный в заглавие вопрос дается во второй ее части и обусловлен многими дополнительными обстоя[189//190]тельствами. С одной стороны, всем содержанием работы автор отвечает «да», так как рассматривает людей, уже живущих вместе, и акцентирует внимание на необходимости разобраться в механизмах функционирования современного общества; с другой стороны, признавая, что «мы живем вместе только тогда, когда теряем свою идентичность» (стр. 15), автор дает понять, что сам факт сосуществования личностей мало что говорит о позитивных и негативных чертах социума, о его настоящем и будущем. «В нашем обществе, как бы мы его ни назвали — индустриальным, программируемым, информационным, — пишет он, — существует центральный конфликт, а точнее — главный герой, сражающийся за цель глобальной важности. Название этой книги указывает на характер этой ставки: сможем ли мы жить вместе или, напротив, замкнемся в наших различиях, опустимся до ранга пассивных потребителей массовой культуры, порождаемой глобализированной экономикой? Иными словами: станем ли мы Субъектами или дадим разорвать себя — по примеру многих явлений нашей общественной жизни — между вселенной инструментальности и вселенной идентичности?» (стр. 117).

Мы уже говорили о том, что А.Турен совершенно справедливо называет личность, ее мироощущение, стремления и цели, ее способности достичь таковых в гармонии с интересами окружающих людей важнейшими источниками развития общества. Между тем идея «борьбы» за личность, «борьбы» ее самой за свои свободу и права, постоянно проводимая в книге, кажется нам в определенной мере гиперболизированной. «По моему мнению, — отмечает автор, — центральным конфликтом нашего общества является тот, который ве-

дет Субъекта к борьбе: с одной стороны, против триумфа рынка и технологий, а с другой — против авторитарных общественных властей. Этот культурный конфликт кажется мне настолько важным, насколько были важны экономический конфликт индустриального общества и политический конфликт, доминировавший в первые века современности» (стр. 117-118). Будучи солидарны с автором в том, что свобода личности не обеспечивается хозяйственным прогрессом с достаточным автоматизмом, мы не стали бы ни уравнивать значения проблем освобождения личности от политического принуждения и от экономических закономерностей, ни помещать культурный конфликт на место основного в сегодняшнем мире.

Напротив, современный технологический и хозяйственный прогресс в большей мере, чем когда бы то ни было ранее, дает человеку возможность прямого воздействия на развитие экономики и общества; формирование информации и знаний как основного вида ресурсов позволяют той сумме человеческих качеств, которые автор в совокупности называет культурой, воздействовать на хозяйственные процессы с небывалой прежде силой. И достаточно странно читать принадлежащие автору теории программируемого общества, которое «является итогом решений, политик и программ, а не естественного равновесия» [(стр. 165)], слова о том, что «наша культура не управляет более нашей организацией, а та, в свою очередь, не управляет более технической и экономической активностью» [(стр. 14)]. Не было ли логичнее предположить, что культура и хозяйство оставались наиболее оторванными друг от друга именно в индустриальную эпоху, когда первая фактически не имела реальных возможностей влиять на естественный ход развития второго?

Это противоречие преследует автора на протяжении всей книги. С одной стороны, явно заметно стремление обратить взор в будущее и оценить пути разви-

тия цивилизации; с другой — пронизывающая работу политизированность влечет назад, к оценке любых событий через призму борьбы, причем борьбы, сегодня уходящей в прошлое вместе с противоречиями индустриального общества. Противопоставляя рынок и культуру, утверждая, что «главная реальность... состоит в разрыве двух вселенных: рыночной и культурной» [(стр. 40)], А.Турен в то же время пишет: «Так же, как европейские мыслители и политики начиная с середины XIX века должны были предпринимать большие усилия, чтобы осознать, что они живут не пожиная плоды Французской революции, а являются свидетелями рождения индустриального общества и его конфликтов, мы обязаны сегодня пережить тяжелую мутацию, если желаем быть реальными действующими лицами в изменяющемся мире» (стр. 373). Но разве данная мутация не предполагает принятия прогресса как должного, разве не состоит она также и в необходимой замене чем-то новым прежней культуры, если таковая способна черпать свои силы лишь в коллективной памяти? И если автор понимает под культурой именно достижения разума, воплощенные в знаниях и возможностях, в информации и технологиях, то почему он стремится не замечать, что современный хозяйственный прогресс в большей степени, нежели прежний, основан на культуре усвоения информации и пользования ею, культуре взаимопонимания и коммуникации?

На наш взгляд, А.Турен несколько упрощенно понимает процесс современных изменений и методы воздействия на него. Проанализируем весьма показательный отрывок, касающийся открывающихся исторических перспектив: «уже много лет назад, — пишет он, — я определил создающееся ныне постиндустриальное общество как программируемое общество. И сейчас я воспользуюсь этим термином, так как он хорошо показывает, что наиболее современный социетарный (societal) тип *является итогом решений, политик и про-*

грамм, а не естественного равновесия [(курсив мой. — *В.И.*)]. Невозможно понять возникновение современного понимания Субъекта, столь далекого от предыдущих, [190//191] домодернистских, образов, если не осознавать его как единственно возможный ответ *вездесущей власти тех, кто руководит переменами столь масштабными и столь стремительными* (курсив мой. — *В.И.*), что не остается ни малейшего места для веры в естественный порядок вещей» (стр. 165). В данном случае мы сталкиваемся с сознанием человека, воспитанного на революции 1968 г[ода] и посвятившего свою жизнь активной политической деятельности в лагере социалистов в самой огосударствленной стране Европы. Этот тип сознания не способен принять того, что нынешнее общество *не является* продуктом чьих-то решений, что той «вездесущей власти», с которой призвана бороться личность, *не существует.* Место стихийного характера взаимодействия материальных ценностей занято сегодня непосредственным взаимодействием креативных личностей, однако его характер не становится от этого менее стихийным, а, возможно, обретает еще большую непредсказуемость. И, если несколько сгустить краски, можно утверждать, что задача защиты общества от личности стоит сейчас гораздо острее, чем задача защиты личности от общества.

Стремясь привлечь внимание читателя к реально существующей проблеме — разделенности современного социума, заданной обстоятельствами не столько материальными, сколько образовательными и культурными, А.Турен избирает, на наш взгляд, не совсем верный путь, когда пытается доказать, что «необходимо всегда искать в общественной борьбе присутствия... культурной программы, ассоциированной с общественным конфликтом» (стр. 131). Социальные проблемы современного мира вызваны прежде всего тем, что сегодня именно культура в ее широком понимании, включающем не только историческую *память* и нацио-

нальные *традиции*, но в первую очередь умение продуцировать *новые* знания и создавать *новую* информацию, основываясь на использовании прежних интеллектуальных достижений, является условием приобретения человеком социальной значимости и занятия желаемого им места в обществе. Последнее не разделяет хозяйство и культуру, вещный и идейный миры, а, напротив, впервые делает современное производство комплексным единством материальных и духовных процессов. При этом, однако, современная культура, отличная от форм массового самовыражения, характеризуется высокой степенью избирательности, и основным становится не конфликт общества и власти, а противоречие между носителями новых культурных ценностей и теми, кому они остаются недоступными. Гораздо более важной, чем *мнимая* разделенность *материальной и нематериальной составляющих общественной жизни*, о которой говорит А.Турен, является *реальный* раскол социума. Именно в нем заключено основание нового социального противостояния, которое способно стать очень опасным и под знаком которого может пройти XXI век.

Книга А.Турена очень интересна, и мы подчеркнули это в начале рецензии, именно как образец того направления в современной социальной философии, сторонники которого не стремятся изображать формирующееся новое общество как свободное от всех и всяческих противоречий. В этом она является ответом на излишне оптимистические прогнозы, сменившие в 80-е и 90-е годы дух неуверенности и пессимизма, доминировавший в конце 60-х и первой половине 70-х. Между тем сегодняшняя оптимистическая волна основана на реальных тенденциях, которые прежде всего обусловлены хозяйственным и технологическим прогрессом последних десятилетий, и ныне нет серьезных оснований для того, чтобы в развитии постиндустриальных стран видеть источник новых глобальных противоречий. В современных условиях личность, о которой так

много говорит А.Турен, сама должна выбрать путь своего развития; сегодня человек может стать тем, чем он хочет быть, если достойно потрудится над совершенствованием самого себя, а не той общественной среды и тем более того государства, которые социалисты так привыкли обвинять в проблемах «среднего человека». И, в отличие от автора книги, говорящего о том, что «мы обязаны создать и построить новые формы частной и коллективной жизни» (стр. 30), мы полагаем более правильным постановку перед членами общества задачи создать и построить самих себя как людей, способных быть полезными прогрессу человечества, который в этом, и только в этом, случае не заставит себя долго ждать. [191]

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ IX

СТАТЬИ И ТЕКСТЫ 1989—1993 годов

ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ СЛОВА 3

В.Л.Иноземцев (1989)

Впервые опубликована в сборнике *Эффективность общественного производства и проблемы социально-экономического развития СССР.* М., Изд-во МГУ, 1989. С. 4-20

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА 24

В.Л.Иноземцев (1989)

Впервые опубликована в сборнике *Некоторые проблемы исследования современного капитализма.* Под редакцией В.А.Бирюкова. М., 1989. Депонировано в ИНИОН АН СССР 14 ноября 1989 года за № 40078, С.19-51

АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ 63

В.Л.Иноземцев (1991)

Впервые опубликована в журнале *Вестник Московского университета,* серия 6: Экономика. 1991. № 2. С. 3-10

КАПИТАЛИЗМ, СОЦИАЛИЗМ ИЛИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА? 78
В.Л.Иноземцев (1991)
Впервые опубликована в журнале *Коммунист.* 1991. № 4. С. 32-40

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ФОРМАЦИЯ: ГРАНИЦЫ ПОНЯТИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ 96
В.Л.Иноземцев (1991)
Впервые опубликована в журнале *ПОЛИС (Политические исследования).* 1991. № 4. С. 35-46

ЭКСПЛУАТАЦИЯ: ОБЪЕКТИВНАЯ ДАННОСТЬ И ФЕНОМЕН СОЗНАНИЯ
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПЕРСПЕКТИВАХ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА 121
В.Л.Иноземцев (1991)
Впервые опубликована в журнале *Коммунист.* 1991. № 10. С. 8-17

ПОНЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ 140
В.Л.Иноземцев (1992)
Впервые опубликована в журнале *ПОЛИС (Политические исследования).* 1992. № 1—2. С. 178-186

МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА: ИСТОКИ И ПРЕЕМНИКИ 161
В.Л.Иноземцев (1992)
Текст доклада, прочитанного на заседании Центра проблем демократии и социализма Института экономики РАН в марте 1992 года. Впервые опубликован в виде брошюры *Иноземцев В.Л. Марксистская теория исторического прогресса: истоки и преемники. Репринт доклада.* М., ИЭ РАН, 1992. С. 1-47

SUMMA CONTRA PRINCIPI 212
В.Л.Иноземцев (1993)
Впервые опубликована в журнале *Свободная мысль.* 1993. № 1. С. 103-113

СТАТЬИ И ТЕКСТЫ 1995—1998 годов

К ТЕОРИИ ПОСТЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ. *ЗАКЛЮЧЕНИЕ К ТЕКСТУ КНИГИ 1995 года* 235
В.Л.Иноземцев (1995)
Впервые опубликовано в книге *Иноземцев В.Л. К теории постэкономической общественной формации.* М., 1995. С. 266-282

ПОСТЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ? 255
В.Л.Иноземцев (1997)
Впервые опубликована в журнале *Вестник Российской Академии наук.* Том 67. 1997. № 8 (август). С. 711-719

ТЕОРИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ 282
В.Л.Иноземцев (1997)
Впервые опубликована в журнале *Вопросы философии.* 1997. № 10. С. 29-44

ТВОРЧЕСКИЕ НАЧАЛА СОВРЕМЕННОЙ КОРПОРАЦИИ .. 316
В.Л.Иноземцев (1997)
Впервые опубликована в журнале *Мировая экономика и международные отношения.* 1997. № 11. С. 18-30

ЭКСПЛУАТАЦИЯ: ФЕНОМЕН СОЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ 346
В.Л.Иноземцев (1998)
Впервые опубликована в журнале *Свободная мысль.* 1998. № 2. С. 84-97

ДИАЛЕКТИКА СТОИМОСТИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ 375
О.Н. Антипина, В.Л.Иноземцев (1998)
Впервые опубликована в журнале *Мировая экономика и международные отношения.* 1998. № 5. С. 48-50; № 6. С. 48-50; № 7. С. 19-29

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ЗАКЛЮЧЕНИЕ К ТЕКСТУ КНИГИ 1998 года 466
В.Л.Иноземцев (1995)
Впервые опубликовано в книге *Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества.* М., 1998. С. 554-571

РЕЦЕНЗИИ 1995—1998 годов

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ 493
О.Н.Антипина, В.Л.Иноземцев (1997)
Впервые опубликована в журнале *Вопросы философии.* 1997. № 11. С.186-190

ДОВЕРЯЯСЬ ДОВЕРИЮ 506
В.Л.Иноземцев (1998)
Впервые опубликована в журнале *Свободная мысль.* 1998. № 1. С. 125-127

[ВОЗВРАЩАЯСЬ К ВЕЧНЫМ ВОПРОСАМ] 513
В.Л.Иноземцев (1998)
Впервые опубликована в журнале *Вопросы философии.* 1998. № 2. С.188-191

Научное издание

Владислав Леонидович Иноземцев

ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ
К концепции постэкономического общества

ЛР № 040103 от 18.02.97
Формат 84×108 1/32. Усл. печ. л. 30,24.
Издательство «Academia»
при участии редакции журнала
«Вестник Российской Академии наук»
117810, Москва, Мароновский пер., 26
т/ф 238-25-10, 554-41-51

Главный редактор издательства
В.А.Попов

Ответственный за выпуск
А.И.Антипов